НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ...

Судьба братьев Макаренко

Том 3

Серия
НЕИЗВЕСТНЫЙ МАКАРЕНКО

Виталий и Антон Макаренко (прибл. 1909/10 г.)

Es waren zwei Kinder,
Die hatten einander so lieb.
Sie konnten zusammen nicht kommen,
Das Wasser war viel zu tief.

Двое детей короля
Нежно любили друг друга,
Но их разлучила река,
И воды ее глубоки.

(Первая строфа одной из самых известных немецких народных песен)

На разных берегах...

Судьба братьев Макаренко

Издательский центр
«Витязь»
1997

ББК 74
М-15

Редакционная коллегия серии:
Гётц Хиллиг (Германия) - председатель,
Мариян Быблюк (Польша),
Светлана Невская (Россия),
Николай Окса (Украина),
Ференц Патаки (Венгрия),
Либор Пеха (Чехия).

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ... Судьба братьев Макаренко. Составление и комментарии Г. Хиллига, М.: Издательский центр "Витязь". 1998 г. - 384 с., илл.
(Серия **"Неизвестный Макаренко"**).

В книгу включены воспоминания В. С. Макаренко (1895-1983) - младшего брата выдающегося педагога, находившегося в эмиграции с 1920 года, переписка с ним марбургской лаборатории "Макаренко-реферат", фотоочерк и материалы о необычной судьбе братьев, а также письма В. С. Макаренко к дочери Олимпиаде в Москву. Полностью эти материалы издаются впервые.

ISDN 5-87567-020-7
М-15 ЗШ(03)

© Г. Хиллиг (составление, комментарии). 1997.
© Макаренко-реферат. 1985.
© Издательский центр "Витязь" (составление, дизайн, оригинал-макет, оформление). 1998.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Данный сборник содержит документы и материалы, посвященные судьбе братьев А. С. и В. С. Макаренко. Он открывается воспоминаниями Виталия Семеновича о проведенных вместе с братом годах детства и юности, которые были подготовлены им по предложению сотрудников марбургской лаборатории "Макаренко-реферат". Вначале они появились на немецком и итальянском, затем на русском и украинском языках. Дополнением к ним служит переписка сотрудников лаборатории с В. С. Макаренко - деловой комментарий наиболее важных фактов и событий.

Фотоочерк (с малоизвестными и, в большинстве, практически неизвестными снимками) иллюстрирует судьбу братьев Макаренко на родине и чужбине с момента их расставания. Эту тему продолжают также письма В. С. Макаренко к дочери, которую он нашел спустя 41 год после ее рождения, лично никогда не знал и не видел. Письма даны без сокращений и изменений.

Читатель найдет здесь, кроме того, материалы, касающиеся поисков брата-"белогвардейца" А. С. Макаренко, замалчиваемого в советском макаренковедении, и оценку значения его свидетельств.

В приложениях содержатся сведения двух близких В. С. Макаренко людей.

Составитель приносит благодарность всем, принимавшим активное участие в работе над подготовкой данной книги: Александру Алесину, Татьяне Бахмет, Ольге Милеевой, Людмиле Хохелько, Светлане Невской, Людмиле Образцовой, Пэё Сипенову, Владимиру Тумаеву, Владиславу Ширяеву.

Г. Хиллиг

Ты ничего не пишешь ни о маме, ни о Галочке, ни о Костецких, ни о Крюковских знакомых. Дорогой мой, для тебя, быть может, это все скучная тема, но для меня все это приятно, как приятно иногда перечитать старые письма. Не присылаешь ни фотографий, ни открыток. Для тебя эта открытка - просто пейзаж, а для меня все оттуда - все страницы прошлого. Впрочем, ты, быть может, очень занят и потому не имеешь времени заниматься пустяками. Ну ничего. Я бесконечно благодарен тебе за письмо. Надеюсь, что будешь писать и в будущем. Твои письма для меня - так много.

(Из цикла открыток В. С. Макаренко к А. С. Макаренко из Франции. Дата неизвестна.)

В. С. Макаренко

МОЙ БРАТ АНТОН СЕМЕНОВИЧ

Воспоминания

Архивъ А. С...
Опись № ... Д. ...

№

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По указу **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**, вслѣдствіе принятія мною почетнаго гражданина Семена Григорьевича Макаренко Харьковская Духовная Консисторія подлежащею подписью и приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуетъ, что въ метрической книгѣ Преображенской церкви заштатнаго города Балаклеи, Сумскаго уѣзда за тысяча восемьсотъ девяносто пятый годъ въ первой части о родившихся, подъ № 40 записанъ слѣдующій актъ: апрѣля двадцатаго рождена, а таинствомъ Крещенія Богомъ именована Ирина; родители ея: города Харькова цеховой Семенъ Григорьевъ Макаренко и законная жена его Татіана Михаилова дочь, православнаго Таганрогскаго кредитнаго товарищества Митрофанъ Ракшевскій.

Причитающійся гербовый сборъ уплаченъ.

191 4 года Марта «20» дня.

Членъ Консисторіи

Секретарь

Столоначальникъ

БЕЛОПОЛЬЕ

Все биографы Ант. С. начинают историю нашей семьи с Белополья. Но прежде чем попасть в Б., отец несколько лет проработал в Крюкове, где уже существовали какие-то небольшие мастерские для починки вагонов. Здесь отец познакомился с мамой и женился в 1875 году.

Мама была коренной крюковчанкой, и еще в мое время существовал на Поселянской улице ее родительский дом, довольно большой и солидный, с большим двором и садом. (Наверное, существует и теперь, т. к. от последней войны много пострадал Кременчуг, Крюков же остался почти нетронутым - об этом мне писала моя племянница Тася, которая живет при нашем доме, теперь музей А. С. Макаренко).

Я думаю, что первым ребенком в нашей семье была Серафима, умершая в младенческом возрасте. Во всяком случае сестра Саша (Александра), родившаяся в 1881 году, появилась на свет еще в Крюкове. Следовательно, переезд семьи в Б. надо расположить приблизительно в 1881-1885 гг., где родились: Антон в 1888 г., Наталия в 1891 и я, последний, в 1895.

По сравнению с Крюковым, Белополье, расположенное в 200-220 км на ССЗ от Харькова, в 12 км от границы с Великороссией, было, конечно, захолустным, или, как называла его мама - "дырой".

В Крюкове было 10 000 жителей, находился он на правом берегу широкого Днепра, напротив Кременчуга, с которым его соединял большой мост (1 км). Кременчуг же был большим торговым центром (70 тысяч жителей), очень оживленным, благоустроенным, с множеством хороших магазинов, театров, кинематограф, и даже был электрический трамвай.

В Б. мы поселились не в самом городе, а в так называемом "поселке", который постепенно образовался вокруг железнодорожной станции и населенном главным образом ж. д. служащими. Здесь находились мастерские, где работал отец, и здесь же нахо-

дилось 2-х классное ж. д. училище, где учился А. С. Сам же город находился в 2,5-3 км от поселка.

Вот в этом поселке, в небольшой квартире, которую семья снимала у какого-то гражданина Мухи, и появился в 1888 г., несколько неожиданно, будущий педагог А. С. М.

Я пишу - неожиданно -, потому что он появился на свет божий приблизительно на 3 недели раньше срока. (Об этом, кроме родных, никто не знал, даже сестра Саша; а я это узнал от родных, когда мне было уже 17-18 лет, при этом взяли с меня слово никогда и никому об этом не сообщать. Конечно, я это слово сдержал, в частности, А. никогда об этом не узнал. Родные были правы: А. и без этого был человеком болезненным и не следовало создавать у него еще комплекса неполноценности).

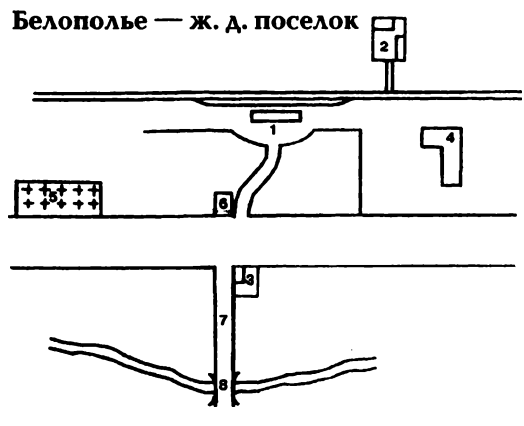
Произошло это так. Накануне 29 февраля, была теплая солнечная погода, была оттепель, но ночью ударил мороз и пошел снег, образовалась гололедица. Рано утром 1 марта (по старому ст.) мама пошла к колодцу за водой, поскользнулась и упала. К 10 ч. у мамы появились страшные боли, и к 12 ч. появился на свет А.

Мама рассказывала об этом: "Когда я увидела А., я заливалась слезами - такой он был маленький, весь черный и сморщенный, похожий не то на старика, не то на обезьянку. Отец меня утешал, но у него у самого на глазах стояли слезы".

Я пропускаю подробности ухода за А. в первые недели после рождения - беспрерывные теплые ванны, согретые пеленки, растирания и пр.

Жизнь в поселке была очень трудной, главным образом из-за отсутствия почти всякой торговли. Было 1-2 мелочных лавочки,

Белополье — ж. д. поселок



1. Ж.д. вокзал
2. Дом Складовского
3. Дом Авраменко
4. Ж.д. училище
5. Кладбище
6. Мелочная лавка
7. Дорога, ведущая в город
8. Мостик через речку Вира

но не было базара. За всем необходимым надо было ездить в город. Раза 3-4 в неделю мама ездила за продуктами (собирались по 3-4 женщины и нанимали летом "линейку", зимой - огромные сани).

Будущий педагог обнаружился очень быстро. Он начал "болтать" (говорить) очень рано, но ходить научился очень поздно, после 18 месяцев (и то, когда приятели отца в столярной мастерской сделали специальную коляску - "ходульки" на рамках).

С первых же недель обнаружилось, что А. болезненный, хрупкий и, главное, золотушный ребенок. Даже гораздо позже, в Крюкове, всякий раз, когда мама вспоминала, сколько усилий, бессонных ночей и утомительно длинных дней пришлось ей пережить с болезнями А., - она невольно плакала.

Золотуха - теперь об этой болезни как будто не приходиться и слышать, но в то время она причиняла почти бесконечные страдания. Это были бесконечные ангины, флюсы, на глазах огромные, с большую фасоль, ячмени, на шее карбункулы, уши болели и выделяли нечистую жидкость. В течение долгих лет он страдал неизлечимым хроническим насморком, и когда он был маленьким, он каждые 5 минут подходил к маме: "Мама, вытри носик". Эта операция вытирания носа так врезалась в память мамы, что потом она всегда повторяла (много позже): "Мама, вытри носик".

В играх той банды ребят, к которой принадлежал и я (от 4 до 10 лет), он никогда участия не принимал. Если для нас жизнь раскрывалась как чудесное видение, полное всяких волшебных радостей, ощущения силы, здоровья, ожидания завтрашнего дня и осуществления наших самых невероятных предприятий, то для А. его младенческие и детские годы представляли почти непрерывную цепь физических страданий. Все это не было опасно для жизни, но до ужаса мучительно. Не успел прорвать флюс, как на глазу (иногда на двух сразу) выскакивал ячмень, проходил ячмень - начинался карбункул... и т. д. (Я вижу А. все время с перекошенной от флюса физиономией, с повязкой на щеке или на шее, с ушами заткнутыми ватой, сидящим над кастрюлей горячей воды, которую он ватой прикладывал к больным местам).

Я был слишком мал и не могу сказать, какие медицинские силы были в поселке, но А. лечили больше т. н. "домашними средствами" - из лекарств же применяли неизменную панацею тех времен: рыбий жир во внутрь и иодоформ снаружи, и у нас в квартире в первые годы в Крюкове постоянно, в особенности зимой,

стоял тяжелый запах иодоформа, рыбьего жира, какой-то специально "глазной" помады и пр. специй.

Много горя также причинял и хронический насморк. Следы его оставались и позже: нос у А. всегда был слегка распухший и красноватый, а в сырую и холодную погоду делался густо пунцовым, что тоже его печалило ужасно.

Болезнь А. немного утихла к 7-8 годам. Но не исчезла окончательно. Даже в зрелые годы, уже в Крюкове, у него периодически появлялись то флюс, то ячмень, чтобы скрыть шрамы на шее от карбункулов, он всегда носил или очень высокие воротнички или русские рубашки (летом, после 1917 г.).

Во всем этом был какой-то заколдованный круг: т. к. А. легко простуживался от малейшего сквозняка или холодного ветра, то его постоянно кутали в теплую одежду, всякие шарфы и пр. - организм не закаливался, но делался все более слабым и не способным на сопротивление, и А. простуживался даже, когда при нем открывали на минутку оконную форточку.

Конечно, труднее всего приходилось маме. Я преклоняюсь перед памятью этой святой женщины. Ведь все лежало на ней, и начиная с 1893 года, когда Наташа упала с постели и осталась парализованной на всю жизнь (отнялись ноги), надо было ухаживать и а этой несчастной девочкой. Правда, к тому времени, когда я начинаю себя помнить, сестра Саша была уже 16-17-летней девушкой и, конечно, могла помогать маме.

Так или иначе, но я думаю, что присутствие в нашем доме этого несчастного ребенка создавало атмосферу грусти и б. м. скрытого отчаяния. Когда она умерла в 1899 г., то это было освобождением и для нее и для семьи. На ее могиле отец поставил большой, солидный чугунный крест с распятием, которое он сам вызолотил. Кто знает, м. б. он еще стоит там?

Как я уже указал выше, во всех детских играх А. никогда участия не принимал, вообще, я как-то мало вижу его в своих детских воспоминаниях.

Правда, зимой и летом я был на дворе, где нас было человек 10 (сколько игр и сколько приключений). В это время мы уже жили не у Мухи, а у Скальковского (кажется, он был дорожным мастером). Это было целое царство. Сразу же за обширным двором, поросшим мелкой травкой - в одну сторону начинались, на-

сколько глаз хватает, хлебные поля, а в другую - дремучий дубовый лес, где мы собирали желуди и грибы.

У Скальковского мы прожили очень недолго, м. б. всего несколько месяцев, и перебрались на последнюю нашу квартиру в Авраменко. Здесь мы прожили довольно долго, вплоть до нашего отъезда в Крюков. Но здесь же А. я почти никогда не видел на дворе. Здесь жить было интересно. Этот Авраменко был зажиточный, у него был большой сад, были лошади и коровы и много всяких птиц на птичьем дворе, в доме в клетках щеглы, канарейки, чижи, были голуби. Кроме того была коза, был ручной ежик, не говоря уже про собак и кошек. Для ребенка здесь был целый Мир.

Я подружился больше всего с кобылой "Сивкой". Ей я таскал потихоньку корки черного хлеба с солью (лошади обожают соленое), а конюху Трофиму старые газеты на цыгарки. "Сивка" благодарила меня тем, что нежно щекотала ухо своими мягкими губами, а Трофим брал меня с собой, когда ездил куда-нибудь за соломой, сеном и пр.

Какое чудесное прошлое! Но Антона не было с нами.

Ясно я вижу А. только в наших занятиях грамотой. Кухня. На столе зажженная керосиновая лампа, кроме А. за столом его друг, сын хозяина Коля Авраменко. Перед нами раскрытый букварь, вернее азбука. В листе белой бумаги прорезана дырочка, в которую можно видеть только одну букву. Накрывали азбуку листом, и я должен был назвать ту или иную букву. Мне было 4 года. Я скоро научился читать, но писать еще не мог. Я читал все, что попадалось мне на глаза, даже заборную литературу, и на этой почве у меня случались неприятности, но это не относится к А.

Я рос избалованным и чересчур шаловливым ребенком. Я воевал с Сашей и причинял ей много всяких неприятностей. Но это был человек бесконечно добрый и незлобивый, и она мне все прощала. Но кому я отравлял существование, так это несчастной Наташе. В своей несознательной жестокости ребенка я причинял ей много всяких мелких неприятностей. Я уже не помню все, что я с нею проделывал, но, Боже, сколько раз я заставлял ее плакать.

Но однажды настал день возмездия. Приманив меня золотым шоколадным рублем, она со слезами наслаждения вцепилась в мои уш, и изо всех сил начала их драть как тряпки. В этот день я

многое понял и многое в своих понятиях изменил. Во всяком случае я понял, что в жизни, как в шоколадном рубле, на который меня поймали, имеется две стороны: плохая и хорошая.

Я пишу это для того, чтобы дать почувствовать, хоть немного ту атмосферу, в которой протекала жизнь А. Наверное, это был очень спокойный, послушный и тихий мальчик.

Жизнь в поселке шла день за днем, без больших событий. Иногда в училище устраивались чтения с проекционными картинами, иногда родные по вечерам уходили в жел.-дор. клуб (очень редко), лето сменялось зимой, были будни, глухие провинциальные будни, не было ни кинематографа, ни театра, никаких общественных праздников. Жили почти так же, как жили в XV или XVI веке - по церковным праздникам: от Рожества до Масленой, потом до Пасхи, потом до Троицы, потом до Рождества. На Пасху всей семьей ездили в город к Пасхальной заутрене. В церкви отец держал меня на руках, и я был поражен окружающим великолепием, блеском горящих свечей, золотом иконостаса и одежд духовенства, торжественным пением и ароматом ладана. Вижу маму с золотой брошью, еще свежую и красивую, вижу Сашу напудренную с блестящими глазами, помню прикосновение отцовской бороды, пахнущей табаком и одеколоном, но не вижу А.

ПОСАД КРЮКОВ НА ДНЕПРЕ

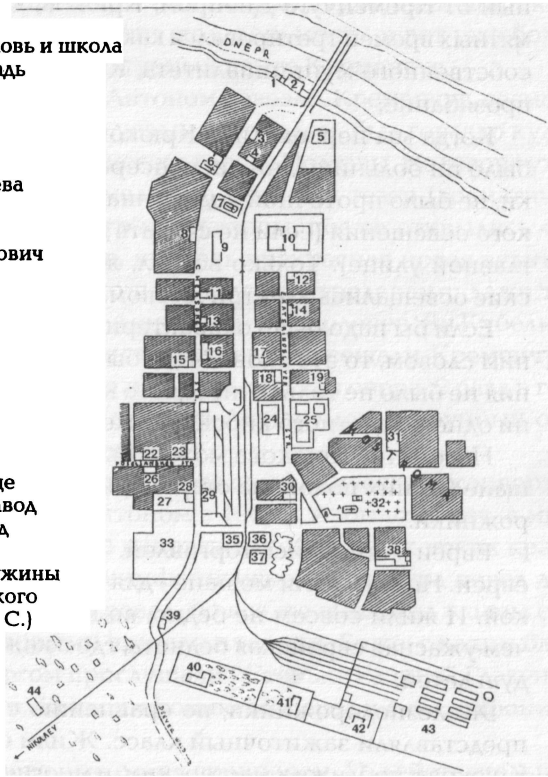
В 1898-99 гг. две железных дороги, до того самостоятельных, а именно Харьковско-Николаевская ж. д. (Х. - Н. .ж. д.) и Курско-Харьковско-Севастопольская ж. д. (К. - Х. - С. ж. д.), были соединены в одну большую сеть (до 2500 км), которая получила название "Южные железные дороги" (Ю.Ж.Д.). Через несколько лет эта дорога стала одной из самых богатых и благоустроенных дорог империи.

В порядке расширения деятельности дороги и были построены в Крюкове огромные, ультра-модерные ремонтные мастерские (8 корпусов, электростанция, водонапорная башня, 15 подъездных путей), куда и был, вместе с другими рабочими, снова переведен мой отец (в декабре 1900 г.).

Как Белополье был "заштатным" городом, так и Крюков не был даже городом, а был только "посадом" г. Кременчуга, и в офици-

Крюков

1. Речная пристань
2. Купальни
3. Городское училище
4. Почта
5. Паровая мельница
6. Старообрядческая церковь и школа
7. Преображенская площадь
8. Аптека
9. Базар
10. Интенданство
11. Дом кременчугского городского головы Гусева
12. Синагога
13. Квартира Г. В. Орлова
14. Квартира Е. Ф. Григорович
15. Квартира А. П. Сугак
16. Театр "Корсо"
17. Доктор Химченко
18. Доктор Димара
19. Дом и сад Лосева
20. Ж.д. станция
21. Ж.д. аптека и "приемный покой"
22. Дом Дергачева
23. "Поселянское" училище
24. Шпалопропиточный завод
25. Чугуно-литейный завод
26. Квартира Гороновича
27. Сад 1-ой Трудовой Дружины
28. Дом свящ. Архангельского (временная квартира А. С.)
29. Ж.д. баня
30. Дом С. Г. Макаренко
31. Дом Чернышева
32. Кладбище
    А. Церковь
    В. Приходское училище
    С. Могила С. Г. Макаренко
33. Лесные склады
34. Сад ж.д., "Общества трезвости"
35. Еврейское кладбище
36. Уксусный завод
37. Болото
38. Дом Миронова
39. Квартира М. Г. Компанцева
40. Дом начальника мастерских
41. Ж.д. столовая
42. Ж.д. училище
43. Ж.д. мастерские
44. Дом Н. П. Найды



альных документах назывался Посад Крюков на Днепре. В административном отношении Крюков всецело зависел от Кременчуга и был только одним из его полицейских участков. Отделенный от Кременчуга Днепром, Крюков, к сожалению, с незапамятных времен третировался как "бедный родственник". Не имея собственного муниципалитета, Крюков обречен был на вечное прозябание.

Когда мы переехали, в Крюкове было 10 000 жителей, но не было ни больницы, ни диспансера, ни одного врача, ни акушерки, не было проточной воды, канализации, и даже не было никакого освещения (если не считать двух керосиновых фонарей на главной улице). Только вокзал, жел.-дор. пути и вдали мастерские освещались электричеством.

Если бы надо было охарактеризовать население Крюкова одним словом, то это слово было бы: мещанство. На 10 000 населения не было не только ни одного книжного магазина, но не было ни одного газетного киоска. Даже на вокзале не было.

Население Крюкова можно было разбить на 3 группы: 1 - мещане (из них половина старообрядцы), 2 - евреи, 3 - железнодорожники.

Евреи занимались торговлей. Также все ремесленники были евреи. Но чем жили мещане - для меня и сегодня является загадкой. И жили совсем не бедно, во всяком случае гораздо лучше, чем ужасная еврейская беднота, где в каждой семье было по 8-10 душ детей.

Железнодорожники, по сравнению с мещанами и евреями, представляли зажиточный класс. Жили они на южной окраине Крюкова, поближе к мастерским, и многие из них уже успели приобрести собственные небольшие домики, как немного позже и мой отец. Это было не трудно - деньги были полноценны, платили золотом и серебром, жизнь была дешевая - достаточно было сэкономить 800-1000 рублей. Вообще они находились в привилегированном положении. Так, например, у них имелся свой врач, два фельдшера, бесплатная аптека, бесплатная больница, бесплатные библиотеки, баня и клуб.

Особый оттенок придавало Крюкову находившееся там Главное Интендантство. Склады Интендантства занимали целый огромный квартал с часовыми по углам у караульных будок. Было очень много интендантских чиновников, носивших полувоенную форму.

И тем не менее при всех своих недостатках Крюков показался нам чуть ли не столицей. Большой ежедневный базар, много магазинов, три церкви, аптекарский магазин, Херсонская улица вымощена камнем, тротуары, но, главное, чудесный, широкий Днепр. Стоило только перейти жел.-дор. мост - и вот уже большой индустриальный и культурный центр Кременчуг.

В этом отношении нам с Антоном повезло. Кременчуг, несмотря на то, что он был только уездным городом, был гораздо культурней и оживленней губернского города Полтавы. Не говоря уже о том, что в Кременчуге имелся постоянный театр (драматический), театр оперетты, театр миниатюры, позже открылись 4-5 шикарных кинематографов, имелась прекрасная новая аудитория, - Кременчуг постоянно посещался гастролерами: даже такие артисты, как Шаляпин, Анна Павлова, Орленев, Ян Кубелик, Бронислав Губерман, Баттистини всегда посещали Кременчуг, иногда приезжала Киевская или Харьковская опера, 2 раза в год приезжал симфонический оркестр Ахшарумова, струнный оркестр Андреева и многие другие.

Я даже помню программу первого симфонического концерта, на который мы попали с Антоном в 1903 г. А. было 15 лет, а мне только 8. Для меня это было рановато, но А. в таких ярких красках описал преимущество симфонического оркестра перед духовым, что я долго и нудно ревел, но все же выплакал у папы согласие. Мы почти первыми пришли в театр и, Боже, с каким благоговением и восторгом прослушали "Стеньку Разина" Глазунова, "Пер Гюнт" Грига, 40-ю симфонию Моцарта и 4-ю симфонию Шумана.

Я тогда же дал слово, что стану скрипачом. И, действительно, в 1907 г. я купил свою первую скрипку. Кубелика из меня, конечно, не получилось, но я играл достаточно прилично для того, чтобы в первые годы эмиграции, сначала в Константинополе, потом в Париже, зарабатывать на жизнь игрой в ресторанах, кинематографах, на балах и вечеринках.

Кременчуг был очень оживленным торговым городом. В нем квартировали два пехотных полка и артиллерийская бригада. Было три средних учебных заведения.

В Крюкове мы поселились сначала в доме Лосева. Это был очень старый домик, в конце длинного грязного переулка, с огромным запущенным садом, полным черемухи, сирени и ши-

повника. Этот сад тянулся до самой Екатеринославской улицы. С другой стороны переулка высокий, мрачный, деревянный забор отделял нас от чугуно-литейного завода Лабинского. В доме было всего две комнаты и кухня. А за домом начинался огромный заливной луг, тянувшийся до самого Днепра, весь заросший незабудками и лютиками, где в небольших озерках, оставшихся после весеннего разлива, сновали черные головастики и стайки крошечных тройных рыбешек.

Мы прожили в этом доме недолго. Помню, что весной Днепр доходил почти до нашего дома — он разливался на 10 километров.

Через несколько месяцев мы перебрались к Миронову, где мы прожили с 1901 по 1905 год.

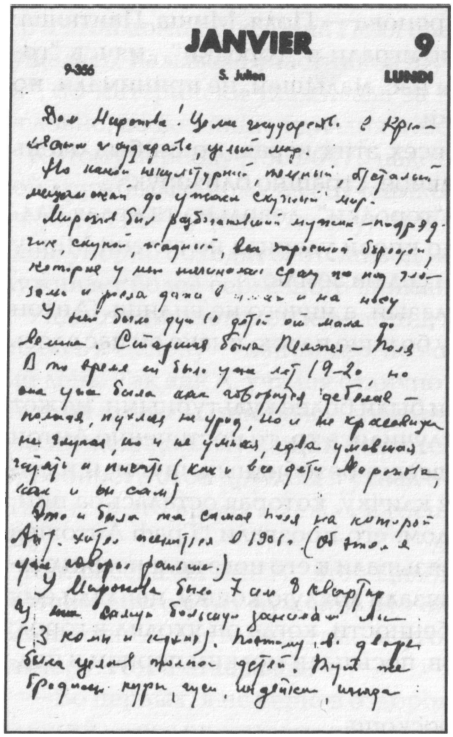
У МИРОНОВА

Дом Миронова! Еще в большей степени, чем до Скальковского в Белополье, дом Миронова был настоящей республикой в Крюковском государстве, целым миром. Но какой некультурный, темный, отсталый, мещанский, до ужаса серый и скучный мир.

Миронов был разбогатевший мужик-подрядчик, скупой, жадный, весь заросший бородой, которая у него начиналась сразу же под глазами и росла даже в ушах и в носу. У него было душ 10 детей от мала до велика. Старшая была Пелагея — Поля. В то время ей было лет 15-16, но она уже была как говорится, "дебелая" — полная, пухлая, не урод, но и не красавица, не глупая, но и не умная, едва умевшая читать и писать (как и все дети Миронова, как и он сам). Это была та самая Поля, на которой Антон хотел жениться в 1905-06 г.

У Миронова было 7 или 8 квартир, из них самую большую занимали мы (3 комнаты и кухня). Поэтому во дворе была целая толпа детей, тут же бродили куры, утки, гуси, индейки, поросята. Жили примитивно. Улица была просто песчаной, не было ни водопровода, ни канализации. Воду привозил из Днепра водовоз — по 1 коп. за ведро. Клозеты были во дворе и летом распространяли зловоние. (В перегородках между клозетами любителями сильных ощущений были просверлены дырки для наблюдений).

Работали, много ели, много спали, никто ничего не читал, и я


JANVIER 9

9-356 S. Julien LUNDI

Страница из авторской рукописи

никогда ни у кого не видел газеты. (У нас газета была каждый день, так как отец выписывал газету "Биржевые Ведомости" и иллюстрированный журнал "Нива"). От скуки рожали детей, сплетничали, ссорились, мирились..., потом начинали снова. По праздникам и воскресным дням много пили, и в соседней Костроме дрались на ножах..., иногда убивали... Но надо отдать должное: при такой дикости жили честно — не было ни воровства, ни грабежей. Было много нищих, бродяг, старцев, подозрительных "монахов" с красными носами, гадалок, итальянцев с "Петрушкой", татар бумазеей, китайцев с чесучей...

Иногда, среди бела дня, распространяя зловоние, проезжал самый примитивный ассенизационный обоз, возчиков которого называли "золотарями". В глубоком песке колеса уходили в землю почти по ступицу, и у меня и сейчас сжимается сердце, когда я вспоминаю, как возчики били несчастных лошадей — ногами и толстыми поленьями, стараясь ударить по глазам. Боже, какой это был кошмар... Я плакал иногда и задавал себе вопрос: почему Бог терпит такой ужас? Я еще верил в Бога.

А с другой стороны двора, за забором, начинались "кучугуры", описанные Антоном в "Книге для родителей". Чистейший песок, насколько хватал глаз, поросший лозой, кустами молочая, бессмертником и целыми коврами некрасивого, но такого ароматного чебреца. Целые табуны кузнечиков и сколько, сколько изящных быстрых и грациозных ящериц.

Конечно, было много молодежи. В особенности летом, по вечерам собиралось человек до 15. Были молодые рабочие, жившие

у Миронова, старшие дети Миронова — Поля, Миша, Пантюша, приходили соседи. Пели песни, играли в "городки", мяч, в "горелки", жмурки и проч. В игры нас, малышей, не принимали, но мы болтались тут же под ногами.

Антон тоже участвовал во всех этих играх, но он был очень неловок, неуклюж и, самое главное, страшно близорук.

Однажды, во время игры в "городки", довольно тяжелая палка вырвалась у него из рук и до крови ударила по голени Мишу Миронова. Тот завыл от боли и сел на землю.

— Черт носатый! Четвероглазый, а ничего не видишь (Антон носил уже очки). Не давать ему больше палок, иначе он нас здесь всех поубивает.

Если б все эти молодые люди были более культурными, может быть все было б иначе. Здесь случилось то, то постепенно Антон стал мишенью для всяких, не всегда безобидных, шуток и издевательств. Почему-то ему дали кличку, которая осталась за ним, пока мы не переехали в наш дом: его прозвали "Граф Антошка Подметайло". Незаметно привязывали к его ноге полено или старую кастрюлю. Один раз привязали дохлую кошку, цепляли ему на спину всякую дрянь, в особенности, когда он уходил в город; собирали букет бессмертников, посыпали мелким перцем и подносили:

— Антон, понюхай, какая роскошь.

А. нюхал, долго потом чихал и вытирал слезы. Однажды во время игры в "горелки" А. устроили "подножку". Он тяжело упал, раскровенил себе нос и губы и разбил очки. Другой раз в "кучугурах" вырыли глубокую яму (около 1 метра), прикрыли лозой и присыпали песком. Потом, пригласив А. погулять, искусно повели его прямо на яму. Он провалился, свихнул себе ногу и долго потом хромал. Но ведь могло быть хуже, он мог бы сломать ногу, мог бы разбитыми очками поранить себе глаза.

Когда уходили на Днепр купаться, А. обязательно навязывали кальсоны "сухарей" (каждая штанина завязывалась туго-натуго узлом и мочилась в воде — развязать такой узел пальцами было невозможно, приходилось пускать в ход зубы, отсюда и название "сухари").

Даже для меня, ребенка, было заметно, что А. страдал от всех этих грубых "шуток". Он стал более грустным, иногда оставался один в задумчивости и постепенно совершенно уходил от этих

игр и этой компании. Одна Поля становилась на его защиту, возмущалась, называла участников шуток "хулиганами" и "босяками", по-матерински ухаживала за А., когда он был ранен и, безусловно, позднейшие идиллия и любовь выросли на этой почве.

К этому периоду (1903-04 г.) надо отнести возникновение большой дружбы к одному из соучеников А. по городскому училищу, некоему Цалову (или Салову). Все биографы А., как сговорившись, упорно обходят этот эпизод молчанием. Между тем, он заслуживает более серьезного внимания.

Уйдя от мироновской компании, Антон начал все чаще и чаще уходить к Цалову — например, по воскресеньям он уходил на целый день. Так как А. учился отлично, то отец ничего не имел против этой дружбы, тем более, что отец Цалова тоже был какой-то мелкий жел.-дор. служащий (кажется, смазчик). Всю правду и все подробности этой дружбы я узнал от самого А. гораздо позже — в 1916 г. (в это время я лежал в госпитале в Полтаве после ранения).

Как рассказал мне А., этот Цалов был его единственным настоящим другом (из мужчин). Но он твердо решил заняться революционной деятельностью и уговаривал А. последовать его примеру. Но А. отказался:

— Во первых, я не верю в оздоровляющую силу кровавых революций — все они развиваются по одной схеме: сначала кровавая баня, затем анархия и хаос, и как результат — самая дикая диктатура. Это раз. Во-вторых, я совсем неспособен метать бомбы в кареты министров и еще меньше с красным флагом распевать "Марсельезу" на баррикадах. Просто неспособен.

Как рассказывал А., Цалов постоянно снабжал его социал-революционной литературой, которую он приносил под рубашкой и читал тайком от отца, который ненавидел революцию и революционеров, не будучи при этом никаким монархистом.

— Ты знаешь нашего батька. Я думаю, если бы он узнал об этом, то он просто меня бы выгнал из дому.

По окончании городского училища Цалов работал где-то на железной дороге два года, а в 1906 г. он уехал в Петербург, прислал оттуда два письма и затем как в воду канул. Антон изредка навещал его родных, но даже до 1916 г. от него не было никаких вестей. Зная, как он любил своих родных, А. был уверен в его преждевременной гибели.

— А жаль! Из всех людей, которых я встречал на моем жизненном пути — это единственный настоящий Человек, Человек с большой буквы.[1])

1903 г. ознаменовался в нашей семье двумя событиями: в мае сестра Саша вышла замуж[2]), а в августе я поступил в городское начальное училище.

Саша не была красавицей и, конечно, не могла ожидать замужества по "любви". Ей исполнилось 22 года, надо было выходить замуж. Не знаю, где она познакомилась со своим будущим супругом. Фамилия его была — Загнойко. Работал он помощником машиниста на ст. Знаменка в 85 км от Крюкова. (Я даже допускаю, что это замужество было делом какой-нибудь "свахи"). Сыграли свадьбу, после церкви праздник затянулся до поздней ночи, было много гостей. В кухне играл неизменный еврейский оркестр, танцевали, было очень шумно и очень тесно, под окнами стояла толпа. Было уже очень поздно, когда какой-то хулиган разбил камнем стекло в окне. Отец схватил револьвер, выбежал на улицу и раза три выстрелил в воздух. Этим инцидент был ликвидирован.

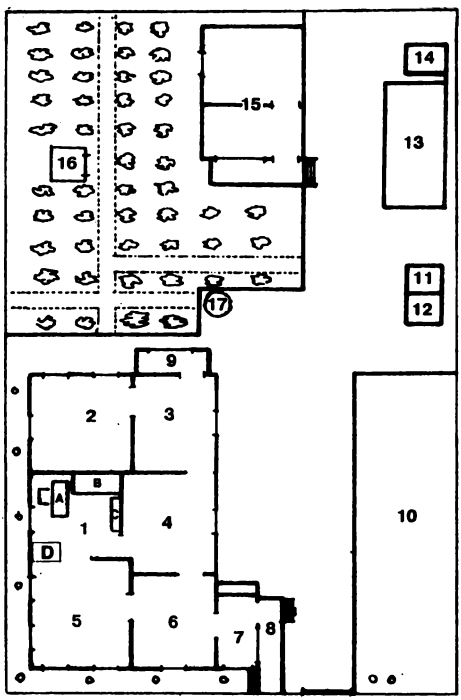
Среди гостей я впервые увидел хорошенькую, черноглазую гимназистку — Наташу Найду. Отец ее работал в мастерских, и жили они почти в деревне, в 1 км от Крюкова. Это была настоящая украинка: хохотунья, красавица, маленькая, но хорошо сложенная девушка лет 16.

Как потóм, гораздо позже, я узнал уже непосредственно от Антона — это была его первая "неудачная" любовь. Он начал часто бывать у нее, даже стал вести сентиментальный дневник. Но надежды на счастье были очень коротки: придя однажды к ней, он не застал никого в доме, решил пойти в сад и там в беседке натолкнулся на Наташу, но, увы!, в недвусмысленных объятиях какого-то офицера. Ему ничего не оставалось, как ретироваться к своим "пенатам", что он и сделал. Это не помешало им остаться друзьями до конца. В 1905 г. она была его коллегой в Крюковском ж. д. училище, где и я нашел ее в 1906 г. Надо сказать, что она прославилась в Крюкове своими бесчисленными романами. В одном из последних писем, полученных от А., сообщается, кратко об ее смерти в 1926 г. От чего — неизвестно.

А дни покатили дальше. В 1904 г. вспыхнула Японская война. В нашем захолустье это мало что изменило. Правда, стали иногда

появляться газеты и портреты наших неудачных стратегов: Куропаткина, Стесселя, Ренненкампфа и др.

Но для отца это было страдное время. Мастерские работали усиленно (в две смены по 12 часов). Выпускали санитарные поезда, и отец уставал страшно. Это длилось почти 2 года[3]). Правда, он зарабатывал по 130-140 рублей в месяц, вместо нормальных 60 р. Это позволило ему скопить немного денег и построить наш собственный дом. Я не помню точно, в каком году (скорее всего в 1905 г.) отец купил один из участков, которые продавались у линии железной дороги, недалеко от еврейского кладбища. Всего участок был около 800 кв. метров. Дом, сарай, заборы — все было построено и очень бстро, в 3-4 летних месяца. Часть земли отец отвел для ада, и мы насадили в нем вишни и другие фруктовые деревья. Во дворе устроили артезианский колодец (насос, и у нас была своя собственная, всегда холодная, великолепная вода. И здесь впервые отец заметил, как мало Антон интересовался нашим домом: он никогда не был на постройке.



Дом Макаренко

1. Комната А. С.
A. Письменный стол
B. Кушетка, на которой он спал
C. Шкаф для одежды
D. Книжная этажерка
2. Комната родителей
3. Кухня
4. Столовая
5. Так называемый "зал"
6. Передняя
7. Коридор с кладовой
8. Открытая терраса
9. Закрытая терраса (летом здесь обедали и ужинали)
10. Огород
11. Погреб
12. Ледник
13. Сарай
14. Уборная
15. Так называемый "летний павильон" (до 1908 г. здесь жила семья Безрук, а по 1908-1914 гг. служанка семьи М.)
16. Садовая беседка
17. Артезианский колодец

Наконец все было закончено. Отслужили молебен, справили новоселье, поставили угощение рабочим и зажили — в *собственном* доме.

Все "имение" — земля, материалы, рабочие — все обошлось отцу в 1200 рублей.[4]

СЕМЬЯ

Если бы я захотел создать галерею моих предков, в ней оказалось только два портрета — моего отца и моей матери. Дальше этого я уже ничего не знаю — ни о каких дедах и прадедах, бабках, прабабках, прапрабабках и т. д. Предки у нас, конечно, тоже были, но надо полагать, что все это были маленькие, незаметные люди, не имевшие ни желания, ни традиций, ни, главное, материальной возможности оставлять в назидание потомству свои портреты.

Отец моего отца, которого звали Григорий, наверное, тоже был мастеровым: во всех официальных документах, паспортах, метрических выписках и пр. в графе "звание" было везде проставлено: "цеховой города Харькова" (было такое сословие — цеховые). Кто была его мать — моя бабка —, я ничего не знаю.

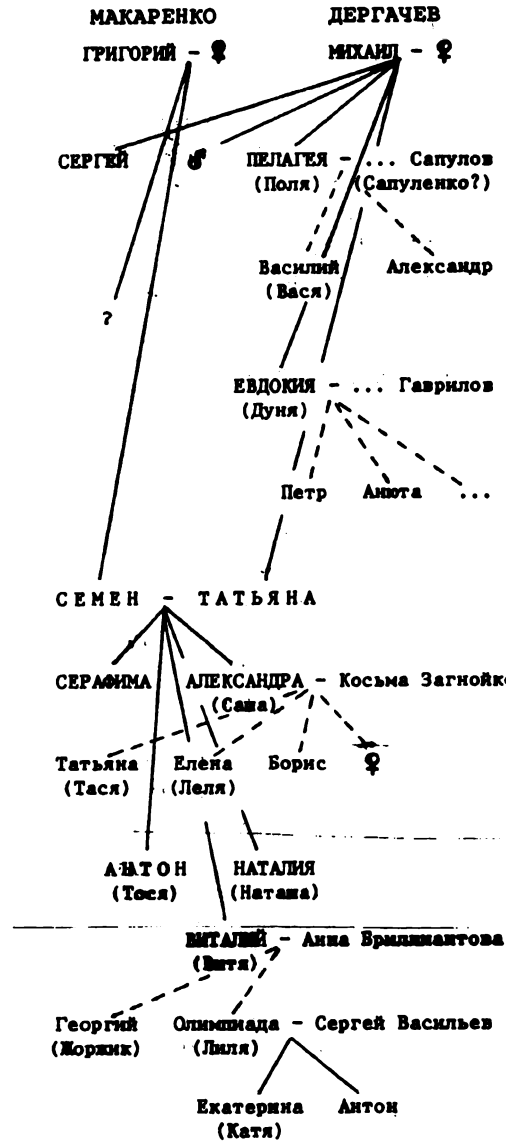
Здесь мне уже нечего добавлять к тому, что известно об отце из всех биографий Антона: круглое сиротство, детство у какой-то тетки, ученик у какого-то каретного мастера и это почти все. На все наши расспросы отец отзывался неохотно: "Нечего мне вам рассказывать. Хлебнул я горя немало и вспоминать об этом мне прямо тяжело. Да и к чему?" Мы не знали также, был ли он единственным сыном в семье, что мало вероятно, но, с другой стороны, он никогда не упоминал о своих братьях и сестрах. Все это осталось для нас тайной. Это печальное детство наложило на характер отца свою печать — он всегда был немного замкнутым, скорее молчаливым, с небольшим налетом грусти.

Между прочим, я совершенно опровергаю тенденцию некоторых биографов представить отца как безграмотного человека. Это неправда. Отец читал и писал совершенно свободно и даже почти без ошибок. Он постоянно выписывал газету и журнал "Нива", которые постоянно прочитывал. Приложения к этому иллюстрированному журналу были все переплетены и находи-

лись в полном порядке. Здесь были полные собрания сочинений А. Чехова, Данилевского, Короленко, Куприна, а из иностранных писателей помню Бьернстерне Бьернсон, С. Лагерлеф, Мопассан, Сервантес и др.

Немного больше знал я о родителях моей матери. Ее отец, Михаил Дергачев, служил небольшим чиновником в Крюковском интендантстве и имел в Крюкове довольно приличный дом. Мать происходила из дворян, но из обедневшей дворянской семьи.[5]) У мамы было две сестры и два брата.

Один из братьев, Сергей, пошел по плохой дороге. Он был старшим из детей (родился в 1845 г.). В 1873 г. он покинул родительский дом и исчез неизвестно куда. Никто из семьи не знал, где он находится. Появился он через 37 лет совершенно неожиданно.



Однажды, летом 1910 г., я вышел за ворота и увидел на скамейке оборванного, грязного старика. Одна нога была ампутирована, и ее заменяла самая примитивная деревяшка. Вся грудь и руки были покрыты вульгарной татуировкой. Это был дядя Сергей. Как он нас нашел — я не знаю, наверное, расспрашивал соседей на Поселянской улице.

И мама и отец были неприятно поражены и не знали, что с ним делать. Поместили его в летней кухне. О себе он ничего не рассказывал, все повторял: "Где был — там нет". Попросив у мамы немного денег, он уходил рано утром и возвращался к вечеру в нетрезвом виде.

Прожил он у нас дней 10 и, уйдя однажды рано утром, больше к нам не вернулся. Родные его не искали, и больше мы о нем ничего не слыхали.

Кроме Сергея, у мамы был еще один брат, имени которого моя память не сохранила, и о существовании которого я узнал только после его смерти (в 1903-04 г.). Для меня это личность совершенно легендарная.

Этому брату почему-то достались во владение остатки наследственного имения их матери, в одной деревне Харьковской губернии. Когда он умер, мои родители 3-4 раза ездили туда, в надежде получить что-то в наследство. Но, в конечном итоге, они ничего не получили, так как имущество было заложено и перезаложено, и на нем кроме долгов и обязательств ничего не было. По словам родителей, этот брат был алкоголик, картежник и развратник, вообще тип в духе Карамазова-отца.

Самая младшая сестра, тетя Дуня (Евдокия), была замужем за простым ж. д. кузнецом, фамилия которого была Гаврилов. Жили они в Знаменке (там же, где работал и наш зять Загнойко), только не в поселке, а в самой деревне. У них было много детей, из которых одна дочь Анюта, приблизительно моя ровесница, часто жила у нас по несколько месяцев, помогая маме по хозяйству.

Здесь я должен отметить, что как сама тетя Дуня, так и все дети, были тяжело-сердечными больными с ярко выраженным пороком сердца. Анюта умерла в 17 лет, тетя Дуня умерла вскоре после Анюты. Я думаю, что болезнь Антона была наследственного характера — со стороны мамы (мама была сердечной больной, и эта наследственность поразила Антона). Сын тети Дуни — Петр — был тоже болен. Он служил военным писарем. Это

был до ужаса озлобленный и жестокий тип. После революции он занимал какой-то довольно важный пост (комиссара?), но вскоре тоже умер.

Другая сестра мамы — тетя Поля — была совсем особенной женщиной. Это был настоящий мужчина в юбке. Стриженная по-мужски, курившая толстенные папиросы-самокрутки, в пенсне, совершенно сухая и не женственная, она вышла замуж за машиниста Сапулова (он же Сапуленко) — красавца, силача, но по характеру в полной противоположности своей жене. Насколько она имела, скорее, мужской характер — резкая, смелая, настойчивая, подвергавшая острой критике правого и виноватого — настолько Сапулов был мягкотел, робок, почти застенчив и неизменно подчинявшийся своей супруге. Вскоре после женитьбы он был переведен на службу в Сибирь, кажется, в Верхнеудинск, где тетя Поля подарила ему двух сыновей — Василия и Александра, таких же красавцев и силачей, как и их отец. Я узнал эту семью в 1911 г., когда по настоянию тети Поли, которой надоели сибирские морозы, Сапулов снова получил перевод в Кременчугское депо и они поселились в Кременчуге. Между прочим, тетя Поля была крестной матерью Антона.

Вся семья Сапулова, особенно тетя Поля и сын Вася, была настроена революционно и не переставала критиковать строй и царское правительство. Но здесь надо сделать маленькое отступление и, как говорится, раскрыть скобки.

80% населения хотели не столько революции, сколько перемены существующего строя. Прогнившая монархия, засилие поповщины, "чудотворные" иконы и "чудотворные" мощи всяких "святых", безграмотность населения и позор недавно проигранной войны с Японией — все это всем надоело и все ждали какого-то обновления, но никто не мечтал о замене монархии, в конце концов довольно либеральной.

О чем мечтала и к чему призывала вся эта революционно настроенная масса и Антон в том числе? Не знаю, какой партии принадлежит эта программа, но вот она в кратких чертах:

1. Демократическая республика с народным представительством в парламенте (прямое и тайное голосование).

2. Национализация крупных промышленных предприятий.

3. Изъятие земельной собственности у помещиков и крупных землевладельцев и распределение всей земли между крестьянами.

4. Всеобщее обязательное обучение.
5. Свобода вероисповедания.
6. Свобода совести.
7. Свобода слова.
8. Свобода печати.
9. Свобода собрания.
10. Свобода забастовок и т. д.

Но в среде железнодорожников, к которой принадлежал отец, даже о такой либеральной революции не говорили и о ней не мечтали. По сравнению с другими предприятиями, железнодорожники были в привилегированном положении и зарабатывали прилично. (Балабанович просто зло фантазирует, когда утверждает, что рабочий день был от 12 до 14 часов. Рабочая неделя была приблизительно 56-58 часов. В субботу работы после обеда не было).

Отец относился к революции прямо враждебно. Он предчувствовал, что она не произойдет без кровопролития, и говорил: "Они все разрушат, но ничего не создадут нового".

Не говоря уже о таких биографах, как Балабанович, который нарочно сгущает краски и представляет дореволюционную эпоху в безрадостных, темных тонах, сам Антон, к сожалению, в своем желании угодить властям предержащим, пересаливает и возводит небылицы на дореволюционный строй. Разговоры (в "Книге для родителей"), которые он вкладывает в уста кума нашей семьи Худякова (в действительности Полякова), утверждение А., что он учился на "медные" деньги, или что "реальное не для нас строили", что в той среде, где он вырос, дети могли идти только в "мальчики" — все это самая дешевая демагогия.

Что касается реального училища, то вот краткий список моих товарищей в этом училище:

1. Чернышев В. — сын бригадира кузн. цеха Крюковск. мастерских.
2. Скавинские Никол. и Виктор — сыновья мастера кузн. цеха Крюковск. мастерских.
3. Родионов — сын столяра Крюковск. мастерских.
4. Бубенко Н. - сын ж. д. десятника.
5. Афанасьев М. — сын ж. д. десятника.
6. Загребельный — сын ж. д. кондуктора.
7. Случановский К. — сын ж. д. машиниста.
8. Шкапенко — сын кондуктора.

9. Зимин В. — сын нач. станции Крюков.

10. Бардачевский — сын сапожника (освобожден от платы за учение).

11. Кикис Альберт и Роберт — сыновья мелочного торговца.

12. Бриллиантов С. — сын смотрителя зданий на ст. Крюков.

13. Горонович Б. — сын конторщика Крюковск. мастерских.

14. Филатов — брат учительницы А. П. Сугак.

Здесь я привел список только моих товарищей по старшим классам реального училища (6 и 7). Фамилии же малышей-детей железнодорожников я, конечно, не запомнил, как не запомнил и фамилии всех гимназисток-детей железнодорожников из Крюкова. Во всяком случае, нас было около 60 человек учащихся средних школ, которые уезжали каждое утро ученическим поездом в Кременчуг и в 3 часа возвращались в Крюков.

Антон не мог простить отцу, что по приезде в Крюков его отдали не в реальное училище, а в городское. Отцу он не смел об этом заикнуться, но маму неоднократно упрекал: "Витьку отдали в реальное, а меня "сунули " в городское"[6]).

Но не надо забывать, что в 1900 г. у отца на руках были жена и трое детей, и он зарабатывал 60 рублей в месяц; в реальное же надо было платить 60 рублей ежегодно. Когда же в 1908 г. я поступил в реальное, отец был мастером, получал 100 р. в месяц, и Антон и Саша были уже на стороне. Кроме того, — это, конечно, входило в расчеты отца — реальное училище было А. ни к чему. Ему нужна была классическая гимназия и потом университет. (В Кременчуге мужской гимназии не было). Из реального же надо было идти в высшие технические школы, — А. же математикой не интересовался, и я не вижу А. в роли инженера-технолога или архитектора.[7])

Семья наша была патриархальной, как и большинство семей в эту эпоху. К родителям мы обращались на "Вы", но руки после обеда целовал только я. Попов не любили, но в главной комнате висела в углу икона, и перед ней накануне воскресных и праздничных дней зажигалась лампада. Отец каждое утром и каждый вечер совершал перед иконой короткую молитву. В Белополье он даже был церковным старостой.

Характеры у родителей были разные, но спокойные и у отца, и у матери. Мама была шутница, вся пронизанная украинским юмором, подмечавшим у людей смешные стороны.

Отец был вообще сдержан. Он очень уставал на работе, и в особенности изменился после 1905 г. Сказалась усталость после напряженной работы 1904-05 г., обострился ревматизм, которым он страдал уже несколько лет и, конечно, по-моему, конфликт с Антоном, который произошел в 1907-08 г., наложил на него тоже свою печать. Отец стал еще сумрачней и молчаливей. Этот конфликт не был изжит до конца его жизни в 1916 г.

Разнообразие в наше мирное существование вносили приезды Саши, у которой было уже две девочки — Тася и Леля. Саша скучала в захолустной Знаменке и была рада приехать в Крюков. Обыкновенно она приезжала накануне Рождественских праздников, приезжала на неделю, но проходила неделя, другая, третья, и, наконец, папа вмешивался и говорил: "Знаешь, я рад тебя видеть, но у тебя своя семья и, мне кажется, тебе пора уже уезжать домой".

Для Сашиных детей мы всегда устраивали елку, что создавало уют и праздничное настроение. Но у Антона по отношению. К Саше и ее детям существовало непонятное презрение, почти ненависть: "Все это — мещанство" — бормотал он. А. и так почти никогда не был дома, но с приездом Саши совершенно исчезал и только изредка приходил ночевать, нашим семейным радостям он был подчеркнуто чужд. Если же случайно он оставался дома, то Тася и Леля забивались куда-нибудь в дальний угол и переговаривались шепотом.

Саша уезжала, но летом снова приезжала, на этот раз уже не на 3 недели, но на два месяца. Мама была очень рада, так как ей одной было очень трудно вести хозяйство, а Саша ей помогала. Мы ходили купаться на Днепр, варили варенье, и на своем велосипеде я по очереди с Тасей и Лелей уезжал в окрестности и ездил вдоль полотна железной дороги.

Вечером накрывали стол в саду и оставались за столом до наступления ночи. Антона с нами, конечно, никогда не было.

АНТОН

Наша большая дружба с Антоном началась лишь с тех пор, как я вышел из отроческого возраста и мог ближе подойти к нему, то есть к моим 17-18 годам. Раньше он меня просто не замечал, так

как я был на 7 лет моложе его. Когда он начал учительствовать — ему было уже 17 лет, а мне только 10. Когда я поступил в 1908 г. в реальное училище, то как-то получалось так, что мы почти никогда не видели друг друга. Когда я возвращался около 4-х часов из училища, А., уже пообедав, уходил из дому до позднего вечера. Мама оставляла ему в столовой холодный ужин и мы укладывались спать, а А. приходил только к $^1/_2$ часам и, обыкновенно, ужиная, читал книгу и засиживался до 1 часу ночи. В 1911 году он переехал в Долинскую и приезжал только на летний отдых, потом он поступил в Полтавский учительский институт, и мы снова были в разлуке.

Сколько я ни помню А. — я вижу его постоянно с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, прямо, неограниченна. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 тысяч населения. Что он читал — я затрудняюсь сейчас вспомнить все научные книги, прочитанные им, так как в то время эти книги были для меня недоступны по содержанию, — тут была и философия, и социология, и астрономия, и естествознание, и художественная критика, но, конечно, больше всего он читал художественные произведения, где прочел буквально все, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и Максимом Горьким.

Среди научных книг А. больше всего прочел книг по русской истории. Запомнились имена Ключевского, Платонова, Костомарова, Милюкова, Грушевского ("История Украины"), Шильдера ("Александр I", "Николай I"). Всеобщей историей А. не интересовался, кроме истории Рима (он прочитал всех древних римских историков) и историю французской революции, по которой он прочел несколько трудов, из них довольно солидный в 3-х томах, перевод с французского ("Французская революция") — имя автора я не запомнил.

После истории, по количеству прочитанных А. книг, надо поставить философию. Боясь впасть в ошибку, я не называю имен авторов — скажу только, что он особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром. Большое впечатление на него также произвели произведения В. Соловьева и Э. Ренана и книга Отто Вайнингера "Пол и характер". Появление этой последней книги в то время было настоящим литературным событием.

Из художественной литературы А. читал буквально все, что появлялось на книжном рынке.

Бесспорными "кумирами" этой эпохи были Максим Горький и Леонид Андреев, а из иностранных писателей — Кнут Гамсун. Затем последовали Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Сологуб, Мережковский, Аверченко, Найденов, Сургучев, Теффи и др. Из поэтов А. Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гиппиус, Городецкий и др. Из иностранных авторов, кроме Гамсуна, назову: Г. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайльд, Д. Лондон, Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. д' Аннунцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан и многие другие.

Антон читал внимательно, поразительно быстро, не пропуская ничего, и спорить с ним о литературе было совершенно бесполезно. Не помню точно, в каком году он купил около 20 портретов различных писателей, главным образом русских современников, и украсил ими все стены своей комнаты, где находился его большой письменный стол.

Почти каждые два дня он приносил какую-нибудь новую книгу, новый альманах, ноый сборник, которые в то время выпускались на книжный рынок десятками. (Главными изданиями, которые А. никогда не пропускал, были сборники "Знание", "Шиповник", "Альциона"). Книги по художественной литературе он частью покупал, остальные получал из библиотеки Южн. ж. д. в Харькове, очень большой, и которая высылала книги всей линии (я тоже был абонирован в этой библиотеке). Книги по истории и вообще научные А. брал в Кременчугской городской библиотеке (в Крюкове никакой библиотеки не было). А. выписывал толстый журнал "Русское богатство", московскую газету "Русское слово" и петербургский сатирический журнал "Сатирикон", кроме того он покупал роскошные иллюстрированные журналы — "Столица и усадьба" и "Мир искусства", издаваемый С. Дягилевым. Но все эти книги после прочтения куда-то уходили, и вся библиотека Антона состояла из 8 томов Ключевского — "Курс русской истории", и 22 томов "Большой энциклопедии", которую он купил в кредит в 1913 г.

Внутренними делами нашей семьи он совершенно не интересовался, и отец не без горечи говорил иногда: "Семья для него не существует, он приходит сюда, как в гостиницу — переменить белье, пообедать и поспать. Все остальное его не интересует. Аристократ какой-то".

А., действительно, был человеком непонятных для меня на-

радоксов. Так, он получал в Крюковском ж. д. училище 47 р. 50 к. в месяц, но маме на расходы он давал всего 10 р. Это — на все. Мама жаловалась отцу, что на эти деньги прокормить его невозможно. Чтобы как-нибудь улучшить свои ресурсы, мама согласилась давать обеды коллеге А. — Г. В. Орлову, который только за один обед платил 10 р. в месяц. Когда однажды мама сказала А. об этом обстоятельстве, то ответ его был до ужаса циничным, что совершенно не вязалось с его глубокой деликатностью по отношению к другим:

— Я не просил вас родить меня на свет Божий. Вам необходимо нести некоторую ответственность за ваши поступки. Платить больше я не могу.

Главным несчастьем в жизни А., если можно сказать его трагедией, было то обстоятельство, что он обладал невзрачной внешностью. Небольшого роста, небольшими серыми глазами, которые казались еще меньше от привычки всех близоруких людей прищуриваться; большой красноватый нос, который казался еще больше при маленьких глазах — все это повергало А. в уныние.

— Мой нос, как говорится, Бог семерым нес, а мне одному достался. Предстоит прожить всю жизнь с таким носом — задача не из легких.

Это усугублялось еще тем обстоятельством, что А. был влюбчив, как самый отважный гусар. Это тоже было одним из его парадоксов.

— В кого и почему вы влюбляетесь, — издевался он над влюбленными, — вы влюбляетесь в представительниц "прекрасного пола" только потому, что они имеют длинные волосы и обильные жировые отложения под кожным покровом.

Но сам он влюблялся каждые 6 месяцев и не как-нибудь платонически, но обязательно требуя взаимности. Я уже не помню всех, в кого он был влюблен, ведь прошло 60 лет с тех пор, но вот маленький список его увлечений.

Раиса Зеленина (Крюков, 1903)
Наташа Найда (Крюков, 1903)
Поля Миронова (Крюков, 1904)
Катя Сосновская (Крюков, 1910)
Феня Никитченко (Долинская, 1912)
Катя Костецкая (Полтава, 1914)

Таня Коробова (Крюков, 1917)

Юлия Попова (Крюков, 1918).

Что было обидно и больно для А., так это то обстоятельство, что, как только обнаружилось его новое увлечение, все его коллеги и приятели стремительно поднимали его на смех и злословили.

— Смотри, Антон снова влюбился, смотри, носатый, куда метит.

Получалось так, что А. вроде бы не имеет права быть влюбленным.

Эта влюбчивость чуть не заставила А. сделать глупость. В 1905 г., едва получив место учителя в ж. д. училище, А. заявил отцу, что он собирается жениться. На ком? На Поле Мироновой. Несмотря на то, что отец, естественно, против такого раннего брака, да и Миронов совсем не был расположен выдать свою дочь за А., он продолжал настаивать на своем решении.

— Мы любим друг друга, и я дал ей слово жениться на ней.

Понадобилось несколько месяцев уговоров, в которых, кроме отца и Миронова, особенно деятельную роль сыграли М. Г. Компанцев и поп Д. И. Григорович, который был законоучителем в ж. д. училище.

Одно время это событие принимало драматический характер, так как Антон угрожал, в случае дальнейшего сопротивления, застрелиться. (Я не знаю, где бы он достал револьвер. У отца был револьвер, но он был заперт в одном из ящиков комода).

Постепенно, под влиянием уговоров, А. успокаивался и в конце концов перестал угрожать самоубийством. Этому помог наш переезд в наш собственный дом и вынужденная разлука А. с предметом его вожделений.

Но если в 1905 г. Антон легкомысленно был готов связать себя семейными узами, то уже в 1907-08 гг. его мысль эволюцинировала в сторону мизантропии. Его жизнь складывалась так, что трудно было допустить, что она приносит ему "наслаждения". Впрочем, сколько я его не помню, он никогда не был тем, кто называется «жизнерадостным» человеком. Он всегда был сосредоточен, замкнут, серьезен, порою даже грустен и молчалив. Это было его нормальное состояние. Во всяком случае, к 1907 г. его моральное кредо было следующее:

Бога нет. Верить сказкам о первородном грехе, о царствовании Божием, о воскресении мертвых и бессмертии души могут только маленькие дети. Жизнь бессмысленна, абсурдна и до ужаса жестока. Можно любить отдельных лиц, но человечество в целом — только толпа, стадо и заслуживает презрения. Никакая любовь к "ближнему" не оправдывается и абсолютно бесполезна. Родить детей — преступно. Это удел мужиков и мещан, то есть как раз той части населения земного шара, которая по бедности не может обеспечить будущее своих детей. Но если нельзя родить детей, то брак становится совершенно ненужным. Люди могут жить совместно — свободно, не вступая в так называемый "законный" брак, до тех пор, пока они любят друг друга. Если любовь проходит, как и все на этом свете, то люди могут разойтись совершенно свободно без унизительных хлопот о разводе.

Поп Григорович пытался все переубедить А.:

— Вы разочаровались в жизни потому, что утратили веру в Бога, в высокое назначение человека на земле — стремиться к абсолютному совершенству.

— Вы повторяете старые, надоевшие "истины", в которые вы первый же не верите. Вы обязаны говорить так, потому что носите рясу и крест. Стремиться к совершенству — абсурд. Если завтра все люди станут идеальными ангелами и получат бессмертие — жизнь станет от скуки совершенно невыносимой, и люди будут умолять Бога о ниспослании смерти.

— Значит, вы отрицаете значение семьи?

— Да, отрицаю. Семья — это пережиток рабовладельческих времен. Это — нелепость. Во всяком случае, я клянусь и даю слово, что никогда не женюсь и никогда не буду иметь детей.

Кроме того, никто так не портит нравственно детей, как семья, где ни отец, ни мать не имеют никакого понятия о воспитании, что не мешает отцу на каждом шагу кричать о том, что он — "глава семьи". Другой народит 10 душ детей и потом издевается над ними и над женой — деньги пропивает, жену бьет, дети голодают, но он продолжает требовать повиновения и повторяет, что он в семье "начальник".

О каком воспитании можно говорить в подобных случаях, а в нашем отечестве это явление заурядное. К тому же все они ругатели и матерщинники. (За всю совместную жизнь с А. я ни разу не услышал от него неприличного слова).

Конечно, все эти разговоры велись у нас во время отсутствия

отца, но мама передавала ему потом их содержание. Отец хмурился.

— Что же это, неужели я вырастил анархиста? Чему он научит своих учеников?

Тучи сгущались на нашем семейном горизонте. У отца были и другие причины быть недовольным Антоном.

АНТОН НАХОДИТ ДРУГА

Страстное желание А. вкусить сладости семейной жизни в конце концов все же исполнились, если не совсем, то наполовину: неожиданно, и там, где меньше всего можно было этого ожидать, он нашел себе друга — вернее, подругу, с которой связал свою жизнь на целых 20 лет.

Среди друзей и знакомых, уговаривавших А. отказаться от мысли о женитьбе, самым красноречивым и убедительным был поп Григорович.

Очень горячо и искренне он убеждал А.:

— Подумайте, Тося, вам только 17 лет, вся жизнь еще впереди, куда вам спешить, вы встретите еще много прекрасных девушек и женщин и всегда успеете сделать свой выбор. А что касается самоубийства, то это уже совсем глупо. Я понимаю, что вы переживаете, так как дали слово, но все постепенно образуется, перемелется — мука будет. Приходите к нам — матушка будет рада вас видеть, я уже говорил ей о вас, она вас успокоит, она женщина и сумеет найти нужные слова, приходите, когда хотите.

Надо полагать, что матушка действительно нашла "нужные" слова. Она действовала с такой убедительностью, что в конце короткого срока А. стал ее интимным другом.[8])

Конечно, я ничего об этом не знал, у меня были свои интересы, товарищи, Днепр, лодка, рыбная ловля и пр. Но в Крюкове, где все знали всех, вскоре поползли сплетни и слухи, недвусмысленные анекдоты и усмешки, порою даже недружелюбные, в особенности среди верующих.

Это был настоящий скандал.

Если бы это произошло где-нибудь в большом городе, может быть, это прошло бы менее заметно, но в маленьком Крюкове поп был слишком на виду у всех — представитель духовенства, по-

ставленный во главе "паствы", для того, чтобы следить за ее нравственностью, вдруг терпит в своей собственной семье нарушение 7-й заповеди.

В конце концов эти сплетни дошли сначала до слуха мамы, а следовательно и до слуха отца.

Однажды — это было в воскресенье, отец был не на службе, я готовил уроки — отец сказал А., что хочет поговорить с ним. Они ушли в соседнюю комнату. Сначала я не обратил на это внимания, но когда тон их разговора резко повысился, я невольно прислушался. Отец категорически требовал: немедленно прекратить эту связь или, в крайнем случае, добиться развода попа и жениться на попадье. На это А. отвечал, что это невозможно, так как по закону поп не может получить развода ни по каким причинам. (Действительно, такой закон существовал — поп мог жениться только один раз и никогда не мог получить развода).

— Но ты же сам понимаешь, что это бросает пятно на всю нашу семью.

— К сожалению, я ничего изменить не могу.

— В таком случае тебе придется оставить наш дом. Я не хочу, чтобы люди думали, что я потворствую твоей безнравственности.

Это случилось зимой 1908-09 г. А., действительно, взял свой письменный стол и портреты писателей и переехал в комнату, которую он снял в городе. У кого? У отца своей подруги, тоже попа (в отставке).

Впрочем, это изгнание продолжалось недолго — всего несколько месяцев, а именно до ближайшей Пасхи. В этот день, когда мы сели за традиционный пасхальный стол, все трое были грустны, и мама вдруг заплакала. Ничего не расспрашивая, после довольно долгого молчания, отец сказал мне:

— Витя, пойди позови Антона, пусть идет разговляться с нами.

В пустынной и холодной комнате А. я нашел его спящим. Я разбудил его, он очень обрадовался, и вскоре мы были дома.

Но все чувствовали себя неловко, разговор не клеился, и вскоре отец ушел в другую комнату, предварительно разрешив Антону снова переехать в наш дом.

В конце концов его подруга, Елизавета Федоровна, ушла от попа. Решено было, что она тоже станет учительницей. Для этой цели она уехала в Киев, на 2-годичные женские курсы, которые

подготовляли педагогов. На летние месяцы и на Рождественские святки А. приезжал в Киев, и они жили вместе.

Что сказать об этой связи?

Я не думаю, что она давала А. впечатление полного счастья. А. был слишком большим эстетом и знатоком женской красоты, чтобы не видеть, что его подруга некрасива, не женственна, с грубыми чертами лица, покрытого многочисленными угрями,[9]) с мужским характером, к тому же мелочная и чисто по-поповски скупая. Кроме того, она была старше А. лет на 8. Когда я летом иногда ездил дней на 10 к ним в Киев, который я страшно любил, я всегда просил у мамы немного денег — я буквально голодал у них и вынужден был покупать себе для еды что-нибудь в городе.

Во всяком случае, в 1911 г. А. по собственному прошению был переведен в Долинскую (вместе с Орловым). Это было немного похоже на бегство.

Что меня всегда поражало, это то, что в ее присутствии обыкновенно решительный и требовательный А. делался послушным, как теленок. Это производило грустное и тяжелое впечатление, так как он в это время был, действительно, то, что называется — тише воды, ниже травы.

В 1910 г. он был не на шутку влюблен в свою коллегу, учительницу Крюковского ж. д. училища Катю Сосновскую, которой, не будучи уверен в успехе предприятия, полушутя, полусерьезно, предлагал вступить с ним в брак. Катя Сосновская была остра на язык и на это предложение отвечала довольно откровенно:

— Ну, Тося, куда вам жениться! Мне нужен настоящий мужчина, а вы только так, одно недоразумение.

По окончании женских курсов в Киеве его подруга получила место учительницы в Полтаве, где ее коллегами были две сестры — Вера и Катя Костецкие. В Катю Костецкую А. тоже был влюблен, когда был в Полтавском учительском институте.

Окончательно А. разочаровался в своей подруге в 1925-26 г., когда он писал мне во Францию:

"...у нее полезли наружу атавизмы поповской семьи — скупость, жадность и оскорбительная мелочность. Она обзавелась десятком кошек, и у нас во всех комнатах стоит удушающий запах, вернее, вонь..."

А конфликт с отцом так никогда и не был изжит, до самой смерти отца в 1916 г. Они почти не встречались и почти не разговари-

вали, а если отец и обращался к сыну, то называл он его уже не "Тося", а "Антон". В 1911 г. А. уехал в Долинскую, а в 1914 г. в Полтаву, в учительский институт.

УЧИТЕЛЬ

Почти все биографы А., также все лица, пишущие свои воспоминания о нем, дают волю своей фантазии и обильно украшают деятельность А. до 1917 г., так сказать, внепрограммными занятиями, как то: спектакли, оркестры, игры, экскурсии, древонасаждения и пр.

На самом деле и А. и его коллеги ограничивались только преподавательской деятельностью, то есть, ежедневно 5 программных уроков и это — все. Никаких собраний после уроков, никаких читок, спектаклей, вообще ничего. Не устраивали они с ними также никаких игр. Да и не было времени на это, так как на большой перемене учителям в учительскую подавался самовар и они чаевничали, а после 5-го урока все спешили по домам, кто в Крюков, а кто ученическим поездом в Кременчуг. Только на Рождество устраивалась традиционная "елка" с раздачей ученикам сладостей, но такая "елка" устраивалась во всех начальных училищах.

О том, как вел себя А. в Крюковском ж. д. училище, я могу судить, так как в начале января 1906 г. я перевелся из городского училища в железнодорожное, в 3- отделение, то есть как раз к А. (Преподавание велось не по предметной системе, но по классной, то есть каждый учитель имел свой класс, в котором преподавал все предметы — кроме Закона Божьего, преподаваемого попом). Таким образом, я перешел к А. в 4-е отделение, затем в 5-е и закончил школу в 1908 г., то есть пробыл у А. как учителя почти 3 года.

Кроме него в училище еще преподавали: М. Г. Компанцев (заведующий), П. В. Рашев, З. П. Архангельская, Н. П. Найда. Закон Божий преподавал священник — о. Дмитрий Григорович. (В 1909 г. попали в училище К. Ф. Карбоненко, Г. В. Орлов и Е. Г. Сосновская на место ушедших М. Г. Компанцева, П. В. Рашева и З. П. Архангельской).

Что можно сказать об А. этой эпохи?

Это был хороший, добросовестный учитель, но ничем особен-

но не выделявшийся среди других учителей. Будущий педагог пока что был только учителем и ничем не проявил себя, да это и трудно было сделать, так как дети были "нормальные", каждый школьник имел свою семью и приходил в училище только учиться.

Только один раз у А. был трудный случай — это, когда в 4-м классе у него появился ученик Лобов Тимофей. Это был совершенно испорченный мальчик. Он уже курил и старался научить курить других учеников, приносил в класс порнографические карты и показывал их мальчикам и девочкам, на каждой перемене затевал дикую драку с первым попавшимся, причем выбирал всегда более слабого и избивал его.

Но это длилось недолго. Однажды, придя в класс и едва поздоровавшись с нами, А. сказал Лобову:

— Лобов, собирай свои книги и уходи домой — придешь завтра с отцом.

На другой день мы видели, как Лобов пришел вместе с отцом. Их впустили в учительскую. Какой разговор произошел там, можно только представить, но только Лобова мы больше не видели.

Нас было у А. 37 учеников, из которых было 6 девочек. Из 6 девочек была одна — Катя Депутатова, которой суждено было сыграть роль в жизни М. Г. Компанцева. Он был уже давно женат и имел дочь — 9-летнюю Люду, которая училась в нашем училище. Не знаю подробностей, знаю только, что в 1909 г. он оставил жену и дочь и по собственной просьбе был переведен заведующим ж. д. училищем в захолустную ст. Долинскую, куда он уехал вместе с Депутатовой, которой в то время было 14 лет.

В 1907 г. А. в нашем классе применил плохой педагогический эксперимент. Как во всех школах, каждую четверть учебного года мы получали результаты наших успехов, то есть, карточку, на которой были проставлены наши отметки по различным предметам. Их надо было возвратить с подписью отца. А. придумал классифицировать нас по степени успеваемости, то есть, он выводил среднее арифметическое для каждого ученика, и затем распределял эти данные по порядку — 1-й ученик, 2-й, 3-й... и так далее до 37-го, где он писал: "37-й и последний".

В 1907 г. этим "последним" учеником оказался Дмитрий Примак, мальчик не столь мало способный, сколько болезненный (как потом оказалось, у него был туберкулез). Когда он получил свою

четверть, где было проставлено, что он — 37-й и последний, он долго плакал и, несмотря на наши утешения, ушел домой до конца уроков. Не пришел он на второй день, не пришел и на третий, а дней через 10 пришел его отец весь в слезах. Он пришел прямо к нам в класс во время урока; едва сдерживая рыдания, он сказал А.:

— Сегодня ночью мой мальчик умер. Я пришел вам сказать об этом и еще спросить вас: для какой цели вы проставили в его четверти, что он 37-й и последний? Зачем вы обидели мальчика, которому осталось 10 дней жизни? Он так горевал, бедный, что он "последний". Это вы, Антон Семенович, нехорошо поступили, очень нехорошо... Я знаю, он бы все равно умер, но зачем причинять мальчику ненужные страдания?

А. был бледен, как полотно, не помню уже, что он отвечал несчастному отцу. Что он мог ответить кроме извинения, — но только с этого дня классификация не фигурировала больше в наших четвертях[10].)

Но однажды А. хотел нарушить рутину и создать нечто необыкновенное, а именно: он решил из наших учеников создать церковный хор под его руководством[11].)

Сказано — сделано. Он принес в училище скрипку и мы начали устраивать спевки. Нас было человек 30. Где-то он достал нужные ноты, и мы собирались после обеда часам к 4-м. А. очень плохо играл на скрипке, но достаточно хорошо, чтоб дать каждой партии нужный тон. Репетировали мы около месяца, и наконец наступил день, когда мы должны были выступить в кладбищенской церкви, которая находилась недалеко от нашего дома. Мы устроились на левом клиросе — в правом, к нашему счастью, находился постоянный церковный хор любителей, уже довольно опытный и натасканный.

И здесь случился скандал. Без скрипки, только по камертону, А. просто был неспособен дать верный тон. Мы так безбожно врали, фальшивили, что верующие в недоумении раскрывали глаза, оглядываясь на наш хор, а поп из алтаря смотрел настоящим чертом. Наконец, он прислал церковного сторожа с просьбой прекратить наше выступление. Служба продолжалась с постоянным церковным хором, а мы ушли из церкви с великим позором. Так печально закончилась наша попытка прославиться. Больше о ней не говорили.

Балабанович говорит о том, что А. уезжал во время революци-

онного движения (1905 г.) на съезд в Люботин. Он, наверное, уехал бы не один, но в составе целой депутации от нашей школы, и, следовательно, мы бы остались в течение нескольких дней без преподавателей. Между тем, я не помню, чтобы такое нарушение произошло[12].)

Так же не помню забастовки в Крюковских мастерских, в особенности 10 000-го митинга. Во всем Крюкове было 10 000 жителей. Я б узнал об это от отца, но отец ни разу не прекращал работы[13].)

Только однажды к воротам мастерских (закрытым) подошла разношерстная толпа, человек в 200 "революционеров". Но через 1/2 часа она была разогнана казачьей сотней. При этом А. не выскакивал из толпы и не кричал: "Негодяи!", как об этом пишет М. Г. Компанцев.

Все это настоящий роман.

НАШИ ДНИ

Во всех книгах, посвященных А., среди иллюстраций бросается в глаза бедность и неэлегантность его одежды: какие-то демократические картузы, рубахи-косоворотки, дешевые шубы и пр. Но все это фотографии послереволюционного периода. До революции я всегда помню А. одетого безукоризненно: всегда у него имелось несколько приличных костюмов, такие же были и галстуки, рубашки, воротнички и ботинки. В этом отношении он был большим франтом и одевался в Кременчуге у лучшего портного — Казачка. Я никогда, даже летом, не видел Антона в косоворотке (до 1917 года).

Летом 1908 г. А., Компанцев и Рашев решили обзавестись велосипедами. Все трое купили великолепные немецкие машины марки "Адлер", каждый стоил 125 рублей — по тем временам большие деньги. У меня был старый, допотопный велосипед "Самсон", который не имел даже свободного хода. Но это не мешало мне присоединиться к их компании. Вчетвером мы совершали довольно большие экскурсии в окрестностях Крюкова. Любимым нашим маршрутом была утоптанная дорожка вдоль линии железной дороги по направлению к Знаменке. Мы проезжали километров 10 и обыкновенно останавливались у одного сторожа при

шлагбауме, где покупали молоко и черный хлеб, который нам казался необыкновенно вкусным.

Безусловно, А. и тогда был уже болен пороком сердца, но болезнь не давала себя еще знать. Но помню, как два раза А. внезапно без причины терял сознание (один раз на вокзале в Крюкове, другой раз в учительской). Но он ни разу не обратился к врачу, хотя в Крюкове был хороший ж. д. врач Соколов, а после него Химченко, который позже стал очень дружен с А.

Летом 1910 г. в Крюкове открыли ж. д. сад "Общества трезвости". Это был очень старый, запущенный сад, который расчистили, проложили дорожки, провели электрическое освещение, построили открытую сцену, танцевальную площадку, буфет (в принципе, без алкогольных напитков, хотя водку там подавали под видом лимонада). Для оркестра построили эстраду.

Каждые субботу и воскресенье вечером устраивались гулянья, на открытой сцене труппа любителей играла пьесы из украинского репертуара ("Наталка-Полтавка" и пр.).

Мы с Антоном никогда не пропускали этих гуляний. Мы не смотрели спектакль на сцене, занимались критикой гуляющей публики, местных Венер и Дон-Жуанов, их костюмов, манер и неумелого флирта. А. в своих замечаниях был остроумен, неистощим и, надо сказать, безжалостен. Но что можно было требовать от конторщиков, телеграфистов, получавших 25 рублей в месяц, и от рабочих ж. д. мастерских.

Приблизительно к 1910 г. в Крюкове вокруг А. образовался кружок интеллигенции, состоявший, главным образом, из педагогов различных школ, были два врача — Химченко и Димара с женой (злобный украинский "самостийник" — сепаратист, идеологический враг А.; впрочем, А. во всех спорах со своей эрудицией всегда побивал его, и тот злился без конца). Был ветеринарный врач Голобородько, Найда, Сосновская, Говоров, Миша Миронов, два брата Чернышева, супруги Сугак, которые очень любили А. К ним присоединялась Елизавета Федоровна, когда она бывала в Крюкове.

Спорили до изнеможения, главным образом о литературе, но здесь А. был непобедим. Иногда пели песни и, даже, революционные, — впрочем, власти смотрели на это сквозь пальцы.

На Днепре стояло много лодок, которые сдавались по часам. У

Е. Ф. была своя собственная лодка, которая в честь героини Гамсуновского романа "Мистерии" называлась "Дагни". Иногда брали 3-4 лодки и отправлялись на один из днепровских островов варить "кашу", где проводили целый день — купались, лежали на песке и снова спорили, спорили без конца...

Во время одной из таких прогулок А. чуть не утонул. Он почему-то стал на носу лодки, не удержался и упал в воду. Я сбросил ботинки и бросился к нему на помощь. Нас вытащили благополучно, но мы намокли. А. потерял пенсне, а я один ботинок. Пришлось бросить и другой. Домой возвращался босиком. А. вели под руки, так как без пенсне он почти ничего не видел[14].)

Однажды на лодках, но уже исключительно в мужской компании, поехали на остров на ночевку. Снова купались, ловили рыбу, из которой потом варили уху, и развели большой костер, вокруг которого расположились на ночь.

В 1909 г. на Херсонской улице открылся шикарный для Крюкова кинематограф "Корсо". Картины шли каждый день. Играл струнный квартет, в котором я иногда принимал участие. Фильмы меняли раз в неделю. Каждую субботу папа, мама и я посещали это кино. А. с нами никогда не бывало. В том "Корсо" была довольно большая сцена, большое фойе с буфетом и несколько уборных. Впоследствии (в 1917 г.) оно было сдано ж. д. клубу, где развел свою деятельность основанный по моему почину "Кружок имени Короленко".

К этому же времени городским головой Кременчуга стал крюковский миллионер-старообрядец Гусев (во время революции его убили). Благодаря его заботам в Крюкове провели электрическое освещение, и наша главная Херсонская улица осветилась ярким светом дуговых фонарей.

ДОЛИНСКАЯ

Влюбленным суждено было жить все время в разлуке. Сначала Е. Ф. была на курсах в Киеве, потом получила место учительницы, но в Полтаве — А. оставался в Крюкове.

Не знаю, получал ли он от нее много писем, но он писал ей каждый день — на самой лучшей веленевой бумаге — и отсылал в самых дорогих конвертах-люкс. Иногда он просил меня отнес-

ти письма на станцию и бросить в ящик почтового вагона. На конверте адресу предшествовали две буквы: "Я. С." Я ломал голову, что это могло значить, но не смел у него спросить об этом прямо. Гораздо позже, в 1915 г., в Полтаве, он объяснил мне, что это были начальные буквы двух слов: "Ясному солнышку".

Но судьба решила еще дальше удалить их друг от друга.

После ухода М. Г. Компанцева, А. не ужился с новым заведующим К. Ф. Карбоненко, обвинил его во взяточничестве, и дело дошло даже до суда. Работать в Крюкове стало невозможным, и в 1911 г. по собственному прошению А. был переведен в ж. д. училище при станции Долинской, где он мог работать вместе с М. Г. Компанцевым.

Если когда-нибудь на своем пути А. рисковал споткнуться, так это именно в Долинской.

Трудно представить себе дыру более глухую чем Долинская. Расположенная на полпути между Кременчугом и Николаевом, эта станция находилась среди голой степи, вдали от культурных центров. Станция была небольшая, при ней оборотное депо, церковь, училище, 3-4 небольших лавчонки и с сотню небольших домишек — это все. Ни клуба, ни кинематографа и ни одного книжного магазина. А кругом, насколько глаз хватит — голая степь.

Половина учеников была "с линии", т. е. это были дети начальников станций, дорожных мастеров, десятников, телеграфистов, сторожей, будочников и рабочих, живших на линии Знаменка-Николаев. Поэтому при училище было создано общежитие для таких учеников. А. получил место учителя и одновременно надзирателя в общежитии, за что получал добавочные 10 рублей в месяц. Он поместился в небольшой комнате при здании общежития.

За 3 года, которые А. провел в Долинской, я приезжал к нему раз 10. В Долинской А. почти ничего не читал, во всяком случае в его комнате я никогда не видел обычного обилия книг.

Тоску и скуку, которые царили в Долинской, топили в старом испытанном средстве — в вине. Почти каждый день А., Компанцев и другие преподаватели приглашались в гости, то к одному, то к другому служащему, где компания засиживалась до поздней ночи. Если не было приглашений — шли к попу. Поп зарабатывал много денег, любил выпить, и у него стол был накрыт каждый день с утра до вечера. У попа оставались иногда до позднего вече-

ра — пили, слушали граммофонные пластинки, которых у него было, правда, немного. Если, в крайнем случае, попа не было дома и не было никаких приглашений — шли на вокзал в зал I-II класса, и там объединялись у буфета. Это было единственное место, где было светло, тепло и уютно, где был какой-то признак жизни.

Во всяком случае, пить водку меня научили именно в Долинской.

К счастью для А., на летние месяцы, когда училище закрывалось, так же как и общежитие, он уезжал домой в Крюков. Здесь он снова попадал в привычную обстановку и снова обкладывался книгами. Но иногда он уезжал в Полтаву или Киев, куда приезжала и Е. Ф.

В Долинской, конечно, А. тоже влюбился. У железнодорожного служащего Никитченко была красавица дочь Феня, стройная девушка лет 17 с длинной косой и огромными глазами. Она училась в гимназии в Елизаветграде (теперь Кировоград), где за ней увивались "томные" юнкера из расположенного там кавалерийского училища.

Я был очень дружен с ней, и в саду она мне рассказала, что однажды А. пришел к родителям и просил у них ее руки. Но, под благовидным предлогом, ему отказали. Позже, в эмиграции, я случайно встретил ее в Перемышле, и мы вспоминали прошлое. Она была так же красива. Не знаю, что с ней стало потом. Жива ли? Я писал А. об этой встрече. Он в письме мне ответил: "Милая головка! Как я был влюблен в нее!"

ПОЛТАВА — УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

В 1914 г. А. поступил в только что открывшийся Полтавский учительский институт. Для него наступил трехлетний период интенсивных занятий и в то же время бедной студенческой жизни.

Действительно, приходилось жить на 15 рублей стипендии, которую он получал. Прожить на эти деньги — это значило только-только не умереть с голода. 5 рублей он платил за бедную комнату, в которой даже не было отопления. Оставалось 10 рублей на еду, стирку белья, учебные пособия, бумагу, парикмахерскую, табак и пр. Этого было недостаточно.

К счастью, отец пришел к нему на помощь. Несмотря на то, что их отношения продолжали оставаться натянутыми, он нашел в себе достаточно благородства и посылал ему ежемесячно 10 рублей. Он давал эти деньги мне для пересылки, но при этом требовал переслать их от имени матери. Таким образом он надеялся сохранить самолюбие, но я в первом же письме к А. написал ему о происхождении этих денег.

Кроме того, конечно, Е. Ф. иногда давала ему 5-10 рублей. Об этом он мне сам говорил, но добавлял:

— Это взаимообразно, и эти деньги я ей обязательно возвращу.

Не знаю, сделал ли он это? При его идеальной честности, думаю, что он это сделал.

В ноябре 1914 г. я приехал к нему дней на 10. Холод в его комнате был, что называется, собачий, и вода в кувшине замерзала. Я согревался иногда тем, что сжигал в тазу пачку старых журналов. Но это давало мало тепла и, кроме того, было опасно. В конце концов я проводил время у Е. Ф., где был почти всегда в одиночестве.

Е. Ф. жила на той же улице, что и Антон (Пушкинская). Она снимала отдельный дом с двумя учительницами из той же школы, где она работала — сестрами Верой и Катей Костецкими. У каждой была отдельная комната, а две больших комнаты и кухня были общими. Одна комната была столовая, другая гостиная, где стоял рояль Е. Ф.

Все вечера мы проводили у Е. Ф., где после чая мы с Е. Ф. давали концерты — я на скрипке, Е. Ф. на рояле.

Сестры Костецкие были изящные, тонкие, хрупкие девушки с огромными глазами. Я не замедлил влюбиться в скромную тихую Веру, а А., несмотря на Е. Ф., был влюблен в Катю (Катусю).

Е. Ф. смотрела на это как на шутку, сквозь пальцы. Впрочем, может быть в душе она и ревновала, но никогда этого не показывала. Я до конца не мог понять отношений А. и Е. Ф. — скорее, это были хорошие друзья, чем любовники.

Этой Катусе в альбом А. написал единственные стихи, которые я запомнил:

К НАДЕЖДАМ

Голубым туманом из-за сереньких туч,
Улыбнулись вы в небе, как сон золотой.
Отчего же призыв ваш так слаб, не могуч,
Отчего встали призраки жизни былой.

Отчего в ясно море бездонных очей
Светит грустная дума бессонных ночей?
Леденит настоящее ветром с дождем,
А грядущая жизнь смотрит пасмурным днем?[15]

(К этому принадлежали еще четыре строчки, которые я забыл).

Я рассмеялся, когда прочем это стихотворение:

— Это какая-то метеорология — здесь все есть: голубой туман, серые тучи, ясное море, леденящий ветер с дождем и, вообще, пасмурный день.

А. вспыхнул, в сердцах вырвал лист со стихами из альбома и порвал его на мелкие клочки.

— Ты прав — поэтом я никогда не буду. Даю честное слово никогда больше стихов не писать.

Но через 10 минут все уже смеялись и А. первый.

Засиживались довольно поздно — обыкновенно до 12.

Перед диваном на полу лежал большой меховой ковер, и А., обыкновенно, лежал на нем у ног Катуси.

— Катуся, поймите, это преступно иметь такие глаза как у вас. Вы мужчин с ума сводите и заставляете их бесцельно мучиться.

Катуся смеялась:

— А вы смотрите в другие глаза, а моих не замечайте.

— Да, это легко сказать — ведь ваши глаза настоящие магниты.

Потом, по пустынным улицам, по деревянным тротуарам мы возвращались в его трущобу, где старались возможно скорее залезть под одеяла.

Обедали в вегетарианском ресторане, где было дешево, но не сытно. Обед стоил 25 копеек, но через час уже снова чувствовался голод. Кормили постным супом, картофельными и морковными котлетами, простоквашей... Обед чисто студенческий.

Через 10 месяцев, когда я окончил военное училище и получил довольно большие "подъемные" деньги (1200 рублей), я пред-

ложил А. маленькую дружескую помощь — 200 рублей. Он был смущен и страшно рад:

— Для меня — это целое состояние. Теперь мы переменим квартиру — довольно мерзнуть.

И вдвоем с товарищем по институту, которого звали Митрофаном, они сняли большую, теплую комнату в Важничем переулке № 5, где и оставались до окончания учительного института.

ВОЙНА

Шла война. Скоро мне должно было исполниться 20 лет и, следовательно, угрожала мобилизация. Я решил предупредить события. 1-го марта 1915 г. я поступил в ближайшую к нам военную школу — Чугуевское военное училище, и через 6 месяцев вышел оттуда с чином прапорщика. При разборе вакансий я взял Киевский военный округ.

В штабе Округа я подсунул главному писарю, распределявшему назначения, 20 рублей и получил назначение в 27-й запасной батальон, в Полтаву. Таким образом, 5 сентября 1915 г. я приехал в тот же Важничий переулок № 5 и поселился в одной комнате вместе с А. и его товарищем Митрофаном. Своего денщика Степана я устроил на кухне. Так прожил я с ними в течение двух месяцев.

Конечно, в течение двух месяцев мы каждый вечер проводили у Е. Ф., но теперь уже ехали туда на извозчике, с хорошим вином от Лемэра, хорошими закусками и шоколадом от Пока. (Деньги были!).

Я и сейчас вспоминаю эти чудные вечера, которые никогда не забуду.

Но надо было воевать. Через 2 месяца я уехал на фронт. С А., Верой, Катусей, Е. Ф. — мы расстались. Вера плакала, и я утешал ее, как мог.

Больше года я почти не видел А. Встречались мы только во время посещений А. госпиталей, где я находился после ранений. Однажды я даже попал в госпиталь в Полтаву, но ранение было тяжелое, и я не мог никуда выходить. Затем меня перевели в Кременчуг.

В конце декабря 1916 г. А. был мобилизован, как ратник опол-

чения 2-го разряда для прохождения строевой подготовки, и направлен в казармы в Киев, где его и застала революция (февральская).

Я лежал еще в госпитале, в Кременчуге, когда ко мне из Полтавы приехала Е. Ф. и сказала, что необходимо как можно скорее ехать в Киев, как она выразилась: "Спасать Тосю".

Оказалось, что казарменная обстановка среди мобилизованных мужиков и рабочих подействовала на А. удручающе. Он прямо писал Е. Ф., что такая обстановка для него невыносима и что он покончит с собой.

Е. Ф. умоляла меня взять у главного врача отпуск и немедленно ехать в Киев. Я уже достаточно поправился, и главный врач дал мне недельный отпуск. Мы поехали в Киев.

В Киев мы прибыли около 11 ч. утра и прямо с вокзала на извозчике отправились в казармы. Не успели мы войти в большой двор казармы, как увидели нашего А., несущего в двух баках суп и кашу. Но какая невоенная фигура: огромные сапоги с брезентовыми голенищами, слишком большая фуражка, закрывавшая ему половину ушей, смятая, не по росту гимнастерка — все это делало его фигуру просто комичной.

Он долго щурился, не веря глазам своим, но когда он, наконец, нас узнал, он бросил свои котелки прямо в грязь и со слезами бросился нам на шею.

Но, собственно говоря, что было ужасного в этой казарме? Абсолютно ничего. Казарма и есть казарма, а не институт благородных девиц. Конечно, были вши, махорка, тяжелый воздух, матерщина, но ведь все это на какие-нибудь 2-3 месяца, и нельзя было даже и сравнивать эту казарму с фронтом, с окопами. Я поговорил с его начальниками — ничего ужасного не было. Не было даже никаких строевых занятий, только иногда прогулки с песнями по городу. Остальное время они ничего не делали, спали и портили воздух. Кроме того, через 3-4 недели их должны были распустить по домам. (Впрочем, вся дружина была не вооружена, и А. не только никогда не стрелял, но даже в руках не держал ружья. Ружей не хватало даже в действующей армии).

Я успокоил А. как мог, ротный командир пообещал скорое освобождение[16]), и мы уехали. Но на вокзале я не удержался и спросил А.:

— Слушай, Антон, вот мне всего 21 год, но я уже 4 раза ранен,

иногда целыми днями сижу под ураганным огнем противника, иногда днями остаюсь без пищи, потому что подвоз невозможен, у меня 200 человек солдат, за которыми я должен следить, одевать, кормить и, самое главное, которых я должен воодушевлять и вести в атаку — что бы ты делал на моем месте?

А. в упор посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

— Я бы застрелился!

Через месяц он был демобилизован и вернулся в Полтаву.

КРЮКОВ — ВЫСШЕЕ НАЧАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Вскоре после нашей поездки в Киев (апрель 1917 г.) я был назначен помощником коменданта станции Киев, куда и уехал. В это время А. благополучно окончил институт и в августе (а не в октябре, как утверждают некоторые биографы) был назначен инспектором вновь преобразованного Крюковского ж. д. высшего начального училища[16].)

Я оставался в Киеве до октября 1917 г., когда вновь пришедшие большевистские власти выбросили меня чуть ли не на улицу. Я приехал в Крюков, где А. великодушно пришел мне на помощь и предложил место учителя в его училище (спорт, рисование, математика).

В училище я застал вновь сформированный коллектив преподавателей, где были даже двое с университетскими дипломами, а именно, демобилизованные, как и я, В. Крылов и Н. Кемов (последний пришел в училище позже — в апреле 1918 г.). Из других преподавателей были: П. И. Карапыш, В. И. Поповиченко, А. П. Сугак, Ю. Попова и Диденко; Таня Коробова преподавала рукоделие. При украинцах (1918 г.) Закон Божий преподавал священник Д. И. Григорович.

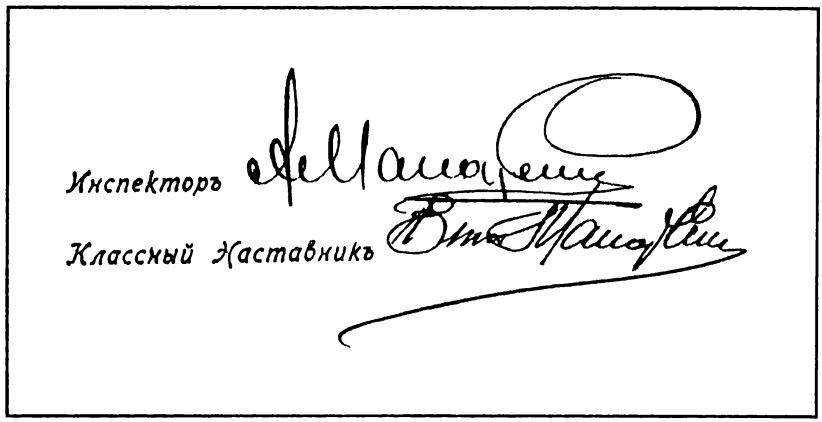
Потекли однообразные дни школьных занятий.

Вообще, надо сказать, что по обстоятельствах тех времен, чисто педагогическая часть нашей деятельности отошла на второй план. На первом плане были заботы о "хлебе насущном" и одежде.

Надо отметить, что два года, которые мы провели в Высшем начальном училище (1917-1919), прошли под знаком крайних материальных лишений: власти сменялись чуть ли не каждые 2 ме-

сяца (большевики, немцы, вновь большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр.), и население было разорено. На рынке не было ни мяса, ни рыбы, ни масла, ни сахара, и даже простого хлеба не хватало. Крестьяне не отдавали продуктов за деньги, на которые они сами ничего не могли купить, так как не было ни обуви, ни мануфактуры, вообще ничего. Единственная возможность достать что-нибудь — обмен: надо было отдать пальто, сапоги или пару простынь, чтобы получить немного муки, хлеба или сала. Так же трудно обстояло дело с одеждой: наши ребята были плохо одеты, и А. был страшно рад, когда в интендантстве ему удалось получить 300 полушубков, которые в тот же день были розданы ученикам. Позже ему удалось получить еще 300 пар валенок (правда, не новых)[18].)

Конечно, и учащиеся встречали трудности на пути приобретения необходимых принадлежностей — на свободном рынке почти ничего не было. Но я имел возможность помочь делу, так как был хорошо знаком с директором крупного Дитятковского писчебумажного товарищества, которое имело в Кременчуге самый большой магазин. С сыном этого директора я учился в реальном училище и вместе его окончил. Я обратился к нему с просьбой отпускать нам товар по оптовым ценам, что давало 25% понижения цены розничной. Он любезно согласился. А. был страшно рад и дал нам из казенных сумм 5 000 рублей на оборотный капитал (в 1918 г. это были гроши).



Подпись братьев Макаренко А.С. и В.С. на ученической характеристике Крюковского высшего ж. д. училища за 1918-19 гг.

Решили создавать ученический кооператив.

Ученикам, желающим быть членами кооператива, было предложено внести по 100 рублей (приблизительно 50 копеек довоенного времени). Правление кооператива было избрано из учеников, так же как и кассир и ревизионная комиссия. Весь товар разместился в двух больших шкафах, и торговля производилась 1/2 часа до уроков и во время большой перемены. Кооператив брал всего 7% прибыли на покрытие расходов по доставке и возможную порчу товаров. Большинство учеников записалось в кооператив (90%), и все они имели в изобилии прекрасного качества тетради, бумагу для черчения, готовальни, линейки, треугольники, карандаши, резинки и пр. Все были очень довольны, так как это избавляло их от беганья по пустым крюковским магазинам.

Естественно, что ребята очень интересовались военной службой. Я донашивал еще форменную одежду (кроме погон) — да другого у меня и не было. Меня расспрашивали о войне, об окопах, о ранениях и наградах. И как-то незаметно, без определенного плана, я стал заниматься с ребятами военным строем. Во время уроков гимнастики, несмотря ни на какую погоду, мы строились во дворе, перестраивались и затем уходили с песнями куданибудь в ближайшие окрестности.

После военного строя как-то незаметно вопрос зашел о знамени: почему у нас нет своего знамени? Мы хотим иметь свое знамя! Я им посоветовал обратиться прямо к А.

Вначале А. был против:

— Я не хочу здесь заводить казарму!

Надо сказать, что до тех пор А. был принципиальным противником военных. Может быть, этому содействовали воспоминания об афронте, который он получил в дни своего увлечения Наташей Найдой, а также на основании своего печального опыта в киевской казарме, — не знаю, но солдаты были для него только "серой скотинкой", а офицеры "пщютами" и недоучками.

К счастью, к нам на помощь пришел В. Крылов, который убедил А., что военный строй не имеет ничего плохого так же, как и знамя. Он напомнил А., что военный строй применяется не только в армии, но и у бойскаутов и в кадетских корпусах и имеет большое воспитательное значение. Так или иначе, но когда Крюков был занят немецкими войсками, у нас было уже свое знамя с двумя широкими лентами — желтой и голубой — цветами Укра-

инской Республики. Знамя было шелковое, белое, окаймленное золотой бахромой. С одной стороны были вышиты инициалы училища и эмблема путей сообщения (кажется, скрещенные топор и якорь). С другой стороны, по настоянию попа, Таня Коробова вышила текст из евангелия: "Тако да просветится свет ваш пред человекои".

(Когда украинцев сменили большевики (в начале 1919 г.), мы сняли со знамени желтую и голубую ленты и заменили их красными. В скором времени, по какому-то революционному поводу, большевики устроили большой парад, на котором, кроме войск, должны были присутствовать и все учебные заведения. Мы пришли с нашим белым знаменем, увидели на площади десятки ярко красных знамен. Через 5 минут к нам прибежали разъяренные распорядители и приказали немедленно убрать "белогвардейское" знамя и больше с ним никогда не показываться. Хранить это знамя было опасно. А. приказал его уничтожить и заменить красным знаменем и уже без "Тако да просветится...", что мы и сделали.

Оркестра у нас еще не было, но был оркестр Крюковских мастерских, и в одно из первых весенних воскресений 1918 г., сопровождаемые многочисленными родителями, мы совершили нашу первую военную прогулку со знаменем и оркестром в Деевский лес, в 3-х километрах от училища, где оставались целый день — пели, играли, варили кашу, вообще, провели чудный день; тогда у А. исчезли последние сомнения относительно полезности военного строя. Немного позже, к лету 1918 г., у нас уже был собственный духовой оркестр (существование которого подтверждает в своих воспоминаниях П. И. Карапыш) в 20 человек музыкантов, которым управлял Краснов.

Наши военные прогулки стали регулярными[18].)

Деньги на покупку духовых инструментов мы получили из выручки за спектакли драматического кружка имени В. Г. Короленко.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК ИМЕНИ В. Г. КОРОЛЕНКО

Этот кружок был моим детищем, так же как военный строй, знамя и оркестр.

Надо сказать, что я до этого был уже отравлен театральным

ядом, так как участвовал в театральном кружке, который существовал в реальном училище. Я уже выступал в спектаклях, которые устраивались у нас 3-4 раза в год. Мы уже ставили "Ревизора" и "Женитьбу" Гоголя, "Горе от ума" Грибоедова, мелкие пьесы Чехова и Горбунова и другие образцы классической литературы.

Когда я был в Киеве на должности помощника коменданта станции Киев, я два раза в неделю посещал великолепный Киевский драматический театр Соловцова. Когда я приехал в Крюков и попал в коллектив преподавателей высшего начального училища, у меня невольно возникла мысль о возможности устройства любительских спектаклей в Крюкове.

Во время одной из больших перемен я категорически и твердо предложил создать драматический кружок и даже предложил первую пьесу для постановки, а именно "Касатку", комедию А. Н. Толстого, которую я видел у Соловцова в начале октября 1917 г.

А. вспыхнул сразу горячим сторонником кружка, остальных пришлось с трудом раскачивать — во всяком случае, большого энтузиазма я не встретил, почти никто не верил в успех нового предприятия.

Надо сказать, что трудности, которые нас ожидали, были неимоверные. Был театр, где была сцена, но это все. Была одна единственная декорация, но не было ни мебели, ни бутафории, ни реквизита, ни, главное, костюмов. На каждый спектакль, в особенности на такие как "Дядя Ваня", "Вишневый сад", "Осенние скрипки", приходилось писать декорации, доставать всю нужную мебель и реквизит и, кроме того, специально приспосабливать электрическое освещение. Кроме того, надо было доставать костюмы, что было делом нелегким. Здесь я должен с благодарностью вспомнить беззаветную преданность нашему театральному делу моего старого друга по реальному училищу — Б. Ф. Горонович. Трудность заключалась в том, что не только надо было все отыскать, но надо было еще доставить в театр, а после спектакля снова возвратить по принадлежности.

Первый спектакль было поставить очень трудно. Актеры были совершенно неопытны, и надо было иметь много настойчивости, чтобы заставить их говорить для зрительного зала, то есть довольно громко и довольно отчетливо.

Так или иначе — спектакль был решен. Мы репетировали в

школе, собираясь по вечерам, где А. для поднятия настроения к каждой репетиции заказывал сторожу Ивану Васильевичу две бутылки самогона с легкой закуской.

И, наконец, в конце января 1918 г., на улицах Крюкова появились большие красные афиши, объявляющие о предстоящем спектакле. Это была дата в истории Крюкова, где до этого процветал только избитый украинский водевиль вроде "Наталки-Полтавки" и т. п.

Театр был набит публикой до отказа, и мы пожинали заслуженные или незаслуженные лавры. Перед спектаклем все артисты хором исполнили "Интернационал". Во всяком случае, успех был полнейший, успех, который окрылял нас для последующих постановок.

За два года существования этого коллектива (1917-1919 гг.) нами было поставлено около 12 спектаклей, среди них: "Касатка" и "Кукушкины слезы" А. Н. Толстого, "Дядя Ваня" и "Вишневый сад" А. П. Чехова, "Женитьба" Н. В. Гоголя, "Осенние скрипки" И. Д. Сургучева, "Отец" А. Стриндберга. Одноактные пьесы Чехова были поставлены почти все: "Юбилей", "Медведь", "Предложение", "Трагик поневоле" и др. Кроме того была поставлена оперетка "Иванов Павел" и написано два злободневных ревю.

А., который был административным директором кружка, только один раз выступал как артист. Большая близорукость мешала ему ориентироваться на сцене, и в конце концов он взял на себя неблагодарную роль суфлера. Я, как художественный директор кружка, был режиссером в двух спектаклях: "Касатка" и "Кукушкины слез", которые я видел у Соловцова. Остальные спектакли прошли в коллективной режиссуре.

На деньги от спектаклей были в первую очередь куплены инструменты для духового оркестра, затем пособия по физике[20].

"АКО"

Насколько А. был отзывчивым, добрым и благородным человеком, показывает пример его отношения к "АКО". "АКО" - было сокращенное название Ассоциации крюковских офицеров.

Октябрьская революция оставила 150000 русский офицеров без всяких средств к существованию, не говоря уже о том, что разнузданные чернь и солдатская масса рассматривали их как своих первых врагов, преследовали и, где можно, убивали. Вполне понятно, что знакомство с ними было на подозрении, и все их избегали, как зачумленных.

В Крюкове была группа в 15-20 офицеров. Конечно, А. был знаком почти со всеми, а некоторые из молодых даже были его прежними учениками.

И, надо отдать ему должное, он имел достаточно гражданского мужества, чтобы не только не чуждаться их, но еще прийти к ним на помощь.

Что предложил А.?

Прежде всего, объединиться и составить Ассоциацию крюковских офицеров. Затем, так как дело было весной 1918 г. и занятий в училище уже не было, он предложил в распоряжение ассоциации здание училища, как клуб офицеров, где можно было бы иметь постоянный буфет, биллард, устраивать вечеринки и пр. Надо отметить, что он сделал это своей собственной властью не испросив разрешения высшего ж. д. начальства.

Мало этого - так как в училище не имелось подходящей мебели, он обратился к начальнику мастерских Н. А. Кожевникову и просил предоставить нужную мебель в училище.

Тот согласился, и в училище принесли вагонные диваны, кресла, стулья и столики. Устроили буфет, поставили биллиард, и через несколько дней уже дали первую танцевальную вечеринку, которая имела большой успех. Потом вечеринки давались регулярно 2-3 раза в неделю. Материальный успех был очень большой, и вскоре наиболее нуждающиеся из офицеров уже смогли получить денежные пособия.

Местные большевики были возмущены и донесли об этом в Управление Южн. ж.д., но Управление не реагировало, и А. не получил никакого нагоняя.

Этот клуб функционировал до начала осенних занятий, когда, конечно, его пришлось закрыть. Предприятие это можно было сделать только потому, что в то время Украина была занята германской армией.

ТРУДОВАЯ ДРУЖИНА

Последним предприятием, которое А. осуществил в Крюкове, была организация 1-ой Трудовой дружины. Это происходило весной 1919 г. и было полным неуспехом. Я даже и сейчас не знаю, какую цель преследовал А.

Сняли большой сад Архангельского (отца Е. Ф.). В принципе приняли организацию бойскаутов (даже девиз бойскаутов "будь готов" был принят[21]), разбили учащихся на отряды (огородники, садовники, пчеловоды, охрана и пр.), но пчел не было, потому что не было денег, а пчелы стоили дорого, фруктовые деревья были дикие. В конце концов, все стали огородниками.

Но работа для ребят была тяжелая, поэтому на деле была только небольшая группа, остальные манкировали (кроме того, живущие на линии не могли участвовать, так же как не могли участвовать живущие в Кременчуге, т.к. летом ученический поезд не курсировал). Манкировали и учителя, которым неинтересно было окапывать картошку во время летнего отдыха. Кроме того, ученики не знали для кого предназначаются будущие овощи. Родители тоже были недовольны - почти у каждого был свой сад и огород, и им было совсем неинтересно посылать детей на работу в дружину. К августу осталась только небольшая группа, человек 25-30 верных мне учеников, мы и ночевали в саду. Последние дни даже А. не показывался на огороде.

В конце концов, в августе, когда овощи созрели, их раздали приглашенным родителям и учителям[22].

В августе же Крюков был занят добровольческой армией. Новые власти даже не заглянули в наше училище[23], но А. чего-то испугался, бросил все и уехал в Полтаву[24].

Я РАССТАЮСЬ С АНТОНОМ И РОДИНОЙ НАВСЕГДА

Но, может быть, поспешное бегство А. в Полтаву станет понятным, если рассмотреть события тех дней в их политическом контексте.

Добровольческая ("Белая") армия организовалась на юге России из элементов населения, жизни и благоденствию которых угрожала опасность со стороны большевиков, которые видели в них своих "классовых" врагов. Это совсем не были представители правящего класса. Аристократы, помещики и капиталисты - все те, у кого были деньги, в большинстве покинули Россию сразу же после Февральской революции. Добровольческая армия была укомплектована, главным образом, офицерами, юнкерами военных училищ, студентами, гимназистами, представителями духовенства, мелкими коммерсантами и т. п. Большой процент также составляли зажиточные крестьяне.

Эта армия с большим успехом наступала на север, по направлению к Москве. Ответ большевиков на это наступление: они объявили "красный террор".

Наступили мрачные, тяжелые дни. Людей арестовывали и уничтожали не за какое-нибудь преступление, но только за то, что они могли быть "потенциальными" врагами.

У нас (как и везде) арестовывали ночью, без суда на грузовике отвозили на Кременчугское кладбище и там расстреливали. На другой день, за подписью так называемого "революционного трибунала", в местной газете "Приднепровский край" печатался список казненных, как указывалось, за контрреволюционную деятельность.

Конечно, расстреливали, главным образом, все тех же "классовых" врагов, но было и сведение личных счетов, попадались и рабочие, и крестьяне. Никто никому никакого отчета не давал.

Уже несколько человек из моих друзей офицеров погибли. Грозная опасность повисла над моей головой[25].

С конца июня 1919 г. я перестал ночевать дома, а проводил ночи в саду 1-й трудовой дружины, вместе с несколькими, преданными мне, учениками. Иногда к нам присоединялся Н. Кемов (тоже бывший офицер, как и В. Крылов - но этот последний жил в Кременчуге).

В начале июля я был в саду, когда пришла моя жена, вся в слезах, и сказала мне, что один из ее хороших знакомых, работавших в Крюковской Чека, предупредил ее о том, что я буду расстрелян ближайшей ночью.

Я провел ночь у знакомых. Действительно, ночью пришел отряд чекистов и меня искали повсюду. Надо было скрываться, уходить[26].

Первый день я провел у Н. П. Найды, которая жила вне города. Но оставаться у нее было опасно и для меня и для нее. Мне нашли старую крестьянскую одежду и порекомендовали найти приют у дорожного мастера Василенко, который жил на линии в 10 километрах. Его сын учился у нас в В. Н. Училище.

Василенко не очень мне обрадовался. Он посоветовал мне идти работать в поле, принадлежавшее ему, где в это время начиналась жатва. Но рабочие смотрели на меня с подозрением, и я счел благоразумным уйти.

Начались мои скитания по полям, которые длились целый месяц. На дорогах попадались отступавшие красноармейцы, и несколько раз мне пришлось бежать. Однажды по мне открыли ружейный огонь, и я спасся только благодаря тому, что успел скрыться в огромном кукурузном поле.

Между тем, гром артиллерийской канонады все приближался и, наконец, в один прекрасный день на ж.д. линии я увидел бронепоезд с трехцветным, национальным флагом. Крюков и Кременчуг были заняты Добровольческой армией.

Я пришел в Крюков исхудалым, оборванным, без обуви и заросший месячной бородой. А. искренно обрадовался мне и чуть не со слезами бросился на шею.

Население встречало Добровольческую армию как освободительницу - со слезами и цветами. Но уже через несколько дней стало ясно, что в этой армии, сражавшейся храбро и мужественно, не было никакой новой политической программы и что фактически, может быть, сама того не желая, она сражалась за восстановление дореволюционного режима. Воины не могли об этом думать, а у высшего командования не было нужного авторитета.

Восторг сменился разочарованием. Стало ясно, что население, в особенности крестьянство и рабочие, не поддержат Доброармию, что ее успехи временны и что в конечном итоге ее ожидает поражение.

А. это понял сразу, и, я думаю, это было одним из факторов, заставивших его покинуть Крюков.

Но был фактор более важный.

Сразу же после занятия Крюкова я был мобилизован. Но вместо того, чтобы отправить меня на фронт, меня откомандировали в распоряжение начальника Крюковской контрразведки (политическая секция армии). А., наверное, предполагал, что Крюковская контрразведка развернет широкую контрреволюционную деятельность, поэтому постарался уйти подальше и быть вне всяких подозрений. (Все это только мои предположения - о причинах его ухода из Крюкова я никогда с ним не говорил).

В действительности за 4 месяца оккупации Добровольческой армией в Крюкове были арестованы всего 2 человека. Я был достаточно осведомлен, чтобы знать, что ни В. Н. Училище и никакое другое не подвергались никаким репрессиям. В частности, учитель П. И. Карапыш никогда не был арестован, как это утверждает Е. Балабанович.

В середине ноября я был командирован на несколько дней в Харьков. На обратном пути я остановился на несколько часов в Полтаве и отправился на Пушкинскую улицу к Е. Ф. Там я встретил и А. и Веру с Катей Костецких. Но какой холодный и печальный прием мне оказали! Я был в форме, при погонах и оружии, Видно было, что я был нежелательным гостем. Все молчали, и я чувствовал, что мой визит вызывает у всех только тревогу. Настроение было невыносимое, и я счел благоразумным как можно скорее ретироваться. Я поцеловал руки у дам и обнял А.:

- Будь здоров, Антон. Ты знаешь, что у меня нет другого выхода.

- Будь здоров. Знай одно, что мое отношение к тебе лично нисколько не изменилось.

Это было наше последнее свидание. Больше мы с ним никогда не встречались.

По приезде в Крюков я без разрешения оставил контрразведку и поступил пулеметным офицером на бронепоезд "Генерал Марков".

В декабре 1919 г. началось отступление. Я попал в Крым, где мы держались еще 10 месяцев, до ноября 1920 г., когда Крым был занят большевиками. Я эвакуировался в Константинополь, провел год в лагере в Галлиполи и в конце 1921 г. попал в Болгарию.

Из Болгарии я начал попытки связаться с Россией. Первое письмо мне удалось получить от друга по реальному училищу, который вскоре сообщил мне адрес А. в колонии им. М. Горького. В конце 1922 года получил первое письмо от А. Я не помню точно, в каком году наша переписка оборвалась, но она была очень трудна и не регулярна. За все время я получил 14 писем, которые, к сожалению, погибли во время пожара, который был у меня в 1948 г. Погибло также несколько ценных фотографий. (Я помню одну, снятую в колонии М. Горького. На ней красовался огромный плакат с надписью: "Руины в этом месте - руины в нашей жизни. 5 лет мы боролись с руинами. Сегодня мы празднуем победу").

Постараюсь восстановить то, что память сохранила почти слово в слово.

"...Я несказанно рад, что ты жив и здоров. Почему-то я был уверен, что никакие тифы и никакие снаряды тебя не тронули..."

"...Я не могу тебе писать ничего другого, кроме описания наших ребят и наших поросят. Ребята, по существу, не очень отличаются от учеников, которых имели в Крюковском училище..."

"...Я не описываю тебе много деталей, так как для тебя здесь нет почти ничего нового, У нас есть знамя, есть оркестр, есть прогулки. Надо заботиться о пище для поросят, о ребятах, надо их одевать, надо иметь уголь. Ничего похожего на твою жизнь: Константинополь, Черное море, Греция и пр. Для тебя мои мелочи будут неинтересны..."

"...Ты был прав! Я живу в Трибах среди темных дикарей. Приведу один пример:

Со времени основания Русского государства мы никогда не имели культурных дорог. Весной и осенью мы месим грязь, которая доходит колесами до ступиц. И вот власти решили построить нам хорошую дорогу из Полтавы в Харьков, которая проходит мимо Триб и колонии М. Горького. Необходимые материалы: доски, бревна, цемент и пр. Вообще сделали все необходимое: чтобы облегчить для крестьян поездки в город.

Вообрази! Их привезли, допустим, сегодня. На другой день не осталось ничего - все было раскрадено..."

(Здесь А. вспоминает о нашем разговоре, который был у нас во время одной из наших многочисленных прогулок по Крюкову. Тогда я сказал ему, что наш мужик еще слишком темен, что он

не дорос еще до степени гражданственности. Он еще не гражданин и совершенно лишен социального начала. Он дикарь и может интересоваться только своей хатой, своими быками и лошадями).

"...Мама живет у меня. Она очень грустит по тебе и называет меня иногда Витей. Она постарела, но еще очень бодра и сейчас читает уже 3-й том "Войны и мира" Толстого..."

"...После твоего ухода наш дом был разграблен, то, что называется, до нитки. Не только унесли всю мебель, но даже забрали дрова и уголь в сарае..."

"...Костя Загнойко (наш зять) перевелся из Знаменки в Кременчуг. Он теперь машинист 1-го класса, вступил в партию и буквально выгнал маму из нашей хаты..."

"...Карапыш вступил в партию. Он развелся с женой и женился на Ксении Безрук. А у него были почти взрослые дочери..."

"...В Крюкове мерзость запустения. "Корсо" сгорело, и на его месте стоят живописные развалины..."

"...Катя Сосновская овдовела (В. Крылов умер в 1920 г.) и вышла замуж..."

"...Я страшно жалею, что ты не со мной. У нас очень много мещан и до ужаса мало энтузиастов..."

"...Черт возьми! Ты - в Ницце. Об этом можно только мечтать. Наверное, Ницца совсем не похожа на наши Трибы..."

"...Я думаю, что тебе рано еще возвращаться на родину. Разбушевавшееся море еще не совсем успокоилось..."

Приблизительно в конце 20-х годов моя переписка с А. оборвалась. Но это было общее явление, и мои друзья также перестали мне писать. Очевидно, это была директива свыше.

3 апреля 1939 г., в Париже, я купил русскую газету "Последние Новости", развернул ее, и в глаза мне бросился заголовок "Умер писатель А. Макаренко".

Я несколько раз перечел короткую заметку, и сомнений не могло быть - А. ушел от нас навсегда.

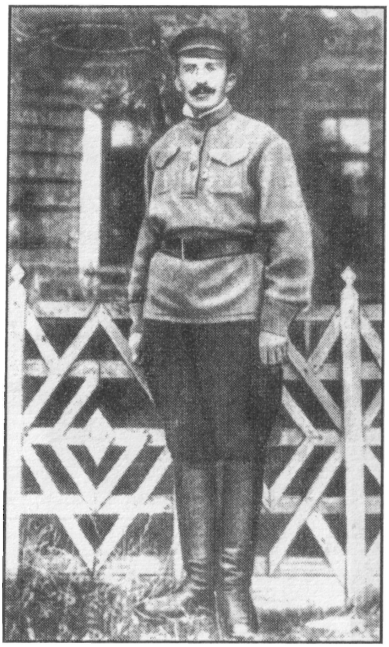
Я отслужил в Александро-Невском соборе панихиду и долго еще потом не мог сдержать слез.

Независимо от того, что это был мой брат, я потерял в нем самого благородного, самого человечного, самого чуткого и, наверное, самого умного человека из тех, кого я встретил на моем жизненном пути[27].

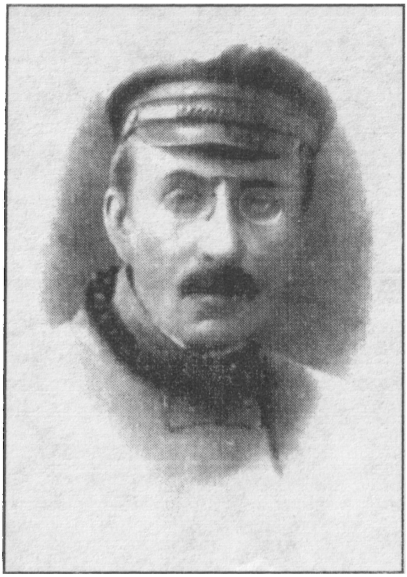
НА РОДИНЕ И НА ЧУЖБИНЕ

Фотоочерк

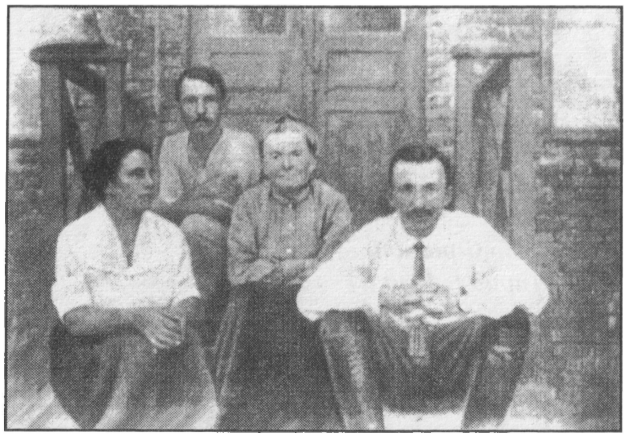
А. С. Макаренко и старший инструктор колонии им. М. Горького М. П. Николаенко (1923 г.)



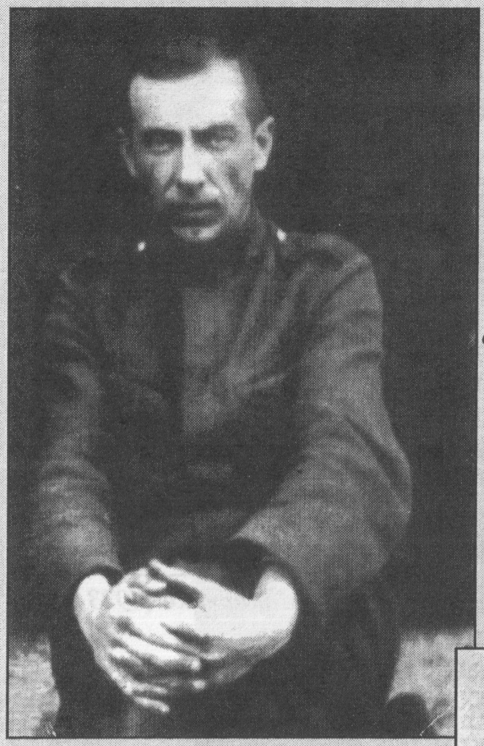
А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького (1925 г.)



А. С. Макаренко (1923 г.)



А. С. Макаренко, его мать, Е. Ф. Григорович с братом (прибл. 1926-27 гг.)



В Болгарии (?)
Надпись от руки
В. С. Макаренко
(на обратной стороне снимка): «Мефистофель!!!
Виталий»

Во Франции
(прибл. 1930 г.)

М. Горький в колонии (июль 1928 г.)

В коммуне (1928 г.)

Во Франции (1929 г.)

А. С. Макаренко в волжском походе коммунаров (1933 г.)

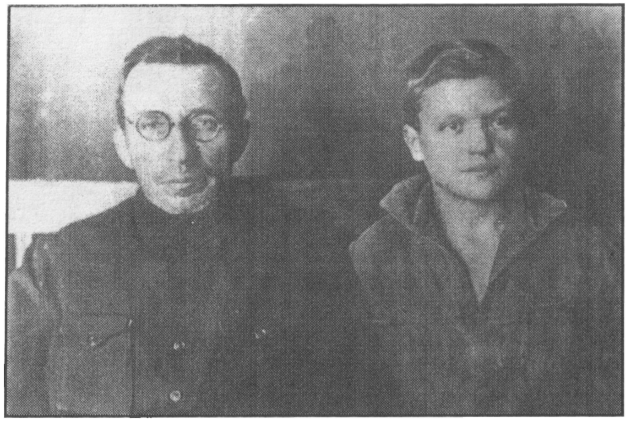
А. С. Макаренко и врач коммуны им. Дзержинского Р. Р. Радовольский (1933 г.)

А. С. Макаренко и художественный руководитель Харьковского театра русской драмы Н. В. Петров (1936 г.)

А. С. Макаренко среди сотрудников коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (1930 г.)

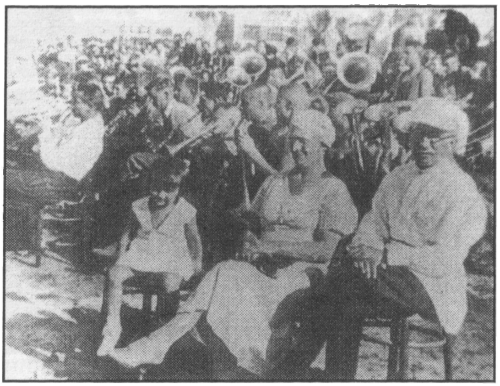
"Макаренко Антон Семенович. Комментарии излишни" (из альбома коммуны им. Ф.Э. Дзержинского 1932 г.)

А. С. Макаренко (1933 г.)



А. С. Макаренко и коммунар Федор Борисов (прибл. 1932 г.)

Удостоверение Макаренко А. С. — пом. начальника коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (1932 г.)



Репетиция оркестра коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Рядом с А. С. Макаренко — директор школы, в которой жили коммунары (Бердянск, август 1932 г.)

В Париже (1933 г.)

В Париже (1939 г.)

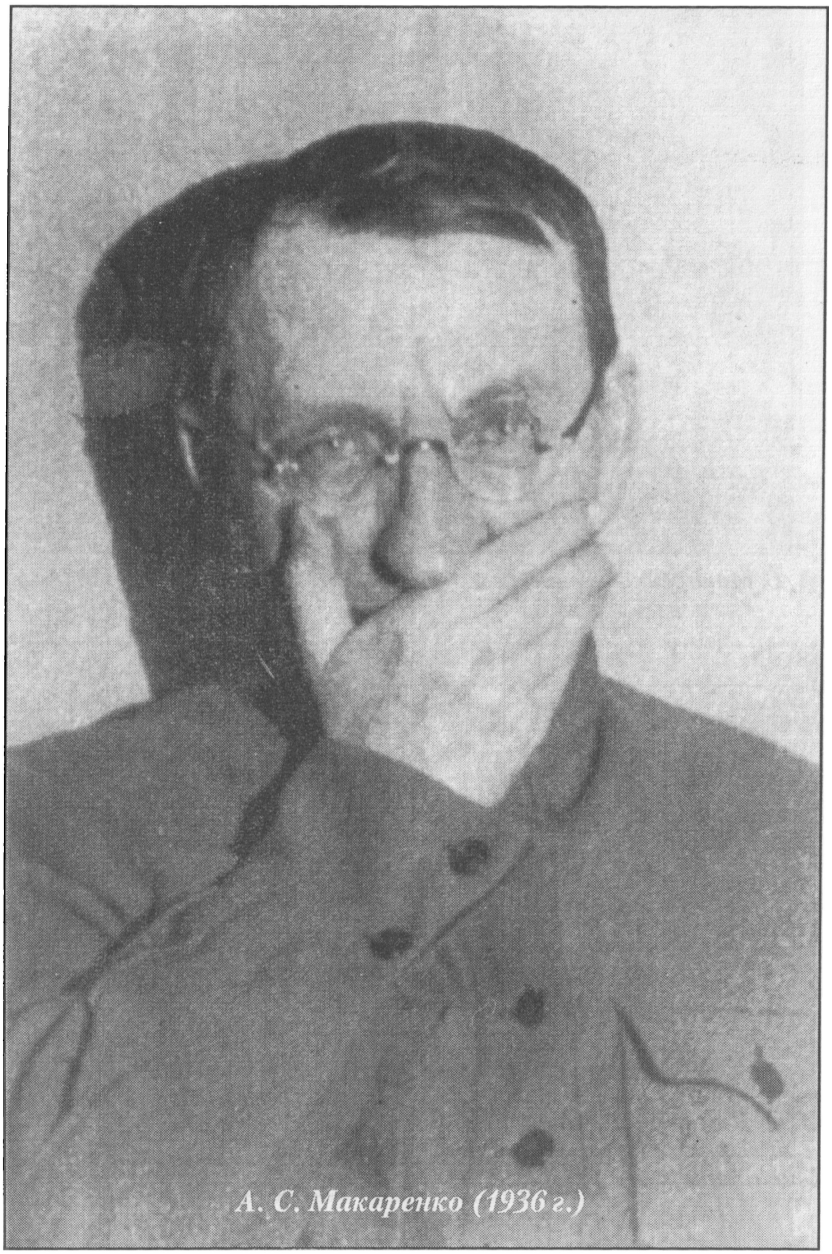
В. С. МАКАРЕНКО

В Лионе (прибл. 1929 г.)

А. С. Макаренко в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (прибл. 1934 г.)

А. С. Макаренко, воспитатель Т. Д. Татаринов и коммунарка Клава Борискина (прибл. 1934 г.)

А. С. Макаренко (прибл. 1934 г.)



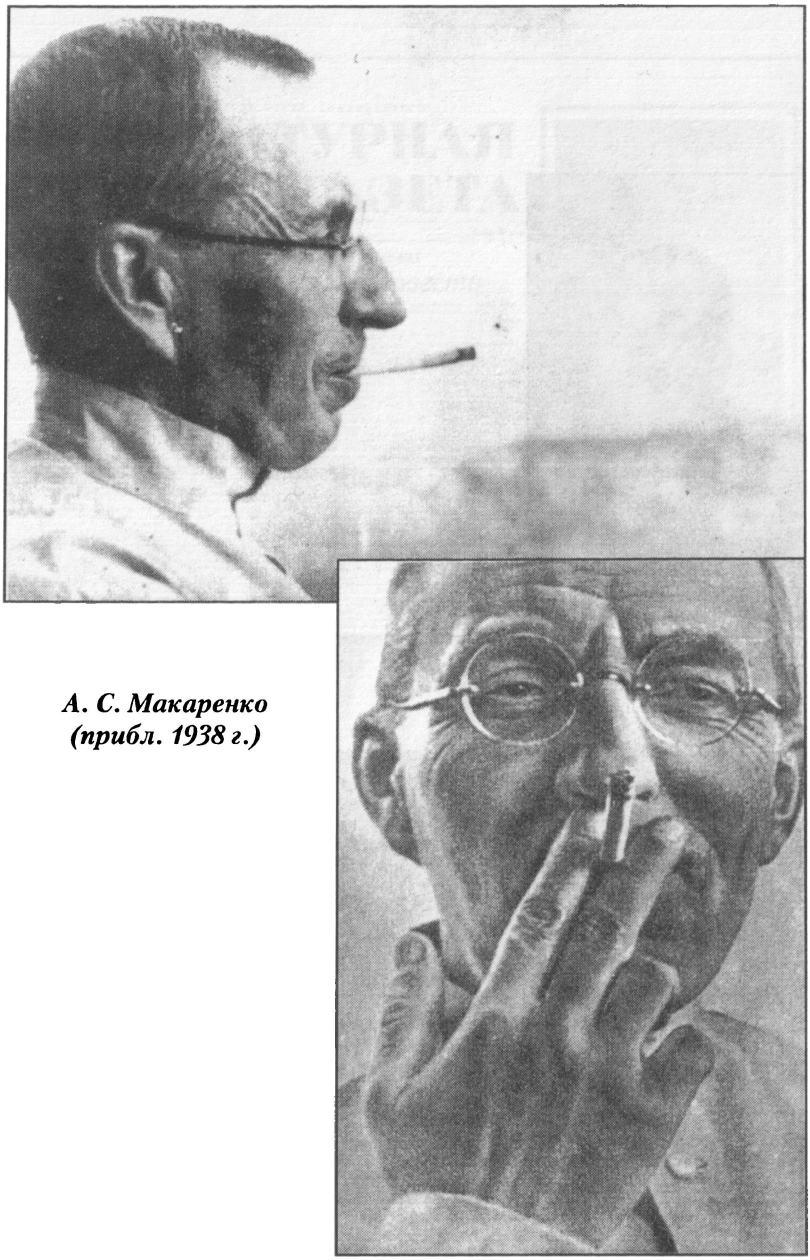
А. С. Макаренко (1936 г.)

А. С. Макаренко
(прибл. 1934-35 гг.)

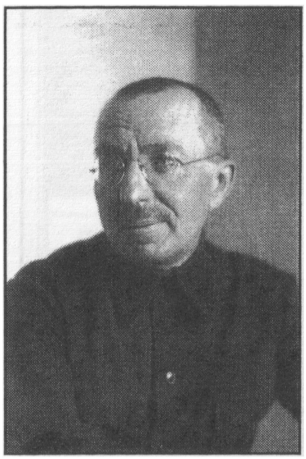
Из удостоверения Макаренко А. С. — пом. начальника отдела трудколоний НКВД УССР (1936 г.)

Макаренко в своем рабочем кабинете в Киеве (1936 г.)

А. С. Макаренко и работники Московского завода "Шарикоподшипник" (октябрь 1936 г.)



А. С. Макаренко
(прибл. 1938 г.)



А. С. Макаренко (1938 г.)

А. С. Макаренко в литкружке школы № 91 (февраль 1939 г.)

Москва

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, В. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 19 (798) | 5 апреля 1939 г., среда | Цена 30 коп.

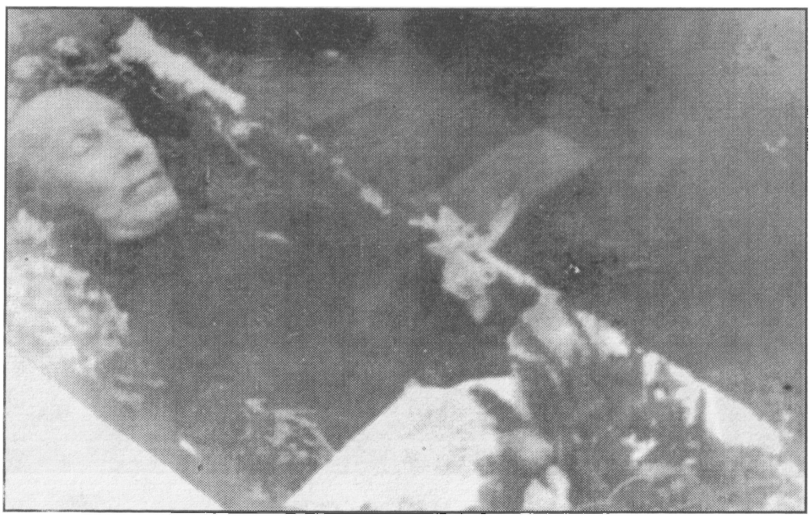
КРОВНОЕ ДЕЛО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

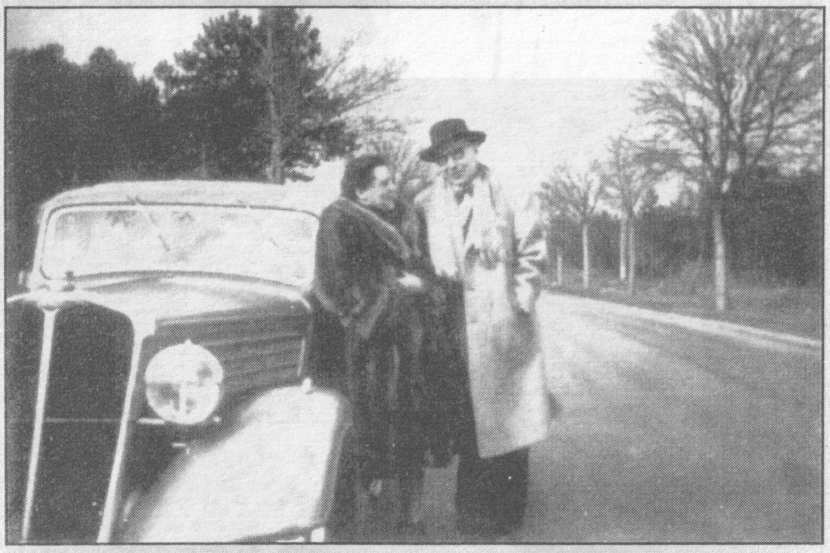
Отрывок из повести

БОРИС ЛЕВИН

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

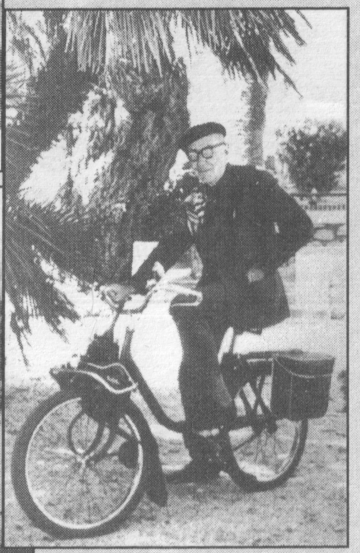


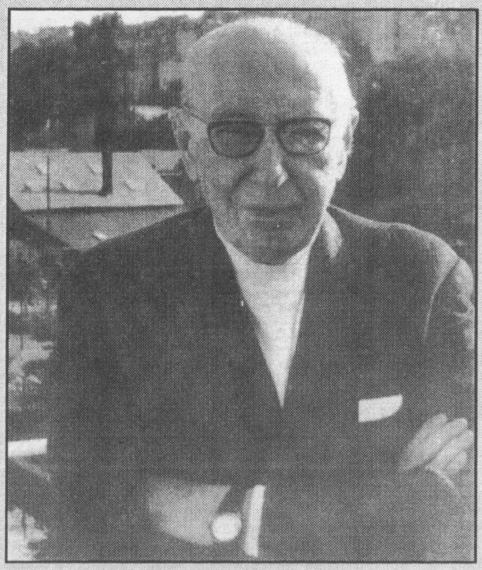
В. С. Макаренко во Франции (прибл. 1957 г.)



С женой в Италии (1951 г.)

В городе Йере
(прибл. 1970 г.)





В Марбурге (1971 г.)

На коллоквиуме
(слева: Эрика Гартманн, справа: Зигфрид Вайтц)

Из переписки лаборатории

“Макаренко-реферат"

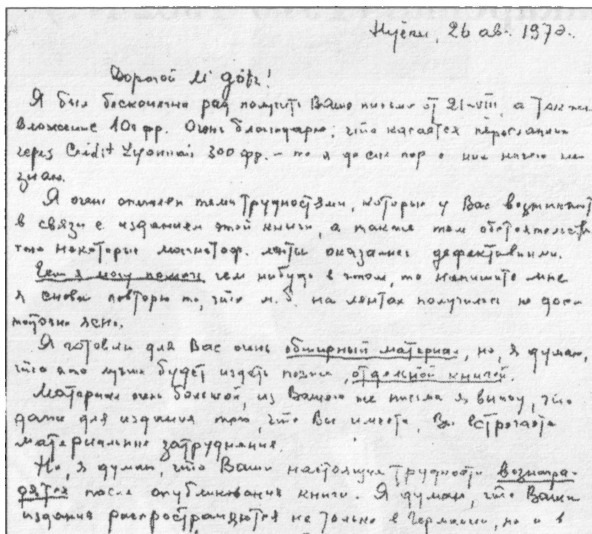
с В.С. Макаренко (1970-1982 гг.)

26 августа 1970 г.

[...] Я готовлю для Вас очень обширный материал, но я думаю, что это лучше будет издать позже отдельной книгой.

Материал очень большой; из Вашего письма я вижу, что даже для издания того, что Вы имеете[1], Вы встречаете материальные затруднения.

Но я думаю, что Ваши настоящие трудности вознаградятся после опубликования книги. Я думаю, что Ваши издания распространяются не только в Германии, но и в других странах. Многие захотят перевести эту книгу, и в таком случае Вы получите деньги за разрешение на перевод — ведь авторские права останутся за Вами, а не за мной. Я уверен, что насколько эта книга не понравится коммунистам, настолько она явится сенсацией для всех остальных. Подумайте! 50 лет большевики всеми силами старались скрыть мое существование, 50 лет они лгали самым наглым образом, выдумывали всякие фантастические небылицы, а, главное, обливали грязью все прошлое и превозносили свое, коммунистическое.



Нуйлан, 26 авг. 1970.

Дорогой м-р Добс!

Я был бесконечно рад получить Ваше письмо от 21-VIII, а также вложение 10 фр. Очень благодарю; что касается переправки через Crédit Lyonnais 300 фр. — то я сейчас пор о них напишу или дам.

Я очень огорчен тем трудностям, которые у Вас возникают в связи с изданием этой книги, а также тем обстоятельством, что некоторые магнитоф. ленты оказались дефектными.

Чем я могу помочь, если нибудь в этом, то напишите мне и снова повторю то, что я на ленте получил не достаточно ясно.

Я готовлю для Вас очень обширный материал, но, я думаю, что это лучше будет издать позже, отдельной книгой.

Материал очень большой, из Вашего же письма я вижу, что даже для издания того, что Вы имеете, Вы встречаете материальные затруднения.

Но, я думаю, что Ваши настоящие трудности вознаградятся после опубликования книги. Я думаю, что Ваши издания распространяются не только в Германии, но и в других странах. Многие захотят перевести эту книгу, и в таком случае Вы получите деньги за разрешение на перевод — ведь авторские права останутся за Вами, а не за мной. Я уверен, что насколько эта книга не понравится коммунистам, настолько она явится сенсацией для всех остальных. Подумайте! 50 лет большевики всеми силами старались скрыть мое существование, 50 лет они лгали самым наглым образом, выдумывали всякие фантастические небылицы, а, главное, обливали грязью

Я молчал 50 лет. Но сколько раз ко мне подбирались французские коммунисты и предлагали очень большие деньги (до 5 000 000 старых фр. — 50 000

новых) для того, чтобы я написал биографию нашей семьи, но биографию, выдержанную в духе коммун. идеологии.

Что касается моей просьбы ничего не печатать без моего согласия, то, конечно, я не хочу затруднять Ваше и без того трудное предприятие.

Я говорю только о тех местах, которые, я думаю, не следует печатать в том виде, в каком я передал их Вам. Напр., роман Антона с попадьей. Не называя имен (это вполне понятно), можно сказать: "В таком маленьком местечке, как Крюков, нельзя было скрыть обнаружившуюся близость А. С. к одной особе..." Не мне учить Вас — Вы сами найдете нужный тон и безобидный, и элегантный. Так же надо поступить в — действительно аморальном — случае романа 35-летнего М. Г. Компанцева с 15-летней Депутатовой. Об этом необходимо написать, но так, чтобы ни Вас, ни меня не смогли обвинить в пасквиле, клевете или желании копаться в "грязном" белье. [...]

Я не хочу, чтобы у читателя получилось впечатление, что я хочу уменьшить значение моего брата. Конечно, это был замечательный человек и замечательный педагог.

Нас связывала искренняя и глубокая дружба и, как я Вам говорил, в его письмах ко мне все время повторялся все тот же лейтмотив: "Если бы ты знал, как ты мне нужен, как мне трудно бороться с мещанством, ленью, глупостью, как трудно в нашей жизни найти энтузиастов..."

С другой стороны, я не хочу умалчивать о недостатках брата. Из него сделали ортодоксально-коммунистического святого [...].

В одном месте брат пишет: "После революции у нас, педагогов, даже голова закружилась — таковы были новые перспективы".

Знаете от чего кружилась голова у брата после революции? От наших театральных успехов в кружке им. Короленко.

Какие перспективы? Было холодно и голодно, мы пили морковный "чай", выстаивали часами в очередях за 1/2 ф. муки или 1/2 селедки, мы были оборваны и почти босы (случайно мы с А. нашли у одного еврея высокие брезентовые сапоги, шнурованные на высоких каблуках, какие в Кременчуге носили только проститутки — но мы были рады и тому; недели 2 мы "ковыляли" от неумения ходить на высоких каблуках, потом каблуки отлетели к черту, но мы продолжали ходить, теперь уже совсем без каблуков).

Но театр продолжал существовать. Ни о каких революциях, ни о каком Ленине и пр. брат и не думал. [...]

Я много потом играл в эмиграции в театре, уже как профессиональный артист — в Константинополе, в Софии..., но я никогда не видел человека, который был бы так отравлен "театральным ядом", атмосферой кулис, уборных, декораций, освещенной рампы, запахом грима и париков и т. д. [...]

Благодарю за предложение посетить Германию. Этот проект трудно осуществим. Вот уже 45 лет, как я во Франции, и я ничем себя не запятнал, но у меня нет франц. подданства. Чтобы поехать в Германию, мне надо будет получить специальный паспорт, т. наз. "titre de voyage". Если я его попрошу сегодня, то "в лучшем случае" я его получу через 4 месяца, а м. б. через 6, а м. б. через год. Конечно, это издевательство, отвратительный шовинизм, допотопная рутина... Но это так...!

Вскоре после Вашего отъезда мои друзья из Cannes предложили мне поехать с ними на 10-12 дней в Италию — посетить Флоренцию, Рим, Неаполь, Бари, Пизу и пр. Все расходы они брали на свой счет. Но когда я обратился за паспортом в полицию, то мне сказали, что я его получу не раньше, как через 4 месяца. Между тем, они уезжают 2 сентября. Что делать? Мы живем на положении париев.

Я хотел еще попросить, чтобы в новую книгу Вы не забыли поместить выдержки из писем ко мне А. Лебедя. Это не апокриф. Если Вы его найдете, то, конечно, он подтвердит все, что он мне писал. Но даже если Вы его не найдете, я считаю, что места, подчеркнутые красным, необходимо опубликовать[3].

Впрочем, я, конечно, ничего не требую. Ведь я до сих пор ничего не знаю о Вашем политическом "credo". Многие университетские корпорации сейчас настроены революционно. Вот Вы собираетесь встретиться с советскими коллегами в Чехословакии. Интересно, расскажете ли Вы о нашей встрече? Интересно, какова будет их реакция.

Конечно, я разрешаю Вам в качестве материала использовать мои письма к Вам, если Вы найдете в них что-нибудь интересное. Здесь, предоставляю Вам полную свободу. [...]

P. S. Не забывайте, я страшно одинок.

3 декабря 1970 г.

В связи с "Личной библиотекой А. С. Макаренко" (музей А. С. Макаренко, Кременчуг) вопрос: Имел ли Ваш брат какую-либо библиотеку до 1920 года?

8 декабря 1970 г.

[...] Никакой библиотеки в Крюкове у Антона не было. Абсолютно никакой. Не было ее также в его полтавской квартире во время пребывания в Полтавск. уч. институте.

Никаких книг не было также у Е. Ф. Григорович.

[...] Но даже, если бы в Крюкове и была какая-то библиотека, не надо забывать, что в декабре 1919 г., после ухода белой армии, наш дом был разграблен, как писал сам Антон - "до нитки". Унесли не только все, что было в доме, но выломали даже заборы и вырубали в саду все фруктовые деревья. ("Народ - богоносец").

Вся библиотека Антона в Крюкове состояла из "Большой Энциклопедии" (22 тома), которую он купил в кредит в 1913 г.

Все свободные деньги Антон тратил на покупку сборников и альманахов художественной литературы: издательства "Знание", "Шиповник", "Гриф", "Скорпион", "Мусагет", "Альциона", "Сполохи", "Логос", "Прометей", "Петрополис", "Общественная польза" и пр. и пр. Кроме того, он выписывал "толстый" журнал - "Русское богатство", тоже лит.-художественный.

Это было время, когда русская интеллигенция с небывалой жадностью впитывала все лучшее, что было не только в русской, но и в мировой литературе. (Г. Гауптман, Келлерман, Шнитцлер, Метерлинк, Ростан, А. Франс, Г. д'Аннунцио, К. Гамсун, Стриндберг, Г. Ибсен, Бьернсон, Лагерлеф и пр. и пр.). Ну и, конечно, целая плеяда русских писателей и поэтов, символистов, футуристов, акмеистов, реалистов, перечень которых занял бы целые страницы.

Все эти книги Антон не собирал. Мы их читали и потом они исчезали бесследно. Думаю, что он отдавал их читать знакомым.

Иногда я видел у Антона чьи-то чужие книги (м. б. из библиотек), главный образом по русской истории - помню Ключевского, Соловьева, Платонова, по украинской ист. - Грушевского, над которым он зло издевался (как и над всеми украинскими "самостийниками" - несмотря на свое украинс. происхождение, Антон был 100 % русским).

Иногда - редко - видел философск. сочинения - Шопенгауэр, Ницше, Платон, Вайнингер.

Никогда, ни разу не видел в его руках политическ. литературы. Ни Маркса, ни Плеханова, ни Каутского, ни Энгельса, вообще ничего. Никакая политика его не интересовала и никаких политических газет. [...]

Я уже говорил Вам, что был период, когда Антон ничего не читал и, вообще, был на краю пропасти. Эти 3 года в Долинской, где я никогда не видел у него ни одной книги. Это было ежедневное пьянство, грубое, болезненное, с тяжелым похмельем и головной болью и пр. Вообще, это был кошмар. Спасало Антона то обстоятельство, что на летние месяцы (на каникулы) он приезжал в Крюков. А потом его спасло окончательное открытие в 1914 г. полтавск. института. О Долинской можно было бы написать целую книгу. [...]

Я решил теперь, если позволит здоровье, посылать Вам, в хронологическом порядке, мои воспоминания, начиная с Белополья. Это будут связанные между собой отрывки, которые заменят книгу, которую надо было написать, но которую не написали: "Mein Bruder Anton" ("Мой брат Антон").

14 декабря 1970 г.

В связи с информацией в чешской газете "Učitelské noviny" об обнаружении раннего дневника А. С. Макаренко — вопрос: вел ли Ваш брат дневник?

17 декабря 1970 г.

[...] Никаких дневников вообще А. не писал, кроме одного, небольшого, который он вел очень недолго в 1903-04 г., но потом бросил.

Этот брошенный дневник и создал всю легенду о дневниках А.

Если Вы внимательно прочитаете письма Лебедя, которые я Вам передал, то Вы найдете там такую фразу:

"...после ухода белых, ваш дом был разграблен дочиста, и страницы из дневника А. С. валялись на улице. Ирина Фомина, ваша соседка, собрала их и передала А. С. ..."

Это и был тот самый дневник 1903-04 г., который я читал от начала до конца и который валялся у нас среди всякого книжного хлама.

Почему А. писал этот дневник? Очень просто. Ему было 15 лет и он впервые влюбился (конечно, неудачно). Влюбился он в Наташу Найду — 16-летнюю красавицу, гимназистку, дочь железнодорожника.

Не смея объявить свой любовный огонь прямо предмету своей страсти и, наверное, не особенно рассчитывая на взаимность, Антон и излил все свои чувства в этом дневнике. Вам не трудно будет представить его содержание. Он бросил этот дневник с того дня, когда, придя неожиданно к Наташе, застал ее в садовой беседке в объятиях какого-то офицера (об этом он рассказал мне сам гораздо позже, в 1917-18 г.). Он решил не стреляться — игра не стоила свеч, — но дневник бросил. [...]

А Наташа Найда потом была учительницей и коллега Антона в Крюковск. ж. д. училище и главной нашей звездой в "кружке им. Короленко" и вообще прожила короткую (она умерла в 1926 г.), но страшно бурную жизнь. О ней надо было бы написать целую отдельную книгу.

Антон же больше никогда никаких дневников не вел. Для дневников в то время жизнь была слишком бедна и не богата событиями. Но я думаю, что А. писал дневники после 1920 г.

Но, если А. не вел дневника, то с 1910-11 г. он, подражая всем русским писателям этой эпохи (Чехов, Бунин, Горький, Чириков, Вересаев и пр. и пр.), всегда — до конца наших встреч — носил при себе записную книжку. Очень изящную, всегда с золотым обрезом, куда он заносил короткие заметки, характеристики, встречи, максими и сентенции.

Только один раз, в декабре 1916 г., он забыл ее на письменном столе. У меня не хватило благородства и воспитанности, чтобы не открыть ее.

Я прочел: "10 декабря. За бой 3 октября, на Стоходе, когда он был ранен, Виталий произведен из подпоручиков в поручики и награжден орденом св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Я не спал всю ночь и плакал..."

Я не смог читать больше и захлопнул книжку. Да и кто бы смог? Трудно долго смотреть в бездонную пропасть...

Что стало с этими книжками? Они не остались в Крюкове и след. не погибли. Там безусловно было много интересного (но, конечно, не по педагогике). Не думаю, что он их доверил Елиз. Фед. Скорее всего они достались его жене. [...]

1 февраля 1971 г.

[...] Пока что я пишу отдельные заметки об А. С. Сейчас заканчиваю "Белополье". Ведь это целая и, наверн. самая главная страница в жизни А.

Вы, наверное, спросите: откуда я все это знаю. Во . как сейчас все помню, что было, когда мне было 4-5 лет, а во 2-х, отец и мать мне очень, очень многое рассказали. Ведь долгие зимние вечера я проводил в семье за самоваром или летом в саду под вишнями. Да что говорить. Я уже говорил об этом, об отсутствии А. в нашей семье. [...]

27 марта 1971 г.

Просьба о комментарии: а) сообщение А. Лебедя в беседе с составителем о том, что А. С. на уроках истории и литературы вначале давал обзор какой-нибудь эпохи, а потом задавал рефераты на эти темы — подготовительный срок составлял 2-3 недели (соответственную литературу ученики получали или в школьной библиотеке или от А. С., который брал книги из городской или частной библиотеки); такой реферат длился один урок, а на следующем ученики обсуждали реферат;

б) главу 5 книги Е. Балабановича "Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель" (М., 1963 г.) — "В годы гражданской войны", стр. 72-81.

31 марта 1971 г.

[...] Ничего не могу сказать о методах преподавания Антона [в Крюковском высшем начальном ж. д. училище — Г. Х.]. Я преподаванием не интересовался, т. к. не собирался делать карьеру учителя. Да и вообще никто не интересовался.

Библиотека в училище, если и была, то самая примитивная — скорее, ее совсем не было [...].

Для того, чтобы ответить на Балабановича, мне понадобился бы десяток страниц. Я не могу сейчас это делать из-за зрения. Вкратце сообщу только следующее:

1. ["В начале 1918 года Макаренко вернулся в стены той школы, где тринадцать лет назад началась его педагогическая работа".] Антон был назначен на место Инспектора В. Н. У. в Крюко-

ве не в начале 1918 г., а в июле 1917 года[1].

2. ["В Высшем начальном училище, где занималось несколько сот мальчиков и девочек, уроки проходили в две смены".] Едва ли во всей школе было больше 200 учеников. Я думаю, даже меньше — не больше 160-180. Классы были небольшие по 30 чел. приблизительно, а в 4-м было всего 16 человек.

3. Никогда, следовательно, не было преподавания в две смены. Это фантазия Балабановича. (Для этого понадобилось бы иметь 2 комплекта преподавателей. Это неправда — ложь). Уроки заканчивались в 2 1/2 ч., а в 7 ч. вечера мы уже собирались для театральных репетиций.

4. ["Как вспоминает сотрудница Макаренко — К. Макарова-Безрук..."] Почему "Макарова-Безрук"? Это чепуха! Во 1-х, она Ксения Макаровна Безрук, а во 2-х, она никогда не была никакой сотрудницей А. С. и с нашим кружком никогда не была в контакте. [...]

5. ["1919 год был в Крюкове — да и не только там — голодным годом. Учителя получали 4 пачки махорки да 1/2 фунта соли в месяц. Трудно жилось учащимся и их семьям. Макаренко решил помочь своим товарищам по работе и ученикам. В горисполкоме достали ордер на большой, запущенный сад и, смежную с садом, заросшую травой и сорняками, давно не паханную землю бывшей лесной дачи, покрытую штабелями досок. Решили коллективно заняться садом и устроить большой огород".] В 1919 г. жилось трудно — это верно, даже махорки мы не получали. Но сад открыли совсем не по этим причинам. И никакой горисполком нам никакого ордера не давал. Сад был снят у отца Е. Ф. Григорович и через ее содействие. (Впрочем, кажется, он уже умер, и нам сдала сад его жена)[5].

6. ["Осенью был собран хороший урожай фруктов и овощей, распределенный пропорционально труду каждого (в отрядах были выделены специальные учетчики "трудодней".] Никаких "трудодней" никто не записывал. Это чепуха. Вообще должно сказать, что это предприятие (сад) было большим нашим фиаско. Родители неохотно отпускали ребят на работы в саду, т. к. почти у каждого был свой собственный. Другие ученики уехали домой на линии, иные жили в Кременчуге — таким образом осталась верная мне группа человек в 20-25. Мы почти все дни проводили в саду и там же спали у костра.

7. ["Для покупки оборудования физического кабинета Высшего начального училища, а также инструментов для духового оркестра нужны были деньги, которых школа в то трудное время не имела. Где же достать нужную, довольно крупную сумму? Макаренко пришла в голову мысль организовать любительский драматический коллектив, который давал бы платные спектакли в пользу училища".] Доход со спектаклей шел в пользу училища, но это была капля в море по сравнению с тем, что нам отпускало управление Южн. ж. д. через посредство "почетного блюстителя" (начальник мастерских — инженер-технолог Н. А. Кожевников).

8. ["Он (А. С. Макаренко — Г. Х.) стал директором и художественным руководителем этой самодеятельной интересной труппы".] Директором труппы (театральной) был Антон, но художественным руководителем и режиссером был я, потому что до того, как попасть в Крюков как преподаватель, я был в Киеве как пом. коменданта станции Киев (с апреля по октябрь 1917 г.). Каждые 3 дня я бывал в знаменитом драматическ. театре Соловцова — вполне понятно, что я взял на себя режиссуру[6].

9. ["Даже школьный сторож исполнял — и не без успеха — роль сторожа в оперетте "Иванов Павел".] Школьный сторож никогда не выступал в театре — это чепуха.

10. ["Антон Семенович был не только администратором, но и режиссером ряда постановок. Обнаружилась и новая сторона одаренности Макаренко — он с подъемом сыграл такие разнообразные и ответственные роли, как Войницкий ("Дядя Ваня"), Муров ("Без вины виноватые"), Сатин ("На дне"). Кроме того, как вспоминают участники спектаклей, Антон Семенович оказался бесподобным суфлером".] Антон как артист выступил всего один раз, в комедии "Кукушкины слезы" А. Н. Толстого. Потом он суфлировал. В "Дяде Ване" — Войницкого играл я[7]. *"На дне" мы не ставили, не ставили и "Без вины виноватые" и "На бойком месте".*

Ставили: "Касатка" и "Кукушкины слезы" А. Толстого, "Вишневый сад" и "Дядя Ваня" А. П. Чехова, "Женитьба" Н. Гоголя, "Осенние скрипки" Сургучева, "Отец" А. Стриндберга, "Предложение" и "Медведь" Чехова, 2 обозрения (ревю) — одно написанное мною и одно Антоном на злободневные темы, оперетку "Иванов Павел".

11. ["Как и раньше, Макаренко проявлял большой интерес к жизни детей вне школы и искал пути воспитательного воздействия

на семью. Он создал бригады учеников, живших на одной улице или в одном доме. Бригадиры-учащиеся каждое утро отдавали рапорт заведующему школой о поведении членов своих бригад. Периодически назначался смотр. Во дворе выстраивалась бригада, и Макаренко вместе с ее членами и старостами классов обходил квартиры, где жили ученики..."] Никаких уличных бригад не было, и никаких смотров Антон им не учинял (половина учеников жила в Кременчуге). [...].

12. ["Крюков заняли белогвардейцы. Они арестовали ближайшего помощника Макаренко по театральной труппе, преподавателя школы, члена Коммунистической партии П. И. Карапыша".] П. И. Карапыша и вообще никого другого белогвардейцы не арестовали. Я же знаю, т. к. он жил рядом со мной.

13. ["Все новаторские педагогические начинания Антона Семеновича были сведены на нет. "Красному" заведующему школой оставаться в Крюкове было небезопасно и ненужно".] Почему "красному"??? Политически Антон был совершенно нейтрален, как и все преподаватели. Это все ложь.

14. ["Как вспоминает Н. П. Найда-Иринеева, в 1918 году Макаренко организовал вечернюю школу для рабочих при Крюковских железнодорожных мастерских, где преподавал русский язык и историю. Школа пользовалась большим авторитетом и популярностью среди рабочих, любивших и уважавших Антона Семеновича".] О вечерней школе впервые слышу от Балабановича. [...]

8 апреля 1971 г.

Два вопроса: а) Что в творчестве Гамсуна вызвало у Вас и у А. С. восхищение? Какие книги Гамсуна читали Вы и Ваш брат? б) Н. А. Морозова в своей книге (А. С. Макаренко. Семинарий. Л., 1961, с. 82, 87) перечисляет воспитателей колонии им. Горького, причем каждый второй из них, как она пишет, работал вместе с А. С. в крюковском или долинском училищах. Кто из них Вам известен?

17 апреля 1971 г.

[...] Несколько слов о Гамсуне. Вы прочли 3 его романа и удивлены — чем мог Гамсун пленить русского читателя? Это означает прежде всего, что Вы читали Гамсуна в плохом переводе, т. к. в

хорошем переводе это настоящая музыка. Во 2-х, Вы не учитываете, что психология русского читателя начала XX века была непохожа на Вашу. Все меняется, а литературные вкусы больше всего. Кому придет в голову сейчас перечитывать "Синюю птицу" Метерлинка или совершенно непонятные драмы Леонида Андреева, как напр. "Анатема", "Савва" и пр. Во всяком случае, Гамсуну дали Нобелевскую премию недаром (1920 г.), и в начале века он, конечно, был "властителем дум" русских читателей (я говорю об иностранных авторах, т. к. среди русских авторов были свои "кумиры").

Я не могу указать, что мы читали из Гамсуна, т. к. мы читали все, начиная с "Голода" и кончая "Детьми века" (1913). Потом, с войной, его стали издавать реже, да и писал он меньше [...], но все лучшее было написано им до 1914 года. Уже во Франции в 1950 г. я прочел "Бродяги" — по-французски, — впечатление было более слабое.

Попробуйте прочесть Гамсуна по-русски в бесподобном переводе Благовещенской — вы поймете, что такое Гамсун.

А у нас даже лодка Е. Ф. Григорович носила название "Дагни" (по имени героини "Мистерий").

Я мог бы говорить еще много об успехе Гамсуна в России, но это ни к чему. Наверное, больше всего он завоевал симпатии русского интеллигента своей непримиримостью к мещанству. У Гамсуна любовь — всегда конфликт, никогда сахарная идиллия.

О педагогах! [...] Во 1-х, — в списке нет никаких педагогов из Долинской. Если бы Антон хотел взять кого-либо из Долинской, то, наверное, прежде всего он взял бы Г. В. Орлова, с которым был дружен. Когда в 1911 г. Антон за Компанцевым перевелся в Долинскую — Орлов последовал уже за Антоном и тоже из Крюкова перевелся в Долинскую.

Из списка я знаю только:

Е. Ф. Григорович — друг Антона (интимный), учительствовала в Полтаве.

З. П. Архангельская — была учительницей в Крюковском 2-х классном ж. д. училище (я был ее учеником полгода в 1906 г., затем в 1907-08 гг. перешел к Антону). Как педагог — ничем абсолютно не выделялась. Посредственность.

В. И. Поповиченко был в Высшем начальном училище, был холост (Н. Т. Поповиченко, наверное, его жена, на которой он же-

нился после 1919 г. (Я ее не знаю). Исправный, исполнительный педагог, слепой исполнитель всяких указаний, но совершенно неспособный на инициативу, еще меньше на энтузиазм. Натура лимфатическая, бледная. Несмотря на его готовность, в кружке им. Короленко мы не могли его использовать иначе, как переписчика ролей.

Л. П. Сагредо - имя мне знакомо, но где она учительствовала, совершенно не знаю. М. б. в ж. д. училище после ухода в Долинскую Антона. Лично ее не знаю [...].

Все остальные, наверное, взяты из Полтавы - я в этом уверен. [...]

15 мая 1971 г.

Вновь о творчестве Гамсуна, и, в частности, вопрос в связи с самоубийством Нагеля - героя романа "Мистерий": не оказал ли этот эпизод влияния на А. С., намеревавшегося покончить с собой из-за несчастной любви к Поле Мироновой?

21 мая 1971

[...] О Гамсуне! Конечно, литературные вкусы меняются и даже иногда очень быстро. Это была мода, течение. Не надо забывать, что мы познакомились с Гамсуном в 1907-08 году, т. е. 62-63 года назад, до всяких войн и революций и к тому же в сфере крюковской скуки и мещанства. Гамсун был не один. Кому придет в голову перечитывать сейчас "Синюю птицу" Метерлинка, или "Анатему" Л. Андреева, или "Потонувший колокол" Г. Гауптмана? И много других (Ибсен, Тургенев, Шнитцлер, Верхарн, Ростан).

В смысле влияния на Антона (вопрос самоубийства). Антон слишком много говорил о самоубийстве, чтобы заподозрить у него настоящее желание покончить с собой. Он уже говорил о самоубийстве, когда ему мешали жениться на Поле Мироновой. А это было в 1905 г., до знакомства с Гамсуном. Настоящее самоубийцы убивают себя без предупреждений. У Антона это не было серьезно. [...]

29 июля 1971 г.

Просьба прокомментировать воспоминания К. М. Безрук, П. И. Карапыша и Б. Ф. Гороновича (А. С. Макаренко у спогодах його співробітників. Київ, 1958).

10 августа 1971 г.

[...] Получил Ваше письмо о воспоминаниях Безрук, Карапыша и Гороновича.

Ничего особенного о них сказать не могу - все бояться сказать правду о той роли, которую я играл в Крюковском училище в 1917-19 гг., даже Горонович, который в течение 7 лет был моим другом по реальному училищу. [...] Да чего лучше - он до сих пор не дал мне своего адреса, так же, как и Ксения Безрук. Страх, страх и страх - вот что царит в Сов. Союзе.

Воспоминания бледны и мало интересны. К тому же этот ужасный искусственный украинский язык, который я ненавижу, так же как и Антон.

Правда, Карапыш подтверждает существование оркестра. [...]

20 октября 1971 г.

В. И. Коломийцев, бывший воспитанник А. С., утверждает, что Ваш брат зачитывал на общем собрании коммунаров Ваши письма к нему и свои ответы. Среди прочих, он ознакомил воспитанников с письмом, в котором Вы, якобы, упрекаете А. С. в том, что он "наверно теперь продался окончательно за большевистскую копейку" и поэтому прекращает с Вами переписку (приблизительно 1929/30 г.). Насколько правдоподобны эти сведения?

25 октября 1971 г.

[...] Что касается Вас, то я сожалею бесконечно, что в Ваши годы Вы остаетесь наивным, как 10-летние, и принимаете всякую ложь и чепуху за чистую монету. Зачем вы повторяете ложь, которую Вам сообщил какой-то Коломийцев. Что за грязная клевета! Видели Вы письмо, в котором я, якобы, написал о "большевистской копейке"?

Ложь, что мои письма читались на общем собрании коммунаров. Для чего? Мои письма были слишком интимны, а Антон был деликатнейший человек, чтобы позволить себе подобную бестактность. Что касается "большевистской копейки", то надо было быть абсолютным дураком и хамом, чтобы написать подобную грубость. Во 1-х, это глупо и несправедливо, потому что Антон ни за какую копейку не продался, в партии не состоял, в

Чека не работал, не агитировал - о какой копейке могла быть речь. И потом надо не знать той атмосферы, в какой происходила переписка - из двух писем одно пропадало, все письма перлюстрировались. Кроме того, как писал мне сам Антон, его несколько раз вызывали в ГПУ, вместе с моими письмами. При таком положении надо было думать не только над каждый словом, но над каждой буквой, т. к. за такую фразу, как "копейка", Антона могла арестовать, сослать и даже расстрелять. И никакого письма о прекращении переписки я от Антона не получал. Переписка оборвалась резко без предупреждения. Это была общая мера, которая коснулась всех эмигрантов.

Я возмущен. Вы должны более скептически относиться ко всяким подозрительным источникам[9]*. [...]*

8 ноября 1971 г.

Два вопроса о переписке с братом: а) Сообщал ли Вам А. С. о том, что он или колонисты состоят в переписке с М. Горьким? б) Получили ли Вы от него публикации о колонии? Просьба также прокомментировать приложенные фотографии, прежде всего из альбома Лысенко /Убийвовка "А. С. Макаренко" (Київ, 1969).

14 ноября 1971 г.

[...] 1. Да, Антон писал мне о том, что он переписывается с Максимом Горьким, который жил тогда в Сорренто, в Италии, но содержания и подробностей никогда не сообщал.

2. Ничего печатного о колонии я никогда не получал.

Сейчас я хочу воспользоваться случаем и обрисовать Вам характер нашей переписки. В сущности, это даже нельзя было назвать перепиской, так как три четверти писем конфисковалось цензурой и получались только отдельные, разрозненные письма и то очень редко. За весь период нашей переписки, то есть 1923-1929 гг., я получил от Антона 14 писем, которые, к сожалению, сгорели. Но о колонии он писал очень мало. Позже, я напишу Вам все, что сохранилось в памяти из этих писем. Содержание их я помню почти наизусть.

Сейчас несколько слов о фотографиях.

1. Снимок [Крюковских ж. д.] мастерских [л. 4] сделан под малым углом, поэтому видны только два корпуса, которые закрывают другие. Главных корпусов было 8.

2. Дом в Полтаве, где жил Антон [М. П. Ніжинський, Життя і педагогічная діяльність А. С. Макаренка. Вид. 2-е. Київ, 1967, стр. 32]. Здесь Антон жил до самого окончания Института вдвоем с другим воспитанником института, имя которого было Митрофан, фамилию не помню. Это - Важничий переулок № 5.

3. Фото "А. С. Макаренко в рік закінчення Полтавського вчительського інституту" [л. 12]. Это ошибка. На самом деле это фото 1905-06 г. В институте строго запрещалось носить какую бы то ни было форму, и Антон при мне купил себе шляпу-котелок[10].

4. На фото 1911 г. [л. 9] - посредине сидит Н. П. Найда, а слева Г. В. Орлов.

5. На фото "1905-06 г. в Крюкове" [Makarenko-Materialien III. Marburg, 1973, стр. 191] рядом с Антоном (держит пальцем книжку) - К. М. Безрук.

6. Фото, где Антон снят во весь рост (1925 г.) [л. 25]. Такое фото у меня было. На обороте надпись: "Справа, на боку - у меня револьвер"[11].

7. Метрическая выпись о рождении [л. 2] - оказывается его крестной матерью была тетя Поля - Пелагея Михайловна Дергачева (впоследствии Сапулова). [...]

1 декабря 1971 г.

Два вопроса: а) Писал ли Вам А. С., что колонию посетили иностранцы и среди них Анри Барбюс? б) В Музее А. С. Макаренко (Кременчуг) находится Ваша фотография с Вашей подписью и датой - 1929 г. Возможно ли, что Вы прислали этот снимок А. С. уже после прекращения переписки с братом?

9 декабря 1971 г.

[...] О посещении колонии он писал, но никогда не уточнял, кем именно. Об Анри Барбюсе он ничего не писал [...]. Даже о посещении колонии Максимом Горьким я ничего не получил - я уверен, что об этом он, конечно, писал, но это письмо не дошло. (Потом он писал мне, что показывал мои письма Максиму Горькому).

Все эти фотографии Антон получил. Я ничего не посылал, когда он перестал писать. [...]

17 декабря 1971 г.

Просьба: не могли ли бы Вы сделать несколько эскизов по образцу плана поселка Белополье?

28 декабря 1971 г.

[...] Мне осталось написать 3 или 4 главы, чтобы закончить мою книгу, но эти главы, пожалуй, будут самыми значительными, потому что постепенно направят Антона на тот путь, по которому он пошел потом, в колонии Горького. Для меня эти главы будут самыми трудными, но я все же надеюсь закончить все к 1-10 февраля.

Что касается рисунков, то здесь дело обстоит очень плохо. Даже на машинке мне становится трудно печатать. Кроме того, с некоторого времени начали дрожать руки. Но я постараюсь сделать, что смогу. Во всяком случае Вы будете иметь детальный план Крюкова, план нашей квартиры, план училища и, если смогу сделать, наброски нашей квартиры, сада Общества "трезвости" и нашего театра, где мы давали спектакли. Но это без гарантии - я вижу все хуже и хуже. [...].

14 января 1972 г.

Сообщите, пожалуйста, подробности о предложении Вам французских коммунистов написать биографию А. С.

23 января 1972 г.

[...] Получил Ваше письмо от 14 января, а несколькими днями раньше получил книгу А. Солженицына "Август четырнадцатого". За все приношу мою сердечную и искреннюю благодарность, в особенности за книгу, т. к. у меня перманентный книжный голод.

[...] Что касается предложенных мне денег, то это произошло в 1950 г., когда я заболел и ко мне пригласили доктора, который оказался коммунистом и членом редакционной коллегии коммунистического журнала "Юманите". Когда он случайно узнал, что я брат А. С. Макаренко, он сразу начал меня уговаривать написать книгу, но под его диктовку - надо было написать, что не только Антон, но даже мой отец занимались революционной деятельностью, как и все мои родственники. Он мне предлагал не такие большие деньги, но все-таки 1 миллион наличными (старых фр.) и 200 фр. с каждой

изданной книги. Предполагалось два издания по 10 000 экземпляров каждое. Конечно, несмотря на его уговоры, я наотрез отказался. Так эта история и кончилась ничем. Вот и все. [...]

3 марта 1972 г.

Просьба прокомментировать приложенный список знакомых с А. С. лиц, высказывания которых упоминаются в литературе.

а) Белополье: Цимбал И. Ф. (местный купец), Чернышев Иван Иванович (товарищ А. С.), Белодед М. К. (соученик А. С.), Стефанов Яков Семенович, Сальник (Сальников) Константин Максимович (учителя); б) Крюков (1900-05): Найда-Иринеева Н. П., Иванов И. В. (учителя), Иванов П. А., Келембет Ф. Г., Миргородский Х. И., Лемешко С. М. (соученики А. С.); в) Крюков (1905-11 гг.): Ковалева П. С., Кислова Н. Е., Начевная Маруся (товарищи А. С.), Согредо Коля (студент-медик, знакомый), Левда Александр Михайлович, Мякота Д. М., Ткаченко П. М. (ученики А. С.); г) Долинская: Коновалов В. В. (станционный врач), Доненко Михаил Никифорович, Лановенко М. Л., Мороз А. В., Опрышко Вера Дмитриевна (ученики А. С.); д) Полтава (1914-17): Ведмицкий А. Н., Еремин Ф. Я., Самойло В. Ф., Филатов (товарищ А. С.); е) Крюков (1917-19): Иринеева Н. П., Милютина Мария Семеновна (товарищи А. С.).

15 марта 1972 г.

[...] Что касается списка лиц, приложенного к письму, то отмечу только Ивана Ивановича Чернышева, но я его помню не в Белополье, а в Крюкове, где он был учителем поселянской школы - вообще, вся семья Чернышевых была близка с нашей семьей.

Сальников - учитель Антона в Белополье, о котором он всю жизнь отзывался с благодарностью[12].

Остальных в Белополье не знаю.

В Крюкове - о Н. П. Найде я писал достаточно (она же Иринеева). Учителя Иванова совершенно не знаю, как не знаю и Кисловой. Остальные в Крюкове - эпизодические лица, бывшие соученики и товарищи - никто их них в жизни Антона заметной роли не играл.

В Долинской никого не знаю.

В Полтаве Ведмицкий, кажется, был его учителем. Остальных не знаю. [...]

24 марта 1972 г.

Несколько вопросов: а) Бывали ли Вы и брат на ярмарке в Крюкове? б) Известен ли Вам крюковский ж. д. революционер И. Ф. Котлов? в) Прокомментируйте статью В. Проценко "Крюковские встречи" ("Народное образование", 1963, № 3) и воспоминания М. К. Белодеда ("А. С. Макаренко", кн. 3. Львов, 1954 - "Страницы детства").

31 марта 1972 г.

[...] Ярмарка в Крюкове была ежегодно в течение трех дней - 12-14 сентября. Были, конечно, карусели, балаганы, лотерея, петрушка, тир и пр., но Антон никогда эту ярмарку не посещал. Ни я, ни Антон никогда на каруселях не катались. Я ходил с мамой на ярмарку исключительно для покупки слив, так называемых "угорка", из которых мама готовила "повидло" (род варенья) на целый год. [...]

Ничего не могу сказать о Котлове, так как ни его фамилии, ни что-нибудь о его революционной деятельности никогда ничего не слышал, ни от отца, ни вообще в Крюкове. Все это раздуто до астрономических размеров, и даже теперешний вагонный завод в Крюкове носит его имя.

Елизавете Федоровне суждено было до конца носить имя попа Григоровича, так как по церковным законам, даже уехав за границу, он не мог получить развода и оставался ее мужем. Но фактический разрыв произошел в 1906-07 г., когда Е. Ф. уехала на курсы и потом получила место учительницы в Полтаве. В очерке [Проценко - Г. Х.] поп рисуется как Дон-Жуан, но я помню крупный разговор отца с Антоном по поводу его увлечения Е. Ф. Антон клялся отцу, что поп страдает половым бессилием и что Е. Ф. после 4-х лет замужества осталась девственницей. [...]

Воспоминания Ив. Ив. Чернышева [записанные Проценко - Г. Х.] в общем правильны, за исключением 3-х пунктов:

1. Он никогда не учительствовал в ж. д. училище.

2. Антон никогда не был в Риге.

3. Мы никогда не собирались ставить "Екатерину Ивановну" Леонида Андреева.

Мать Чернышева была моей крестной матерью - таким образом мы были кумовьями. Вместе переезжали из Белополья в Крю-

ков, где они сразу же купили недалеко от нас небольшой домик (на Костроме).

С младшим братом Василием я вместе окончил ж. д. училище и вместе поступил в Кременчугское реальное училище.

Старший брат Константин в 1918 г. женился на Н. П. Найде. Не понимаю, с каких пор она стала именоваться Найда-Иринеева.

Статья Белодеда - сплошная тенденциозная фантазия. Не хочется даже говорить о ней.

Мой отец политикой никогда не занимался и никогда не был политически неблагонадежным. В Белополье он уехал не из Харькова, а из Крюкова. Мастером он стал уже в Крюкове в 1906 г., в Белополе он был простым маляром и поэтому не мог куда-то выводить рабочих [во время конфликта с начальством мастерских - Г. Х.]. После Скальковского мы жили еще у Авраменко, от которого и уехали в Крюков, уехали не в 3 ч. дня, а рано утром, и не в январе 1901 г., а в начале декабря 1900 г.[13] [...]

23 апреля 1972 г.

[...] Когда Антон купил себе "Большую Энциклопедию" (22 тома), он попросил меня составить по ней родословную всех русских великих князей.

Я работал около 2-х месяцев и наконец закончил родословную, начиная от Рюрика и кончая московскими царями. Чтобы разместить все имена, мне пришлось склеить 4 больших листа ватманской бумаги. Надписи были сделаны акварелью, и каждое княжество имело свой собственный цвет. Позже я сделал копию этой родословной и подарил ее историку реального училища. [...]

4 мая 1972 г.

[...] Перечел "Крюковские встречи", где нашел много неточностей. В особенности в воспоминаниях И. И. Чернышева [...]:

"...Повезло нашей школе и с попечителем. Это был инженер-механик Виктор Иванович Бартницкий..."

По статусу жел. дор. училищ, старший ж. д. инженер той местности, где находилось училище, назначался "опекуном" над ним. Он назывался "почетный блюститель". Он не вмешивался в чисто педагогическую часть деятельности училища, а разрешал только про-

блемы материально-хозяйственного характера. Для облегчения его работы при каждой ж. д. школе существовал так называемый "родительский комитет", составленный из 5-6 представителей от родителей учащихся и 2-3 педагогов. Почетный блюститель всегда был председателем родительского комитета. В 1917-19 г. почетным блюстителем был начальник мастерских инженер-технолог Николай Абрамович Кожевников, человек в высшей степени культурный и благожелательный. С его помощью нам удалось сделать очень многое, в особенности в кружке им. Короленко.

Хуже обстояло дело в Долинской, где почетным блюстителем был начальник участка пути Лещина-Мартыненко, с которым педагогам приходилось постоянно воевать.

Между прочим, В. И. Бартницкий тоже был переведен в Крюков и был первым начальником Крюковских мастерских. Его сменил Дружинин, который умер (1911-12 г.), и последним был Кожевников. Антон писал мне, что он остался и при большевиках и умер внезапно во дворе мастерских в 1925 г.[14].

Дальше: "...В конце 1900 г. наших отцов перевели из Белопольских мастерских во вновь открытые Крюковские, и семьи, конечно, перебрались..."

В 1900 году, а не в 1901[15].

"...Антон Семенович тоже любил музыку, играл на мандолине. Вместе не раз музицировали..."

Ив. Иванович ошибается. Конечно, он хорошо играл на скрипке и позже участвовал вместе со мной в струнном оркестре, организованном Красновым. (Правда, скрипичный концерт Чайковского, якобы подаренный ему Антоном, был для него далеко не под силу - концерт технически исключительной трудности, даже не каждый виртуоз может его исполнить). Но он ни разу не "музицировал" с Антоном.

Приблизительно с 1906 г. у нас в доме появилось 2 мандолины, и мы с Антоном дуэтом разыгрывали легкие вещи, главным образом этюды Мазаса и народные песни. Также кое-какие романсы Чайковского и Глинки.

Позже, когда я купил себе скрипку и начал брать уроки у учителя музыки, Антон самоучкой научился играть на ней, но играл исключительно плохо.

"...Первое, что он приобрел на первые свои заработанные деньги, это был книжный шкаф..."

Это легенда. Никакого книжного шкафа у Антона никогда не было. Свои письма и рукописи он хранил в письменном столе.

Маленький книжный (прибл. 1 м х 1 м 20) принадлежал отцу, в котором он хранил сборники журнала "Нива" и приложения к нему[16].

Для "Большой Энциклопедии" Антон купил книжную полку, которую она заняла целиком.

"...Меня всегда удивляло, что учитель Макаренко любил играть, возиться и от души веселиться с хлопчиками-учениками... Зимой, в большую перемену, снежки были для него самой разлюбезной игрой. Хлопцы старались "приварить" своего учителя и ему здорово доставалось..."

Еще одна легенда, с которой надо покончить раз навсегда. Антон не любил никаких игр и никогда с "хлопчиками" не играл!

Я говорю: никогда. Я был у него в школе в 1906-08 гг. и потом в 1917-19 гг. и ни разу не видел Антона в каких-нибудь играх, а в особенности в снежки. (Впрочем, не видел и других учителей).

Дело в том, что с 1905 г. Антон сменил очки на пенсне и носил его по крайней мере 20 лет, когда в моду снова вошли очки.

Играть, прыгать, драться снежками, даже просто бегать, было для него рискованно - пенсне слетало с его носа и могло быть раздавлено играющими или разбито на носу ловко пущенным снежком и осколками поранить глаз.

Нет, нет, Антон никогда не играл с ребятами.

"...Когда по вечерам собирались в жел. дор. клубе, где я был и директором, и хормейстером, и суфлером, где устраивались "бой цветов", "почта амура", серпантин, танцы и пр. ..."

Это плод фантазии. Ничего этого никогда не было. Необходимо поставить точки над i.

Кинематограф "Корсо" принадлежал кременчугскому миллионеру Дудакову, у которого в Кременчуге было два роскошных кинотеатра. Сеансы давались ежедневно, по вечерам (в воскресенье еще и днем). Так продолжалось до революции, когда новые власти это "Корсо" у Дудакова конфисковали и передали в ведение железнодорожников.

"Корсо" стал называться ж. д. клубом, но по существу оно продолжало оставаться кинематографом, сеансы были ежедневные, и никаких вечеров в нем не устраивалось (кроме наших спектаклей).

Назвать "Корсо" клубом можно было только с большой натяжкой. Было большое фойе, зрительный зал, сцена, экран, уборная, и позже пристроили небольшую бильярдную. И это все.

Делами этого "клуба" ведало правление из 7 членов (я и Антон входили в него), под председательством Н. А. Кожевникова. В нашем ведении находился также ж. д. сад "Общества трезвости".

Никаких членских билетов клуба никогда не существовало.

Так же неосновательны и воспоминания других лиц.

Вот некто Мякота:

"...ему запомнилась строгость юного учителя, преподававшего русский язык и рисование..."

По программе 2-х классного ж. д. училища рисование в нем никогда не преподавалось. Зато было черчение, которое Антон преподавал очень хорошо, даже отлично (в 4 и 5 отделениях). Я думаю, что этот предмет имел большое воспитательное значение, воспитывая в учениках точность и аккуратность.

Вот воспоминания П. М. Ткаченко, который учился в училище в 1906-08 гг., следовательно как раз вместе со мной:

"...Осенью и весной - играл в мяч, городки. Зимой - снежки. Летом походы, прогулки в лес. Во время походов одни собирали гербарии, другие - коллекции листьев, камней. На привалах делали зарисовки..."

Все та же игра воображения. В особенности летом в эти годы Антон не оставался в Крюкове, а уезжал в Киев к Е. Ф. А лес мы начали посещать только в 1918 г.

Таковы же воспоминания Амшенникова.

Что за "внучка" какая-то Света Афанасьева? Ничего подобного у Антона никогда не было[17]. [...]

6 мая 1972 г.

По поводу Вашей рукописи: а) Сообщите полное имя и отчество К. Сосновской. б) Шел А. С. во время первой "военной прогулки" во главе колонны? в) Какого цвета было знамя училища?

12 мая 1972 г.

[...] Е. Г. Сосновская (Екатерина Георгиевна). Не помню, в каком году она оставила училище и где учительствовала потом.

В конце 1918 г. наш учитель В. Крылов (отчества не помню)

познакомился с ней, и она вышла за него замуж. Я и Антон были свидетелями (шаферами) на их бракосочетании в Покровской церкви. Позже Антон писал мне в Болгарию, что Крылов умер в 1920 г. (может быть, как офицер, был расстрелян). [...]

Наша первая прогулка в Деевский лес: а) во главе были оркестр и знамя - Антон шел в стороне[18];

б) знамя было белое, ленты: желтая и голубая. Это было во время немецкой оккупации - официально мы были на Украине. [...]

18 мая 1972 г.

Просьба прокомментировать: Е. Н. Медынский, А. С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система. М., 1944, с. 16-17.

24 мая 1972 г.

[...] Никаких прогулок с оркестром не было до мая 1918 г. (наш первый выход в Деевский лес с оркестром ж. д. мастерских).

Очень неясно - директор какой школы? Никакого И. Гукова я не знаю и никогда этой фамилии в Крюкове не слыхал. Никакого другого высшего начального училища, кроме жел. дор., в Крюкове не было.

На работе в саду (1-я Трудовая дружина - только в 1919 г.) никогда не ходили с оркестром, знаменем и барабанным боем. Это - фантазия. Это было бы слишком сложно. Приходили просто из дому.

Кстати, никогда не существовало никаких бригад по топографическому признаку (по улицам и кварталам). Это Антон выдумал, для чего - не знаю. Ученики были разбросаны по всему Крюкову и Кременчугу. Создать подобные бригады было просто невозможно. [...]

14 августа 1972 г.

Вновь по поводу Ваших воспоминаний: уточните время знакомства А. С. с Е. Ф. и дату его конфликта с отцом.

20 августа 1972 г.

[...] Между прочим, свидетельство, выданное отцу в августе 1881 г. [Лисенко-Убийвовк, л. 3], подтверждает, что сестра Саша

родилась еще в Крюкове (апрель 1881 г.), и в то же время ставит загадку: как отец очутился в Белополье - в свидетельстве указано, что он "уволен от службы по собственному желанию"[19].

В романе Антона с Е. Ф. я прошу ничего не изменять. Это было так, как я написал. Да, они познакомились в 1905-06 г., но ведь первое время Антон был только одним из друзей Е. Ф. - Сосновской, Сагредо, Архангельской, Голобородько и др. Ведь они не стали сразу по-солдатски любовниками, а когда стали, конечно, тщательно скрывали.

Конфликт с отцом произошел в 1908 г., потому что я уже был реалистом, а я поступил в реальное в августе 1908 г. [...]

10 ноября 1972 г.

Просьба уточнить высказывание о А. С. в конце последней главы воспоминаний.

14 ноября 1972 г.

[...] Я совершенно не понимаю желание [...], чтобы я изменил конец моей последней главы в рукописи. Я писал совершенно искренне и - "раскрывать скобки" - это только сделать конец главы тяжеловесным и неестественным. Если последний абзац Вам не нравится, то просто вычеркните его, или замените словами: "Я потерял не только брата, но и большого, верного товарища, и любимого друга"). Не надо забывать, что в той позиции, которую Антон занял по отношению к нашей семье и его конфликту с отцом - я относился совершенно нейтрально. Отношение же Антона ко мне лично всегда было самое дружеское, теплое и участливое, в особенности, после 1912 г. [...]

24 ноября 1972 г.

Просьба прокомментировать главу "Антон Макаренко о себе" из книги Н. Фере "Мой учитель", М., 1953, с. 88-95.

30 ноября 1972 г.

[...] Что касается комментариев к главе из воспоминаний Н. Фере "Антон Семенович о себе" — то ведь это сплошная фальшивка. Думаю, что половина этой басни придумана самим Анто-

ном, для того, чтобы быть "в линии большевистской пропаганды", а другая половина добавлена услужливыми "свидетелями".

Почти о всех несуразицах, содержащихся в этой главе, мне уже приходилось и писать, и говорить с Вами. На всякий случай, прилагаю здесь кое-какие опровержения.

"...и вот в возрасте тридцати лет Семен Григорьевич засел за букварь..."

Неправда! Отец не посещал школы, но выучился читать и писать у двоюродных братьев и сестер — детей приютившей его тетки. Как он мне сам говорил, ему было в то время лет 7-8.

"...дети близких соседей, таких же бедняков..."

Почему "бедняков"? Наша семья не была богатой, но никогда не знала нужды и бедности, как и все жители пристанционного поселка при ст. Белополье, где 90% жителей составляли ж. д. служащие, о положении которых я уже говорил в моей рукописи.

"...Только один соседский мальчик учился в школе..."

Простая ложь! Откуда же набрались все ученики ж. д. училища? Ведь туда принимались только дети железнодорожников.

"...когда Семену Григорьевичу приходилось по делам службы ездить в Сумы..."

Чепуха! Отец был простой маляр, никаких служебных дел в Сумах у него не было, и никогда он туда не ездил. [...]

"...Пример старшей дочери, не учившейся школе и тяжело это переживавшей..."

Тоже неправда! Саша ходила в школу с 1889 г. по 1892 г. Она была вполне грамотным человеком и даже имела очень красивый почерк.

"...В Крюкове в те времена было мало зелени..."

Неправда! Крюков буквально утопал в садах. Все улицы и переулки были обсажены липой и акацией.

"...он заставил себя научиться каллиграфическому письму..."

[...] у Антона с детских лет был великолепный почерк. Я видел его ученические тетради, которые сохранились у нас на чердаке.

"...Семену Григорьевичу пришлось в качестве цехового мастера составлять отчеты о работе цеха..."

Совсем неудачная фальшивка. Ведь мастером отец стал только в 1906 г., а Антон был уже учителем с 1905 г. и давно уже имел вполне установившийся идеальный почерк. Следовательно, отец не мог ему сказать: "Это что, ворона лапой тут водила?"

Я уже писал Вам, что помогать отцу в составлении ведомостей и отчетов — было моей обязанностью в течение многих лет.

"...Вскоре тяжело заболел Семен Григорьевич. Еще до своей болезни Семен Григорьевич залез в долги..."

Долгов у отца никогда не было. Напротив, у него всегда были деньги в сберегательной кассе. Никакие торговцы ему взяток не предлагали, и он никогда никого не бил палкой.

Все материалы для ремонта вагонов поступали из Главного управления Южных жел. дор. в Харькове.

Кроме того, отец никогда не болел. [...]

11 декабря 1972 г.

Просьба прокомментировать две публикации: а) "Реферат" А. С. Макаренко ("Исторический архив", 1961, № 2, с. 228-229), б) А. С. Макаренко на "Шарикоподшипнике" ("Наш современник", 1965, № 10, с. 106).

18 декабря 1972 г.

[...] Совершенно не вижу, какие комментарии я могу дать к приложенным фотокопиям. "Вместо коллоквиума" содержит программу познаний Антона, которые он приобрел в Учительском институте. Так же и большинство научных трудов безусловно им были прочитаны в период 1914-17 гг. (за небольшими исключениями — Ницше, Шопенгауэр, Ключевский). Вообще, до 1914 г. Антон интересовался больше художественной литературой.

Отмечу только, что, как я уже писал, Антон мало интересовался математикой. Совершенно непонятно, почему его так интересует Австралия и Новая Зеландия. Отмечу также, что в 1922 г. он еще имел смелость признаться, что он — беспартийный. До сих пор я совершенно не знал, что Антон был в каком-то Институте организаторов народного образования.

Во втором листе (кажется, какая-то речь Антона) он говорит, что "батька у меня был очень строгий и противник образования... Только в 1914 году, ... уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт..."

Это совершенно несправедливая и ненужная клевета на отца. Когда отец имел возможность это сделать, он, не задумываясь, отдал меня в реальное училище. Когда я окончил реальное в 1914 г.,

отец сам мне предложил подготовиться как следует по высшей математике и держать в 1915 г. экзамен в самый трудный институт, а именно Институт инженеров путей сообщения в Петербурге. И, однако, отцу в 1914 г. было уже 64 года.

Война и моя военная служба этому помешали.

Нет, отец был очень благородный человек.

Неверно утверждение Антона, то он поступил в институт в 1914 г. после смерти отца. Отец умер в 1916 г. [...]

22 декабря 1972 г.

Вновь по поводу воспоминаний П. И. Карапыша и Б. Ф. Гороновича (см. письмо от 29 июля 1971 г.).

29 декабря 1972 г.

[...] по существу отвечать нечего, в особенности на статью Карапыша. Это был господин несерьезный и легкомысленный, и Антон откровенно его недолюбливал. Случая с учениками, виновными в курении, я совершенно не помню — думаю, что он просто его выдумал.

Я уже писал Вам, что никаких бригад по топографическому началу никогда не существовало. Антон это просто выдумал, для чего — не знаю. Ученики были разбросаны по всему Крюкову и Кременчугу, и создание каких бы то ни было бригад было просто невозможно. Я видел Антона каждый день, и ни о каких бригадах он мне никогда не говорил, а Антон делился со мной решительно всем[20].

В кружке им. Короленко только первую пьесу, а именно "Касатку" А. Н. Толстого, режиссировал я. Все остальные пьесы прошли под коллективным режиссерством. Карапыш никогда не был режиссером так же, как и Киселев. Ни у кого из нас не было для этого ни достаточно театрального опыта ни авторитета. Горонович ошибается. Впрочем, он не был артистом, а заведовал только реквизитом. [...]

5 января 1973 г.

Вопрос: Как реагировали крюковчане, в т.ч. и учителя и А. С., на событие в Петрограде (октябрьский переворот)?

12 января 1973 г.

[...] На последний Ваш вопрос - об отношении к большевистской революции - трудно ответить в короткой заметке - надо писать целую книгу.

Возможное резюме этой книги было бы:

ВСЕ хотели коренных реформ. Всем надоели русская бедность, попы и помещики. Но НИКТО не хотел большевиков. [...]

17 января 1973 г.

Четыре вопроса: а) Осознавал ли А. С. свое привилегированное положение сына железнодорожника? б) Помните ли Вы, как встречали в училище ст. Долинской новый, 1914 год? Там была сделана фотография, на которой изображены Вы, А. С. и две одетые в маскарадные костюмы ученицы (этот снимок опубликовал Н. П. Нежинский, сопроводив ее следующей надписью: "А. С. Макаренко з учнями Долинськоі школи - участниками новорічноі вистави (1914 р.)", М. П. Ніжинський, Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка. Вид. 2-е. Київ, 1967, с. 17). в) Какое влияние оказывала многократная смена власти в 1917-19 гг. на учебный план крюковского ж. д. училища? г) Просьба кратко охарактеризовать следующих друзей и знакомых А. С.: Копанцев, Рашев, Орлов, Сосновская, Химченко, Димара, Голобородько, Говоров, супруги Сугаки, В. и Е. Костецкие, Крылов, Карапыш, Попова, Диденко, Коробова.

23 января 1973 г.

[...] 1. Для чего Вам нужны характеристики коллег Антона? Ведь мои характеристики, понятно, строго субъективны. Иначе и быть не может. [...]

Ваш вопрос сформулирован так, что я не совсем отчетливо его понимаю.

Среди крюковского населения жел.-дорожники были, конечно, наиболее культурным слоем. Мещане были малокультурны и совершенно невежественны (из них половина старообрядцев-раскольников, живших в своем замкнутом кругу).

Евреи были совершенно особая каста. За исключением 5-6 богачей (главным образом, владельцев лесных складов - Кроль, Залкинд, Родкин и др.), все остальное еврейство представляло массу ужасной бедноты, проникнутой религиозным фанатизмом и нетерпимостью к иноверцам. Большая синагога в Крюкове всегда была полна с утра до позднего вечера, и оттуда всегда раздавались отчаянные вопли и крики молящихся.

Была еще довольно большая группа интендантских чиновников и служащих. Они много воровали в интендантстве, жили очень зажиточно, но в культурном отношении были те же мещане.

Железнодорожники тоже составляли особую касту и не смешивались с другими слоями.

Надо отметить, что товарищи Антона по городскому училищу были тоже дети железнодорожников (Кондратенко, Цалов, Фомин, Соколов, Ровный и др.). Когда мы приехали в Крюков, то там вообще интеллигенции почти не было, кроме 3-4 учителей городского училища (заведующий был Антон Иванович Григорович, брат о. Д. Григоровича, мужа Е. Ф. Помню еще учителя Юрченко). Жел.-дорожный врач Соколов был уже стариком и жил замкнуто.

Пожалуй, самыми культурными людьми в Крюкове, в то время, были 4 попа[21]: Григорович, Богданович, Сокологорский и, позже, Сулятицкий. У Сулятицкого было два сына, окончивших Московский университет - с ними мы познакомились гораздо позже, около 1912 г. С ними мы были очень дружны. Сыновья были симпатичны и очень хорошо относились к нам.

Сказать, что Антон "выбирал" друзей - нельзя. Группа его друзей составилась в силу сложившихся условий и как следствие общей социальной ситуации.

2. Накануне Нового 1914 года в Долинской была очень торжественная елка. Работы было очень много, и Антон упросил меня приехать к нему как можно раньше. Я уехал в Долинскую сразу после роспуска - 22 декабря.

Было очень много работы по созданию костюмов и декораций. Всю программу точно я не помню. Помню инсценировку басни

"Стрекоза и Муравей" (в костюмах), инсценировку маленького рассказа Чехова "Злоумышленник", потом была встреча Нового Года, где в костюмах, кроме Нового Года, были Дед Мороз, Снегурочка, русские витязи и пр. Было несколько "живых" картин, которые я освещал из-за кулис (была устроена сцена) разноцветными "бенгальскими" огнями. Более мелкие подробности я забыл - ведь это было ровно 60 лет назад.

3. Программа 1917-19 гг. была дореволюционная, только не было Закона Божьего.

4. Вот краткие характеристики:

КОМПАНЦЕВ Михаил Григорьевич. Из крестьян Курской губернии, лет на 12 старше Антона. Полный, красивый брюнет, но красота скорее простонародная, "мужицкая". Сангвиник и женолюб. Некрасивая жена и дочка Люда 8 лет, которых он бросил в 1909 г. (см. мои записки). Малокультурен, любитель "выпить и закусить", ну и пр. Как педагога я его совершенно не знаю. Литературой и вообще искусствами совершенно не интересовался. По-мужицки напорист и упрям. Очень скупой.

РАШЕВ Петр Васильевич. Сын ж.д. смазчика на ст. Кременчуг. Невзрачный, неловкий, натянутый человек с неприятным гнусавым голосом. Очень застенчив и краснеет каждые 5 минут. Мишень постоянных насмешек со стороны Д. Григоровича, Компанцева и Антона. Очень хороший, услужливый товарищ. Некоторое стремление к самообразованию. Около 1912 г. перешел к нам, в реальное училище, как помощник классных наставников (надзиратель). Во время войны был офицером.

ОРЛОВ Георгий Васильевич. Тоже из крестьян Курской губернии. Большой друг Антона (он последовал за ним в Долинскую в 1911 г.). Натура очень добрая, но рыхлая. Полное отсутствие динамизма. Полное равнодушие к женскому полу. Ничего не читал. Совершенно некультурен. Много курил и больше всего в жизни любил поспать. В воскресенье спал целый день. Кругозор его мировоззрения ограничен до ужаса.

СОСНОВСКАЯ Екатерина Георгиевна. Дочь начальника одной из маленьких станций между Кременчугом и Харьковом. Очень высокая, большие, толстые губы, чудные глаза, приятное контральто. Очень женственна при всем этом. Подруги Е. Ф. Кажется, единственным желанием было выйти, как можно скорее, замуж (в 1908 г. ей было уже 26-27 лет). Она вышла замуж за В. Крылова в 1918 г. [...]

Д-р ХИМЧЕНКО. Появился в Крюкове довольно поздно. Кажется, в 1913 г. (после ухода на пенсию д-ра Соколова). Ничем особенным себя не проявил. Высокого роста, флегматик, больше слушал, чем говорил. Не женат. Любитель выпить. Часто бывал у Сугаков. Я его знал мало. Как писал Антон, он отступил с Добр. Армией в декабре 1919 г. и умер в дороге от сыпного тифа.

Д-р ДИМАРА. Настоящая его фамилия - Дымарь (по-украински - дымовая труба на крыше). Маленький, невзрачный, с густыми, хохлацкими усами. Крайний украинский националист - самостийник (автономист). Довольно начитан, не умен. Злобно ненавидел Россию и все русское. Вообще, тип озлобленного человека. Постоянный оппонент Антона. Его жена - тоже доктор - старая подруга Е. Ф., похожа на лошадь. Я его ненавидел (да и он меня). Несколько раз мы чуть не подрались (я ненавидел украинцев)[22].

ГОЛОБОРОДЬКО. Милейший господин, очень красивый. Ветеринарный врач в кавалерийском полку. Великолепно играл на скрипке (во время отпусков играл со мной в нашем струнном оркестре под управлением Краснова). Мы его видели очень мало. Его сестра, красавица Нина, в 1913 г., по горячей любви, вышла замуж за поручика Дзыбу, который в 1914 г. был убит в первом же бою. Его семья жила на Поселянской улице в том же доме, где жил и Б. Горонович.

ГОВОРОВ. Его я знал очень мало. Его отец был жел.-дор. фельдшером. Окончил реальное училище, кажется, в 1911 г. и был студентом Харьковского технологического института.

СУГАК Антонина Павловна и муж Виктор. Милейшие люди. Он служил счетоводом в мастерских. Из всех друзей Антона, наверное, ему самые преданные. Очень гостеприимны. Ее младший брат, Митя Филатов, учился со мной в реальном училище. Виктор участвовал в нашем кружке им. Короленко. Ярые защитники всех предприятий Антона. Меня любили просто трогательно. Детей не имели. Виктор - страстный охотник.

КОСТЕЦКИЕ Вера и Екатерина (Котуся) Яковлевны. Дочери священника. Учительницы в Полтаве, в той же школе, где была и Е. Ф. Очень красивые, хрупкие, нежные девушки (лет 24-25), с большими глазами, ничего не имевшими от, так называемых, "русских красавиц". Совершенно не приспособлены к жизни. (Думаю, что они никогда не вышли замуж). У Веры раньше был роман с каким-то армянином-дантистом, который обещал на ней жениться, но

добившись успеха, ее бросил (признание Веры). Вера - всегда молчаливая, задумчивая и грустная. Катя - похожая на какую-то маленькую птичку, которая всегда щебечет. На ухаживания Антона она просто не обращала внимания. Я был влюблен в Веру, но эта любовь была какая-то больная и эфемерная (правда, в то время мне было только 20 лет). Вера писала мне на фронт, но никогда о любви. Я до сих пор помню запах ее духов "Букет императрицы". Это были две чеховских "чайки".

КРЫЛОВ Виктор. Окончил университет по физико-математическому факультету. Высокий, сильный, красивый. Офицер-артиллерист. Видно много читал, но как-то получалось, что трудно было понять его собственное мировоззрение. Мы его знали в общем мало, так как он жил в Кременчуге и в наших школьных предприятиях не участвовал.[...]

КАРАПЫШ Павел Иванович. Пустой, неинтересный человек. Наружность и манеры - военного писаря. Самоуверен, ограничен и глуп. Страшный лентяй и плохой педагог. Плохой артист. Плохой семьянин. В 1920 г. он бросил жену и 2-х детей (уже больших) и сошелся с Ксенией Безрук. Антон его терпел, но не любил. Впрочем, его никто не любил, в особенности Сугаки. Ничего не читал и ничего не знал. [...]

ПОПОВА Юлия. Поповская дочь. Епархиалка. Круглое лицо, черные, как маслины, глаза. Довольно грациозна. Глуповата. Провинциалка до мозга костей. Поповские атавизмы в ней сидели прочно. Любила деньги.

ДИДЕНКО (по прозвищу - "Недоразумение"). До сих пор не понимаю, почему Антон его взял к себе в школу. Полнейший примитив, тусклый и неинтересный морально и физически. Грязноват. Всегда молчал и улыбался. Ни к чему не способный. В школе никакой роли не играл.

КОРОБОВА Татьяна. "Кисейная" барышня. Хорошая работница и очень добрый человек. Лет 19-20. Преподавала в школе рукоделие. Высокая, стройная, но лицо не интересное. Отец - ж.д. артельщик. Хлебосол. Часто у него пировали до утра. [...]

9 февраля 1973 г.

Четыре вопроса: 1. Был ли А. С. уже с декабря 1900 г. (до мая 1901 г.) в городском 4-х классном училище в Кременчуге или - до вступительных экзаменов - в городском 2-х классном училище в

Крюкове? 2. Верно ли, что в Кременчугском городском училище Мирон Кондратенко был "ближайшим товарищем" А. С., как пишет Е. Балабанович (новое, 1963 г, издание, стр. 15)? 3. Когда Вы пришли в Крюковское высшее начальное училище - после или еще до 25 октября 1917 г.? 4. Вновь по поводу учебного плана КВНУ: Как долго после революции преподавался (о. Д. Григоровичем) Закон Божий?

14 февраля 1973 г.

[...] 1. Насколько я помню, Антон поступил сразу во 2-й класс Кременчугского училища в 1901 г. и, следовательно, начал учение в августе этого года. В Крюкове он ни в каком училище не был. Впрочем, Крюковское ж.д. училище открылось не раньше 1904 г., а скорее в 1905 г. Если бы это училище существовало в 1903 г., то я поступил бы в него, а не в городское училище (одноклассное).

Совершенно верно: Мирон Кондратенко был большим другом Антона и соучеником его по Кременчугскому городскому училищу. Но после выхода из училища их встречи были только случайны. Мирон рано женился и поступил конторщиком на станции Крюков. В 1910 г. кассир ст. Крюков, старик Нарынский, растратил казенные деньги и бросился под поезд. Кондратенко был назначен кассиром на его место, но вскоре умер от болезни печени (около 1913 г.).

Во время большевистского переворота я был помощником коменданта станции Киев. Когда, около 25 октября, станция Киев была занята большевиками[23], я уехал в Крюков и попал в школу к Антону около 1 ноября 1917 г.

В КВНУ Закон Божий преподавался только в течении 1-1 1/2 месяцев при украинцах (Д. Григорович) - в мае-июне 1918 г. Потом были летние каникулы. А потом украинцы ушли вместе с немцами. Больше Закона Божий не преподавался. [...]

20 февраля 1973 г.

По поводу кружка им. Короленко: что Вам известно о его членах, запланированных и осуществленных постановках, а также об откликах в прессе?

25 февраля 1973 г.

[...] Постараюсь ответить на Ваши вопросы, но, что касается распределения ролей в наших постановках, то здесь я смогу дать Вам ответ только частично. Это происходило почти 60 лет назад, и моя память плохо сохранила воспоминания о том, кто играл ту или иную роль в наших спектаклях. Сделаю, что могу. [...]

Педагогического коллектива КВНУ не было достаточно для создания прочной театральной труппы. Поэтому приходилось на каждый спектакль искать случайных любителей, как в Крюкове, так и в Кременчуге. В особенности трудно было найти артистов на роли стариков и старух. К сожалению, я сохранил в памяти только д-ра Н. Киселева, который участвовал во все время существования кружка. Остальных не помню, т.е. помню лица и роли, которые они исполняли, но не помню имен и фамилий.

1. Из одноактных пьес А. Чехова были поставлены: "Медведь", "Предложение", "Юбилей" и "Трагик по неволе". Все эти пьесы давались, как дополнение к программам концертов нашего струнного оркестра под управлением Краснова. Других одноактных пьес Чехова мы не ставили.

2. ["В репертуаре кружка имени В. Г. Короленко появились пьесы А. Н. Островского "Без вины виноватые" и "На бойком месте", "Женитьба" Н. В. Гоголя и, уж конечно, любимая пьеса Антона Семеновича "На дне" М. Горького". Е. Балабанович, Антон Семенович Макаренко. М., 1963, с. 76.] Ни одной пьесы Островского мы не ставили и не собирались ставить. Все его пьесы устарели, мало сценичны и совершенно нединамичны. Их можно играть только при наличии очень крупных театральных сил, каковые были напр. в Александринском театре в Петербурге или в Малом театре в Москве. Даже Московский Худож. Театр пьес Островского никогда не ставил.

3. "На дне" М. Горького и "Ревизор" Гоголя не были поставлены из-за сложности постановки[24].

4. Были поставлены 2 ревю: одно, написанное Антоном "Проводы старого и встреча Нового Года", поставленное 31 декабря 1918 г., и другое, написанное Антоном и мною (даты не помню). Содержание совершенно не помню. Был старый и Новый Год, железнодорожники, евреи, мужики и пр. Помню, что Антон играл роль какого-то еврейчика (это было его второе и последнее выступление).

5. Кроме Чеховских, никаких других водевилей мы не ставили. Гороновичошибается: мы начали с больших пьес ("Касатка", "Кукушкины слезы", "Дядя Ваня") - водевили же были поставлены случайно в дополнение к программам концертов.

6. "Хор братьев Зайцевых" - ошибка памяти Гороновича. Мы никогда его не ставили.

7. Лебедь ошибается. Почти все пьесы шли 2 раза, но "Иванов Павел" шел только 1 раз.

8. Никакие газеты о нашем кружке никогда ничего не писали. Ни одного слова. Фантазия Гороновича. [...]

Ал. Толстой, "Касатка". Анатолий Петрович - П. Карапыш, Илья Ильич Быков - В. С. Макаренко, Раиса Глебовна - Ю. Попова, Маша - Нина Попова, Абрам Алексеевич Желтухин - В. Сугак, Анна Аполлоновна - Н. П. Найда, Панкрат - Кононенко (член Родит. комитета).

Я отмечу тех, кого помню: Ал. Толстой, "Кукушкины слезы". Мария Петровна Огнева - Нина Попова, Степан Александрович Хомутов - П. И. Карапыш, Дмитрий Иванович Яблоков - В. С. Макаренко, Давыд Давыдович Бабин - А. С. МАКАРЕНКО, Наталья Владимировна Бельская - Ю. Попова, Шавердов - Кононенко.

Чехов, "Дядя Ваня". Елена Андреевна Серебрякова - Нина Попова, Софья Александровна - Ю. Попова, Иван Петрович Войницкий - В. С. Макаренко, Михаил Львович Астров - П. Карапыш, Илья Ильич Телегин - Н. Кисилев.

Чехов, "Вишневый сад". Любовь Андреевна Раневская - Нина Попова, Варя - Ю. Попова, Леонид Андреевич Гаев - В. С. Макаренко, Ермолай Алексеевич Лопахин - Н. Киселев, Семен Пантелеевич Епиходов - П. Карапыш.

Гоголь, "Женитьба". Агафья Тихоновна - Нина Попова, Подколесин - Н. Киселев, Кочкарев - В. С. Макаренко.

Сургучев, "Осенние скрипки". Главные роли: В. С. Макаренко, Нина Попова.

Стриндберг, "Отец". Ротмистр - В. С. Макаренко, Лаура - Нина Попова.

Чехов, "Юбилей". Андрей Андреевич Шипучин - В. С. Макаренко, Татьяна Алексеевна - Н. П. Найда, Кузьма Николаевич Хирин - П. Карапыш.

Чехов, "Медведъ". Елена Ивановна Попова - Ю. Попова, Григорий Степанович Смирнов - Н. Кисилев.

Чехов, "Предложение". Степан Степанович Чубуков - Н. Кисилев, Наталья Степановна - Нина Попова, Иван Васильевич Ломов - В. С. Макаренко.

Чехов, "Трагик по неволе". Иван Иванович Толкачов - В. Сугак, Алексей Алексеевич Мурашкин - Н. Кисилев.

"Иванов Павел". Иванов Павел - В. С. Макаренко. [...]

6 марта 1973 г.

1. Просьба кратко охарактеризовать: а) соучеников А. С. Фомина, Соколова и Ровного, б) И. И. Чернышева и его братьев, в) крюковских священников Григоровича, Богдановича, Сокологорского и Сулятицкого, г) З. П. Архангельскую, д) приятеля А. С. по Полтавскому учит. институту Митрофана, е)-з) участников драмкружка им. Короленко д-р Н. Киселева, Н. Попову и Кононенко.

2. Вновь вопрос (см. письмо от 17/1 1973) о том, насколько А. С. осознавал свое привилегированное положение сына железнодорожника и говорил ли он на эту тему со своими товарищами?

3. Просьба объяснить отношение А. С. и его друзей к Горькому.

4. Вновь по поводу поступления А. С. во 2-й класс Кременчугского городского училища: верно ли, что Ваш брат с декабря 1900 г. до августа 1901 г. ни в каком училище не был.

11 марта 1973 г.

[...] 1. а) Все товарищи Антона по городскому училищу (Кондратенко, Ровный, Соколов, Фомин и др.), по окончании училища, устроились на работу на железной дороге. Все это были люди самые заурядные, и, практически, Антон потерял с ними всякий контакт. Я их знал очень мало.

б) У И. И. Чернышева было три брата: старшие Федя и Костя и младший Вася. Была еще сестра Надя (была за кем-то замужем). Отец работал кузнецом, сначала в Белополье, потом в Крюкове (последнее время он получил бригаду). Федя и Костя окончили Кременчугское ж. д. техническое училище и работали где-то на железной дороге. Иван Иванович стал учителем, сначала где-то в деревне, потом в Крюковском "поселянском" училище. Костя был позже женат на Н. П. Найде - прибл. в 1916-17 г.

Вася был мой самый большой друг детства. Мы вместе окончили ж. д. училище в 1908 г. и в том же году поступили во 2-й класс реального училища. В 3-м классе Вася остался на второй год, но мы продолжали встречаться ежедневно.

Вся семья была на редкость патриархальной и дружной. Из всех наших знакомых это были наши самые большие друзья. Г-жа Чернышева была моей крестной матерью. В семье говорили на украинском языке (но не были самостийными сепаратистами). [...]

в) Крюковских попов я знал не всех одинаково. Меньше всего я знал Сокологорского. Его сын окончил Харьковский технологический институт. Жил он до крайности замкнуто. Никто из нашей семьи с этим попом не был знаком.

Поп Богданович был протоиерей и был благочинным посада Крюкова (старший, наблюдающий иерей). Жил он в том же доме, где жил и Дим. Григорович, в такой же богатой и большой квартире. Он имел дочь поразительной красоты, которая в то время была очень дружна с Е. Ф. Г.

Он умер около 1915 г., и на его место приехал новый священник, который был вдов и жил с двумя племянницами - Юлией и Ниной Поповыми. К сожалению, его фамилии моя память не сохранила.

С семьей Сулятицкого мы познакомились довольно поздно, кажется летом 1914 года, когда появились его сыновья, окончившие университет и которых почему-то мы до тех пор не видели. Это знакомство было случайно и не прочно (война, институт).

Самым интересным и самым культурным безусловно был поп Григорович. Это не мешало ему быть страшным интриганом, лицемером и до ужаса скупым и жадным. Очень высокий, очень красивый (похожий на Иисуса Христоса), он всем своим видом, голосом, манерами то, что называется - импонировал.

По словам Антона, он был импотентом. Это не мешало ему иметь большой успех у женщин, в особенности у так называемых "святош" или церковных крыс. Его брат, Антон Иванович, был учителем городского училища, где я учился (5-е городское). Его сестра была матерью Бориса Гороновича.

Страшный франт и щеголь, он носил только шелковые рясы и имел богато обставленную квартиру (в гостиной Беккеровский рояль, дорогая мягкая мебель, экзотические цветы, дорогие ковры).

На отношения Е. Ф. и Антона просто закрывал глаза. У нас в

доме бывал до последнего времени. В том литературно-музыкальном кружке, который образовался в его доме вокруг Е. Ф. и Антона, он никакого участие не принимал. (Здесь бывали: Сосновская, Богданович, З. П. Архангельская (родственница Е. Ф. - тоже Архангельской), Сагредо, Голобородько и его сестра, учитель Юрченко, Дзюба и др. Всех я не помню).

Попа Григоровича я встретил в эмиграции в Болгарии, где в 1923 г. я жил в городе Лом-Паланка[25]. Он был священником в церкви св. Николая, и, как и в Крюкове, был окружен целым роем бабсвятош.

Для своей церкви он заказал мне написать большой образ "Моление о чаще" (больше 2-х метров). Я работал около 2-х месяцев и получил за свой труд 4 000 лева. Думаю, что с его стороны это была дипломатическая уловка, желание заручиться моим молчанием относительно его прошлого - он имел достаточно нахальства, чтобы получать от Американского Красного Креста вспомоществование на предмет содержания жены и 4-х детей (!), оставшихся в СССР.

(По одним сведениям, он пошел далеко и дослужился до сана епископа, но, после занятия Болгарии Сов. Армией, был арестован и отправлен в Сов. Союз. По другим, ему удалось бежать в Германию, где он и умер)[26].

г) З. П. Архангельскую я совершенно не помню, несмотря на то, что был ее учеником 4-5 месяцев. Ничего о ней сказать не могу.

д) Митрофан (Фитилев?) - товарищ Антона по Институту, с которым он жил в Важничем переулке № 5. Я его знал очень мало. Маленький, очень веселый, в очках. Кажется, очень хороший товарищ.

е) Д-р Киселев ("Колька" - несмотря на то, что ему в то время было уже около 50 лет). В Крюков попал во время войны и был доктором при, так называемой, "команде выздоравливающих" (после ранений). Добряк и страшный флегматик. Полноватой комплекции, уже седой. Политически - поклонник революции (в ее лучших аспектах).

ж) Нина Попова (сестра Юлии). Наша примадонна. Епархиалка. Не очень красивая, но стройная и элегантная. Исполняла у нас все главные роли. К сожалению, обладала очень скромными вокальными средствами. Но, вообще, провинциальная барышня, скучающая без любви.

з) Кононенко. Слесарь в мастерских. Член Родительского комитета, ярый поклонник Антона и всех наших начинаний. Добрейший и милейший человек. Его участие в кружке Короленко было целым событием в его жизни. В одном из последних писем Антон писал мне о посещении Крюкова: "...встретил Кононенко, со слезами на глазах он вспомнил, как он играл почтмейстера [в "Кукушкиных слезах" - Г. Х.]..."

2. Я уже писал Вам, что свое "привилегированное" положение Антон совершенно не замечал. Во всяком случае, эта проблема никогда не поднималась и не дискутировалась. Мещан и евреев Антон просто не замечал.

3. Слава и значение М. Горького в русской литературе были раздуты - уже при большевиках. Его объявили "пролетарским писателем" и основоположником пресловутого "социалистического реализма". Но в период 1905-1914 гг. славу и известность Горького ни в какой степени нельзя было сравнить с тем восхищением, которое вызывали все вещи Л. Андреева. В этот период в России было два "властителя дум": это Л. Андреев и К. Гамсун.

Не знаю, насколько устарел Л. Андреев, но Горького сейчас читать почти невозможно (в особенности его драматургию, даже "На дне").

За исключением м. б. его автобиографической трилогии: "Детство", "В людях" и "Мои университеты". [...] Слава Горького была подогрета постановкой в Московском Худож. Театре его посредственной пьесы "На дне".

Круг читателей М. Горького был, наверное, более обширен, чем у Л. Андреева. Поклонниками Л. Андреева были "сливки" русской интеллигенции - читатели Горького были скорее полуинтеллигенты.

Мещане и босяки Горького были сусальны и надуманны. В конце концов они утомляли и надоедали, как утомляло и стремление Горького к "нравоучениям".

4. Знаю, что Антон поступил во 2-й класс Кременчугского училища. До этого ни в каком другом училище не был. Кажется, он подготовился с репетитором. Подробностей не знаю.[...]

29 марта 1973 г.

Два вопроса: 1. Когда - в каком месяце - Вы были на экскурсии

с Вашими родителями в 1909 (Севастополь), 1910 (Курск, Белгород) и 1911 (Москва, Петербург) гг.? 2. В каком месяце 1912 г. руководство Южных железных дорог направило специальный состав - в том числе и Вашего отца, сопровождаемого Вами - в Германию (Берлин, Ганновер) для закупки стали и красок?

3 апреля 1973

[...] Бесконечно благодарен Вам за присланную сегодня газетную выдержку из моих воспоминаний [глава "У Миронова" на немец. яз., "Deutsche Volkszeitung", 29/III 1973 - Г. Х.]. [...]

Сейчас отвечаю на Ваши вопросы:

1. Экскурсии 1909-10-11 гг. всегда происходили во 2-й половине июля месяца, когда отец регулярно получал годичный двухнедельный отпуск.

2. Поездка в Германию была совершена в первой половине августа месяца - я даже запоздал на 1 день в реальное училище: пришел не 16, а 17 августа. [...]

16 апреля 1973 г.

[...] Теперь обращаю Ваше внимание на следующее обстоятельство: по Российским Законам тех времен, дети принимались в школу в том году, в котором им исполнялось 8 лет (Саша - 1881-1889, я - 1895-1903). Следовательно Антон мог пойти в школу только в 1896 г., и ко дню отъезда из Белополья в конце 1900 г. ему не хватало всего 4 месяца до окончания училища (наверное, он дополнил программу с каким-нибудь репетитором). [...]

18 апреля 1973 г.

Информация о проекте публикации воспоминаний В. С. на итал. яз., а также о приглашении совершить поездку в Советский Союз вместе с Г. Хиллигом.

23 апреля 1973 г.

[...] Я очень рад, что мои воспоминания появятся и на итальянском языке. Надеюсь, что Вы сохранили за собой авторские права, то, что по английски называется "копирайт". Это облегчит Вам издание новой книги: Макаренко - Мат. III.

Очень тронут Вашим милым и любезным предложением совершить поездку в СССР совместно с г-ном Хиллигом.

Но, к сожалению, это - неосуществимо:

во-первых: кто оплатит эту поездку? Кроме того, у меня нет приличного костюма, ни обуви, ни чемодана. Да и надо было бы истратить деньги на подарки Олимпиаде, Кате, Антону (брат Кати).

Во-вторых: советской визы мне не дадут. Они прекрасно знают, что я их всех ненавижу. И потом им неинтересно девуалировать существование брата А. С. - офицера, и, что особенно важно, активного участника так называемого "Белого Движения" (Добровольческой Армии). Ведь там все фальшивка. Даже из моего отца, который ненавидел революционеров, они сделали чуть ли не большевика.

Спасибо! Но это невозможно.[...]

30 апреля 1973 г.

По поводу даты рождения Вашей сестры Александры: в ЦГАЛИ (ф. 332, оп. 1, ед. хр. 82) находится ее фотография, на которой рукой Г. С. Макаренко сделана надпись, что Александра родилась в 1878 г.

3 мая 1973 г.

[...] Саша родилась в апреле месяце 1881 года. Я своими глазами видел ее метрическое свидетельство. Я ходил с нею, когда перед свадьбой надо было представить это свидетельство священнику.

Откуда Гал. Стах. взяла дату (1878 г.) - я не знаю, но она ошибочна. Даже если эта дата была ей сообщена Антоном. [...]

К сожалению, я не думаю, что архивы Покровской церкви в Крюкове, где было совершено крещение, сохранились.

Отец и мать мне всегда говорили: "между вами по 7 лет разницы - ты и Антон (1888-1895), и Саша и Антон (1881-1888)".

В данном случае только подлинное метрическое свидетельство может быть для Вас решающим. Устные показания не могут приниматься к сведению[27]. [...]

6 июня 1973 г.

Вновь по поводу автобиографического документа А. С. "Вместо коллоквиума" (1922 г.): "... Терпеть не могу Диккенса". Как Вы думаете, почему А. С. не любил Диккенса?

15 июня 1973 г.

[...] Сейчас вы спрашиваете: почему А. не любил Диккенса? Трудно залезть в душу человека. Почему он не любил Диккенса, не любил Толстого, не любил В. Гюго? Почему он так интересовался Новой Зеландией? У каждого человека есть свои вкусы и свои странности. Я думаю, что Диккенса он не любил за крайнюю, доведенную до приторности, сентиментальность. Антон не был сентиментален. Это не значит, что он был жесток. (Впрочем, я тоже не люблю Диккенса). Нет! Антон не был жесток и поэтому, я думаю, что, несмотря ни на что, Антон духовно не принял большевиков. Не мог он не видеть миллионы невинно расстрелянных, депортированных, заключенных, угнетенных... Как он сказал А. Лебедю: "От сопротивления пользы не будет - мы все погибнем без пользы. Необходимо приспосабливаться к этой жизни". (Это он сказал, когда узнал, что его бывший ученик Вася Фомин сослан на 10 лет в каторгу).

И, конечно, для Антона была трагически тяжела необходимость славословить Сталина. Для Вас интересно было бы сравнить книгу Балабановича в Вашем издании с тем изданием, которое имеется у меня. Это - небо и земля. Среди других, имеется такая фраза Антона: "История всего человечества делится на два периода: до сталинской конституции и после нее".

Жду Ваших дальнейших вопросов. [...]

19 июня 1973 г.

Просьба кратко охарактеризовать: 1. инженера Костюченко (когда он был назначен начальником Крюковских мастерских?), 2. учителя Кемова, 3. капельмейстер Краснова; еще два вопроса: а) Когда в Кременчуге инсценировалась пьеса М. Горького "На дне"? (А. С. ее упоминает в статье "Максим Горький в моей жизни"), б) Читал ли А. С. уже в это время книгу Н. Г. Помяловского (в т. ч. "Очерки бурсы")?

24 июня 1973 г.

[...] Сердечно благодарю за присланную и долгожданную книгу [сб. "Makarenko-Materialien III", Марбург, 1973, в котором содержатся и воспоминания В. С. Макаренко о брате - Г. Х.]. Надо ска-

зать: Браво! Поздравляю! Удачная и, для макаренковедов, наверное, интересная книга! Я думаю, что у них она будет иметь большой успех.

Очень хорошо воспроизведены все планы, которые я начертил Вам в прошлом году в Марбурге. Хуже - качество воспроизведенных фотографий. Единственный упрек, который я позволю себе Вам сделать - это фотография нашего дома, помещенная в книге (сделанная в послереволюционные годы!) [снимок из личного архива Н. П. Нежинского; впервые опубликован в книге: М. П. Ніжинський, Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка. Київ, 1958 - Г. Х.]. Эта фотография (в особенности, жалкая ограда) производит неприятное впечатление крайней бедности, бесхозяйственности и нужды. Но ведь это не та ограда, которая существовала до революции - очень красивая, прочная, с великолепными дубовыми воротами. Кроме того, вокруг дома, через каждые 2 метра росли чудные акации. Все это было разграблено на топливо: и ограда, и акации, и наш великолепный сад. Что могла сделать одна старушка мама. Да она, кроме того, во время нашего отступления уезжала на целый месяц к сестре, в Знаменку.

Ведь тогда угля не было - воровали все, что можно, даже кресты на кладбище. Жаль, конечно, но эта фотография вызовет у читателя ложное впечатление о благосостоянии нашей семьи.

Теперь ответы на Ваши вопросы.

1. Инженер-технолог КОСТЮЧЕНКО никогда не был начальником Крюковских мастерских. На моей памяти было 3 нач. мастерских: Бартницкий (переехавший из Белополья), его сменивший Дружинин, умерший в 1911-12 г., и последний Кожевников, оставшийся и при большевиках.

Костюченко был только помощником нач. мастерских. Он руководил всей технической частью производства и официально назывался "механиком Крюк. мастерских". (Мастера же всех цехов официально назывались не мастерами, а помощниками механика Крюк. мастерских - их было около 10. Все они были подчинены непосредственно Костюченко).

На одном из аттестатов Антона [копия свидетельства от 11 августа 1905 г. об окончании педагогических курсов - см. А. С. Макаренко. Кн. 4-я, Львов, 1959, после стр. 140 - Г. Х.] есть его подпись как Почетного блюстителя Крюк. ж. д. училища, но это по заместительству.

В мое время Костюченко был уже пожилым (50-55 лет). Очень скромный, симпатичный инженер. Его семья жила на Екатеринославской улице, почти рядом с домом Е. Ф. Григорович. У него была единственная дочь, красавица, гимназистка Леля - она ездила со мной ученическим поездом в Кременчугскую гимназию. Между нами существовал невинный флирт: я танцевал с нею на наших ученических балах и несколько раз провожал ее в театры и кинематографы.

Костюченко, по словам отца, пользовался симпатией всех служащих и рабочих. Около 1912-13 г. он получил повышение - был назначен начальн. мастерских в каком-то другом городе и уехал из Крюкова.

На его место приехал молодой инженер-технолог Тимченко - карьерист и сутяга. Его рабочие возненавидели, а мастерам, в том числе и моему отцу, он попортил много крови. Я даже думаю, что преждевременная смерть отца в 1916 г. лежит и на его совести, так как он загонял его невозможными требованиями во время войны.

2. КЕМОВ Николай. Лет 30-ти. Уроженец Архангельской губ. (там, на Белом море, есть речка Кемь и маленький городок, тоже Кемь). Окончил Петербургский университет. Во время войны был офицером и, как и я и Крылов, донашивал офицерскую форму (кроме погон, конечно).

Высокий, скромный, почти застенчивый, очень милый и симпатичный. Большой поклонник Антона и его начинаний. Почему попал в Крюков - не помню (война всех перемешала), в кружке им. Короленко не участвовал. Принимал деятельное участие в 1-й Труд. дружине. Женился в Крюкове на сестре ж.д. бухгалтера Переверзевой.

3. КРАСНОВ Петр. Наш капельмейстер. Лет 40-45. Из солдат музыкантов. До революции был фельдфебелем музыкальной команды 35 пех. Брянского полка (г. Кременчуг). Играл на всех духовых инструментах и, кроме того, на виолончели. Около 1912 г. организовал наш струнный оркестр. Потом был организатором духового оркестра в ж.д. училище.

Человек совершенно простой.

4. "На дне" Горького в кр. им. Короленко не ставилось. В Кременчуге эта пьеса шла 5-6 раз в году в Зимнем Театре, где была постоянная драматическая труппа. Думаю, что Антон видел ее

не раньше 1908 г. (Он ее видел вместе с Орловым, а Орлов приезжал в 1908 г.).

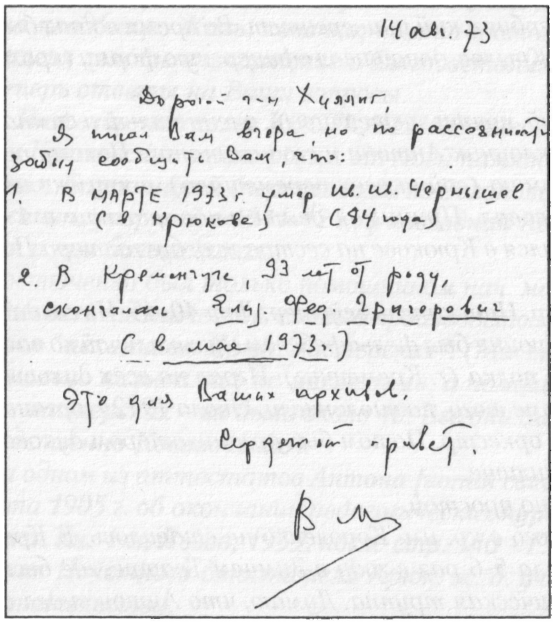
5. Сочинения Помяловского Антон читал наверное еще в Городском училище, т.к. его книги ("Очерки бурсы) рекомендовались для юношества в ученических библиотеках. Я их прочел, когда мне было 14-15 лет. [...]

7 июня 1973 г.

Просьба прислать подробный отзыв о повести "Честь", в частности, о достоверности фона, образов, разговоров.

12 июня 1973 г.

[...] Что касается "Честь" Антона, то могу только сказать, что вообще все художественные вещи Антона (кроме "Педагогической поэмы") я нахожу крайне слабыми, и "Честь" - самой слабой. Для меня - это почти макулатура, там нет ни одного лица, ни одного события, которое, хотя бы отдаленно, соответствовало действительности. Взяты чисто внешние данные и на них построен, чисто большевистский, скучнейший роман, типичная "фальшивка" с нуднейшими диалогами и за волосы притянутыми ситуациями. Читать этот роман - просто неприятно. [...]


14 авг. 73

Дорогой тов. Хуанг,

Я писал Вам вчера, но по рассеянности забыл сообщить Вам, что:

1. В МАРТЕ 1973 г. умер Ш. Ш. Чернышов (с Крюкова) (94 года)

2. В Кремлуте, 93 лет от роду, скончался Ялч. Фед. Григорович (С в мая 1973 г.)

Это для Ваших архивов.

Сердечный привет.

В. Ш.

13 августа 1973 г.

[...] о чем писать? О книге "Честь"? Я ее мог прочесть только до половины. Читать (мне) ее невозможно. Это сплошная ложь и бездарность. [...]

14 августа 1973 г.

[...] Я писал Вам вчера, но по рассеянности забыл сообщить Вам, что:

В марте 1973 г. умер Ив. Ив. Чернышев (в Крюкове) (84 года).

В Кременчуге, 93 лет от роду, скончалась Елиз. Фед. Григорович (в мае 1973 г.).

Это для Ваших архивов. [...]

31 августа /3 сентября/ 9 сентября /29 октября 1973 г.

[...] Состояние здоровья, к сожалению, не позволяет мне ответить сразу по поводу повести "Честь".

Я вынужден сделать это в 2-3 приема. Но от этого мой ответ только выиграет. Повесть затрагивает и поднимает очень много вопросов, и для того, чтобы ответить на все обстоятельно, понадобилось бы написать целую диссертацию. Но к чему?

Кроме того, трудно писать о событиях 1914 г. вам, т.е. лицам, которых не было в то время на свете и которых эти события, по совести говоря, совсем мало интересуют.[...]

Повесть Антона "Честь" даже советской критикой была встречена враждебно (Малахов, Левин и др.). В своем желании угодить властителям-большевикам Антон переусердствовал, потерял чувство меры и такта и написал такую несусветскую галиматью, что читать ее без возмущения и брезгливости - невозможно.

Невольно напрашивается вопрос: почему он это сделал?

Я долго думал над этим и пришел к заключению, что Антон писал все это под влиянием чувства страха, того страха, который, по словам А. Лебедя, всегда был, есть и всегда будет в Советской России.

Антон писал "Честь" в 1937-38 г., то есть, как раз в тот период, когда сталинский террор достиг своего апогея, палачи Ежова и Берия расстреливали людей без суда и следствия и 25 000 000 невинных жертв томились и гибли в концлагерях и на каторжных работах. (Но ведь Россия во все времена своего исторического существования была страной рабов и тиранов).

Сразу же говорю: ни место действия, ни события, описанные в

книге, не соответствуют реальным событиям той эпохи. Главное же, ни один персонаж повести не соответствует по своему характеру и поступкам тем лицам, которых почему-то считают прототипами. Алеша - это совсем не я, Теплов ничего не имеет общего с моим отцом, и Степан Колдунов астрономически далек от моего денщика Степана Кудреватого. И совсем уж легендарны и высосаны из пальца все второстепенные персонажи повести: все эти Богатырчуки, Вараввы, Тани, Нины, Пономаревы и пр.

Сходство напрашивается только благодаря внешним фактам из жизни моей, главным образом, во время войны и сохранившимся в памяти Антона: военное училище, ранение, контузия, заикание, "120 батарей", "прожекторы в небо", "дай деньги" и пр.

Казалось бы, чего проще: почему бы Антону не описать ту жизнь и тот мир, которые он видел вокруг себя в Крюкове и Кременчуге? Но нет - это было невозможно. Для чего тогда была революция, а, главное, большевики.

Потому что до войны 1914 г., при всех своих недостатках, Россия была богата, и никогда не нуждалась в предметах первой необходимости: пищи, платья, обуви, мебели, посуде и пр. и пр. Россия никогда не знала, что такое ОЧЕРЕДЬ перед магазином - очередь, не исчезающая из советского быта вот уже 56 лет!!!

Почему очередь? Потому что советская экономика и коллективное хозяйство давно уже обанкротились и загнали страну в тупик, из которого нет выхода.

Достаточно сказать, что в 1972-73 гг. Советы закупили в США и в Канаде 32 миллиона тонн хлеба, во Франции - 500 000 тонн масла, в других странах - яйца, битую птицу, сало и пр., то есть те продукты, которые до революции Россия вывозила, экспортировала.

Нет, описать бывшую реальность - невозможно. Поэтому Антон создает мир никогда не существовавший. Город его повести населен не то дикарями, не то троглодитами, которые даже "в трамвае не ездят" [Соч. 2-е изд., т. 6, 1958] (стран. 11) и посещать городской сад будут только в том случае, если это даром, бесплатно (стран. 10).

В действительности Кременчуг был очень богатый и оживленный город - в Кременчуге стояли два полка: 35 Брянский и 36 Орловский, а также 9-я артиллерийская бригада. И, конечно, население с удовольствием пользовалось трамваем и каждый вечер на-

полняло (за плату, конечно) великолепный городской сад, где был театр, рестораны, эстрада для музыки, бильярд и все прочее, что имеется в любом городском саду.

То есть - люди вели себя так, как вели себя люди любого русского или заграничного города.

Но для Антона это не убедительно. У него "даже воробьи порхали, измазанные в масло, мазут и муку" (стран. 9). Где он мог подсмотреть своими близорукими глазами таких глупых воробьев?

Наивно и довольно неуклюже обозначает Антон Кострому табачной фабрикой Карабачки и заводом Пономарева (это чтобы сделать из них эксплуататоров!).

Но, спрашивается: как могла эта фабрика и этот завод работать в Костроме, в которой не было электричества? Действительно, на стран. 11 читаем: "воду Кострома добывала из колодцев, освещалась керосином".

В действительности на Костроме не было никаких заводов. Была одна единственная еврейская мелочная лавочка, а большая половина маленьких домиков принадлежала железнодорожникам, которые никаким Пономаревым ничего не были должны, как Теплов, который, неизвестно почему, "уже 10-й год выплачивает долг за дом Пономареву".

В Кременчуге была очень большая табачная фабрика Дурунчи и около десятка фабрик, вырабатывавших для солдат и простого народа дешевый табак, так наз. "махорку" (Кременчуг и в настоящее время остается центром по выработке махорки). Кроме того, было много вальцовых мельниц, и на берегу Днепра на 3 километра тянулись лесопильные заводы. [...]

По чисто большевистской шпаргалке Антон сразу же разделяет мир своих героев на два лагеря: с одной стороны эксплуататоры, попы, богатые (?) офицеры и пр., с другой - несчастные угнетенные рабочие, эксплуатируемые на Костроме Пономаревым и Карабакчи.

И здесь Антон лжет и клевещет так, что становится стыдно за него. Как человек мог, в своем желании угодить, дойти до такой низости и так открыто лизать большевикам сапоги и кое-что повыше.

Ведь его рабочие не просто бедны, но находятся чуть ли не в черной мизерии. Так, например, у Теплова имеется только один

костюм - он рабочий, он же и праздничный. Пальто он носил с огромной заплатой, причем он так беден, что у Василисы Петровны не нашлось даже куска материи, подходящего по цвету к пальто. Чтобы еще больше поразить читателя, Антон помещает эту заплату - где? На животе!!!

Долго носимое пальто снашивается на локтях, на плечах, снашиваются карманы и полы, но на животе дыру надо проделать специально (что и делает Антон).

Приходит время вносить плату за учение в реальное училище, и Теплов говорит жене:

"- Сократи, мать, разные сладости... Картошку давай". (Стран. 15). Дальше уже идет настоящий букет:

"И учебники покупал Семен Максимович самые странные (не просто старые!), и форму доставал с чужого плеча, и за все семь лет ни разу не дал сыну на завтрак".

Бедный Алеша! Прямо удивительно, что он ухитрился не умереть с голода. И где можно было достать форму с чужого плеча?

Но сколько же стоил завтрак в буфете реального училища? Ровным счетом 5 копеек (котлета, или 2 сосиски, стакан чаю и французский хлеб). Это составляет за вычетом воскресных дней всего 1 рубль 25 коп. В месяц. Гроши! (Я получал от мамы ежедневно 10 коп. Кроме того, начиная с 5-го класса, отец давал мне на расходы 3 р. в месяц).

Ремесло токаря оплачивалось выше всех других специальностей. Я знал токарей, которые вырабатывали в месяц плату больше мастеров. Ведь Антон сам говорит, что Теплов был у Пономарева самый старый и знающий токарь, и когда Теплов был за что-то уволен, то "он недолго ходил без работы, всего месяц. Сам Пономарев ездил просить, другого такого токаря где он достанет!" (стран. 86).

Глупо было бы предположить, что Пономарев не старался удержать у себя такого ценного работника. Чем? Конечно, хорошей платой. Эксплуататоры были совсем не дураки. Иначе Теплову стоило сделать один шаг и пойти в жел. дор. мастерские. Но железные дороги для Антона - табу. О них ни слова. Эксплуататоры! Но разве большевики не эксплуататоры? Как никто в мире! До революции в семье работал только отец. (За очень небольшими исключениями). Теперь же у большевиков 50% замужних женщин тоже работают, так как одной зарплаты мужа не хватает. И

как эксплуатируется вообще женский труд? Женщины поставлены на самые тяжелые работы, о которых они до революции и понятия не имели. И все это под лицемерным поводом равноправия и эмансипации.

Как я уже говорил, нет ничего общего между персонажем Теплова и моим отцом. Мой отец был натурально воспитанный человек. Кроме того, он был умен. Теплов же, несмотря на все его потуги к мудрости и остроумию просто, глуп и к тому же хамоват. Вот так он встречает Таню Котлярову (гимназистку 8-го класса, следовательно, девушку лет 18-19).

"- А ну, постой! Ты это откуда такая? Котлярова, что ли?.. Ха! - сказал Семен Максимович. - Здорово! Только не забудь, что плотника дочка, а не какой-нибудь свиньи, - стукнул суковатой палкой о землю и зашагал дальше" (стран. 17). Что называется, нахамил!

Непонятно также, для чего Теплов раз в год посещает церковь и там ведет себя по-хамски вызывающе и непристойно; демонстративно не крестится, не ставит свечей, "после причастия Семен Максимович негодующим жестом отмахивался от диаконовского красного плата для вытирания губ верующих и от серебряной чаши для запивания..." (стран. 15).

Дело в том, что говение раз в год (исповедь и причастие) было обязательно только для военных и воспитанников средних учебных заведений (также военных училищ и кадетских корпусов). Все же остальные категории граждан были совершенно свободны посещать ли церковь или не посещать, и в последнем случае никто их за это не преследовал. Не преследовал за непосещение церкви, но за непристойное поведение в церкви, конечно, преследовали (и не только в России). Если бы о. Иосиф захотел, то через губернского архиерея мог бы доставить гражданину Теплову много неприятностей (вплоть до отлучения от церкви, как Льва Толстого).

И вообще непонятно, как Теплов при такой черной мизерии (не надо забывать, что он должен много денег Пономареву за дом) решил отдать Алешу в реальное училище, и уж совсем абсурдно его согласие на поступление его в Петроградский, Императора Николая I, Институт гражданских инженеров.

Этот Институт был учрежден полупривилегированным, на окончание которого требовалось 5-6 лет, где надо было носить безукоризненную форму, где учебники стоили очень дорого, так

же как и всевозможные чертежные принадлежности (Институт готовил лучших в стране архитекторов).

И все это без малейшей помощи со стороны отца.

Сколько денег надо было иметь студенту в Петрограде? По самому скромному подсчету 40-50 рублей. Откуда же Алеша мог достать такую сумму? Антон этого вопроса не разглашает и оставляет его открытым.

Вот разговор Алеши с Таней (стран. 25):

"...А как же ты живешь в Петербурге?

- Зарабатываю.

- Много зарабатываешь?

- Уроками много нельзя заработать. Очень дешево платят.

- А сколько платят?

- Если репетировать какого-нибудь отсталого, - пять рублей в месяц.

- А сколько тебе нужно в месяц?

- Мне нужно самое меньше тридцать рублей.

- Для чего? (?!?!?!?!)

- Квартира, стол, учебники, ну, конечно, баня, бритье...

- А если без бритья - значит, дешевле? (?!?!?!?!)"

В этом диалоге поражает дурацкий вопрос: "Для чего?"

Для чего студенту нужны 30 рублей? Если бы Алеша сказал - 300 рублей, тогда вопрос был бы понятен, но 30 рублей - так понятно, что это на самое необходимое. Так же глупо замечание: "А если без бритья..."

Здесь поражает беззастенчивая и самая дешевая демагогия - это цена: 5 рублей в месяц за репетиторство.

Уже реалисты и гимназисты, которые занимались с отсталыми учениками, не брали меньше 15 руб. в месяц. Студенты же, как правило, этим делом не занимались (в особенности в технических В.У.З., почему - здесь не мес. объяснять). Если же делали исключение, то брали за урок не меньше 30 руб., т.е. по 1 рублю за урок.

Имея 4 урока по 5 рублей, Алеша зарабатывал 20 рублей в месяц, не слушал и пропускал лекции и, конечно, голодал.

И где он мог находить время для уроков? Даже если допустить, что его 4 урока были сгруппированы в одном квартале - ему нужно было больше 4-х часов для занятий. Но, наверное, уроки были разбросаны в таком большом городе как Петербург. Алеше потребовалось бы 5-6 часов для переездов и, кроме того, добавочные рас-

ходы на трамвай. От 5 рублей осталось бы мало.

Нет! Чепуха все это. Макулатура! Макулатура! [...]

Чтобы не говорить больше о совершенном несходстве Теплова и моего отца, добавлю только, что отец был верующим человеком (сколько я его помню, он всегда молился перед иконой утром и вечером), а революционеров и революцию он просто ненавидел. Он сохранил еще в памяти неприятные воспоминания о беспорядках 1905 года, когда нормальное течение жизни было нарушено и было очень трудно с продовольствием.

Пусть дадут мне умереть спокойно и потом устраивают революцию. Русскому народу революция не нужна. Это все евреи работают.

Ничего нет общего и между моим денщиком Степаном Кудреватым и героем повести - развязно-опереточным Степаном Колдуновым. Мой денщик был сибиряк, лет 20-ти, который заботился только о своей внешности и политикой никогда не занимался, да он в ней и ни черта не смыслил. Приехал он не через месяц, а вместе со мной и жил в воинской комнате. Пока я лежал в госпитале, Степан проводил время в ухаживании за горничными и кухарками. После революции он уехал к себе, в Сибирь.

До абсурда наивен рассказ Колдунова о том, как он пошел спасать Алешу. Так, как будто прошелся в соседнюю комнату или прошелся по бульвару (это под сильнейшим пулеметным и артиллерийским огнем, среди проволочных заграждений и развороченных снарядами окопов).

Это, конечно, чепуха! Из боя меня вынесли солдаты моей же роты. И вообще, тип Колдунова неприятно фальшивый - почему-то он неприлично развязен, к Алеше и ко всем другим обращается на "ты". Впрочем, и Алеша представляет его как своего друга: "Это мой друг". (???).

В нескольких местах повести автор проявляет полное невежество. Вот два наиболее ярких примера:

1. Для перевозки Прянского полка ему понадобилось 30 поездов (стран. 35). Сколько же нужно поездов перевозки полка состава мирного времени (2000 чел.)? Ответ: два состава по 25 вагонов (40 челов. в вагоне - международная норма) и один состав для лошадей и экипажей. Итого: 3 состава. Не будем скупыми и дадим еще один поезд на всякий случай. Получится 4 поезда... но не 30 поездов.

2. В 1914 г. студенты всех высших учебных заведений в армию не призывались, и, следовательно, Алешу никто в военное училище послать не мог! Впервые часть студентов была мобилизована только в августе 1916 г. Критик [К. Малахов - Г. Х.], заметивший это, конечно, был прав. Но автор лезет на рожон и утверждает свою правоту.

Что же касается самих события, развернутых автором на страницах повести, то это неудачный, не художественный вымысел, ни в чем не соответствующий действительности. Весь этот заговор офицеров и "эксплуататоров", 50 винтовок у Пономарева, реалисты с винчестерами, разговоры о большевиках-благодетелях, о красной гвардии, Карле Марксе и пр. и пр. - все это ерунда чистейшей воды. Офицерство было забито и терроризировано, а частью уничтожено вместе с другими жертвами гражданского населения.

(Всего около 1.700.000 жертв самосудов и толпы за время между февральской и октябрьской революциями - лицемерно называемой большевиками: великой и бескровной.)

Попытка вооруженного сопротивления воцарившейся анархии могла быть осуществлена только большим начальником, пользующемся всероссийским авторитетом, что и было сделано только один раз, а именно генералом Корниловым. Но Корнилов был командующим армией, и в его распоряжении были 2-3 кавалерийских дивизии верных солдат (главным образом, кавказцев). Но даже и его попытка имела мало шансов на успех. Он мог захватить власть в Петрограде, но навести порядок во всей стране, фактически находившейся во власти 20.000.000 расхлыстанных дезертиров - едва ли.

Попытка же какой-то небольшой группы, в небольшом провинциальном городе, была заранее обречена на полную неудачу, фиаско.

В заключение скажу только, что большевиков население встретило, как стихийное бедствие, как чуму, как холеру, и продолжает их ненавидеть самой лютой ненавистью.

Дочь Сталина, Светлана Аллилуева, которая не так давно бежала из СССР и проживает сейчас в Америке, в своей книге "Только один год" - пишет:

"Построить социализм - можно. Но жить в нем - нельзя!"

Большевики - это аморальное, антирелигиозное и античелове-

ческое чудовище. К тому же они наглые шулера: везде они кричат о своих достижениях во всех областях народной жизни - как было до большевиков, и как стало теперь. Но ведь надо упасть на голову, чтобы думать и верить, что Россия застыла бы на уровне 1917 года и за 56 лет ничего не сделала по пути общего прогресса. Но страна не заплатила бы кошмарную дань за царствование большевиков: 60.000.000 (войны, голод, расстрелы, самосуды, каторга и пр.).

Дикое лицо большевизма можно было бы, как эмблемой, охарактеризовать только одним их чудовищным поступком:

Расстрелом 11.000 польских офицеров в Катынском лесу. [...]

Я не понимаю, почему Вы хотите видеть аутентичность там, где ее совсем нет. [...] Поэтому отвечаю кратко:

1. Кружок вокруг Алеши совсем, ну, совершенно не соответствует кружку вокруг Антона. Антона в повести вовсем нет. Кроме того, в кружке Антона не было революционеров (их, вообще, в Крюкове не было. Да, не было и в Кременчуге. Революционеры жили и действовали по большим центрам: Петербург, Москва, Киев, Одесса и пр.).

Ни у какого попа никаких офицеров никогда не было. Да и какие кадровые офицеры были в Крюкове? Был один поручик Дзюба, но он был убит в самом начале войны. Остальные, офицеры военного времени, после революции думали только об одном: пробраться на Дон, где ген. Алексеев и ген. Корнилов положили основание Добровольческой Армии.

2. Нет ничего общего между женой Теплова и моей мамой. Абсолютно ничего! Мама политикой не занималась и ничего в ней не понимала. Мой денщик Степан у нас никогда не жил, как никогда не жил и какой-то мифический капитан Бойко. Все это только плохая литература.

3. Ни Антон, ни весь его кружок никогда не заводили разговоров на тему о народе, революции, социализме, а если и говорили, то видели ее совсем в другом плане и в другом аспекте. Я об этом говорил в моих воспоминаниях.

Что Антон думал о народе? Не знаю! У нас с ним на эту тему никогда разговоров не было. Думаю, что народ его интересовал очень мало. Его интересовало одно: стать писателем!

Революция его тоже не интересовала. После революции он до сентября 1919 г. увлекался театром.

4 ноября 1973 г.

[...] Я проштудировал Ваш вопросник от 8 июля, и я думаю, что ответил на все Ваши вопросы. Остается добавить, что отъезд Алеши на фронт и прощания с родителями никогда не было - я уезжал не из Крюкова, а из Полтавы, из запасного батальона. Во всяком случае отец не задал бы мне глупого вопроса: "Когда приедешь?"

Надо добавить еще, что отец умер за год до революции. Кружок Антона существовал до 1911 г., когда он уехал в Долинскую, а с 1914 г. переехал в Полтаву. Ел. Фед. тоже исчезла из Крюкова, приблизительно с 1908 г. - сначала на курсы, а потом в Полтаву.

Хочу добавить только, что кружок вокруг Антона был настроен революционно постольку, поскольку была революционна вся передовая русская интеллигенция, которая видела революцию в розовом свете. К тому же вся эта революционность была совершенно пассивна и на борьбу совершенно не способна. Когда наступила настоящая "бескровная" - интеллигенция растерялась, часть погибла жертвой "освобожденного" народа, часть ушла в Белую Армию, большей частью эмигрировала. Вообще - исчезла.

Революция была совершенно не нужна России. Монархия отжила свой век и должна была умереть естественной смертью со дня на день. Революция удалась только потому, что произошла во время войны. [...]

6 декабря 1973 г.

Вопрос: Была ли у Вас возможность читать советскую периодику на французском языке в 30-е годы?

13 декабря 1973 г.

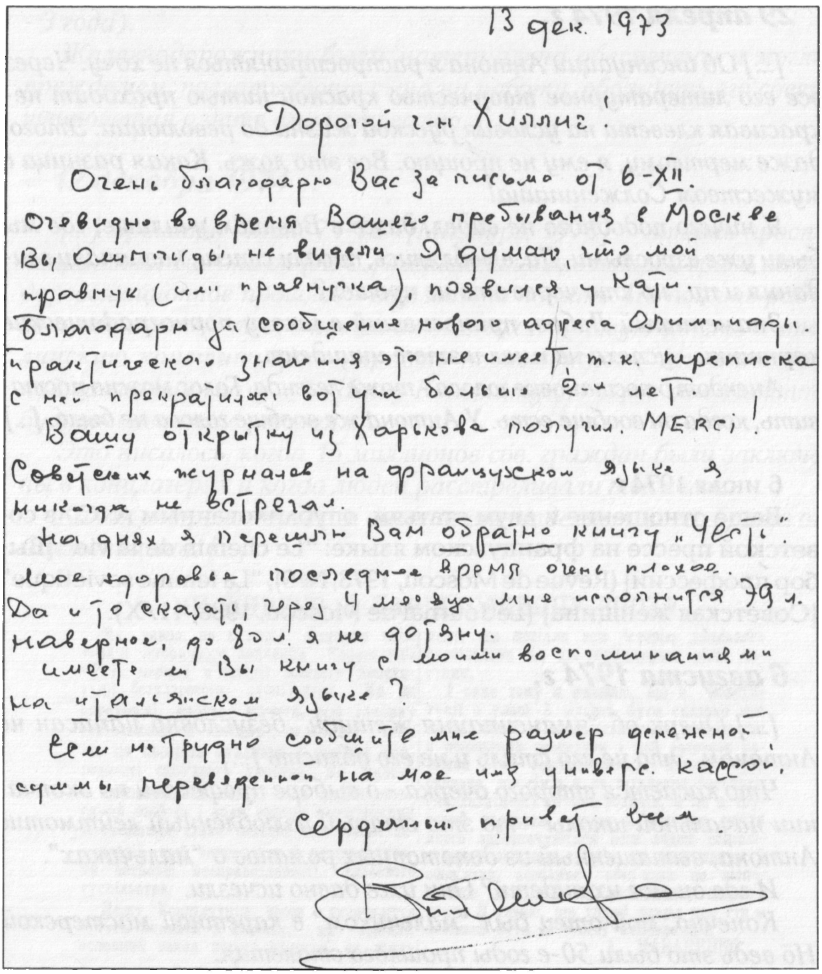
[...] Советских журналов на французском языке я никогда не встречал. [...]

31 января 1974 г.

Вопрос по поводу склонения украинских фамилий на "о" в первой редакцией "Педагогической поэмы". Говорили ли так в Вашей семье?

20 февраля 1974 г.

[...] Спешу ответить на Ваш вопрос об употреблении А. С. склоняемых форм фамилий на "о". По русской фонетике эти имена не склоняются, и А. С. всегда придерживался этого правила. На украинском языке говорили только в деревне. [...] Склонение этих фамилий пришло, конечно, из украинского языка. [...]



13 дек. 1973

Дорогой г-н Хиллиг!

Очень благодарю Вас за письмо от 6-XII. Оговидно во время Вашего пребывания в Москве Вы Олимпиады не видели. Я думаю, что мой правнук (или правнучка), появится у Кати. Благодарю за сообщения нового адреса Олимпиады. Практического значения это не имеет, т.к. переписка с ней прекратилась вот уже больше 2-х лет.

Вашу открытку из Харькова получил. MERCI!

Советских журналов на французском языке я никогда не встречал.

На днях я перешлю Вам обратно книгу „Честь". Мое здоровье последнее время очень плохое. Да и что сказать, ведь 4 марта мне исполнится 79 л. наверное, до 80 л. я не доживу.

Имеете ли Вы книгу с моими воспоминаниями на итальянском языке?

Вам не трудно сообщите мне размер денежной суммы переведенной на мое имя универс. кассой.

Сердечный привет Вам.

13 апреля 1974 г.

Просьба прокомментировать два высказывания А. С. М.: О пятнадцатилетних его товарищах, которые рассказывали "невероятные вещи" ("Мои педагогические воззрения"; Соч. 5, 301-302); 2. О необходимости в педтехникумах и вузах постановки голоса у будущего учителя ("Воспитание в семье и школе"; Соч. 4, 505).

29 апреля 1974 г.

[...] Об инсинуации Антона я распространяться не хочу. Через все его литературное творчество красной нитью проходит некрасивая клевета на условия русской жизни до революции. Этого, даже мертвому, я ему не прощаю. Все это ложь. Какая разница с мужеством Солженицина!

Я ничего подобного не видел, даже в Военном училище, где мы были уже взрослыми. Да, влюблялись, писали стихи, назначали свидания и пр., но кто через это не прошел?

Знаменитый Лобов, приносивший в школу порнографические картинки - успеха не имел и этот инцидент.

Анекдот о постановке голоса - тоже легенда. Голос можно поставить, когда он вообще есть. У Антона же вообще голоса не было. [...]

6 июля 1974 г.

Ваше отношение к двум статьям, опубликованным А. С. в советской прессе на французском языке: "Le chemin de la vie" [Выбор профессии] (Revue de Moscou, 1973, № 9), "La femme sovietique" [Советская женщина] (Le Journal de Moscou, 1938, 11/X).

6 августа 1974 г.

[...] Очерк об "эмансипация женщин" безусловно написан не Антоном. Это не его стиль и не его область [...]

Что касается второго очерка - о выборе профессии по окончании начальной школы - то это старый излюбленный лейтмотив Антона, вытащенный из допотопных романов о "мальчиках".

И где он мог их видеть? Они уже давно исчезли.

Конечно, мой отец был "мальчиком" в каретной мастерской. Но ведь это были 50-е годы прошлого столетия.

Заведомо он говорит неправду: на всех железных дорогах никогда не принимали на работу несовершеннолетних. Поэтому он не мог видеть "мальчиков", чистящих паровозы.

Из окончивших жел. дор. училище небольшая часть шла в реальное училище (а оттуда, главным образом, в военные училища). Большая же часть шла в Кременчугское жел.дор. техническое училище, куда их принимали без экзамена и где из них готовили машинистов, дорожных мастеров, десятников, электро-механиков и пр., вообще всех, кто нужен был для жел. дорожной эксплуатации (курс - 3 года).

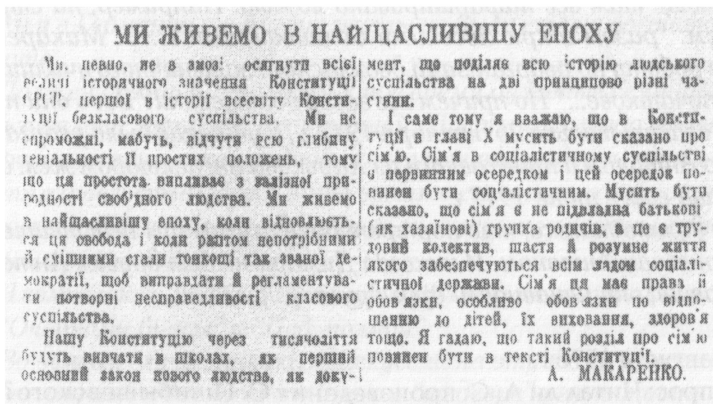
Железнодорожники были материально обеспечены и могли, прежде чем, послать своего сына на работу, обождать его совершеннолетия и дать ему профессию. [...]

12 декабря 1974 г.

[...] Брошюру "Мак. 71-72" [Марбург, 1973] - читать просто неприятно. То, что он [А. С.] выливает целые потоки грязи на все дореволюционное прошлое - еще можно понять. Но понять раболепство и лакейство, с каким он восхваляет новую власть и сталинскую конституцию - просто невозможно. ("Ми живемо в найщасливішу епоху... ". "Нашу Конституцію через тисячоліття будуть вивчати в школах...".

Это писалось, когда 15 миллионов сов. граждан были заключены в концлагерях и когда людей расстреливали тысячами.

Какая астрономическая дистанция отделяет моего брата от Солженицына. [...]



МИ ЖИВЕМО В НАЙЩАСЛИВІШУ ЕПОХУ

Ми, певно, не в змозі осягнути всієї величі історичного значення Конституції СРСР, першої в історії всесвіту Конституції безкласового суспільства. Ми не спроможні, мабуть, відчути всю глибину невільності й простих положень, тому що ця простота випливає з залізної природності своб'одного людства. Ми живемо в найщасливішу епоху, коли відновляється ця свобода і коли раптом непотрібними й смішними стали тонкощі так званої демократії, щоб виправдати й регламентувати потворні несправедливості класового суспільства.

Нашу Конституцію через тисячоліття будуть вивчати в школах, як перший основний закон нового людства, як документ, що поділяє всю історію людського суспільства на дві принципово різні частини.

І саме тому я вважаю, що в Конституції в главі X мусить бути сказано про сім'ю. Сім'я в соціалістичному суспільстві є первинним осередком і цей осередок повинен бути соціалістичним. Мусить бути сказано, що сім'я є не підвалина батькові (як хазяїнові) групка родичів, а це є трудовий колектив, щастя й розумне життя якого забезпечуються всім ладом соціалістичної держави. Сім'я ця має права й обов'язки, особливо обов'язки по відношенню до дітей, їх виховання, здоров'я тощо. Я гадаю, що такий розділ про сім'ю повинен бути в тексті Конституції.

А. МАКАРЕНКО.

3 февраля 1975 г.

[...] Я далек от мысли закрывать глаза на наши недостатки, нашу отсталость и пр. и пр. Но не надо забывать, что мы вышли на европейскую дорогу только начиная с Петра I (1700 г.) и что наши крестьяне были освобождены от крепостной зависимости только в 1861 г.

Но все не было так беспросветно и так мрачно, как рисует в своих выступлениях Антон. Одна "Честь" чего стоит. Это сплошной, грязный пасквиль. Вы - не русские, и поэтому Вам трудно и просто невозможно судить о том, где он лжет и где говорит правду. Он не стесняется прибегать к мелкой лжи. [...]

Он [в выступлении "Мои педагогические воззрения" - Г. Х.] утверждает, что получал в Крюк. ж. д. училище 25 р. Это - ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 по Южн. ж. д. и 6 по всей Империи) плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин, плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. и т. д. и т. д. [...][8].

10 марта 1975 г.

Просьба прокомментировать путеводитель по Музею А. С. Макаренко в Кременчуге.

20 марта 1975 г.

[...] Конечно, в этом музее половина вещей не принадлежали Антону, в особенности, книги Ленина, Маркса, Энгельса и пр. [...]

Вообще там все нафаршировано ложью. Например, на стр. 5 читаем: "разом з крюківськими більшовиками А. С. Макаренко провів роботу по реорганізації двокласного залізничного училища у вище початкове..." Но причем же здесь большевики? Ведь они пришли к власти только 25 октября 1917 г., а училище было реорганизовано Антоном и приехавшим из Харькова инспектором жел. дор. училища еще в июне 1917 г.

Не думаю также, что портрет дочери Димары действительно нарисован Антоном. И никогда Димара не был другом Антона. Напротив, они ненавидели друг друга. [...]

31 августа 1976 г.

Вопрос: Читал ли А. С. произведения С. Пшибышевского?

22 сентября 1976 г.

[...] Да, конечно, польский писатель Пшибышевский был среди кумиров той эпохи. Теперь он основательно забыт, так же как и остальные кумиры - Л. Андреев, Арцыбашев, Чириков, Вересаев, а из иностранных Г. Ибсен, Шнитцлер, Б. Бьернсон, К. Гамсун и пр. В памяти сохранилась только его трилогия "Гомо сапиес" - скучнейшая и мало понятная. [...]

4 октября 1976 г.

Вновь по поводу Помяловского. Е. Балабанович в своей книге (издание 1963 г., стр. 423) пишет: "Макаренко очень интересовался творчеством Н. Г. Помяловского. Профессору И. А. Соколянскому, который собирался писать статью о "Педагогической поэме", Антон Семенович настоятельно советовал провести параллель между "Поэмой" и "Очерками бурсы" Помяловского".

13 октября 1976 г.

[...] О Помяловском. Его, кажется, единственную книгу "Очерки бурсы", конечно, все мы читали. Она была допущена в библиотеки всех средних и военных учебн. заведений.

Но всеми читателями она рассматривалась как допотопный курьез, и дискуссий на эту тему я никогда не слышал. Написана она очень плохим нелитературным языком и описывается в ней "бурса" 20-х или 30-х годов XIX столетия. Она была отдаленной прародительницей современных нам духовных семинарий. Но в эту эпоху и в Германии и в Англии школы не были еще на достаточной высоте.

Должен сказать, что даже в мое время духовные семинарии не пользовались завидной репутацией. Поступали туда юноши из духовного звания, уже в родной семье усвоившие идеалы лени и сребростяжательства. Даже в мое время в семинариях царили пьянство, разврат, грубость. Все это были будущие прелаты-исповедники и проповедники.

Я сомневаюсь, чтобы Антон проводил какую-то параллель между "Очерками бурсы" и "Пед. поэмой".

Во всяком случае никаких дискуссий на эту тему я не слышал, как не слушал и дискуссий о другом "шедевре" революционной ли-

тературы - романе Чернышевского "Что делать" (тоже написанном бездарно). [...]

27 октября 1976 г.

Вопрос: Насколько активна была деятельность "Союза русского народа" в Кременчуге" (см. "Максим Горький в моей жизни").

3 ноября 1976 г.

[...] "Союз Русского Народа" так же мало интересовался ж. д. училищем в Крюкове, как не интересовалась им и Добровольческая Армия. Главным врагом этого Союза было русское еврейство. Вернее, революционная деятельность евреев. [...] В Кременчуге деятельность С. Р. Н. была сведена до минимума. Почему? Да потому, что кременчугские евреи были богачи-миллионеры и держали в своих руках весь административный аппарат города. [...] Конечно, еврейские погромы, организованные С.Р.Н., были дикостью и нисколько не разрешали еврейского вопроса; вернее, они его ухудшали. Создавался заколдованный круг, из которого не было выхода: ненависть, растущая с двух сторон. С. Р. Н. организовал еврейский погром в Крюкове (1905 г.), которому я был свидетель. (Человеческих жертв не было). Пострадало бедное еврейское население, впрочем, скоро оправившееся. В Кременчуге же этого не было. [...]

9 ноября 1976 г.

Вопрос: Какие функции выполнял А. С., будучи "инспектором" Высшего начального училища в Крюкове?

19 ноября 1976 г.

[...] Никаких инспекторских функций А. не выполнял.

В гимназиях и реальных училищах был директор. Его помощником был инспектор, который, впрочем, выполнял функции чисто "полицейского" характера: поведение учащихся, посещение их квартир, посещение театров, кино, курение, форма одежды и пр. [...]

Во главе всех начальных училищ (одноклассных и двухклассных) находился не директор и не инспектор, а заведующий.

Для высшего начального училища просто решили, что заведующий - будет мало. Директор - будет много. Выбрали промежу-

точную инстанцию - инспектор. Для инспекции ж. д. училищ (около 20-ти на Южн. ж. д.) при училищном отделе Управ. Южн. ж. д. в Харькове существовала должность инспектора. Помню, он приезжал к нам в салон-вагоне и оставался два дня, посещая уроки, задавая вопросы и т. д. [...]

29 декабря 1976 г.

В одном из вариантов своей автобиографии А. С. утверждает: "Во время пребывания в институте был призван в ратники 127-й пешей Воронежской дружины неправильно, несмотря на то, что был студентом последнего курса..." [см. сб. "А. С. Макаренко", Львов, 1978, стр. 94]. Соответствует ли это действительности?

2 января 1977 г.

[...] Антон был мобилизован совершенно законно:

а) Термин "студент" в русском языке и, в частности, в военной терминологии применяется исключительно по отношению к студентам Высших учебных заведений: университетов, специальных Институтов (Технол., Политех., Горный, Путей Сообщения и пр. и пр.), а также к Академиям - Сельско-хозяйственной, Лесной, Высшим духовным и т.д.

Антон же был только "слушателем" Учительского института (официальный термин). Учительский же институт, в программе которого не было ни языков (ни новых, ни древних), ни высшей математики, ни истории русской и иностранной литературы, не смешивать с историей словесности, не был даже средним учебн. заведением и не давал никаких прав для поступления в высшие учебные заведения! (Антон наивно собирался поступить в университет).

До середины 1916 г. студентов вообще не призывали. Но необходимость пополнить огромные потери в офицерском составе вынудила правительство издать приказ о призыве в Армию студентов, кроме студентов последних курсов. Но это ни в какой степени не относилось к А. Он был призван не как студент (каковым он не был), но как ратник ополчения II-го разряда, призыва 1908 г.

Вот все, что касается его "студенчества".

б) Близорукость, которой страдал Антон, освобождала его совершенно в мирное время. В военное же время она освобождала его

только от строевой службы. Антон никогда не держал ружья в руках, и, наверное, даже не знал, с какого конца оно заряжается. Но он с успехом мог быть писарем (чем он и был в действительности). [...]

7 марта 1977 г.

Вопрос: Не припоминаете ли Вы исторические события, описанные А. С. в рассказе "О человеческих чувствах"?

18 марта 1977 г.

[...] История с лейтенантом Вилькицким и история с летчиком, якобы, поломавшим себе ноги, все это для Антона только повод, для того, чтобы лишний раз лягнуть дореволюционную Россию и вылить на нее потоки грязи.

Во-первых, Антон обнаруживает полное невежество в военных и придворных чинах. Он смешивает категории "адъютант" и "флигель-адъютант". Адъютантом у царя мог быть только чин в генеральском звании. А "флигель-адъютант" была должность почти обер-лакейская: прием посетителей, забота о караулах, распоряжение прислугой во время обедов и пр. На эту должность назначались только обер-офицеры, и то не старше поручика (во флоте - лейтенант).

Отправившийся в путешествие накануне войны, Вилькицкий возвратился в самый разгар войны, когда Русская армия отступала и настроение в Петербурге было подавленное. Было не до торжественных приемов. Да и что такое необыкновенное совершил Вилькицкий. Каждый на его месте совершил бы то же самое.

Во всяком случае, немного позже он получил следующий чин, орден и довольно большую денежную награду. Не были забыты и команды участвовавших в экспедиции кораблей. Не знаю точно, когда его именем назван один из островов в Сев. Лед. Океане.

А что касается телеграммы летчику - то все это дешевая ложь и клевета:

Во 1-х: Долинская в то время была третьестепенной станцией. Ее нельзя было даже назвать узловой. В то время от нее отходила ветка до Никополя. Отходил 1 поезд в сутки. Уже в советское время эта ветка продолжена до Днепропетровска. В то время в Долинской не было не только жандармского управления, но не

было даже обыкновенного военного коменданта. Так откуда взялся какой-то ротмистр? И никогда никто его не увольнял, да и не мог уволить кроме Управления Южн. ж. д.

Во 2-х: если и допустить, что решили послать телеграмму - то никогда Антон не стал бы заниматься каким-то "мизерабельным" собиранием денег по копейке у бедных учеников. Сколько могла стоить телеграмма? 30-40 копеек! Антон, при своих недостатках, никогда не был мелочным. Послал бы телеграмму за свои деньги и все! [...]

15 мая 1977 г.

Пять вопросов: а) Сколько лет длился курс в двухклассном ж. д. училище в Белополье? б) Имело ли четырехклассное городское училище в Кременчуге 6-й годичный курс? в) В аттестате А. С. об окончании педагогических курсов (1905 г.) речь идет о том, что он подвергался "сокращенному испытанию". Что это значит? г) Вновь по поводу деятельности А. С. в Крюкове после окончания Полтавского учительского института - о начале работы в ж. д. училище и о роде этого заведения. В автобиографических документах 1922-23 гг. он пишет: "1917-1919. Инспектор Крюковского железнодорожного I и II ступ. училища" (Учит. газ., 1955, № 96, с. 4) или "1917-1919. Инспектор соединенных Крюковских железнодорожных, высшего и начального, училищ" (ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 2, ед. хр. 1687, л. 94) или "В 1917-1919 был заведующим большой железнодорожной школой при Крюковских вагонных мастерских (до 1000 учащихся)". (Соч., т. 7, с. 399). д) В Ваших воспоминаниях речь идет о назначении А. С. "инспектором вновь преобразованного Крюковского ж. д. высшего начального училища". Почему "вновь преобразованного"?

25 мая 1977 г.

[...] 1. Курс в ж. д. училище в Белополье был, как и во всех 2-х классных училищах, 5 лет. Антон поступил в училище в 1896 г. и, наверное, курса не закончил (поэтому в Кременчуге поступил не в 3-й класс, а во 2-й).

2. Кременч. гор. училище имело 4-х годичный курс. Если бы курс был 6-ти годичный, то это была бы прогимназия. Существовали такие!

3. [...] "Сокращенному испытанию" - потому, что экзамен был только по педагог. предметам: методика, дидактика, элемент. психология и пр.

4. Антон был назначен инспектором В. нач. училища, наверное, в конце июня или в начале июля месяца. Действительно, когда я приехал в Крюков в конце октября 1917 г., то узнал, что училище начало учебный год, как и все учебные заведения в то время, т. е. 16 августа. Но ведь прежде, чем начать учебный год, Антон должен был произвести прием учеников, разработать программы и составить список учебников, найти преподавателей и пр. и пр. Все это было очень сложно и требовало более одного месяца.

Никакого начального училища не существовало! Где бы оно помещалось? Учеников было не 1000, и не 400, но не было, наверное, и 200. В 4-м классе, напр., было так мало учеников (15-17), что Антон под этот класс отвел учительскую, а под учительскую занял один из классов. Не забывайте никогда, что в училища принимались только дети железнодорожников!

5. "Вновь преобразованного..." Да, потому что в начале Крюк. уч. было 1-но классным и превратилось в 2-х классное только в 1906 г. Две последних классных комнаты (восточные!) были закончены уже при мне. Я помню, как пробивали две двери из общего зала. [...]

13 июня 1977 г.

Вопрос: помните ли неделю (12-19 мая) 1919 г., когда Кременчуг и Крюков были в руках войск атамана Г. Григорьева ("Григорьевщина")? Просьба прокомментировать законы школьного образования Российской империи, в т. ч. Положения о городских училищах 1872 г.

20 июня 1977 г.

[...] Действительно, Кременчуг и Крюков были заняты бандой Григорьева, приблизительно 1 неделю, но в жизнь крюковских граждан это обстоятельство не внесло никаких изменений, в частности, ни в работу ж. д. мастерских, ни ж. д. училища и, конечно, какой-то Трудовой дружины. Да в Крюкове их почти и не было видно. На вокзале в Крюкове находились комендант Крюкова, почти неграмотный мужик, к которому я обратился за разрешением на спектакль: он едва смог нацарапать свою фамилию. Это при григорьевцах мы ставили "Женитьбу" Гоголя. Через несколько дней

они были изгнаны и, уходя, расстреляли двух евреев: миллионера Кроля и бедного портного Богославского, который был нашим "придворным" портным. Я видел их трупы недалеко от вокзала. [...]

26 июня 1977 г.

[...] 20 июня я послал Вам небольшое письмо с ответами на поставленные Вами вопросы. Тогда же я писал Вам, что, не будучи профессиональным педагогом, я не имел ни случая (ни желания), ознакомиться с постановкой образовательного дела в России, положениями, инструкциями, правилами, программами и т. д., и т.д. ... По той же причине мне будет затруднительно дать Вам более или менее подробный комментарий на присланный Вами печатный материал. Чтение это довольно скучное, а, принимая во внимание, что все эти положения, правила и пр. датируются 1872 г., и что, следовательно, к 1905 г. они уже значительно изменились, - штудировать их подробно не имеет никакого смысла.

Приведу несколько примеров:

§ 3. 115. "...городские училища могут быть учреждаемы в составе пяти или шести классов".

Я никогда не слышал, чтобы подобные училища существовали, да, я думаю, что и Антон не слышал. Какой был смысл тратить 6 лет на прохождение курса в городском училище. Проще было окончить 6 классов гимназии или реального училища, или еще проще - 6-ти классной прогимназии, где преподавались языки, и иметь право поступления в некоторые специальные заведения, напр. Ветеринарные Институты, Землемерные Институты, Юнкерские Училища (курс 3 года вместо 2-х лет в Военных Училищах).

Но я, конечно, допускаю, что где-нибудь на необъятной территории России такие школы могли существовать.

§ 3. 119. "В одноклассных училищах... на три последовательные отделения и остаются в каждом отделении обыкновенно по ДВА года".

Чушь! Может быть, так было в 1872 г. В мое время, как в отделении, так и в классе оставались только по одному году. По два года сидели только неуспевающие ученики - их и называли "второгодники".

§§ 3. 152-3.155. В мое время обучение во всех начальных училищах было совершенно бесплатным.

Переводные испытания также не существовали.

4 раза в год ученик получал ведомость с отметками об успехах за пройденную четверть года (эта ведомость так и называлась - "четверть"). В конце года выводилась средняя четверть, на основании которой ученик переводился в следующий класс.

Экзамены существовали только в 6-м и 7-м классе реального училища, и в 7-м и 8-м классе гимназии.

Вот те немногие пункты, на которые я смог сделать некоторые замечания. Остальной материал не требует никаких [пояснений]: учебные программы, обязанности "начальников училищ" (никогда не слышал этот термин), поведение учеников, эталоны различных школьных книг и пр., а также положения о различных учительских курсах. Вот только об этих последних я и хотел сделать несколько замечаний.

После позорно проигранной кампании 1854-56 гг. (т. н. Крымская Война), как Русское Общество, так и Русское Правительство всколыхнулись: наша отсталость зашла слишком далеко. На престол вступил либерально настроенный Александр II, наверное самый гуманный из всех Российских Монархов. В 1861 г. последовало освобождение крестьян от крепостной зависимости. Но в массе народ был безграмотен. Прежде всего надо было ликвидировать эту безграмотность. Школы начали расти как грибы: министерские, городские, сельские, земские, церковно-приходские, заводские и пр. и пр.

Вот на этом пути, благодаря Российской некультурности, а, главное, Российской бедности, русское общество встретило большие затруднения: где взять сразу столько учителей?

Отсюда все эти "скоропалительные" курсы: годичные, трехмесячные, шестинедельные и, даже, четырехнедельные. Какого "педагога" можно было приготовить в течении 4-х недель?

И здесь надо разобщить две категории учителей: педагогический персонал городской и таковой же сельской и деревенский.

Городской персонал, в общем, был на своем месте, в особенности, его женская половина: надо считать, что 95% городских учительниц окончили 8 классов женской гимназии. Сулак, Архангельская, Найда, Сосновская, все кременчугские учительницы, которых я знал - бывшие гимназистки. Попова (как и ее сестра) окончила Полтавское Епархиальное Училище (женский Интернат для

дочерей духовенства с гимназической программой). Приблизительно так же обстояло дело и с мужской половиной.

Но укомплектование учительским персоналом деревенских школ встречало крайние трудности из-за крайне низкой оплачиваемости труда деревенских школьных работников: самое большое 25 рублей в месяц, но сплошь и рядом 18-20 р.

Если Антон получал в месяц 47 р. (плюс квартирные, бесплатные проезды по ж. д., дешевое топливо) и кроме того жил в культурной обстановке, среди культурных людей, мог пользоваться театром, библиотекой, кино, мог посещать концерты и пр., то спрашивается: кто мог согласиться пойти в деревенскую глушь и дикость, жить среди враждебно настроенных мужиков, работать в грязной, плохо отапливаемой школе и получать нищенскую зарплату в 18-20 р.?

И получалось, что если отбросить небольшой процент, так наз. "идейных", революционно-настроенных особей, продолжавших по инерции служить, давно умершей идее - "хождения в народ", то в деревню шли люди, которым некуда было деться: неудачники, несчастливцы, алкоголики, исключенные гимназисты и реалисты, недоучки и пр. и пр. [...]

17 июля 1977 г.

Три вопроса: 1) Сохранял ли в 1917 г. силу Закон о высших начальных училищах от 25 июня 1912 г.? 2) Какие издававшиеся в Кременчуге и Полтаве газеты и журналы читал А. С.? 3) Сколько зарабатывал А. С. в качестве учителя в Долинской и инспектором в Крюкове?

22 июля 1977 г.

[...] 1. Я думаю, что законы и правила 1912 г. были в общем еще действительны, когда А. С. поступил инспектором в Крюк. В. Н. У. Во время войны 1914-1917 гг. было не до реформ в Мин. нар. просв., а с 1917 г. началась борьба за власть, всеобщая разруха, голод - было тоже не до перемен. Как пример, укажу на такое обстоятельство: все учебники в училище были дореволюционных изданий. Но и те достать было очень трудно - искали их у антикваров [букинистов - Г. Х.] и торговцев старыми книгами или выпрашивали у старых учеников. Еще хуже обстояло дело с учебными

пособиями: достать готовальню, угольник, лекало - было почти невозможно. Даже простые тетради, карандаши, перья и пр. достать было очень трудно. Это было одной из причин, толкнувшей меня на идею создания ученического кооператива - мы обращались непосредственно к фабрикам (в особенности, к о-ву Дитятковского товар. писче-бумажной мануфактуры).

Да что учебники, когда ученики были и раздеты, и разуты. Помню, в конце 1918 г. нам с Антоном удалось "выпросить" в Интендантстве 100 пар подержанной обуви и 200 старых полушубков, которые были розданы ученикам.

2. Вы спрашиваете о периодических изданиях, которые читал А. С.? До революции он постоянно покупал умеренно-либеральное московское "Русское Слово" - газету русской интеллигенции (нереволюционной). После революции эта газета прекратила свое существование. В 1917-19 гг. регулярная доставка газет прекратилась. Изредка мы могли достать или киевскую газету "Киевская Мысль" или чаще харьковскую "Южный Край". Иногда мы вынуждены были довольствоваться кременчугской ежедневной газетой "Приднепровский Край". Эта газета выходила ежедневно в 1917-19 гг. [...] В этой газете, между прочим, за подписью "революционного трибунала", ежедневно печатались списки расстрелянных - невинных жертв "красного террора". Так большевики насаждали "социалистический рай". Бывали дни, когда расстреливали до 50 человек.

3. Сколько зарабатывал А. С.? В Долинской он получал те же 47 р. 50 к. Но так как он был еще и заведующим при существовавшем тем общежитии-интернате (для детей ж. д. служащих на линии Знаменка-Николаев), то он имел еще при интернате бесплатную комнату и 10 р. в месяц[30].

Сколько получал А. С. в 1917-19 гг., я не могу точно сказать. Лично я получал в месяц 1200 р. Антон наверное, не намного больше. [...]

2 марта 1978 г.

Два вопроса: 1. Писал ли Вам А. С., что он проводит в колонии военную гимнастику по 96-й часовой программе "Всеобщего военного обучения (Всевобуч)"? (Эту программу А. С. впервые упоминает в марте 1923 г.). 2. Что Вам известно о "маневрах" потешных полков, которые, по свидетельству П. И. Карапыша, были

введены в связи с 300-летием династии Романовых в мае 1913 года у станции Лозовая? Очевидно, при этом речь идет о встрече всех 14-ти двухклассных училищ Ю. ж. д.

10 марта 1978 г.

[...] Слово "всевобуч" я слышу впервые, и уж, конечно, ни я, ни Антон, ни кто другой не слышали его в Крюкове. Антон писал мне, что существует военный строй, знамя и пр., но о "всевобуче" никогда ни слова. Надо сказать, что большевики здесь не "выдумали пороха" и ничего не изобрели: нечто подобное существовало и до революции - это так называемые "лагерные сборы". Происходили они только в летнее время, в лагерях, и длились от 4-х до 6-ти недель.

Вообще, я думаю, что этот самый "всевобуч", никак не мог касаться колонии им. Горького - ведь он касался лиц от 16 до 40-летнего возраста, в колонии же большинство "пацанов" были в возрасте 10-12 лет.

Теперь коротко о съезде в Лозовой. Я об этом съезде ничего не знал, хотя в Долинской бывал очень часто (ведь билеты были бесплатные). Как я предполагаю, это было последствие появившегося в это время увлечения и подражания чешской гимнастической организации, так называемой "Сокольской". В этой организации практиковалась исключительно гимнастическая дисциплина (как на земле, так и на различных снарядах).

Эти "Сокола" устаивали съезды чуть ли не каждый год для состязаний, раздавали премии и т. д.

В России, где гимнастика была до этого времени в загоне, спохватились и тоже решили устроить все на сокольский лад. Таким образом возникли так называемые "потешные".

Таков был смысл и значение съезда в Лозовой.

В Долинской я никогда не видел ни военного строя, ни гимнастических упражнений.

И надо заметить раз навсегда: Антон еще мог заниматься военным строем, но гимнастикой - никогда!!!!

Для этого он был слишком слаб физически, близоруж, пенсне на носу... В Лозовой Антон был просто сопровождающим.

Позже, к 1914 году, это увлечение "потешными" почти потухло и сменилось увлечением новой юношеской организацией - бойскаутизмом (более действенной и более эффективной). Уже в 1-й

трудовой дружине в Крюкове Антон внес некоторые бойскаутские элементы, как, напр., поднятие и спускание флага, чисто скаутское приветствие: "будь готов" и ответ - "всегда готов", устройство так называемых "костров" и т. д. [...]

13 апреля 1978 г.

[...] Посылаю Вам копию фотографии, полученной вчера от Антона (моего внука). Он, конечно, не в курсе, но подлинник этого фото был получен мною от А. С. с этой самой надписью в 1924 г. еще в Болгарии. В 1963 г. я переслал его в Крюковский музей А. С. [...]

[...] Каюсь в трех ошибках:

1. Саша родилась не в 1881 г., а в апреле 1878 г. Дата была сооб-

А. С. Макаренко з колоністами.

На звороті фотографії А. С. Макаренко зробив такий напис: «На ганку мого будинку. Літо. «Пацани» народ дуже хороший і веселий».

щена мне самой Сашей, из кокетства уменьшившей свой возраст[31].

2. Из воспоминаний И. Чернышева явствует, что в мае 1896 года Антон был уже в ж. д. училище в Белополье - следов. поступил туда в 1895 г.

Быть может Ч. путает: 7-летних в школы не принимали. Кроме того, окончив училище в 1900 г., Антон должен был поступить в 3-й класс, а не во 2-й в Кременчуг училище.

3. Прошение Антона с просьбой о предоставлении ему места в образцовой школе при Учит. институте датировано 9 сент. 1917 г. и дан адрес: Шевченковская 43 [см. М. П. Ніжинський, Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка. Київ, 1967, с. 37 - Г. Х.] - следов он получил место инспектора в Крюкове после этой даты, что мне совершенно не понятна[32].

Прошу великодушно простить. [...]

23 апреля 1978 г.

[...] Очень благодарен за присланные фотокопии, касающиеся программ "всевобуча". Но это совершенно напрасно, т. к. эти программы представляют самую примитивную азбуку военного дела. Это азбука приблизительно одинакова во всех странах, и я не вижу возможности каких-нибудь комментарий. А что касается меня, то я все это знаю "на зубок", в особенности пулеметы. В 1920 г., в Крыму, я окончил офицерскую пулеметную школу по всем системам (Максим, Кольт, Льюис, Виккерс, Шварцлозе, Гочкис и др.). [...]

10 июля 1978 г.

[...] О нашем кооперативе.

Идея кооператива явилась у меня не столько в воспитательных целях, сколько в чисто практических. Даже до революции не все ученические принадлежности можно было достать в Крюкове. (Была небольшая лавченка Блюма, где можно было достать простые тетради, перья, чернила). За всем остальным надо было идти в Кременчуг: за линейками, треугольниками, акварельными красками, альбомами для рисования, готовальнями, тушевыми карандашами, ватманской бумагой и т. д., не говоря уже об учебниках. Антон никогда не был учеником в Крюкове, поэтому он никогда не испытывал "удовольствие" лететь в Кременчуг, после уроков,

через проклятый мост, где зимой дул ледяной ветер, лил дождь или бушевал ветер.

В 1918 же году даже в Кременчуге не всегда можно было все достать. Товары приходили случайно, в особенности учебники. Необходимо было следить и покупать кое-что про запас.

Антон с радостью пошел нам навстречу.

Членский взнос был 20 рублей (1918 г.). Все ученики записались: было собрано около 4000 р. Антон из школьных сумм дал 500 р., и около 500 р. было добровольно пожертвовано учит. персоналом.

Конечно, было Правление, Ревиз. комиссия и пр. Председателем был ученик 3-го кл. В. Фомин.

Дитятковское писчебумажное т-во согласилось на 5% уступки, книжн. магазин Толчинского на 3%.

Кроме того, на номинальную цену мы накидывали 5% прибыли.

Большую и даже существенную роль в жизни кооператива играли ученики, жившие в Кременчуге (их было 20-25 чел.). Они следили за поступлением товаров в магазинах и своевременно сообщали правлению. Некоторым были выданы небольшие суммы для задержания товара и внесения т. н. "задатка".

Дела пошли очень хорошо. Были довольны и ученики, и родители. И я, и Антон неоднократно получали за это благо-

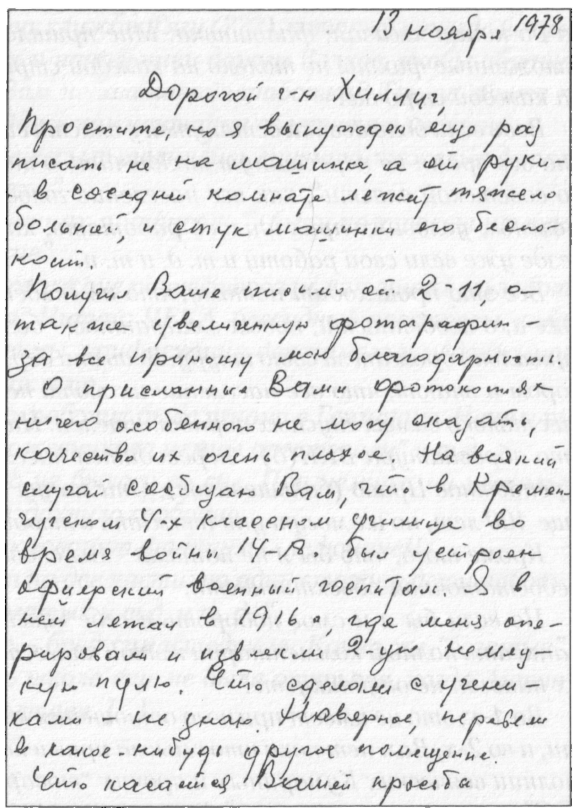
дарность от членов родительского комитета. [...]

23 октября 1978 г.

Вопрос: Кто изображен на фотографии, опубликованной в книге: П. Г. Лисенко, Л. С. Убийвовк, "Антон Семенович Макаренко". Київ, 1978, с. 36 ("А. С. Макаренко (в центрі). Ліворуч від иього сестра Олександра Семенівна"), кроме А. С. и Саши?

26 октября 1978 г.

[...] На присланной Вами фотокопии 3-е лицо - это Поля (Пелагея) Миронова, на которой позже он собирался жениться и даже из-за этого собирался стреляться. Фотография эта снята не позже 1903 года. В этом году Саша вышла замуж и уехала в Знаменку. Впервые она навестила нас только в 1906 г., когда мы имели уже собственное жилье. И вообще, после замужества Саша никогда больше не встречалась с семьей Миронова. На этой фотограф. Антону 15 лет - выглядит старше из-за очков. [...]



13 ноября 1978

Дорогой т-н Хиллиг,

Простите, но я вынуждена еще раз писать не на машинке, а от руки - в соседней комнате лежит тяжело больной, и стук машинки его беспокоит.

Посылку Вашу получила 2-11, а также увеличенную фотографию - за все приношу мою благодарность.

О присланных Вами фотокопиях ничего особенного не могу сказать, качество их очень плохое. На всякий случай сообщаю Вам, что в Кременчугском 4-х классном училище во время войны 14-А. был устроен эвакуационный военный госпиталь. Я в нем лежал в 1916 г., где меня оперировали и извлекли 2-ую немецкую пулю. Что сделали с учениками - не знаю. Наверное, перевели в какое-нибудь другое помещение.

Что касается Вашей просьбы

2 ноября 1978 г.

Просьба прокомментировать книгу "Крюковский вагоностроительный. Очерк истории завода" (Харьков, 1967).

13 ноября 1978

[...] О присланных Вами фотокопиях ничего особенного не могу сказать, качество их очень плохое. На всякий случай сообщаю Вам, что в Кременчугском 4-х классном училище во время войны 14-18 гг. был устроен офицерский военный госпиталь. Я в нем лежал в 1916 г., где меня оперировали и извлекли 2-ую немецкую пулю. Что сделали с учениками - не знаю. Наверное, перевели в какое-нибудь другое помещение.

Что касается Вашей просьбы комментировать присланную Вами книгу "Крюковский Вагоно-Строительный", то я думаю, что сделать это будет и трудно и, главное, совершенно бесцельно. Книга эта - типичная для большевиков грубая, бесцеремонная, с начала до конца лживая, фальшивка. Мне пришлось бы опровергать изложенные факты не только на каждой странице, но буквально на каждой строчке.

Ведь если большевики останутся у власти еще 100-200-300 лет, она все время не перестанут талдычить о том, "как было плохо до советской власти", как все население голодало, в каких невозможных условиях приходилось работать, как они, большевики, везде уже вели свои работу и т. д. и т. п.

Все это происходит потому, что по свидетельству всех старых и, в особенности, новых эмигрантов - большевицкие главари буквально дрожат за свою шкуру. Ведь они держатся только террором и знают, что все население их люто ненавидит и видит в них только самых гнусных поработителей. Ни для кого не секрет, что абревиатура ВКП(б) - переводится населением как: Второе Крепостное Право (большевиков). Они могут остаться у власти еще 100 лет, но их могут уничтожить в любой момент.

Кроме того, что бы я не написал - Вы снова упрекнете меня в недостаточной объективности.

Но если бы я и смог побороть в себе чувство брезгливости и написать полный комментарий к этой книге, то ведь все равно Вы их никогда не опубликуете.

Во 1-х, это не имеет прямого отношения к Вашей деятельности, и во 2-х, Вам нет пока что смысла привлекать на себя громы и молнии всяческих Кумариных и прочих "товарищей".

Уже многое из того, что я Вам написал, не было опубликовано.

Писать же для того, чтобы мое свидетельство было по-

"под сукно" или "в ящик" - не имеет смысла.

Все источники, указанные в книге - большевистского происхождения. Из всех приведенных фамилий - я знаю только 3-4 (это в Крюкове, где все знают всех).

Привожу несколько "фактов".

Стр. 9. "..."топили" свое горе в кабаках, которых в Крюкове было 46".

За все 20 лет моей жизни в Крюкове я знал только о-д-н-у пивную-биллиардную Лавров - против вокзала. Повторяю - одну.

Стр. 21. Из дешевого полицейского романа: "...Там в склепе купца хранился печатный станок..."

Каких размеров должен был быть склеп? Не было ни одного "склепа" на крюковском кладбище.

Стр. 25. Начальник службы Тяги (???), который никогда не приезжал в Крюков, как и начальники дороги Волков, якобы обращаются к рабочим: "Вам не хватает заработка? Так не ешьте по большому куску..." Здесь комментарии совершенно излишни.

Стр. 36. "Все процессы выполнялись вручную, тяжелые детали переносили на плечах..."

В моих воспоминаниях я написал: "...были построены ультрамодерные мастерские".

Стр. 59. "...кременчужане почувствовали материнскую заботу Сов. правительства" Читай: ЧЕКА, бессудные расстрелы, самосуды, набитые тюрьмы, конфискация движимого и недвижимого имущества и пр. и пр. и пр.

Стр. 63. "...Часть рабочих была угнана в Германию. Начальник мастерских Н. А. Кожевникова немцы арестовали" и т.д.

Ничего подобного не было и во сне. При немцах, на несколько месяцев население вздохнуло свободно.

Стр. 67. Это, как говорят французы - le bouquet!

"...Класс разделен на две части: по одну сторону дети рабочих, по другую - дети богатых и т.д. и т. д. "

Это уже просто - бред сумасшедшего. Какие же "богатые" в ж. д. училище? Ведь школа еще не была открыта, когда Антон в панике "удрал" в Полтаву. [...]

23 декабря 1978 г.

Вопрос: За что Ваш отец получил "почетное гражданство"? За формирование санитарных поездов во время Японской войны?

28 декабря 1978 г.

[...] Чтобы не забыть, отвечаю сразу по поводу "почетного гражданства". Нет, это не за Японскую войну! Этот пустяк, эту "побрякушку" отец получил в 1913 г. по случаю празднования 300-летия династии Романовых (1613-1913). Тогда многие получили это "гражданство", многие получили следующий чин, военные получили памятные медали, была объявлена амнистия и т. п.

Отец получил "личное поч. гр." (более важные лица получили "потомственное поч. гр."). Кроме того, что отец получил "грамоту" за подписью четырех сенаторов, в практическом смысле это ему ровно ничего не давало. [...][33].

Пел. Серг. Миронова

В 1911 г. П. Н. Бриллиантов был по службе переведен из Люботина (возле Харькова) в Крюков, и его дочь Галочка (Анна Петровна Б. - моя будущая жена) перевелась из Харьковской женской гимназии в Кременчугскую. Я познакомился с нею и с семьей, мы вместе ездили на ученических поездах в Кременчуг, подружились, я танцевал с нею на ученических балах. Юношеская дружба перешла в большую любовь, которая завершилась в 1917 г. нашей женитьбой. Они сняли большую квартиру недалеко от вокзала у какого-то Ковалева.

У них довольно часто собиралась крюковская молодежь, и вот здесь я узнал, что жена Ковалева никто другой, как Поля Миронова. Она вышла замуж за него, кажется, в 1906 г. Ее муж был сначала "старшим" у Миронова, потом женился на Поле, как-то разбогател, стал сам подрядчиком и купил дом с большим садом. Одну половину он занимал сам, другую семья Бриллиантовых. Брак Поли был крайне неудачным. Ковалев был такой же мужик, как и Миронов. Кроме того, он много пил и бегал за "бабами". Поля очень располнела какой-то нездоровой бледной полнотой.

Жила она взаперти. Я никогда и нигде ее не встречал: ни в церкви, ни в гуляньях в саду, ни в кино. Позже, в 1915-16 гг., она сказала мне, что она очень несчастна. "Я была бы более счастлива, если у меня были дети!" Но детей не было.

Когда летом 1918 г. родился мой сын Георгий (Жоржик), очень красивый мальчик, то старик Бриллиантов был так обрадован, что, несмотря на трудности того времени, устроил "крестины".

Где-то он достал 10 бут. "самогона", 5 бут. вина, кое-каких закусок, и в саду был накрыт большой стол. Было много гостей. Был и Антон, и Карапыш с женой, и Кемов и др. Среди общего веселья пришла Поля с мужем. Антон сразу нахмурился, а Поля, увидев Жоржика, разразилась рыданьями. Гости разошлись под вечер. Но Антон и Поля расстались, не сказав друг другу ни слова[31].

5 января 1979 г.

[Соображение в связи с чтением рукописи Г. Хиллига "Даты жизни и творчества А. С. Макаренко"]

[...] Совершенно не собираюсь дать здесь какую-то бы то ни было критику деятельности Антона - это совершенно ни к чему. Я не педагог! Да и кто педагог? Каким педагогом мог быть какой-нибудь Диденко, или Карапыш, или Поповиченко, или даже Е. Ф. Григорович? По-моему, педагогом надо родиться, как надо родиться художником, композитором, скульптором и т. д. То есть, нужен "талант". Ну и, конечно, ум и личное обаяние, "шарм". Без этого всяческие институты будут совершенно бесполезны. Здесь, кстати, отмечу один факт: лучшим педагогом у Антона и его заместителем был не педагог по специальности, а бывший офицер, военный - Весич! Вообще, вся эта Горьковская колония представляется мне каким-то гибридом кадетского корпуса и небольшой помещичьей экономии.

Не знаю - можно ли отнести к педагогическим методам такие вещи, как разведение свиней, выращивание картофеля и т. д. И как надо рассматривать тяжелый физический труд даже для малолетних ребят, а там было большинство "пацанов" 10-12-летнего возраста. В крюковской "Дружине" это окончилось полнейшим "фиаско" - ребята просто разбежались.

Интересно отметить, что лично Антон никогда не брался за лопату, за грабли, за молоток и т. п. И это не потому, что он был "неспособен" к физическому труду. Чепуха! Нет, он совершенно был уверен, что он стоит выше этого, что физический труд создан для массы, что он его может унизить, что он годится только для "унтерменшей".

Здесь, я думаю, будет уместно вспомнить о довольно суровом мнении Г. Ващенко об Антоне [в ж. "Визвольний шлях" (Лондон), 1955, № 8, с. 55-57 - Г. Х.]. Кое в чем, он прав, но кое в чем - ошибается.

По все видимости, этот самый Ващенко представлял собой все-же довольно редкий на Украине тип "щирого [настоящего - Г. Х.] самостийника" (как тот же доктор Димара), тип, который Антон органически не "переваривал" и не выносил. Наверное, во время их встречи Антон дал почувствовать эту неприязнь - отсюда критика его педагогических методов и предложение как пример какой-то неизвестной Харытины Савченко [руководитель детского дома в с. Белыкы, Полтавская губ. - Г. Х.]. Во всяком случае он ошибается в том, что касается военной дисциплины и, вообще, военного элемента в колонии. Я думаю, что это было самое лучшее, что имелось в педагическом вооружении Антона - тот цемент, которым были спаяны все его воспитательные методы и предприятия.

Что касается же его оценки Антона, как человека эгоцентрического, то, конечно, он прав. Но для Вас здесь нет ничего нового. Я уже описал в моих воспоминаниях отношение Антона к нашей семье: к маме - равнодушное, к отцу - враждебное, к сестре - презрительное [...]. Надо было быть большим эгоистом, чтобы затмить в себе чувство долга и по отношению к родителям и семье и занять ту непростительную позицию, которую занял Антон. И здесь я прямо обвиняю Антона, как несущего преступную ответственность за преждевременную смерть отца. Болезнь отца не была смертельной. Если бы Антон не был так враждебен по отношению к отцу, он должен бы был пригласить к нему врача - того же Димару, хорошего диагноста, или д-ра Химченко, который мог бы поместить отца в жел. дор. больницу в Кременчуге. Ничего этого Антон не сделал. Накануне смерти мама (не Антон) пригласила полуграмотного солдата, который, конечно, не был способен помочь отцу. И отец умер от временной слабости сердечной деятельности, которую в больнице ему бы поддержали камфарой, кофеином и другими средствами. Вот этого я не могу ни забыть, ни простить Антону. [...]

Горькому, какие-то сопливые "беспризорные" только морочили голову и были совершенно не интересны. 1-й "пролетарский" писатель, "буревестник", основоположник "соцреализма", второй (после Льва Толстого) Российский "гробокопатель" и насаждатель большевизма - нанимал в Сорренто большую виллу в 20 комнат ("Иль Сорито"). Жил он широко, на барскую ногу, получая от Советов по 1-му миллиону ит. лир в месяц (в 20-х гг.), вместе с сыном Мак-

симом ([...] поклонником Бахуса - см. имеющуюся у Вас фотогр., где он нагло выпятился вперед, а Антон являет самую мизерабельную фигуру), с невесткой Надеждой, с двумя внучками, с приживалом худ. Ракицким и со своей любовницей баронессой М. И. Будберг, и со своим старым другом П. Крючковым. У него месяцами и годами гостили его издатели Гржебин и Ладыжников, какие-то поэты, артисты, балерины и пр. и пр., где за стол садилось не менее 15-20 персон, где устраивались пышные праздники, фейерверки, поездки на острова и прочие увеселения. Это этому-то сибариту и, наверное, по наивно-глупому совету Антона, [...] колонисты предлагали пошить какие-то сапоги.

Это тот самый Горький, который еще до 1-й Российской революции (1905-06 гг.) ухитрился выманивать у московских миллионеров сотни тысяч рублей на революционную пропаганду.

Самый богатый из них, Савва Морозов, когда узнал куда шли его деньги, застрелился в Каннах в 1906 г. и его отпевали в той самой церкви, которую мы с Вами посетили. Но за всю эту барскую жизнь Горькому придется расплатиться. В 1933 г. он окончательно вернулся в Совдепию. В 1934 г. Ягода (глава ГПУ) угробил его сына Максима, а в 1936 г. и самого Горького. В 1938 г. Сталин расстрелял и Ягоду, а, кстати, и П. Крючкова, который сознался в том, что помогал убить М. Горького.

И Горькому Антон писал льстивые, прямо "лакейские" письма, что называется по-военному: "без мыла лез в...", чтение которых вызывает чувство отвращения и брезгливости. [...]

7 апреля 1979 г.

Два вопроса: а) «Из записей об А. С. Макаренко» В. Е. Гмурмана (9 июня 1943 г.): «А. С. в детстве воспитывался на лубочной литературе — «битва русских с кабардинцами» и т. п. (кажется, он писал об этом)". («Нар. образование», 1963, № 2, с. 100). Верно ли это? б) В «Книге для родителей» (гл. 9-я) А. С. пишет: «Железнодорожная насыпь, проходившая от мота, разрезала посад на две части: «Раек» и «Занасыпь». Существовали ли в Крюкове части посада с такими названиями?

16 апреля 1979 г.

[...] Что касается "лубочной литературы" — я думаю, что здесь врет сама Салько. Не думаю, чтоб Антон мог сказать это. Конеч-

но, в нашем доме никогда никакой лубочной литературы не было. Да ведь она и строго преследовалась в школе (так же как и детективная — все эти Ники Картеры и Наты Пинкертоны и пр.). За это просто увольняли из училища!

Вот несколько книг Антона, перешедших ко мне по наследству.
"Фрегат Паллада" — Гончарова
"Русские сказки", т. I и II — под редакцией Афанасьева
"Русские былины"
"Шахерезада — 1001 ночь"
"Жития святых — св. Анна Каминская, св. Сергий Радонежский и св. Тихон Задонский"
"Дон Кихот" — Сервантеса
и еще несколько подобных.
Никакого "Райка" и "Занасыпи" в Крюкове не было.
"Занасыпь" была в Кременчуге. [...] В Крюкове была Кострома и другое предместье в зап. стороне — "Закузни". Авторская фантазия (тенденциозная — "Раек"?). [...]

17 января 1980 г.

Вопрос: Что в творчестве Короленко представляло особенный интерес для А. С.?

2 февраля 1980 г.

[...] О Короленко.[...] Как писатель, он уже в то время почти никого не интересовал. Писал он по старинке и принадлежал к группе 3-разрядных писак, о которых теперь никто уже не вспоминает: Ясинский, Григорович, Салиас, Успенский, Потапенко, Станюкович, Муйжель, Шеллер-Михайлов и пр. и пр.

Но как публицист, общественный деятель, умеренный либерал и, конечно, революционер - он был на редкость выдающиеся личностью. У нас было полное собрание его сочинений, приложение к журналу "Нива" за 1914 год. Ни я, ни Антон никогда туда и не заглядывали. А единственное его крупное произведение (его автобиография "История моего современника") тогда еще не было закончено.

Эта интересная книга, конечно, останется и войдет в классику.

Антона же Короленко интересовал с другой стороны: он был "хозяином" самого уважаемого и почтенного "толстого" журнала - "Русское Богатство", поместить туда свое первое произведение

(да и не только первое), было мечтой начинающих писателей. К сожалению, в 17-19 гг. я уже был женат и жил отдельно от Антона. Что Антон ему посылал - совершенно не знаю. Да он бы и не сказал мне. [...]

Короленко принадлежал к числу тех наивно доверчивых людей, которые воображали, что революцию будут делать в белых перчатках. Уже здесь, в эмиграции, я читал очень много о том, в какой ужас пришел Короленко от советской действительности.

Он был буквально раздавлен кровавым кошмаром, нахлынувшим на Россию. В ужасной тоске он умер в 1921 г.

Через несколько дней я пришлю Вам кое-какие заметки к присланному Вами отрывку из "Книги для родителей".

11 февраля 1980 г.

[...] Как и роман "Честь", "Книга для родителей" до ужаса скучна, и, между нами, я совершенно не вижу, что родители могут "высосать" из этой литературщины.

Я уже писал Вам, что басня о его репетиторстве в "княжеской семье" - чистейший вымысел. В какой семье? В каком году? В какой местности?

Да и не мог он быть репетитором, так как его ученик, как утверждает Антон, был кадет и, следовательно, изучал французский и немецкий языки. Антон же с этими языками был совершенно не знаком. Просто надо было выдумать этого князя, чтобы иметь возможность еще раз облить грязью и руганью и князя, и помещиков, и аристократов, и весь "царствующий дом". Делает он это очень неумело, и у всякого читателя создается впечатление неискренности и натяжки. Чем больше А. старается выдать себя за "потомственного пролетария", тем меньше ему это удается. И потом: можно понять такую ненависть к аристократам у какого-нибудь неграмотного, нищего мужика (только не на Украине). Но человек, знакомый, как Антон, с трудами таких историков, как Ключевский, Соловьев, Платонов, Карамзин, Костомаров и др. - не мог не знать, что дворянство сыграло в истории России огромную роль. Во всяком случае, третировать их "данью" - не только ненужное "лакейство", но и просто хамство. Во всяком случае я не знаю ни одного другого писателя, ни советского, ни русского, которого можно было бы здесь сравнить с А. [...]

Такая же басня об обер-кондукторе Новаке, который так нажился на "зайцах", что купил имение и 50 десятков земли. Ведь почти рядом с нами жило 4 обер-кондуктора (Шкапенко, Штевель, Родионов и Агафонов). Жили они в таких же домишках как и наша хата, никаких "имений" у них не было, и вообще жел. дор. "зайцы" чистейший миф, легенда.

Что касается "наводнений", то здесь можно было бы написать целый роман, нечто вроде "Туннеля" Келлермана. Крюков всегда был под угрозой наводнения. Особенно сильное наводнение было в 1917 г., когда весь Крюков был под водой, кроме ж. д. полотна и вокзала. Наш дом был залит под самую крышу. В другие годы приходилось бороться с переменным успехом, и только уже при большевиках была построена постоянная, фундаментальная дамба, раз и навсегда избавившая Крюков от этой опасности.

Во всяком случае, А. никогда этим не интересовался. На этой почве однажды у Антона был крупный разговор с отцом.[...]

6 апреля 1980 г.

Вопрос по поводу украинизмов в первоначальном тексте "Педагогической поэмы"? Какие украинские слова произносились у Вас дома? (Так "житный хлеб", "житная мука", вместо "ржаной хлеб"...?).

2 мая 1980 г.

[...] На украинском языке никто не говорил ни в Крюкове, ни в Кременчуге, ни во всей Украине, даже при гетмане, даже при Петлюре, и почти никто не говорит теперь (см. "Континент", № 10 - В. Некрасов, "Взгляд и нечто", стр. 29-30).

За всю мою жизнь в России я не держал в руках ни одной украинской книги, да и Антон не держал.

На укр. языке говорили только крестьяне, ну и, конечно, такие редкие троглодиты, как Димара или И. Чернышев.

Я вспомнил, как на одном пикнике, после горячего спора, Антон выпалил Димаре: "Ваша Украина никогда не существовала, как суверенное государство, у вас нет истории, а если есть, то она вмещается на полустранице. Вся ваша культура - это ваш Шевченко, который не переведен ни на один иностранный язык, да и в России почти никто его не читает..." Я вынужден был схватить

Димару за шиворот, так как он бросился на Антона с кулаками.

Конечно, иногда пели укр. песни, 2-3 раза в год бывал какой-нибудь укр. спектакль (все та же "Наталка-Полтавка").

У нас дома, если и произносилось укр. слово, то случайно, в шутку: иногда "хата", иногда "батько" вместо отец.

Отец не знал ни одного слова по укр. Украинцев всех мастей он ненавидел люто, называл их не иначе как "мазепы, куркули проклятые".

Отец родился в Харькове, а в Харькове говорили на самом красивом русском языке.

Мама и подавно не знала "украинской мовы" - ее родные были выходцы из Орловской губ.

Хлеб у нас, как и во всей России, назывался: "черный" и "белый". Никаких "житных" и "ржаных". Были другие хлебы, котор. назывались: ситный, сдобный, пеклевенный, французский (французоль) и пр.

Фамилии на "о" никогда не склонялись: ведь тогда нужно идти до конца: дат. Макаренку, твор. Макаренком, предл. Макаренке - чепуха, конечно.

Обилие укр. слов объясняется окружающей средой: все эти Калины Ивановичи, Дерюченки, Мусии Карповичи. Ну, и, конечно, для сохранения местного колорита - в других произведениях укр. слов почти нет[35].

29 апреля 1980 г.

Просьба прокомментировать воспоминания К. М. Безрук, включенные в статью П. Гончаренко "Его первая ученица" (" Уч. газета", 1980, № 32, 13/III, с. 2).

11 мая 1980 г.

[...] "Она [Ксения Безрук - Г. Х.] вспоминает домик в Крюкове, разделенный на две половины. В первой - жила семья Макаренко, в другой - Безрук". Безруки ушли с нашего горизонта приблизительно в 1906 году. Я провел в ж. д.

Крюковском училище 2 1/2 года, но совершенно не вижу Ксению!

Вообще, около 1906 г. они исчезли с нашего горизонта. Потом у нас жила какая-то семья, без детей, но с каким-то дедушкой, который участвовал в Русско-Турецкой войне 1879 года и рассказывал нам о ней всякие небылицы.

Она невежда! Во-первых - Белополь совсем не "недалеко" от Полтавы, но от Полтавы до Белополья по жел. дор. - 350 верст.

Во-вторых: в ту эпоху кредитные билеты ходили наравне с золотыми билетами. Поэтому предложение "дельцам" уплатить отцу Безрук 300 р. "золотом" - чистейший абсурд. На кредитных билетах было напечатано: "Государ. Банк обменивает кредитные билеты на золотую монету по первому требованию без ограничения суммы".

Что касается гимназии, то, конечно, она ее и не нюхала. Гимназия находилась как раз напротив реального училища, всех гимназисток (почти) я знал, и потому я ее никогда не видел в ученическом поезде... Нет, все это чепуха, конечно...

И потом: что подумать о г-не Безрук. Не пальцем же его делали, чтобы он поперся в гимназию не спросясь, сколько это будет стоить...?

Плата в гимназии была та же - что и в реальном училище - т. е. 60 р. в год. Наконец, т. к. он зарабатывал всего 20 р. (?) в месяц, то его, конечно, освободили бы от платы.

Но что делать?

Вы заметили, что если верить большевикам и их апологетам, то в России никто не зарабатывал больше 20-25 рублей.

Для всех одна дорога: подмастерье (Безрук), или "мальчик" (А. С. Макаренко).

А учился Антон "на медные деньги - других у отца не было".

Ну, а когда она начинает нас дурить тем, как Антон бросил все свои дела и полетел в Харьков в Управление "Юго-Западной" дороги (она даже не знает, что в Харькове было Управление Южной ж. д. Упр. Юго-Зап. Дороги было в Киеве), "хлопотать" ей "стипендию", ну, тут же надо вынимать скорее платок и утирать слезы умиления.

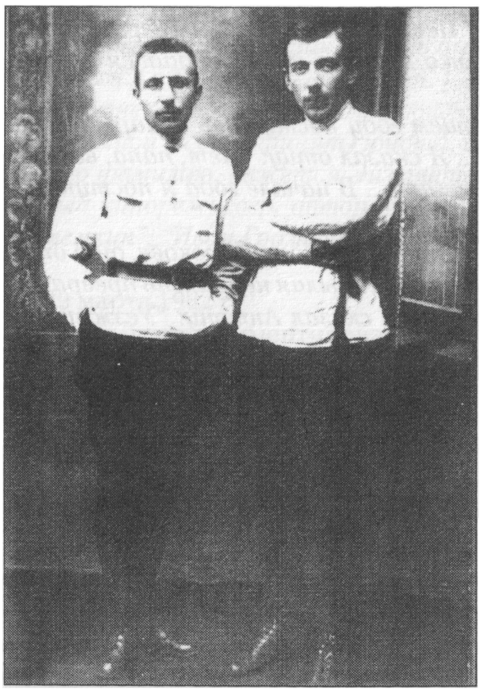
Результаты экзаменов, конечно, объявлялись, но как: да очень просто - на другой день в вестибюле на доске для объявлений вывешивался лист бумаги, на котором на пиш. машинке были напечатаны фамилии принятых. Так было везде: и в начальной школе, и в

Университете. Чего нормальней и проще. Так что и "взволнованный отец - а рядом лесопромышленник" и все остальное - в самом лучшем случае - плохая литература - скорей - макулатура.

Фото этой самой дуры К. Безрук. Там, конечно, есть Антон, затем, в центре, М. Г. Компанцев, между нами Зинаида Петровна Архангельская, у которой я учился с января до мая 1906 г. Остальных двух - совершенно не знаю. Кто такие? Может случайные гости. [...]

12 марта 1982 г.

Просьба прокомментировать (датировать) 4 фотографии из ЦГАЛИ, ф. 322, оп. 4, ед. хр. 593 ("Фотографии А. С. Макаренко, индивидуальные и в группах с В. С. Макаренко (братом), Е. Ф. Григорович и др."): № 1 (л. 20). Вы с А. С. в косоворотках; № 2 (л. 1). Вы с А. С. - правая половина этого снимка уже опубликована (см. Ваш комментарий в письме от 14/XI, 1971 г.); № 3 (л. 8). Е. Ф. Г., в центре, с А. С. и 3-им лицом - без последнего фотография уже опубликована ("Нар. образование", 1963, № 3, стр. 19). Ваша датировка (Makarenko - Materialien III, с. 249): 1911; № 4 (л. 22). Портрет А. С. - "Гамаль. Кременчуг".



21 марта 1982 г.

[...] Теперь о фотографиях.

№ 1. Это фото я очень хорошо помню. Оно снято в конце августа 1914 г. в Кременчуге в фотографии Тагрина [...]. Я только что вернулся из Петербурга, где пытался держать экзамен в Институт гражданских инженеров. Конкурс был очень трудный:

на сто вакансий нас приехало 400 кандидатов. Я выдержал на отлично все экзамены, в том числе очень трудный по высшей математике.

Последний экзамен был даже не экзамен, а назывался он "отбор". Это был экзамен по рисованию. И к нему нас осталось все-таки 350 кандидатов. Давался 1 час времени. Ни карандашей, ни резинок. Только уголь. Мне попался очень трудный растительный орнамент с массой всяких завитков, листьев и т.д. К тому же поставленный в 3/4. После экзамена отобрали 100 лучших рисунков, а нас остальных 250 кандидатов отправили по домам.

Антон же, в это время живший уже в Полтаве недалеко от Е. Ф. (в Важничний пер. он переселился позже), приехал на несколько дней в Крюков, взять кое-какие вещи и книги. Узнав, что я не поступил в Институт, он при всем желании не мог скрыть своего злорадства.

Но все это было ни к чему. С начала года отец был уже тяжело болен, и я понимал, что рассчитывать на то, что он будет высылать мне в течение 5-ти лет 45-50 руб. в месяц - абсурд. (Он умер через 1 1/2 года). Я уезжал в Петербург с тяжелым сердцем. И я не забывал, что через несколько месяцев мне исполнится 20 лет. Шла война.

Отец советовал в следующем году поступать в Харьковский технологический институт... Я сказал отцу: "Нет, папа, все это ни к чему. Войны мне не избежать... В начале года я поступлю в Военное училище".

За несколько дней, проведенных Антоном в Крюкове, он и отец не сказали друг другу ни одного слова. Былая неприязнь превратилась в ненависть. В конце концов я сказал Антону: "Уезжай ты, ради Бога, в свою Полтаву..."

№ 2. Я, конечно, ошибся. Судя по тому, что здесь мне лет 15, эту фотографию надо отнести приблизит. к 1909-1910 г.[36]

№ 3. Думаю, что эта фотография более раннего времени. В 1911 г. Антон был уже в Долинской, а Е. Ф. была в Киеве.

3-ю персону я совершенно не знаю. Скорее это тоже какая-нибудь Архангельская из Кременчуга. Этих Архангельских расплодилось столько, что было впечатление, что каждый 10-й житель - Архенгельский. В реальном училище вместе со мной окончил Георгий Архангельский.

№ 4. Это фото мне совершенно незнакомо. Судя по тому, что

он снимался еще у Гамаля, надо считать, что оно снято до 1909 г. В 1909 г. в самом центре города открылась великолепная фотография Тагрина, и старик Гамаль был почти забыт. Это я знаю, т.к. учился с его двумя сыновьями. [...]

Как анекдот добавляю следующее: Все экзамены в И.Г.И. держал со мной (и был принят) юноша, почти мальчик, я путаю всегда его фамилию, кажется Эйзенштейн - словом будущий знаменитый кинорежиссер, автор знаменитых фильмов: "Броненосец Потемкин", "Иван Грозный" и. т. д. Он умер в 1948 г. [...]

29 марта 1982 г.

Просьба прокомментировать: 1) "Биографическую справку об Антоне Семеновиче Макаренко" Ю. Лукина (Институт мир. лит. им. А. М. Горького. Рукоп. отдел, ф. 114, оп. 1, ед. хр. 7), где речь идет о том, что Семен Григорьевич М. с 1904 г. "заведовал малярным цехом мастерских и работал помощником механика сборного цеха"; 2) три отрывка из журнала "Вестник Южных железных дорог" 1912-13 гг. - о Начальнике Крюковских мастерских Д. И. Дружинине (некролог, 10/III 1912), о "почетном попечителе" училища П. П. Костюченко (25/V 1913) и об "Обществе вспомоществования учащимся детям служащих на Южных железных дорогах" (7/IV 1912).

4 апреля 1982 г,

[...] Совершенно верно: официально должность отца была "помощник механика Крюк. мастерских". Так писалось во всех ведомостях, удостоверениях, бесплатных билетах на поездки по жел. дорогам и т.д. Слово "мастер" - не существовало. Но в разговорной речи было наоборот: было только "мастер".

А механик был Костюченко (иногда "главный механик"). В разговоре - только "помощник начальника".

Выражения "сборный цеха" я никогда не слыхал. Что оно означает - не знаю.

Теперь о почетном блюстительстве.

Я не знаю, какие взаимоотношения существовали между Министерством Путей Сообщения и Мин. Нар. Просвещения. Думаю, что роль последнего была сведена до минимума. Может быть, она была еще ощутима как санкция при назначении учительского персонала. Но, думаю, что было исключено при назначении "почетного блюстителя". П. П. Костюченко никогда не был Начальником Мастерских и, следовательно, "почетным блюстителем", как по интерим - т.е. по заместительству. Т.е. он мог быть (и был) только "исполняющим должность". Д. И. Дружинин был все время очень болен и пролежал в петерб. клинике 3 месяца. И когда был назначен Н. А. Кожевников? Точной даты у нас не имеется. Копия свидетельства Антона могла быть сделана только в период от середины 1909 г. (до этого была бы подпись не Карбоненко, а Компанцев) до середины 1911 г., когда Антон уехал уже в Долинскую. Не приезжал же Антон в Крюков только для того, чтобы сделать копию. Но в этот период 1909-1911 почетным блюстителем был Д. И. Дружинин. Согласны Вы с этим? (К сожалению, имя и отчество Костюченко я не знаю).

Совершенно удивлен Вашим утверждением, что Костюченко был предшественником Бартницкого - (???). Может быть, я не в курсе?

Не знаю - после 1911 г. я был уже далек и от училища, и от мастерских. Но, отец этого имени ни разу не произнес.

Впрочем, к чему все это? Ведь функции почетного блюстителя сводились к 2-3 подписям и кое-какому участию по устройству Рождественской елки.

Об Обществе вспомоществования учащимся - никогда ничего

не слышал, да таких нуждающихся учеников в Крюкове и не имелось. [...]

13 апреля 1982 г.

Просьба прокомментировать "этюды" Б. Волкова об А. С. - "Далекие годы" ("Уч. газета", 1982, № 31, 13 марта, с. 3).

19 апреля 1982 г.

[...] О "далеких годах" мне нечего сказать. В лучшем случае - это посредственная литература. Все это выдумано, "высосано из пальца". Да, это ясно и для Вас.

Никогда Антон не был в "Третьяковке", чтобы скопировать "Что есть Истина?" (Он туда попал лет через 15-20). Никогда Компанцев не называл Антона "Тоска-горчишник". Никогда Компанцев не "тянул" Антона к о. Григоровичу, по той простой причине, что Компанцев и о. Григорович люто ненавидели друг друга и никогда не разговаривали друг с другом. Почему? Для меня это тайна. Во всяком случае, не стесняясь моего присутствия, Компанцев называл его то "кутья с патокой", то "длиннопалая аллилуя", то "жадный попище", а то и просто "сволочь".

Ну, а что касается ее [Е. Ф. Григорович - Г. Х] наружности, то здесь уже чистейшая фантазия: "...высокая (?), стройная (??), с нежной улыбкой (???)..."

Что касается собраний в доме Григоровича, то собирались там не больше, чем у нас. Я иногда бывал у них. Я был тогда начинающий скрипач, а она начинающая пианистка. Но мы уже могли играть этюды Мазаса и легкие вещи Глинки и Чайковского. Никаких офицеров и врачей я там не видел. Да их в Крюкове и не было. Димара появился гораздо позже. [...]

26 апреля 1982 г.

Просьба дешифровать 2 списка лиц из авторских материалов к "Пед. поэме" (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1) и кратко охарактеризовать до сих пор неупомянутые лица.

10 мая 1982 г.

[...] разобраться в этой невообразимой путанице имен - совершенно невозможно. Сейчас исправляю кое-какие погрешности: [...]

Не Ан. Бриллиантова, а Ст. Брилл-в. Брат жены. Редкий хам и дурак. Антон его видел 2-3 раза в жизни. Расстрелян "товарищами". [...]

Кого я знаю (даже если не был знаком): Кислова (приятельница ЕФГ), Карапыш, Димара, Нина Голобородько - красивая девушка или дама. Я с этой семьей был мало знаком. Они были зажиточны, у них квартировали Гороновичи. Жили они на Поселянской ул. (Мать Гороновича была сестрой о. Дмитрия Григоровича, и был еще брат Антон Иванович - мой первый учитель в 1903 г. - рыжий, очень симпатичный). Боря - думаю, что это Горонович. Дальше: Крылов - конечно - наш учитель; Катя - конечно, его жена Катя Сосновская. Найду Вы знаете. Зиночка - наверное, Зинаида Петровна Архангельская - моя первая учительница в 1906 г. в ж. д. училище. Дальше: Фитилев - Вы его знаете, приятель Антона в Полтаве.

Вера и Котуся - конечно, Костецкие. Юлица - так звали Юлию Попову, нашу учительницу и артистку. Загнойко - Вы его знаете, большевик и мерзавец. Леля - его дочь Елена (сволочь редкая). Дальше: Степан-денщик, Ксения Безрук - Вы их давно знаете. Кто такой А. В. Костюченко - не знаю. [...]

Теперь следующий лист: Димару Вы знаете. Ст. Бриллиантова я только что рекомендовал. Поповиченко Вы знаете. [...] Сугак Вы знаете. Зина Костецкая - такой не знаю. Были Вера и Котуся, и у них был на фронте брат офицер. Кемова Вы знаете. Бардачевского (врожденный большевик - его выгнали из 5-го класса реальн. уч.). Но Антон с ним никогда не встречался.

Это и все. Остальных я никого не знаю. Во всяком случае это - не крюковчане, где я знал всех, хотя бы только и по фамилии. Не мог их знать и Антон. [...]

А в Крюкове - это, конечно, Татьяна и Елена Кузьминичны. Но Елена по-украински, кажется, Олена - отсюда инициалы О. К., а Афанасьева - наверное имя мужа). [...]

12 мая 1982 г.

[...] проверяя список имен на черных листах, а заметил, что забыл упомянуть Богданова. [...]

Богданов! Какой это Богданов? Мы с Антоном были знакомы только с одним Богдановым - режиссером Кременчугской профес-

сиональной труппы драматических артистов и его любовницей - очаровательной Ольгой Андреевной, тоже артисткой. Познакомились мы случайно - в Зенцах, под Полтавой, где они гостили у знакомых и где заведующая училищем была приятельница ЕФГ. Так собиралась компания до 10-12 человек. Спали мы в школе на полу, на сене, объедались земляникой и грибами, которых там было великое множество... Потом мы виделись с Богдановым 2 или 3 раза совершенно случайно - уже в Кременчуге. К сожалению, расположить сейчас все это хронологически, как и назвать имена - мне уже совершенно невозможно - прошло больше 70-ти лет! [...]

21 мая 1982 г.

Просьба прокомментировать "Свидетельство о выполнении воинской повинности А. С. Макаренко. 31 марта 1917 г." (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 347), где речь идет о том, что А. С. был мобилизован уже 20 сентября 1916 г. Кроме того, в связи с эпизодом в "Педагогической поэме" где А. С. ударил Задорова - вопрос: бывало ли, что Вы или А. С. получали дома пощечину?

28 мая 1982 г.

[...] С полной уверенность могу ответить на Ваш вопрос о военной службе Антона. Откуда Вы только получаете такие "липовые" документы и показания!

Что-что - но уж даты моих ранений я помню, как дату моего рождения.

Последний раз я был ранен 3-го октября 1916 г. в бою под Луцком. Я провалялся дней 10 в этапных госпиталях в Ровно и Киеве, и приблизительно 15 октября прибыл в госпиталь... Куда? В Полтаву!!! В Полтаве, конечно, я нашел и Антона и ЕФГ и Веру Костецкую и всех прочих. (Все это относится к подчеркнутой Вами дате: 20 сент. 1916). В Полтаве я пролежал почти 1 1/2 месяца, был оперирован, у меня вытащили пулю, Антон и Вера Костецкая навещали меня каждые 2-3 дня. Иногда приходила и ЕФГ. Так шло до 26 ноября 1916 г. (дату помню: 26-го ноября - праздник нашего военн. училища). 26-го ноября меня эвакуировали для поправки в новый офицерский госпиталь... в Кременчуг[37].

Приблизительно через неделю в этот госпиталь вдруг пришла... Вера Костецкая. Она приехала по своему делу и зашла меня наве-

стить. Она передала мне короткое письмо от Антона, в котором он сообщал мне, что его мобилизуют и что дней через 15 он уезжает в Киев!

Добавить к этому мне нечего. Скучно и обидно, что приходится тратить время и энергию на опровержение подобных "документов"!

Что касается мало понятной для меня истории с пощечинами и подзатыльниками, то я считаю, что даже ставить такой вопрос неудобно. Я вижу, что Вы очень превратно представляете себе атмосферу не только нашей семьи, но и вообще той среды, в которой я вырос. Не только не было ни одного бранного слова, но даже никогда не повышали голос, не кричали друг на друга. Даже на собак не кричали.

А что касается Задорова, то не забывайте, что это все же литература... Я не очень верю в подлинность Задоровской пощечины... Антон был слабосилен... и потом, не верится в пассивность Задорова. Он бы дал "сдачи"... [...]

3 июня 1982 г.

Просьба прокомментировать "формулярный список о службе А. С. Макаренко. Оставлен 1 июля 1912 г.", где говорится: "Содержание получает 480 руб. и квартирных 120 руб. в год".

8 июня 1982 г.

[...] Меня удивляет не столько Ваша виртуозность в смысле нахождения всевозможных сомнительных "документов", сколько Ваша готовность сразу же поверить в их аутентичность.

В Долинской Антон получал то же содержание, что он получал и в Крюкове, т. е. 47 р. 50 к. в месяц, что составляет 570 р. в год. Плюс он получал 10 р. в месяц как заведующий ученическим общежитием. Никаких квартирных денег на Южн. ж. д. никогда и никто не получал. Ни в мастерских, ни на станции, ни в депо, ни на линии, ни в училище.

Антон никогда не делал секрета из своего жалованья: об этом знала не только вся наша семья, но и все знакомые Антона.

Впредь я просто отказываюсь комментировать подобные "документы". Это работа крайне утомительная, неблагодарная, непроизводительная и совершенно бесполезная. Вся биография Ан-

тона обросла подобными апокрифами, и я совершенно не хочу ломать себе голову над их опровержением. Сколько усилий мне понадобилось, чтобы доказать Вам, что Антон был мобилизован не в сентябре, а в декабре. Я должен вспоминать даты и события, которые произошли почти 70 лет назад.

Я рекомендую Вам впредь прежде чем давать ход тому или другому "документу" - ознакомиться с его источником. [...]

24 июня 1982 г.

1. Вопрос: Работал ли Ваш отец до самых последних дней перед смертью?

2. Просьба прокомментировать: а) документ "увольнительная записка" от 17/II 1917 г., где речь идет о том, что "ратник 4 роты 147 пешей Воронежской дружины Антон Макаренко уволен... в г. Киев до 4 часов 7 сего февраля" (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 346); б) неопубликованную рукопись А. П. Сугак "Мои воспоминания о Макаренко А. С." (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 513). Там упоминается и "младший брат" А. С. Макаренко, который "совсем не походил на А. С. ни внешним, ни моральным обликом".

6 июля 1982 г.

[...] 1. Здоровье отца. Вот именно - последние два года перед смертью отец уже работал ТРОТЦ (несмотря) на свою болезнь. Приблизительно, начиная с 1907-08 г., отец очень страдал от острого ревматизма (который, как известно, отражается на сердце). Он ездил лечиться сначала в знаменитую Сакскую грязелечебницу, потом в Евпаторию. Это принесло только временное улучшение. Надо отметить, что для уменьшения ревматических болей он пристрастился к смеси аспирина и кофеина. Эти порошки он поглощал в огромном количестве.

Летом 1913 г. отец сообщил нам с мамой приятную новость: он решил поехать с нами посмотреть Москву. И вот мы тронулись в путь... Но мы доехали только до Харькова. Отец почувствовал себя так дурно, что мы поспешили вернуться в Крюков. Немедленно был вызван доктор. Он, после осмотра, сказал нам, что у отца "хроническое воспаление легких, а главное - сильная сердечная недостаточность". Дней через 10 отец все-таки пошел на службу... но уже через силу. И потом, до самого конца, он каждый

месяц оставлял работу и ложился в постель на 5-6 дней. Окончательно он слег за 2 месяца до смерти.

Я не понимаю только одного: почему отец не ушел на пенсию. Ведь существовала так называемая "пенсионная касса", куда отец постоянно вносил деньги. Эти два слова "пенсионная касса" я слышал постоянно, сколько себя помню. Думаю - другого объяснения не вижу - он считал неудобным сделать это во время войны, когда началась, как в 1904 г., напряженная работа[38].

2. Увольнительная записка. Она м. б. была бы не нужна в Кременчуге или в Полтаве, но в Киеве она была необходима: комендантские патрули постоянно проверяли солдатские документы. Ведь было много дезертиров с фронта.

3. Со скукой и отвращением должен все же дать кое-какой комментарий на фальшивую и дурацкую галиматью А. П. Сугак. Я знал, что она не выдумает пороха, но что она такая непробиваемая дура - никогда не думал.

а) ["Антона Семеновича я знаю с 10-11 лет... домик семьи А. С. был по другую сторону полотна, метрах в 100. Поэтому я хорошо знала эту семью".] Мы переехали в наш дом в 1906 г. По ее словам, ей было тогда 11 лет. Следовательно, в 1918 г., когда я с нею познакомился, ей было бы 23 года. В действительности ей было 44 года, у нее были уже седые виски, а Виктору было 53 года, он был уже совершенно лысый. Эти данные сообщил сам Виктор.

б) ["С 1909 года я знаю А. С. ближе, когда он был уже помощником учителя Крюковской ж. д. школы".] Звание "помощника учителя" существовало только в голове А. П. [Сугак — Г.Х.]. Антон был просто - учитель.

в) ["Среднего роста, почти всегда со стэком, которым не то нервно, не то игриво похлопывал либо по траве, либо по ноге и проч.; полугалифе, забранное в обмотки и ботинки..."] Антон никогда не носил "черных обмоток", и никогда не имел в руках "стэка".

г) ["...благодаря А. С. я стала учительницей. Однажды он пришел ко мне (в конце сентября 1911 г.) с бывшим заведующим Компанцевым М. Г. (завед. уже был Карбаненко К. Ф.) и говорил: "Идем завтра в школу"..."] Совершенный абсурд, чтобы Антон и Компанцев в сентябре, в самый разгар учебного года, приехали в Крюков, чтобы послать ее в школу, к которой они не имели уже никакого отношения. Тысячи и одна ночь в Крюкове...

д) ["...люблю и свой Крюков. Раскинулся он на правом берегу Днепра на низменной поверхности с большими заливными лугами вокруг, с юга его опоясывают невысокие отроги Карпатских гор".] Дура! От Крюкова до Карпатских гор 1000 километров.

е) ["Крюков того времени... был уже большой ж. д. поселок с железнодорожной станцией, с железнодорожными мастерскими, с количеством рабочих до 7 тысяч..."] Еще раз дура. 7000 рабочих в Кр. мастерск."

ж) ["А. С. любил детей. У меня в то время (ок. 1918 г. - Г. Х.) было 3 детей, все разного возраста. В моей семье он был своим человеком, ребята его боготворили".] Мы с Антоном в 1918-19 г. бывали у Сугаков почти каждую неделю, и никогда никаких детей там не видели и о детях никогда не было разговора. Виктор был заядлый охотник и по воскресеньям и праздникам уходил на охоту (мы с Антоном съели у него какое-то н-ое количество зайцев).

Совершенно невероятно, что А. П. в 44 года, а Виктор в 53 начали рожать детей!?[39]

з) ["Несколько раз начинал писать дневник..."]. Ну, а это, как говорят французы, это уже настоящий букет: "Хорошо помню, что дневник А. С. не писал каждый день..."

Надо полагать. Что Антон, чтобы написать что-нибудь в дневнике - приглашал присутствовать А. П.

и) ["Простая, тесная связь была у него с рабочими железнодорожных мастерских. На почве таких взаимоотношений А. С. создал сильный и жизненный родительский комитет (Паренко, Пущенко, Кононенко и др.), активно помогавший не только в учебно-воспитательной работе школы, но и доставлявший значительные материальные ресурсы, в которых школа крайне нуждалась".]

[...] Несколько слов о Родительском комитете. Он был образован при Высш. нач. уч. Председатель был Н. А. Кожевников. От учительского персонала Антон, Карапыш и я. И 4 или 5 представителей от рабочих.

Толку от последних не было никакого. Они были совершенно неспособны проявить какую-нибудь инициативу. Я запомнил только Кононенко, но и он мог быть только хорошим исполнителем.

В учебно-восп. часть комитет не вмешивался, да Антон и не позволил бы этого. Школа ни в чем не нуждалась - нуждались учащиеся. Помню, выпросили в Интендантстве 200 подержанных

полушубков, потом 50 пар валенок. Где-то достали 50 кг. сахару и т. д.

Но вообще: большого толка от комитета не было. Пожалуй, он только мешал. [...]

16 июля 1982 г.

[...] Вы, наверное, упрекнете меня в том, что я недостаточно подробно комментировал воспоминания А. П. Сугак. Но уверяю Вас, что там кроме банальных глупостей - ничего нет. Во всяком случае не рекомендую что-то прибавить к портрету Антона на основании ее воспоминаний.

Все, что я Вам напишу дальше, есть результат одной бессонной ночи, которую я провел несколько дней назад. Удивительно, как отчетливо и интенсивно работает наш мозг в ночной тишине, и в памяти всплывают подробности прошлого, обыкновенно спящие где-то на дне сознания, вернее: в подсознании.

Я не спал и вдруг задумался над утверждением А. П. о том, что, якобы, Антон приезжал в Крюков вместе с Компанцевым уговаривать ее идти в школу.

Но Компанцев никогда бы в жизни не решился показаться в Крюкове, где ему, наверное, никто не подал бы руки. Ведь это происходило до революции, этика была другая, семейные устои были другие, и, наконец, по своей чудовищной безнравственности, поступок Компанцева был скандальным вызовом общественному мнению.

Почему я решил написать все это Вам? Да потому, что поступок Компанцева с небывалой силой воспламенил у отца его неприязнь к Антону, неприязнь, которая со временем теряла свою остроту.

Как-то летом 1909 г., не помню по какому поводу, отец сказал Антону:

- Да ты попроси Компанцева, он это сделает.

Антон ответил:

- Компанцева уже нет в Крюкове. Он перевелся в Долинскую!

Отец был ошеломлен:

- Перевелся в Долинскую? Это почему же?

Антон ответил:

- Не знаю. Кажется, по семейным обстоятельствам.

Отец помолчал, потом сказал только:

- Так, так! По семейным обстоятельствам! Странно, очень, очень странно!

На этом их разговор закончился.

Что случилось дальше? А случилось то, что в ближайшую субботу, вечером, к отцу пришел... Кононенко. Пришел и сказал отцу, что он хотел бы поговорить наедине. Чтобы для Вас все было бы ясней, поясню Вам, что Кононенко жил у того же Самохина, у которого квартировал и Компанцев. Самохин был лавочник и построил 5-6 квартир. Одну из них снимал Компанцев, другую Кононенко.

Отец, вместе с Кононенко, ушел в сад, в беседку, где они оставались больше 2-х часов.

Когда Кононенко ушел, отец, очень задумчивый, не сказал нам ни слова.

На следующий день было воскресенье, был чудесный день, и мама накрыла утренний чай в саду под вишнями. Антон уже сидел за столом и ел редиску с маслом. По обыкновению, рядом с тарелкой лежала какая-то книга, которую он читал.

Отец пришел через несколько минут. По воскресному он был в новом чесучовом пиджаке и при галстуке. Он выпил чай и обратился к Антону со следующими словами. Подчеркиваю: он сказал все совершенно спокойно, почти тихо.

- Ты сказал, что Компанцев перевелся в Долинскую "по семейным обстоятельствам". На днях у меня был Кононенко и рассказал об этих "обстоятельствах". Оказывается - Компанцев бросил жену и 8-летнюю дочь, и сошелся с Депутатовой, девочкой, которая только в прошлом году окончила вместе с Виталием училище. Какая гадость! Учителя, наставники, просветители - своей жизнью вы должны были бы подавать пример нравственности и добропорядочности. Вы же живете, как животные. Ты не нашел ничего лучше как спутаться (его термин) с чужой женой и вдобавок с попадьей. Компанцев поступил и того хуже. О его поступке скоро будет знать весь Крюков. Стыд и позор! - Отец спокойно положил салфетку и ушел в дом.

Что мог ответить Антон отцу? Ничего! Он сидел очень смущенный и молчал.

После того Антон старался избежать всякой встречи с от-

цом. Уже по воскресеньям мы его не видели: он уходил в субботу после обеда и появлялся только в понедельник после обеда. Думаю, что отчасти его решение тоже переехать в Долинскую было продиктовано создавшейся тяжелой атмосферой.

Всей этой довольно скучной истории я до сих пор не понимаю. На что рассчитывал Компанцев? Жена его вместе с дочерью Людой вынуждена была уехать к родным в Курскую губернию. Развода Компанцев получить не мог - слишком очевидна была вина его, и разводы тогда давались очень трудно, через Святейший синод, и стоили уйму денег.

И не следует представлять себе Компанцева и Депутатову как каких-то Ромео и Джульетту.

Депутатова была некрасива, коротконогая, с короткими, по-мужски остриженными волосами, маленькими глазами и бледным, как бы опухшим, лицом, какие встречаются у монахинь, живущих взаперти и в затворе. И на какую жизнь она себя обрекала? В Долинской она не была принята ни в одном доме, даже у сравнительно либерального попа.

Я ездил к Антону в 1912 и 13 году. Нас везде приглашали, но везде Компанцев был один.

Она обрекала себя на гаремную жизнь! Но гарем в Долинской... Одна песчаная улица, без тротуаров и освещения, ни театра, ни кино, ни одного магазина, ни малейшего садика. Все надо было покупать в ж. д. кооперативе. Базар собирался возле вокзала один раз в неделю, по субботам. Не было и библиотеки.

Как-то позже, уже в 1916 г., не знаю почему, я заговорил о ней с Антоном. Он ограничился только лаконичной фразой: "Дура! Несчастная женщина".

Компанцев же был совершенный примитив. Он был интеллигентом постольку, поскольку не сморкался двумя пальцами, не ковырял вилкой в зубах и носил галстук, и крахмальные воротнички.

Во всем остальном он был совершенно невеждой. Гамсун и Гауптман, Вагнер и Мусоргский, Кант и Гегель - ему ничего не говорили.

В его берлогах в Крюкове и Долинской я не видел ни одной книги, ни одного журнала. Был до неприличия скуп и почти всегда курил чужие папиросы, т. к. приносил с собой не больше 2-3 папирос, а

потом "стрелял", главным образом, у Антона. Антону это было довольно накладно: он постоянно курил самый дорогой табак: Рутенберга в Риге (платил 4 рубля за фунт - то есть 400 грамм). [...]

20 июля 1982 г.

Информация о том, что брак А. С. с Г. С. Салько регистрировался - в Киевском загсе - только 4 сентября 1935 г.

1 августа 1982 г.

[...] Посылаю Вам фото, полученное еще в 1962 г. (Киев).

Это Олимпиада, мегера рядом с ней - Ксения Безрук, а с другой стороны Горонович.

О них, между прочим, будет речь в письме.

Фото можете сохранить. [...]

5 августа 1982 г.

[...] Вы сообщили мне о том, что юридический брак Антона был заключен только в 1935 году. Я не придал этому большого значения. Да и вообще частная, интимная жизнь Антона меня никогда

не интересовала. Да я и не находил там чего-нибудь интересного. Знаю только достоверно одно: Антону страстно хотелось любви, большой настоящей любви со всеми ее проявлениями, т. е. жарких поцелуев, объятий, клятв и слез, ревности, физической близости и т. д. Но в жизни ему пришлось довольствоваться только суррогатами любви...

Влюблявшийся в каждую красивую женщину, он, увы, не пользовался у них никаким успехом. И, я думаю, что в конце концов, ему пришлось в жизни создавать себе иллюзии. Первая иллюзия - его роман с ЕФГ. Ведь не мог же он, в самом деле, не видеть ее некрасивого, прыщавого лица, ее неженственности, ее, чисто поповской, скупости и жадности, наконец, той среды, из которой она вышла.

Когда (после конфликта с отцом) Антон поселился у отца ЕФ - попа Архангельского, я иногда навещал его, и почти всегда встречался с матерью ЕФ, старой попадьей. Совершенно не преувеличивая, скажу, что это было самое отвратительное человеческое существо, встреченное мной за всю мою жизнь.

Огромная, весящая, наверное, больше 100 кг., кривая на один глаз, с огромным крючковатым носом, со слюнявым ртом, с отвисшей губой, нечесанная, с седыми патлами, вся неимоверно грязная - она испускала удушающее зловоние, наполнявшее всю их квартиру и проникавшее даже в комнату Антона. Приходя к нему, я прежде всего открывал окно - даже зимой. И какой беспорядок и грязь царили во всем доме. И какая ирония: она носила фамилию Архангельская. Но Архангел (Erzengel) - по священной истории - это высший ангельский чин, т. е. что-то чистое, светлое и божественно прекрасное...

Но, конечно, все это первое увлечение и ослепление, все эти письма на веленевой бумаге с двумя циничными буквами ЯС (ясному солнышку) на конвертах, которые я относил на вокзал, чтобы бросить в почтовый вагон - все это довольно быстро прошло...

Вскоре он уже делал предложение Кате Сосновской, вскоре он со спокойной душой уехал в Долинскую, где 3 года жил в полном воздержании... и где предлагал женитьбу Фене Никитченко... В Полтаве, практически, он продолжал все ту же монашескую жизнь, т. к. он жил с Митрофаном Фитилевым, а ЕФ жила в одной квартире с Верой и Котусей Костецкими... Вообще, вся эта жизнь Антона, вне законов природы - мне совершенно непонятна...

Его же роман с Салько - это уже совершенно непонятная бли-

зорукость, не только физическая, но и моральная, духовная. Ведь там его только терпели, не имели к нему ни капли чувства... Все чувства, вся любовь (и все заработанные Антоном деньги) пошли на усладу ее сына... [...]

Чего я не могу никогда простить Антону - это его никчемности, полного отсутствия мужества, ну и, конечно, его потенциальной революционности. На активную он был неспособен...

Да и что говорить. Ведь только близорукость спасала Антона. Ведь уже с конца 1914 года чувствовался острый недостаток офицерского состава. Не будь он близорук, его за милую душу послали бы, если не в военное училище, то в созданную к тому времени "школу прапорщиков". И поехал бы Антон Семенович Макаренко на фронт - кормить вшей, ну, и воевать, конечно. И никто бы не помешал ему там "разразиться проклятиями", как он мечтал сделать 147 Воронежской дружине. Подумаешь, какой нежный тюльпан. Вам же по секрету скажу, что если бы мне предложили на выбор прослужить 50 лет в Воронежской дружине или пойти один раз в ночную атаку, то я бы выбрал первое. Потому что ночная атака - это то, что на человеческом языке не имеет названия. Это безумие, это бред, апокалипсис, то, чего не должно быть. А я ходил 7 раз (в одной из них был ранен).

Но ненавидевший военный строй и вообще военных (в особенности, офицеров), в своей колонии Антон вдруг ввел военный строй, парады, знамя, оркестр, дежурства, рапорты, отдание чести и т. д. Все это только благодаря Виталию Семеновичу.

И напрасно все свидетели стыдливо обходят молчанием мою роль в этом деле, как обходят молчанием мою роль в создании "Кружка Короленко".

Обходят не стыдливо, а трусливо. Ведь В. С. М. офицер, контрреволюционер, участник Доброармии, эмигрант, т. е. один из тех, кого надо убивать, уничтожать... [...]

Места пребывания В.С. Макаренко на чужбине

Болгария:
1. Лом
2. София
3. Радомир
4. Кюстендил

Франция:
1. Париж
2. Булонь-Виланкур
3. Лион
4. Южин
5. Йер
6. Канн
7. Ницца
8. Монте-Карло
9. Ментон
10. Кро-де-Кань

МАТЕРИАЛЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, ПОЛЕМИКА

Г. Хиллиг

Он родился и вырос в России

Молодой русский офицер присоединяется к контрреволюционерам и после их поражения покидает свою родину - жену и ребенка, мать, брата, сестру, друзей. Ему только что исполнилось 25 лет. Через Константинополь попадает в Болгарию, где - как и многие его соотечественники - ожидает скорого падения нового режима, а потом едет дальше - во Францию. На чужбине он ищет дорогу в жизнь, пробует себя в разных профессиях: работает музыкантом, художником, рабочим на шелкопрядильной фабрике, фотографом.

Почти после 20 лет жизни в эмиграции узнает однажды из газеты о смерти своего старшего брата. С ним он переписывался - до тех пор, пока это было разрешено. Из газетного сообщения узнает также о том, что брат (по профессии педагог) сумел осуществить свою юношескую мечту - стать писателем. Он достает книги брата и читает в них о том, чем занимался тот после революции - о том, как он перевоспитывал молодых правонарушителей.

Позже - вторая мировая война уже позади - он читает в одной из монографий о дальнейшей судьбе своего брата - о том, что тот возведен в ранг классика педагогики. Его удивляет при этом то, насколько деформировано в процессе канонизации их общее с братом дореволюционное прошлое. Одна из французских коммунистических газет предложила ему написать и опубликовать воспоминания о брате, ставшем теперь всемирно известным педагогом, об их детстве и юности. Но его не привлекает традиционная схема такого рода биографий и он отклоняет предложение. Обещанный за мемуары гонорар также не стал приманкой: женившись снова, на этот раз на француженке, он сумел достичь определенного благосостояния (на имя жены открыли мастерскую по изготовлению сувениров). Так что он по-прежнему хранит молчание - одинокий (вскоре после женитьбы развелся), по-прежнему не имея гражданства и при этом чувствуя себя внутренне прочно связанным со своей родиной.

Когда же там - после четверти века изоляции от всего мира и внутриполитической закоснелости - наметилось нечто вроде оттепели, он пытается - с помощью Международного Комитета Красного Креста - разыскать свою дочь (о ее рождении узнал еще в Болгарии, в первые годы эмиграции). Но неоднократные запросы из Женевы, направленные вдове его брата по адресу Союза писателей в Москве, остались без ответа. Вероятно, вдова, всегда отличавшаяся практическим складом ума, посчитала их угрозой для своего реноме "душеприказчицы" великого педагога (и связанного с этим материального достатка - а достигнуто это было не без труда). И действительно, разве не могло случиться так, что этот самый брат - о существовании которого благодаря ее стараниям на родине почти никто не знал (старшая сестра погибла еще во время войны) - вернется на родину и захочет воспользоваться (для своей дочери или для себя) хотя бы частью наследства, "дивидендами" с имени педагога. К тому же этот брат-эмигрант может, если захочет, очень сильно изменить тот образ ее мужа, который она создала и единственной "толковательницей" которого она все это время была.

С некоторым опозданием, от родственников тетки, его дочь узнает о розысках Красного Креста, предпринятых отцом. Тогда-то она сама ответит на запросы: да, она жива и здорова.

Тем временем его небольшое состояние давно растрачено в Монте-Карло, и он вынужден жить за счет социального обеспечения в одном из государственных домов престарелых. Время, наступившее после этого, отмечено для него прежде всего оживленной, а иногда и весьма бурной перепиской с дочерью в Москве, а после разрыва с нею - с ее детьми. Особенно прочная связь у него с внучкой, актрисой. В ней он видит свою точную копию - возможно, из-за ее художественных склонностей. Именно ее он приглашает к себе, во Францию. Но ей этого не разрешают, и в нем оживает и усиливается злоба на все, что связано с политической системой на родине. Его желаниям приехать в Москву, вспыхивавшим в нем время от времени, не суждено было сбыться хотя бы даже потому, что долгие годы своими письмами он старался создать у родных впечатление о себе как о "грансеньоре" и теперь не хотел он предстать пред ними "бедным родственником", - не говоря уж о том, что эти планы были связаны в его представлении с определенными опасениями.

Такова была ситуация, когда он, прожив в эмиграции 50 лет, получил письмо двух молодых ученых из ФРГ. Они поставили перед собой цель - пересмотреть сложившийся подход к жизни и творчеству его брата, педагога и писателя, и потому были заняты поисками новых источников и свидетелей. Заинтересовались они и информацией о том, что во Франции, кажется, еще жив брат - бывший офицер царской армии, который еще ни разу не упоминался в литературе. После некоторых колебаний он решился, наконец, нарушить свое долголетнее молчание, чтобы, как он сам, выразился, сделать достоянием гласности "правду" - "La Vérité"- о своем брате, согласился написать "новую биографию" брата, которая "не имеет ничего общего с официальной".

Речь идет - и вы это, конечно, уже давно поняли - о Виталии Семеновиче Макаренко, который родился в этот день ровно 91 год тому назад[1] 20 апреля (по старому стилю) 1895 г. в городе Белополье, Харьковской губернии, и умер 22 июля 1983 г. в возрасте 88 лет в городе Йере, недалеко от Тулона.

Когда мой коллега Зигфрид Вайтц и я осенью 1969 года получили известие о том, что во Франции жив брат Макаренко Виталий, мы сначала растерялись. Мы не могли обратиться, как это делается в таких случаях, в адресный стол - во Франции их нет. Кроме того, мы пока никого не хотели посвящать в нашу тайну.

Для начала мы написали руководителю отдела информации Национального педагогического института в Париже (это французский партнер нашего центра сравнительной педагогики) госпоже Вормсер-Миго и попросили помочь нам. Конечно, при условии полной конфиденциальности; ведь в этом же институте работает наш "конкурент" - Ирэн Лезин , автор единственной во Франции книги о Макаренко. Ответ из Парижа гласил: "...к сожалению, должна сообщить Вам, что разрешение детективных головоломок, подобных Вашей (с братом Макаренко), не входит в компетенцию нашего института. К тому же у Макаренко, как известно, не было ни братьев, ни сестер, - писала госпожа Вормсер-Миго, - так что дальнейшие поиски не имеют смысла". В постскриптуме мадам добавила: "Конечно, мадемуазель Лезин гораздо компетентнее в этой области и могла бы Вам лучше помочь". Но именно ее помощи мы и не хотели!

Успех возымел, в конце концов, официальный запрос в Министерство внутренних дел Франции, сделанный нами через по-

средство Министерства иностранных дел в Бонне. 27 мая 1970 г. вице-консул генерального консульства Французской республики во Франкфурте-на Майне ответил нам: "Уважаемые господа! По поводу Вашего запроса от 11.2.1970 г. сообщаю Вам, что наше министерство недавно получило ответ от господина Макаренко. Вы можете написать ему и отправить письмо по следующему адресу: Министерство иностранных дел... Париж, 16е. Письмо будет передано господину Макаренко".

С того и началась наша многолетняя - чего тогда еще нельзя было предвидеть - авантюра, часто захватывающая, временами довольно изнурительная. Завершилась она спустя 13 лет, со смертью В. С. Макаренко. Плодотворность же нашей работы подтверждает вышедшее недавно русскоязычное издание Воспоминаний с богатым документальным "бэкграундом"[2].

Во время нашего первого визита в Йер Виталий Семенович подробно рассказал о своем детстве и юности, проведенных вместе с братом. В последующие годы между сотрудниками марбургской лаборатории и В. С. Макаренко наладилась регулярная переписка, в ходе которой ему был предложен ряд вопросов, оставшихся для макаренковедов открытыми, а он, в свою очередь, познакомился с новыми источниками, ставшими известными к этому времени (архивные материалы, воспоминания). В последующие годы сотрудники лаборатории и их коллеги бывали у него в Йере, а в июле 1971 и сентябре 1972 гг. В. С. Макаренко приезжал в Марбург, где проводился коллоквиум с его участием, который был запечатлен в фильме. Некоторые участники нашего сегодняшнего "марбургского совещания" были на нем, где и смогли лично познакомиться с Виталием Семеновичем.

Кроме того, довольно скоро нам удалось заинтересовать В. С. Макаренко в том, чтобы он написал свои воспоминания. За это Германское научно-исследовательское общество (DFG) - на основании нашего ходатайства - представляло ему в течение четырех лет небольшую финансовую поддержку. Мои марбургские коллеги, вероятно, помнят еще это заседание одной из комиссий DFG: решающим аргументом в пользу нашего необычного ходатайства стал довод одного профессора-философа. Он привел сравнение из области биологии. - "И здесь, в педагогике, надо, - сказал он, - заботиться о сохранении живых объектов исследований!" Этот аргумент, поначалу прозвучащий довольно странно, показался в кон-

це концов разумным и решающим, позволил принять правильное решение. В результате удалось заметно улучшить условия жизни В. С. Макаренко в доме для престарелых, а тем самым и условия его работы над мемуарами.

Воспоминания В. С. Макаренко, написанные за короткое время, появились в печати сначала вместе с протоколом коллоквиума, прошедшего 4 июля 1971 г., и выдержками из переписки между лабораторией и В. С. Макаренко. Они стали составной частью сборника "Makarenko-Materialien III" (Материалы о Макаренко, кн. 3) и вышли на немецком языке[3], а в 1977 г. появились отдельным изданием, подготовленным Бруно М. Беллерате, на итальянском языке[4]. Вышедшее сейчас в серии "Opuscula Makarenkiana" русскоязычное издание Воспоминаний содержит не только подлинный вариант мемуаров В. С. Макаренко, но и солидную документальную часть. Представленные в данной книге выдержки из переписки сотрудников лаборатории с В. С. Макаренко - вопросы, уточнения, поправки (включая и отдельные повторения) - позволяют читателю принять участие в исследовательском диалоге, который длился 13 лет.

Виталий Семенович Макаренко был сначала учеником своего брата, потом стал его сотрудником - оба они с 1917 г. по 1919 г. преподавали в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище. В. С. Макаренко - выпускник военного училища и демобилизованный офицер царской армии - ввел здесь, сначала против воли своего явно антимилитаристски настроенного брата, военизированные элементы в преподавание физкультуры и во внешкольные занятия - такие, как строевая подготовка маршировка со знаменем под звуки духового оркестра.

Оба брата Макаренко занимались в Крюкове театральной работой: по инициативе Виталия Семеновича, приобретшего актерский опыт еще во время учебы в реальном училище, они организовали самодеятельную театральную группу (драматический кружок им. В. Г. Короленко), которая вскоре уже выступила перед публикой с постановками известных пьес.

Этими начинаниями были созданы значительные предпосылки для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплинирования, а также для "театрализации", как это позднее практиковалось А. С. Макаренко в колонии им. Горького. То, что В. С. Макаренко во время Мировой войны (1915-1917 гг.) был офице-

ром царской армии заставило его, вероятно, присоединиться к "белым" летом 1919 года, а в 1920 году покинуть родину.

Ясно, что именно поэтому в советском макаренковедении отсутствуют какие-либо упоминания о В. С. Макаренко. Высказывания А. С. Макаренко автобиографического характера, где он упоминает о своем брате, до сих пор неизвестны широкой общественности. Содержащиеся в публичных выступлениях Антона Семеновича такие, например, сведения, что он в своей семье воспитывал не только сына жены, как это было уже известно, но также и дочь брата, при публикации стенограмм опускались.

То, что племянница А. С. Макаренко - Олимпиада Витальевна, которая живет в Москве, является последним носителем фамилии Макаренко из круга близких родственников педагога, - все это время для советских макаренковедов как бы не существовало. Лишь совсем недавно иногда стали упоминать и ее. Показательно, что сначала о ней написал один из журналистов (Л. А. Чубаров) в статьях о еще живых воспитанниках А. С. Макаренко. Потом об Олимпиаде Витальевне упоминали и в комментариях нового собрания работ Макаренко ("Педагогические сочинения", т. 7, Москва, 1986 г.).

Воспоминания и письма Виталия Семеновича - это свидетельства самого близкого семейного окружения А. С. Макаренко, материалы, которыми исследователи ранее, к сожалению, не располагали. Ранняя эмиграция В. С. Макаренко была, конечно, одной из причин особой живости его воспоминаний о детстве и юности, проведенных вместе с Антоном Семеновичем. Но нельзя не учитывать также и того, что перед нами - высказывания человека, оставшегося в неизвестности, в то время как имя его брата стало известно всему миру. Это объясняет временами встречающуюся резкость отдельных оценок. Несмотря на это, воспоминания В. С. Макаренко остаются ценным и богатым источником для изучения жизни и деятельности молодого А. С. Макаренко.

Это мнение о Воспоминаниях хотелось бы дополнить выдержкой из рецензии Вольфганга Зюнкеля, профессора педагогики Эрлангенского университета (ФРГ), на том "Makarenko-Materialien III", написанной им в 1973 году, т.е. еще до волны так называемой "Орэл хисторы" (устный рассказ о быте) в западной историографии: "Из его воспоминаний узнаешь о многих, до сих пор совершенно неизвестных датах и фактах, массу деталей об

отношениях в семье Макаренко, о родственниках, соседях, друзьях и коллегах, о болезненности Антона-мальчика, о квартирах, где он жил, и об условиях работы в разных местах, о любовных связях старшего брата (названы все его увлечения), о серьезном конфликте между юношей Антоном и его отцом. Но главный итог чтения в ином: в выразительной форме передана атмосфера их тогдашней жизни, их настроения, взгляды, характер реакций действующих лиц. Именно в описании истории семейных отношений и состоит особая ценность этих воспоминаний как исторического источника"[5].

Эту очень точную и подробную характеристику Воспоминаний, данную В. Зюнкелем, я хотел бы все же дополнить. Тем, что лишь благодаря им удалось, наконец, получить представление о круге чтения А. С. Макаренко, узнать о его большой начитанности, в силу которой он - при довольно скромном уровне своего школьного образования - занимал в крюковском обществе особое положение.

Самый последний отзыв на Воспоминания принадлежит чешскому макаренковеду Либору Пехе, доценту педагогики Оломоуцкого университета. Напечатан он в 1985 году в его работе "Биографические факторы в становлении творческой личности педагога (на основании анализа личности А. С. Макаренко)". Между прочим, это первая монография в макаренковедении, которая опирается в основном и на этот источник, можно даже сказать, что без Воспоминаний эта работа, скорее всего, не появилась бы. В "Обзоре использованных источников" автор пишет, что свидетельство В. С. Макаренко - при том, что его отношение к данному источнику довольно критическое - он "не мог оставить без внимания". Свое дифференцированное мнение о Воспоминаниях Л. Пеха сформулировал так: "Все эти высказывания свидетельствуют об обуревавших его противоречивых чувствах к умершему брату. Преобладает зависть к его славе и ожесточение навсегда покинувшего родину эмигранта, которое усиливается политической злобой на произошедшие там революционные изменения. Автор воспоминаний компенсирует это свое озлобление различными обвинениями в адрес брата, а также выпячивает его недостатки. Но с этим соседствуют проявления горячей любви к брату и добрые воспоминания о вместе проведенной юности. В некоторых случаях воспоминания Виталия являются уникальным

и незаменимым свидетельством, а его субъективные настроения легко распознаваемы и устранимы"[6].

Благодаря своей прекрасной памяти В. С. Макаренко смог на точных чертежах воссоздать местоположение домов, памятных мест и других объектов, связанных с его детством и юностью. Особо здесь следует выделить план дома семьи Макаренко, построенного в 1905 году, в котором находится теперь Кременчугский музей А. С. Макаренко. Те, кто побывал в нем, подтвердили необыкновенную точность чертежа. Интересен также подробный план г. Крюкова, который В. С. Макаренко начертил в течение нескольких часов во время своего вторичного пребывания в Марбурге (в 1972 г.). На плане отмечены все "места действий", связанные с А. С. Макаренко, среди них - квартиры главных "действующих лиц" Воспоминаний. Как стало недавно известно, сотрудникам Музея А. С. Макаренко удалось на основании этого плана установить местонахождение могилы умершего в 1916 году С. Г. Макаренко - отца братьев Макаренко. В эту могилу перенесены теперь и останки их матери, умершей в 1931 году в Харькове.

Но это не единственный способ и пример того, как советские макаренковеды пользуются воспоминаниями В. С. Макаренко. Иногда натыкаешься в их работах буквально на заимствования из этого источника, ссылки на который, однако, не даются. Да и как они это могут сделать - официально ведь не существует ни источника, ни человека! Здесь следует прежде всего назвать В. В. Кумарина, автора статьи в "Учительской газете" от 27.9.1973 г. о западногерманских макаренковедах, а точнее - о нас, "марбуржцах".

Ее название - "Фальсификаторы", подзаголовок - "Как в Марбурге создают "новый образ" А. С. Макаренко". В этой статье Кумарин пишет, правда, лишь косвенно, о томе "Makarenko-Materialien III", тогда только что вышедшем и присланном ему. Но делает он это без каких бы то ни было ссылок на то, что рассматриваемый им текст является все же воспоминаниями родного брата А. С. Макаренко.

Для Кумарина это - "информация, полученная от одного престарелого белоэмигранта, который не скупится на антисоветские измышления". Однако это не помешало Кумарину в своей книге "Антон Семенович Макаренко. Жизнь и педагогическая деятельность", изданной в Москве сначала на английском, испанском и

французском (1976 г.), а позднее (1979 г.) и на бенгальском языках - а значит, предназначенной для читателей за границей, не раз включать в свой авторский текст целые страницы из воспоминаний В. С. Макаренко - без всяких указаний на источники.

При этом Кумарин как коллега-ученый попытался оспорить нашу работу и, главным образом, достоверность воспоминаний В. С. Макаренко. Первый вариант его статьи был написан до выхода тома "Makarenko-Materialien III" по поводу опубликования отрывков из Воспоминаний в газете "Дойче Фольксцайтунг" от 29.3.1973 г. Он был озаглавлен так: "Воспоминания" отступника". В этой статье Кумарин сообщает о том, что в воспоминаниях В. С. Макаренко есть неизвестные до сих пор детали бытового характера, касающиеся жизни молодого А. С. Макаренко. Они "любопытны, местами комичны, местами грустны, а в целом вполне правдоподобны", - считает Кумарин.

В качестве "вымышленного" он отвергает - правда, все же приводя его в статье - эпизод, связанный с соучеником А. С. Макаренко Цаловым. Тот снабжал Макаренко литературой эсеров, пытался вовлечь Макаренко в борьбу против царского режима, включавшей, как известно, и террористические методы. Ответ, который Макаренко дал своему другу (и об этом он рассказал в 1916 году брату), содержится в даной рукописи в обратном переводе с немецкого:

"- Во-первых, я не верю в излечивающую силу кровавых революций - они все совершаются по одной схеме: сначала кровавая баня, потом анархия и хаос, а как результат - варварская диктатура. Это первое.

И второе, я просто не гожусь для того, чтобы кидать бомбы в министерские кареты, а тем более - с красным знаменем в руках петь "Марьсельезу" на баррикадах. Просто неспособен".

Здесь Кумарин говорит о "политическом мародерстве в отношении собственного брата", о "грубой, бесстыдной лжи", распространяя которую марбургские исследователи "попирают честные традиции своей альма-матер"; наконец, он выражает опасение о том, что "энтузиасты-макаренковеды из Марбурга" могут "сползти на бесплодный и бесперспективный путь деидеологизации творчества А. С. Макаренко, на котором "их обязательно ждет не только научное, но и полное моральное фиаско".

В другом случае, чтобы "опровергнуть" утверждения В. С. Мака-

ренко, Кумарин сопоставляет его высказывания В. С. Макаренко с воспоминаниями тогда еще живого свидетеля - учителя и коллеги А. С. Макаренко из Долинской Л. Т. Степанченко. Как видите, вполне научный метод дискуссии с Виталием Семеновичем! Но этот вариант статьи Кумарина не был принят редакцией "Учительской газеты" - имя "белогвардейского" "осквернителя родного гнезда" было просто табу!

Справедливости ради нельзя не отметить, что Кумарин, подготовивший вышеупомянутое иностранное издание, отнюдь не одинок в своем стремлении присвоить результаты чужих исследований. Так и Б. В. Волков, заведующий отделом науки "Учительской газеты", в своей статье "Первые всходы", опубликованной 13.3.1984 г., заимствует отдельные имена и факты, содержащиеся в первых главах воспоминаний В. С. Макаренко. По моему предложению лаборатория переслала в 1975 году ксерокопию этих глав (на русском языке) редакции "Учительской газеты" для опубликования. (Каким наивным я был тогда!). Правда, в отличии от выпадов Кумарина против В. С. Макаренко в опубликованной в этой газете статье "Фальсификаторы", Волков, по крайней мере, упоминает о "младшем брате Виталии", о "нежной привязанности Тоси" к нему. (Тем временем нам стало известно заявление Волкова, из которого явствует, что он прочел воспоминания В. С. Макаренко лишь после того, как написал вышеупомятую статью; так что в его распоряжении были только советские источники, в том числе и машинописная версия книги Кумарина на русском языке!).

Наконец стоит упомянуть, что и А. А. Фролов, доцент педагогики Горьковского пединститута и "двигатель" нового советского издания собрания сочинений А. С. Макаренко, также опирается на воспоминания В. С. Макаренко, но источника при этом не указывает. В его статье "Овладение А. С. Макаренко марксистко-ленинским учением как мировоззрением и методологией советской педагогики", включенной в сборник Львовского университета "А. С. Макаренко", кн. 11, вышедшей в сентябре 1985 г., говорится: "Большим авторитетом в юношеские годы был для Антона Семеновича соученик Калов (sic!), ставший на путь революционной борьбы. Он пробудил интерес к социально-политическим вопросам, революционной литературе". О том, что этот соученик (правильно - Цалов) не только не принадлежал к партии

социал-демократов или большевиков, но даже состоял в партии эсеров, Фролов благоразумно умалчивает. (Между тем нам стало известно заявление и этого автора о том, каким образом он - тоже, конечно, не прочитав сам воспоминаний Виталия Семеновича - мог заполучить эту информацию. В данном случае ее передал наш болгарский коллега Найден Чакаров).

Недавно о воспоминаниях В. С. Макаренко стал известен специальный отклик одного из советских макаренковедов. Это отклик иного рода, чем прежние. Я имею в виду мнение Ф. И. Науменко из Львова. В рецензии на рукопись русскоязычного издания Воспоминаний (она была прислана нам автором и частично воспроизводится на обложке издания), среди прочего, говорится:

"Я завидую Вам, что Вам удалось обнаружить такой феномен, как родной брат А. С. Макаренко. Не воспользоваться его информацией было бы просто непростительно.

Сами по себе воспоминания В. С. Макаренко интересны, восполняют пробел, когда идет речь о раннем периоде жизни, а затем о деятельности молодого А. С. Макаренко. Однако воспоминания В. С. Макаренко о брате, о людях, близких ему, его политические суждения крайне субъективны, тенденциозны.

Публикуя воспоминания В. С. Макаренко, я подверг бы острой критике те места, в которых он извращает образ своего брата. Антон Семенович - титан педагогической мысли, а его брат Виталий - пигмей белогвардейской закваски.

Воспоминания В. С. Макаренко пытаются замолчать. Это, конечно, глупо. В них есть и бесценные сведения об А. С. Макаренко. Воспоминания В. С. Макаренко, несмотря на их одиозность и субъективизм, не пройдут мимо внимания серьезных ученых. Они вошли в обиход международного макаренковедения".

Выступая здесь, я, вероятно, могу предполагать, что всем или почти всем вам известны воспоминания В. С. Макаренко, публиковавшиеся в 1973 году по-немецки. Поэтому я хочу в основном ограничиться рассказом о том новом, что удалось найти в результате переписки и встреч за 10 лет - с 1973 по 1983 гг.

В предварительном замечании к свидетельству В. С. Макаренко я среди прочего писал о том, что "задачей исследователя-биографа как раз является - путем опроса новых свидетелей и привлечения новых архивых материалов - проверка всех этих высказываний, которые во многом подтверждают и обогащают

наше представление о молодом А. С. Макаренко, но которые также вносят в него немалые поправки". По крайней мере в отношении нескольких моментов - нам это удалось. Вот некоторые примеры[7]:

1. Привилегированное положение учителей в школах для детей железнодорожников

В своем докладе 9 марта 1939 г. в Харькове А. С. Макаренко среди прочего заявил, что, работая учителем, в Крюкове получал ежемесячно 25 рублей. Опровержение его брата (в письме от 3 февраля 1975 г.): "Это - ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 на Южн. ж.д. и 6 по всей Империи), плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин, плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. И т.д. и т.д.". Зарплату в размере 47 рублей 50 копеек Виталий упоминал в Воспоминаниях.

Подтверждение правильности этой суммы содержится в воспоминаниях Л. Т. Степанченко "Антон Семенович Макаренко в моей жизни", вышедших в 1963 году в Кривом Роге. (Кстати, без официального разрешения на публикацию, а значит, отчасти, так сказать, в качестве "самоиздатовской" публикации). Там сказано: " [...] ж. д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на проезд во втором классе".

2. "Педагогический эксперимент"

Виталий рассказывает в Воспоминаниях о "плохом педагогическом эксперименте", который Антон провел в своем классе в 1907 году. Он придумал каждую четверть учебного года классифицировать учеников по степени успеваемости. То есть, он выводил среднее арифметическое для каждого ученика, и затем распределял эти данные по порядку - "1-й ученик, 2-й, 3-й... и так далее до 37-го, где он писал: "37-й и последний". В 1907 году этим "последним" оказался один очень болезненный мальчик. После того, как ребенок узнал, что он - 37-й и "последний", он плача убежал домой еще до конца уроков. Не пришел он ни на второй день, ни

на третий, а дней через десять вместо него пришел его отец, пришел прямо на урок и сказал, что его сын, который очень сильно переживал из-за этого, умер прошлой ночью. Он упрекал Антона в бессердечности, спрашивал, зачем ему понадобилось обижать мальчика тем, что он 37-й и "последний". Как следствие этого случая, пишет Виталий, Антон навсегда отказался от такого способа классифицировать учеников.

Уже упоминавшийся Степанченко подтверждает эту печальную историю: Антон Семенович, предостерегая его - тогда молодого учителя - от ошибок, рассказал об этом случае из своей педагогической практики. В изложении Степанченко А. С. Макаренко не только не мог забыть данный инцидент, но даже считал себя виновным в смерти мальчика.

3. Военизированные прогулки со знаменем и оркестром

Эти прогулки учеников Крюковского высшего начального ж. д. училища через весь город в близлежащий лес были введены весной 1918 года по инициативе Виталия Семеновича. О них он рассказывал участникам коллоквиума, писал в Воспоминаниях. О них упоминает и бывшая ученица этой школы М. С. Милютина: "Летом и осенью 1918 года он [В. С.] маршировал с учениками под звуки духового оркестра по главной улице Крюкова (Херсонской)". Эта традиция позднее была сохранена и даже получила свое развитие - в виде маршей воспитанников колоний, по Полтаве и Харькову, которыми руководил его брат.

4. Репертуар драмкружка им. В. Г. Короленко

В воспоминаниях Б. Ф. Гороновича, появившихся в 1958 году на украинском языке, а затем, соответственно, у Балабановича и других биографов Макаренко, сообщается, что этот кружок поставил две известные пьесы русской классики - "На дне" Горького и "Ревизор" Гоголя. Виталий Семенович, по собственным словам, инициатор и активный участник кружка - то как режиссер, то как актер - в своих воспоминаниях и письмах отрицает это

начисто. (В них он приводит, между прочим, детальные сведения о всех инсценировках, дает даже имена и фамилии исполнителей большинства ролей). Так вот, Виталий Семенович считает, что ставить спектакли по вышеназванным пьесам в драмкружке было просто невозможно - из-за того, что для самодеятельных актеров они были бы слишком сложны.

В русскоязычном оригинале воспоминаний Гороновича, который стал известен нам лишь недавно, эти две пьесы вообще не упоминаются. Вполне возможно, что названия эти были вписаны каким-либо редактором лишь перед переводом или публикацией.

Общее представление об участии В. С. Макаренко в спектаклях драмкружка им. В. Г. Короленко можно составить по одному из писем Гороновича, где говорится: "Виталий, как правило, играл "первую скрипку": был в главных ролях пьесы, вызывал аплодисменты зрителей". Балабанович же просто приписал роли, сыгранные В. С. Макаренко, его знаменитому брату!

5. Связь с Елизаветой Федоровной Григорович

Одна из самых захватывающих, а также самых щекотливых глав в воспоминаниях В. С. Макаренко об интимной стороне жизни брата - его связь с женой крюковского священника Дмитрия Ивановича Григоровича. Продолжительная, во многом похожая на гражданский брак, она просуществовала до 20-х годов. Таковая стала возможна благодаря терпимому отношению к ней священника - кстати, ходили слухи о том, что он - импотент. Эту историю, как можно заключить из воспоминаний Виталия Семеновича, А. С. Макаренко положил в основу своего первого рассказа "Глупый день", написанного в 1914 году. "В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю [...]", - так он напишет позже в статье на смерть М. Горького, которому он направил в свое время рассказ для публикации.

Несмотря на все подтверждения, связь А. С. Макаренко с Е. Ф. Григорович советские макаренковеды по-прежнему обходят молчанием. Так, при публикации воспоминаний Гороновича, одноклассника В. С. Макаренко по реальному училищу, было опу-

щено следующее: "Познакомился я с Антоном Семеновичем на квартире своего дяди (sic!) - священника Григоровича Дмитрия Ивановича, где он бывал, как друг дома, приблизительно в 1909-1910 годах, когда я сам был еще учеником Кременчугского Александровского реального училища (КАРУ). Антон Семенович был дружен с женой дяди Елизаветой Федоровной (по "Педагогической поэме" она именуется Екатериной Григорьевной). Она ушла от попа домой и стала его другом жизни почти на 20 лет. Антон Семенович не венчался с ней, не записывался позже в загсе, не хотел, видимо, компрометировать себя (она и дочь попа - поповна, и жена попа - попадья)"

6. ... и последнее - "уличные бригады"

Балабанович пишет об образовании "уличных бригад" в Крюковском высшем ж. д. училище и о посещениях ее членами учеников на дому - для оказания воспитательного влияния на семью. В письме от 31 марта 1971 г. В. С. Макаренко писал: "Никаких уличных бригад не было, и никаких смотров Антон им не учинял (половина учеников жила в Кременчуге)" Отрицает существование "уличных бригад" и А. И. Лебедь, один из бывших учеников братьев Макаренко, живущей сейчас в Мюнхене: "Это выдумано. Такого не было"

Позже, в письме от 29 декабря 1972 года., Виталий Семенович возвратился к этим бригадам - так как речь о них шла в последнем публичном выступлении А. С. Макаренко (29.3. 1939 г.): "Я уже писал Вам, что никаких бригад по топографическому началу никогда не существовало. Антон это просто выдумал, для чего - не знаю. Ученики были разбросаны по всему Крюкову и Кременчугу, и создание каких бы то ни было бригад было просто невозможно. Я видел Антона каждый день, и ни о каких бригадах он мне никогда не говорил, а Антон делился со мной решительно всем".

Тайну "уличных бригад" я разгадал, когда работал над материалами макаренковского фонда ЦГАЛИ СССР (Москва). Сверка опубликованного текста со стенограммой выступления А. С. Макаренко 29.3. 1939 г. показала, что опубликованная версия соответствующего места, где и появились такие "бригады", не со-

впадает с оригиналом - из-за редакционной правки А. Г. Тер-Гевондяна. В оригинале нет и речи о крюковском железнодорожном училище. Вместо этого говорится о какой-то "военизированной школе", которая, якобы, была под началом Макаренко.

Предлагаю сравнить оригинал (выше) и фальсифицированный текст (ниже):

"Действительно [!?] на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военизированная школа. Я держал учеников на учете, я их держал по бригадам. Были руководители. Все руководители утром отдавали рапорт. Приказом я назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со своей бригадой обходил квартиры". (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 188, л. 31).

"Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы". (А. С. Макаренко. Сочинения в семи томах, т. 5. М., 1958, с. 322).

О таких инспекционных походах руководителя школы и членов школьной бригады домой к родителям учеников А. С. Макаренко говорил несколько раз перед учительской аудиторией за полгода до своей смерти. И, как известно, такой способ контроля над обстановкой в доме ученика считается изобретением именно Макаренко. Во многом благодаря этому метод Макаренко широко "использовался" педагогами-практиками - и не только советскими. Но, оказывается, он не имеет ничего общего с педагогической практикой самого Макаренко, то есть оказался действительно, "выдуманным".

Второй слой "выдуманного" в биографии молодого А. С. Макаренко возник не потому, что что-то придумал он сам или редакторы его текстов. Скорее это - "заслуга" его современников, которые в 50-е годы помогали Балабановичу и другим биографам Макаренко своими воспоминаниями о том дореволюционном прошлом, которое связывало их с Макаренко. В ряду этих совре-

менников особое место занимает М. Г. Компанцев (на что указал еще в 1971 году, на втором международном симпозиуме макаренковедов в Фалькенштайне, ФРГ, Либор Пеха). Компанцев был начальником Макаренко, руководил ж. д. училищем в Крюкове, а потом также и в Долинской. Многие его свидетельства Виталий Семенович убедительно оспорил, некоторые - опроверг. Кое-что в воспоминаниях Компанцева, в результате дополнительных исторических исследований, пришлось поставить под сомнение. Так, например, Компанцев утверждает, что он и Макаренко выписывали в 1905 году "Новую жизнь", орган большевиков, и "были ее внимательными читателями". Однако против этого говорит хотя бы тот факт, что эта петербургская газета выходила лишь в течение пяти недель - 3 декабря 1905 г. она была запрещена цензурой.

Относительно более точной датировки отдельных событий с помощью высказываний В. С. Макаренко часто возникала следующая ситуация: его сведение противоречило уже существовавшей информации о брате - как давно известной, так и вновь полученной. И в отдельных случаях Виталий Семенович смог нам довольно убедительно доказать, что достоверным является не источник, который мы ему представили, а его свидетельство. Особенно показательным мне кажется здесь один пример - когда Виталий Семенович помог установить начало военной службы его брата.

В макаренковедении это событие относят на сентябрь-октябрь 1916 г. Виталий же считает, что это было лишь в конце декабря 1916 г. Комментируя документ, который свидетельствует, что Антон был мобилизован уже 20 сентября 1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 347), Виталий пишет в письме от 28 мая 1982 г.: "С полной уверенностью могу ответить на Ваш вопрос о военной службе Антона. Откуда Вы только получаете такие "липовые" документы и показания!

Что-что - но уж даты моих ранений я помню, как дату моего рождения.

Последний раз я был ранен 3-го октября 1916 г. в бою под Луцком. Я провалялся дней 10 в этапных госпиталях в Ровно и Киеве, и приблизительно 15 октября прибыл в госпиталь... Куда? В Полтаву!!! В Полтаве, конечно, я нашел и Антона, и ЕФГ [Е. Ф. Григорович], и Веру Костецкую, и всех прочих. (Все это относится к

подчеркнутой Вами дате: 20 сент. 1916). В Полтаве я пролежал почти 1 1/2 месяца, был оперирован, у меня вытащили пулю, Антон и Вера Костецкая навещали меня каждые 2-3 дня. Иногда приходила и ЕФГ. Так шло до 26 ноября 1916 г. (дату помню: 26-го ноября - праздник нашего воен. училища). 26-го ноября меня эвакуировали для поправки в новый офицерский госпиталь... в Кременчуг.

Приблизительно через неделю в этот госпиталь вдруг пришла... Вера Костецкая. Она приехала по своему делу и зашла меня навестить. Она передала мне короткое письмо от Антона, в котором он сообщал мне, что его мобилизуют и что дней через 15 он уезжает в Киев!

Добавить к этому мне нечего. Скучно и обидно, что приходится тратить время и энергию на опровержение подобных "документов"!".

На основании этого свидетельства можно, по-моему, заключить следующее: А. С. Макаренко сумел раздобыть документ, который подтверждал, что он проходил военную службы в течение шести, а не трех месяцев. (Сделал он это, возможно, подкупив того же писаря, который за несколько недель до этого уже был подкуплен Виталием для того, чтобы досрочно вырвать Антона из ненавистной ему казарменной жизни). На документе - "Свидетельстве о выполнении воинской повинности" - поставлена дата: 31 марта 1917 г.

Так что стоит быть более осторожным, оценивая те или иные "свидетельства", в которых макаренковеды обычно все принимали на веру, не затрудняя себя дополнительными розысками.

Здесь я мог бы и закончить рассказ о нашем тринадцатилетнем сотрудничестве с Виталием Семеновичем. Мог бы... Но стало известно нечто, что для макаренковедов вполне может сойти за сенсацию и о чем умалчивал все это время Виталий Семенович. (Вероятно, потому, что этот факт не вписывался в систему его взглядов).

Во время нашей последней встречи в начале июня 1983 г. в Йере, т. е. за шесть недель до его смерти, Виталий Семенович рассказал мне, что приблизительно в 1906-1907 гг. Антон Семенович был кандидатом в члены партии социалистов-революционеров (эсеров). Он вполне достоверно и обстоятельно рассказал

об обыске, который в отсутствие Антона провели три жандарма в комнате брата. Виталий, по его словам, присутствовал при этом, и ему удалось своевременно спрятать экземпляр программы партии эсеров, который Антон хранил в одном художественном альманахе и на котором стояло: "Для кандидата партии Антона Семеновича Макаренко". По хронологии событий данный случай можно отнести к периоду после роспуска 2-й Государственной думы (3 июня 1907 г.), в числе депутатов которой, как известно, было 37 эсеров. Позднее (в 1913 г.) Антон, по словам брата, рассказал ему во время их совместной поездки на пароходе по Днепру в Киев о своей принадлежности примерно в течение года к партии эсеров - факт, который он скрыл от семьи.

Узнав об этом, 19 сентября 1983 г. Ф. И. Науменко в письме ко мне сообщил, что "ни в Кременчугском, ни в Полтавском областном архиве нет сведений, которые подтверждали бы пребывание А. С. Макаренко в 1906-07 гг. в партии эсеров, как утверждает В. С. Макаренко. Но совершенно случайно мне сообщили, что такая возможность не исключается". Во втором письме (6 октября 1983 г.) Науменко пишет: "Архивы кременчугской полиции за 1905-1907 гг. не сохранились, а поэтому нельзя установить, что полиция делала обыск в квартире А. С. Макаренко".

Елизавета Федоровна Григорович сообщала в свое время о том, что Антон Семенович, когда он был молодым учителем в Крюкове, неоднократно посещал некоего Константина Кирсту, сосланного на жительство в Херсонскую губернию. Сейчас украинскому макаренковеду Н. Н. Оксе удалось установить во время своих поисков в харьковских архивах, кем был Кирста. Оказалось, что этот студент-химик Харьковского технологического института был президентом "Люботинской республики", которая образовалась в результате вооруженного восстания железнодорожных рабочих станции Люботин недалеко от Харькова в декабре 1905 года, в начале революции, и просуществовала всего девять дней[8]. Так как его имя в советской историографии о первой русской революции в связи с событиями вокруг этой "республики" не упоминается, то следует, по-моему, исходить из того, что Кирста был эсером. Компанцев, которому как другу А. С. Макаренко должна была бы быть известна настоящая причина его связи с Кирстой, переделал в своих воспоминаниях вооруженное восстание в "Люботинский съезд учителей" Харьковско-Николаевской

железной дороги, в котором он заставил участвовать и А. С. Макаренко и - сагитированный им - весь педагогический коллектив крюковского училища. (Как известно, Балабанович цитирует в своей книге это место из воспоминаний Компанцева).

Тот факт, что А. С. Макаренко позднее (приблизительно к 1910 г.) собрал вокруг себя кружок крюковских интеллигентов, в котором велись, в основном, литературные дискуссии, не противоречит свидетельству В. С. Макаренко. После поражения революции 1905-1907 гг. всем социалистическим партиям пришлось пережить резкое сокращение количества их членов, "также и интеллигенция поубавила свою активность. Предпочла аполитичность и удалилась в "башню из слоновой кости"[9]. Даже то обстоятельство, что А. С. Макаренко в связи с заявлением о приеме в ВКП(б) от 15 февраля 1939 г. в анкете на вопрос: "Состоял ли в других партиях (каких, когда, где)" ответил: "Нет", - даже это, на мой взгляд, не исключает возможности, что он в свое время принадлежал к партии эсеров. "В страшные годы ежовщины" (Анна Ахматова)[10] упоминание об этом могло стоить ареста или даже расстрела.

Факт, что Виталий Семенович открыл мне эту тайну лишь, так сказать, на смертном одре, я попытался объяснить себе его консервативными, можно даже сказать антисоциалистическими взглядами. Так, Виталий Семенович, присылавший нам свои воспоминания отдельными главами, написал, рассказывая об эпизоде с Цаловым, о котором я уже упоминал, что этот соученик снабжал А. С. Макаренко "революционной литературой". Во время первого приезда В. С. Макаренко к нам в Марбург я попросил его уточнить, о какой литературе идет речь. Он с ходу ответил, что это "социал-революционная литература", и своей рукой внес это уточнение в машинописную версию воспоминаний.

После смерти Виталия Семеновича я обнаружил в его комнате - в доме престарелых, где он жил все эти годы и где он умер - черновик рукописи воспоминаний. И в нем дружба с Цаловым упоминается в контексте, лишенном всякого политического содержания: речь здесь идет не о революционной литературе, а о беллетристике. Отрывок об этом гласит так: "Даже для меня, ребенка, было заметно, что А. очень страдал от своей неполноценности. Он стал более грустным, иногда оставался один в задумчивости и постепенно уходил от своих сверстников. Потом он

уходил к одному своему другу в Кременчуг - к сожалению, я не запомнил его фамилии - и он отзывался о нем с восторгом. Во всяком случае он приносил от него очень много книг. Я уже забыл (было очень много), какие. Помню только "Сад, построенный Богом", романы Г. Сенкевича, журнал "Вокруг света", финская эпопея "Калевала", "Робинзон Крузе". Он читал удивительно быстро, почти не отрываясь.

Я думаю, что в его жизни это был единственный настоящий друг (из мужчин). Он и потом навещал его, и я только жалею, что мне не удалось позже познакомиться с ним. Во всяком случае он всегда вспоминал о нем и даже один раз сказал, что из всех людей, которых он встречал на своем жизненном пути, это был единственный настоящий Человек".

Дополнительное замечание

Спустя несколько недель после того, как я прочел этот доклад, в киевском журнале "Радяньска школа", № 6 за 1986 г., появился материал, автор которого оценивает работу марбургской лаборатории довольно критически, но признает имеющуюся у нее богатую информацию. Он назывался так: "Спроби радянологів ФРН "відновити" "справжнього" А. С. Макаренка" (Попытки советологов ФРГ "восстановить" "настоящего" А. С. Макаренко). Впервые в советском макаренковедении здесь говорится и о Виталии Семеновиче. При этом дается ссылка на немецкоязычный вариант его воспоминаний и писем, вышедших в 1973 г. Показательно, что данный материал был опубликован не в русскоязычном, а в украинскоязычном журнале, т. е. за пределами УССР он почти не пользуется вниманием.

Автор публикации, преподавательница немецкого языка Л. Ф. Цыбулько, противопоставляет некоторые высказывания В. С. Макаренко соответствующим высказываниям А. С. Макаренко и М. Г. Компанцева. Делается это для того, чтобы опровергнуть его утверждения. Автор заканчивает свои мало убедительные попытки следующим образом: "В. С. Макаренко оспорил даже тот факт, что Антон Семенович служил в армии с сентября 1916 г., доказывая, что это было с конца декабря. Однако благодаря архивам точно установлено, что А. С. Макаренко "был призван

на действительную военную службу 20 сентября 1916 года".

М. Д. Виноградова, Л. Ю. Гордин и А. А. Фролов, напротив, отказались включить этот "документ" в свою основную статью "О педагогическом наследии А. С. Макаренко" в вышедшем из печати в ноябре 1986 г. заключительном восьмом томе нового издания "Педагогических сочинений" А. С. Макаренко. В отличии от комментариев в четвертом томе (1984 г.), где речь идет о том, что Макаренко был на военной службе "с сентября 1916 по март 1917 г.", там говорится: "С третьего курса [учительского] института в 1916 г. он был направлен в ополчение. Прослужив в нестроевой команде рядовым несколько месяцев, из-за плохого зрения он был демобилизован".

В формулировке этого высказывания, возможно, уже были учтены аргументы Виталия Семеновича против достоверности соответствующего свидетельства, так как русское издание его воспоминаний и писем было опубликовано в декабре 1985 г. и вовремя стало доступным вышеназванной "тройке". То, что В. С. Макаренко в этой связи не упоминается, правда, не так уж удивительно: в новом издании трудов А. С. Макаренко, предпринятом АПН СССР, братья и сестры педагогов вообще не упоминаются - для московского "Олимпа" имя "белогвардейца" Виталия Семеновича Макаренко по-прежнему, очевидно, остается табу.

(1987 г.)

Г. Хиллиг

На разных берегах...

О том, как братья Макаренко в 30-х годах пытались восстановить контакт друг с другом

Работая в течение многих лет над биографией А. С. Макаренко, я обратил внимание на некоторые факты, связанные с попытками братьев Макаренко - Антона и Виталия - отношения друг с другом восстановить в 30-е годы. Долгое время каждый из них ничего не знал о судьбе другого.

Как известно из материалов, опубликованных лабораторией "Макаренко-реферат", эмиграция Виталия - бывшего офицера царской армии, присоединившегося в 1919 г. к белогвардейцам и после их разгрома бежавшего за границу, в значительной мере осложнила жизнь его брата в стране Советов 30-х годов. В биографии "выдающегося советского педагога", созданной трудами макаренковедения СССР гораздо позже, "не нашлось места" для брата-эмигранта, как, впрочем, и для трех сестер, ничем не опорочивших автора "Педагогической поэмы" и "Книги для родителей". Видимо, их посчитали темными пятнами на иконописном лике "кумира" советской педагогики.

В своих воспоминаниях Виталий писал, что о смерти брата он узнал из эмигрантской газеты "Последние новости" от 3 апреля 1939 г. В ней, как и в советской прессе, сообщалось, что в Москве "умер писатель Макаренко". Для Виталия, который переписывался со своим братом-педагогом в 20-е годы, было неожиданностью узнать, что заветное желание Антона стать известным писателем - исполнилось.

Справедливости ради следует отметить, что об успехах брата на литературном поприще В. С. Макаренко узнал несколько раньше. Своей дочери Олимпиаде, которая жила в Москве, Виталий, кроме вышеупомянутого некролога, выслал заметку из парижской газеты от 4 февраля 1939 г. В ней говорилось о писателях, награжденных орденом за заслуги в области развития советской литературы. Фамилия Макаренко здесь была подчеркнута Виталием. Автор газетной публикации обращал внимание читателей

на то, что награждение является доказательством реабилитации некоторых писателей, в том числе и Макаренко, "недавно подвергавшихся разным партийным нареканиям и обвинениям". Что касается Макаренко, то он, видимо, подвергся ожесточенной критике за свою не очень удачную повесть "Флаги на башнях". В настоящее время обе вырезки из газеты "Последние новости" находятся в Кременчугском музее А. С. Макаренко[1].

Возвращаясь к тому времени, когда переписка между братьями стала невозможна, следует отметить некоторые интересные особенности выступлений А. С. Макаренко и материалов, подготовленных им для печати, где речь шла о зарубежных странах. Говоря о них, А. С. Макаренко всегда имел в виду Францию, где жил его брат. Этот факт прошел мимо внимания специалистов-макаренковедов, поскольку хранительница макаренковского наследия, вдова педагога-писателя Галина Стахиевна, изымала из стенограмм выступлений и авторских рукописей название этой страны.

Читатели Макаренко, возможно, помнят те два места, которые его вдова "забыла" изменить. В выступлении в Украинском НИИ педагогики 14 марта 1928 г., на вопрос одного из критиков, зачем ему в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского понадобились трубы, Ма-

Париж, «Последние новости», 3 апр. 1939 Инв. 2168

Умеръ писатель Макаренко

1 апрѣля въ Москвѣ скоропостижно скончался отъ порока сердца писатель А. С. Макаренко, авторъ «Педагогической поэмы», романа «Флаги на башняхъ», «Книги для родителей»; послѣднее произведеніе осталось незаконченнымъ, — напечатана лишь первая часть.

Покойный до революціи былъ школьнымъ учителемъ. По рекомендаціи харьковскихъ педагоговъ былъ привлеченъ къ работамъ по организаціи воспитанія и обученія безпризорниковъ въ колоніяхъ ОГПУ. Наблюденія надъ безпризорниками дали богатый матеріалъ для повѣсти «Педагогическая поэма», напечатанной при содѣйствіи М. Горькаго, и для романа «Флаги на башняхъ». Напечатанная часть «Книги для родителей» вызвала неудовольствіе въ партійныхъ кругахъ. Незадолго до смерти Макаренко подалъ просьбу о разрѣшеніи вступить въ число кандидатовъ въ члены партіи. Смерть послѣдовала до полученія отвѣтной резолюціи на эту просьбу.

Книги для отзыва

Получены въ редакціи «Посл. Нов.» для отзыва слѣдующія книги:

Отъ изд-ва и книжной торговли «Домъ Книги» въ Парижѣ:

Толковый словарь русскаго языка. Подъ ред. проф. Ушакова. Т. III. Москва. 1939 г.

Л. И. Куббель. «250 избранныхъ шахматныхъ этюдовъ». Москва. 1939 г.

Литературный календарь на 1939 г. Изд. «Худ. Лит.». Ленинградъ. 1939 г.

каренко ответил: "Предположим, сегодня приехали французы, встретили их с оркестром. Если оркестр играет, то вы говорите, что это военный дух. Поскольку есть оркестр в каждой военной части, то это военный дух, но поскольку оркестр есть на каждой фабрике, то это не военный дух, а в медной трубе нет никакого военного духа"[2]. Другая ссылка на Францию в "Опыте методики работы детской трудовой колонии" (осень 1932 г.) в разделе "Коллектив": "Мы говорим коллектив сотрудников ГПУ", но не скажем "коллектив французского министерства внутренних дел"[3].

Следы редакторской бдительности Г. С. Макаренко можно обнаружить также и в ее другой "творческой" деятельности. В начале 70-х годов, работая над подготовкой Марбургского издания "Собраний сочинений" А. С. Макаренко, я просматривал в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве советскую периодику 30-х годов. И тогда, среди прочих материалов, обнаружил в журнале "Revue de Moscou" и в газете "Le Journal de Moscou" две неизвестные публикации Макаренко, относящихся к 1937-38 годам: "Le chemin de la vie" (Путевка в жизнь) и "La femme sovietique" (Советская женщина). В обоих случаях есть указания на то, что автор этих статей хотел сообщить живущему во Франции брату о том, что его юношеская мечта "стать писателем и завоевать славу" - сбылась.

Парижъ „Послѣднія новости", 4 фев. 1939 г. Инв. 2167

Награды писателямъ

Въ «Извѣстіяхъ» (1 февраля) опубликованъ указъ президіума Верховнаго совѣта СССР о награжденіи 172 совѣтскихъ писателей знаками отличія «за выдающіеся успѣхи».

21 писатель награжденъ орденомъ Ленина, въ ихъ числѣ: Шолоховъ, Петровъ (сотрудникъ покойнаго Ильфа), Фадѣевъ, Маршакъ, Павленко, Корнейчукъ, Катаевъ, Гладковъ, Алексѣевъ и др.

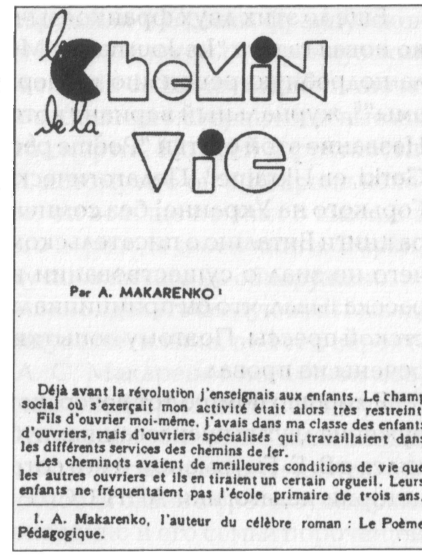
49 писателей награждены орденомъ трудового краснаго знамени, въ ихъ числѣ: Корнѣй Чуковскій, Вик. Шкловскій, Зощенко, Юрій Германъ, Вересаевъ, Вс. Ивановъ, Леоновъ, Макаренко, Ольга Форшъ, Новиковъ - Прибой, Паустовскій, Панферовъ, Сейфуллина, Фединъ и др.

102 писателя награждены «знакомъ почета», въ ихъ числѣ: Алексѣй Толстой, Серафимовичъ, Треневъ, Сергѣевъ - Ценскій, Луговской, Вишневскій, Вѣра Инберъ, Вяч. Шишковъ, Пришвинъ, Маргарита Алигеръ, Анна Караваева, В. Гусевъ, Лебедевъ - Кумачъ и др.

Сравнительно низкая награда, назначенная А. Толстому, объясняется тѣмъ, что онъ уже имѣетъ орденъ Ленина.

По опубликованному списку можно видѣть, что нѣкоторые писатели, недавно подвергшіеся разнымъ партійнымъ порицаніямъ и обвиненіямъ, въ настоящее время реабилитированы; въ частности, видимо, отпали обвиненія противъ Е. Петрова и Макаренко.

Первый материал - перевод статьи "Выбор профессии". По авторской рукописи она была напечатана с пометкой "публикуется впервые" (!) в сборнике "Педагогических сочинений" А. С. Макаренко (1948 г.). В таком виде она вошла во все собрания трудов педагога-писателя. В комментарии к этим публикациям составители (В. Е. Гмурман и др.) цитируют следующую запись из дневника Макаренко от 14 августа 1937 г.: "Статья о выборе профессии в французский журнал" Эта запись натолкнула меня на мысль отыскать упомянутую публикацию. В статье Макаренко - видимо для того, чтобы исключить сомнения брата в их родстве - упоминает о своем происхождении и педагогической деятельности. Он пишет: "Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500 [...]" "После революции судьба поручила мне "самый низший отдел человечества" - беспризорных... [...] Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними"[4].


le chemin de la vie

Par A. MAKARENKO [1]

Déjà avant la révolution j'enseignais aux enfants. Le champ social où s'exerçait mon activité était alors très restreint. Fils d'ouvrier moi-même, j'avais dans ma classe des enfants d'ouvriers, mais d'ouvriers spécialisés qui travaillaient dans les différents services des chemins de fer.

Les cheminots avaient de meilleures conditions de vie que les autres ouvriers et ils en tiraient un certain orgueil. Leurs enfants ne fréquentaient pas l'école primaire de trois ans.

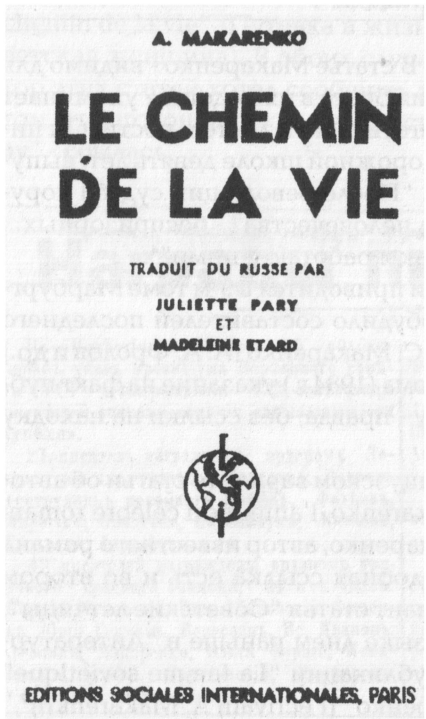
1. A. Makarenko, l'auteur du célèbre roman : Le Poème Pédagogique.

Французский вариант статьи приводится в 9-м томе Марбургского издания (1978 г.), что побудило составителей последнего советского собрания трудов А. С. Макаренко (А. А. Фролов и др.) включить в комментарий 4-го тома (1984 г.) указание на факт публикации статьи уже в 1937 году - правда, без ссылки на находку их немецких коллег[5].

Примечательно, что во французском варианте статьи об авторе сказано следующее: "A. Makarenko, l'auteur du célèbre roman: Le Poème Pédagogique" (А. Макаренко, автор известного романа "Педагогическая поэма")[6]. Подобная ссылка есть и во втором материале - расширенный вариант статьи "Советские летчицы", опубликованной на русском языке днем раньше в "Литературной газете". В французской публикации "La femme soviétique" речь идет о "писателе А. Макаренко" (l'écrivain A. Makarenko)[7].

Еще до этих двух франкоязычных публикаций А. С. Макаренко новая газета "Le Journal de Moscou" 14 июля 1934 г. напечатала подробную рецензию на первую часть "Педагогической поэмы"[8], журнальный вариант которой в начале года вышел в свет. Название этой статьи "Poème pédagogique. La commune du travail Gorki, en Ukraine" (Педагогическая поэма. Трудовая коммуна им. Горького на Украине) без сомнения расценивался как знак автора книги Виталию о писательском пути брата. Однако адресат ничего не знал о существовании всех этих публикаций. Виталий рассказывал, что он принципиально не читал никакой большевистской прессы. Поэтому попытки контактов такого рода были обречены на провал.

Я хорошо помню тот вечер, когда в октябре 1973 г., после обнаружения двух вышеназванных публикаций А. С. Макаренко, встретился с В. Е. Гмурманом и его сотрудниками в Институте теории и истории педагогики АПН СССР. Гмурман был озадачен фактом существования статей Макаренко на французском языке, о чем открыто сказал мне, подчеркнув, что Галина Стахиевна передавала сотрудникам московской Лаборатории А. С. Макаренко для работы по изданию семитомника его "Сочинений", кроме русско- и украинскоязычных, лишь публикации педагога-писателя на английском языке. Спустя 15 лет, работая в макаренковском фонде ЦГАЛИ СССР, я обнаружил, что в сохранившихся там списках публикаций А. С. Макаренко эти статьи также не значились.



Когда в 1993 году мы с С. С. Невской получили, наконец, возможность познакомиться с той частью наследия А. С. Макаренко, которую его вдова не предоставила коллективу со-

ставителей семитомника, то обнаружили и отзывы французской прессы о первой части "Педагогической поэмы". Французский вариант книги под названием «Le chemin de La vie» вышел из печати в начале марта 1939 г. в Париже. Данный материал был выслан автору 26 марта, за неделю до его смерти[9]. По всей вероятности, эти отзывы не попали в его руки, потому что он в то время находился не в Москве. Скорее всего, он вообще не знал о выходе в свет долгожданного французского перевода своей книги. В архивных источниках по этому поводу пока ничего не обнаружено.

В связи с вышеизложенным можно сделать следующий вывод: публикация материалов на французском языке, по всей вероятности, была единственной для А. С. Макаренко легальной возможностью передать брату какую-то информацию о своих успехах на "литературном фронте".

Г. С. Салько-Макаренко хорошо понимала политическую обстановку в стране. Она знала, что любая связь с братом-эмигрантом является для самого А. С. Макаренко и его семьи порочащей и очень опасной. Как сообщила Т. Л. Лебедева (внучка Галины Стахиевны), Антона Семеновича из-за переписки с Виталием не раз вызывали в ГПУ Харькова на "доверительные" беседы о прекращении связи в братом. В письме к марбургской лаборатории от 25 октября 1971 г. об этом же рассказывает и Виталий: "[...] как писал мне сам Антон, его несколько раз вызывали в ГПУ вместе с моими письмами".

Однако Антон не дал сбить себя с толку. Как видно из переписки с женой, он получал письма от брата и отвечал на них, по крайней мере, до осени 1929 года. 4 ноября того же года - в то время Галина Стахиевна находилась на лечении в санатории - Антон сообщал ей: "Получил письмо от Вити. Он просит передать привет "твоей Гале", пишет, что на днях пришлет для Вас письмо, а пока просит от его имени подарить Вам букет гвоздик, он мне когда-то выплатит их стоимость"[10].

Можно предположить, что после получения упомянутого здесь письма Галина Стахиевна настоятельно потребовала от мужа немедленного прекращения переписки с братом. Т. Л. Лебедева подчеркнула, что решающее слово в этом вопросе было за Г. С. Салько: "Бабушка мне рассказала о брате А. С., что он его очень любил и долго с ним переписывался. А. С. очень переживал, когда она умолила его прекратить переписку. Сейчас можно сказать,

что этим она в то время спасла А. С. от ареста. ...то, что этот вопрос беспокоил и в конце 50-х годов, совершенно верно. Ведь тогда тоже было криминалом иметь родственника за границей, да еще "белогвардейца"[11].

В конце 1929, начале 1930 годах вопров о своих контактах с "нежелательным" заграничным родственником А. С. Макаренко решил для себя окончательно. По сведениям бывшего коммунара В. И. Коломийцева, Антон Семенович читал воспитанникам коммуны им. Ф. Э. Дзержинского вслух письмо, полученное от брата, и ответ на него. Речь шла о решении прервать переписку, так как А. С. Макаренко был якобы оскорблен обвинением брата в том, что он "продался окончательно за копейки большевикам". Таким образом, А. С. Макаренко получил вескую причину для разрыва переписки. По рассказам Коломийцева данный случай можно отнести приблизительно к 1929 -1930 годам. Как видно из переписки В. С. Макаренко с марбургской лабораторией, он категорически отрицал возможность существования такого выпада со своей стороны.

Сохранился литературный проект А. С. Макаренко, в котором имеется запись, свидетельствующая, что переписка братьев прервалась по инициативе Антона. Речь идет о неопубликованной рукописи под названием "Педагогическая поэма". Общий план". (первая половина 1930 г.), в которой сказано: "Личное индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибшему миру и бунт гордой личности, не желающей быть подхваченной никакими вихрями. Последние отзвуки потерь, в том числе потери брата-белогвардейца"[12].

Летом 1930 г. в одном из писем Макаренко к жене, которое цитирует Е. З. Балабанович в своей книге "А. С. Макаренко", говорится о том, что он не будет продолжать работу над этим вариантом "Поэмы"[13]. Как и все другие письма Макаренко к Г.С.Салько названного года, оно не сохранилось. Данные письма были уничтожены адресатом, потому что, по всей вероятности, они содержали компрометирующие ее семью сведения. Впрочем, письма Виталия также не сохранились в наследии А. С. Макаренко. Видимо, он сам уничтожил послания брата-эмигранта.

Как известно, в сентябре 1931 года Антон запланировал на следующий год путешествие вокруг Европы вместе с воспитанниками и намеревался промаршировать "с красным знаменем по

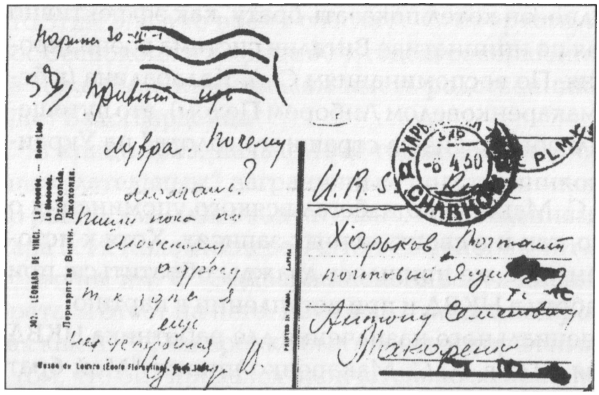
Парижу"[14]. Очевидно, он хотел показать брату, как эффективно работает введенная по инициативе Виталия система военизированного воспитания. По воспоминаниям С. А. Калабалина (в беседе с моравским макаренковедом Либором Пехом), это путешествие не было реализовано "из-за страшного голода" на Украине.

В 30-х годах А. С. Макаренко избегал всякого упоминания о брате, как открыто, так и в своих личных записях. Хотя к истории своей семьи ему все же пришлось дважды обратиться: при поступлении на работу в НКВД и при вступлении в партию.

Так, в анкете специального назначения для работника НКВД УССР от 17 ноября 1935 г. А. С. Макаренко пишет: "Мой брат Виталий Семенович Макаренко, род. 1895 г., с августа 1919 года был в армии Деникина - подпоручиком, сейчас в эмиграции. [...] местожительство мне неизвестно, связи не имею"[15]. И в анкете кандидата в члены ВКП(б) от 15 февраля 1939 г. говорится: "Брат Виталий (род. 1895) прапорщик военного времени, был в армии Деникина, до 1928 года был в эмиграции в Париже, с 1928 г. сведений о нем не имею"[16].

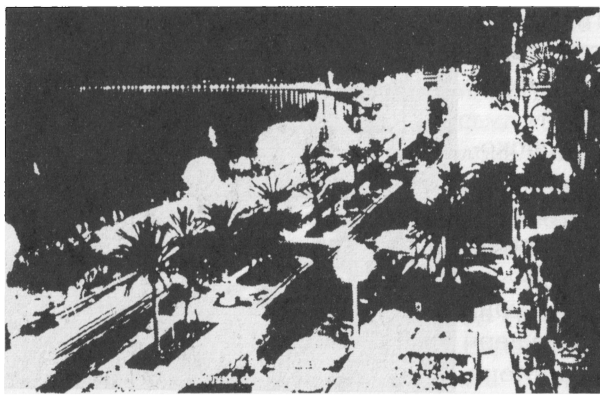
В действительности Виталий не был ни прапорщиком, ни подпоручиком. В Добровольческой армии он имел звание поручика. И последнее известие от него Антон получил не в 1928, а в 1934 году, т. е. шестью годами позже того, о чем он писал во второй анкете.

Виталий очень беспокоился о судьбе брата и интересовался ею. Свидетельство тому - две открытки, полученные Антоном из Франции, на которые он, однако, не ответил. На первой (где изображена "Мона



Лиза" Леонардо да Винчи) Виталий пишет из Парижа 30 марта 1930 г.: "Привет из Лувра. Почему молчишь? Пиши пока по лионскому адресу, т. к. здесь я еще не устроился. Целую. В ." Эта открытка, адресованная "U.R.S.S - Russie. Харьков. Почтамт, почтовый ящик 309 [коммуна им. Ф. Э. Дзержинского - Г. Х.]. Антону Семеновичу Макаренко" со штемпелем "Харьков, 6. 4. 30", сохранилась совершенно случайно, так как Олимпиада Витальевна оставила ее для своей коллекции открыток.

Вторая открытка - запрос в коммуну - находится в наследии А. С. Макаренко в РГАЛИ (бывший ЦГАЛИ СССР). Она написана 11 июня 1934 г. по адресу: "Харьков. Колония им. Дзержинского. U.R.S.S.". Ее текст гласит: "Товарищи! Сообщите что-нибудь о судьбе Антона Семеновича Макаренко. Адрес: Nice, 4, Rue Miron. M. Bland. France". Эту открытку с необычным видом Ниццы в ночной иллюминации написал сам Виталий, хотя она не подписана его именем. Видимо поэтому данный документ и сохранился в наследии педагога-писателя, как послание от неизвестного лица[17]. Тот факт, что открытка находится именно в его личном архиве, свидетельствует о том, что Антон сам получил ее



и знал имя отправителя.

На данный запрос А. С. Макаренко также не ответил. Вообще в этой сложной семейной ситуации он вел себя очень осторожно, поскольку к тому времени уже работал в коммуне ГПУ-НКВД. Страх и тревога были настолько велики, что он не отваживался даже передать информацию для брата ни гостям коммуны из Франции (напр., политическим деятелям Э. Эррио и П. Котт - 1933 г.), ни близким ему лицам, отправляющимся в Париж (в т. ч. наркому просвещения УССР В. П. Затонскому - 1935 г., писателю В. Г. Финку - 1937 г.).

Во время посещения коммуны бывшим премьер-министром Франции Эррио 28 августа 1933 г. Макаренко удалось заинтересовать гостя созданной им системой воспитания. Бывшие коммунары рассказывали, что Эррио даже приглашал Макаренко во Францию. На следующий день газета "Известия" опубликовала подробный отчет своего специального корреспондента об этом событии: "Французские общественные деятели подробно ознакомились с административной структурой коммуны, с производством, бытом коммунаров - бывших беспризорных и малолетних правонарушителей. Гости были поражены чистотой и порядком, отличающими коммуну, обилием цветов и свежего воздуха. Эррио подробно беседовал с помощником начальника коммуны по учебной части т. Макаренко и интересовался, каким образом руководству коммуны удается воспитывать одновременно в одних стенах и беспризорных, и подростков, имеющих профессионально-уголовные навыки. Тов. Макаренко подробно разъяснил французским гостям, что советская педагогика не признает врожденной преступности и что основными методами воздействия на ребят являются дисциплина коллектива и коллективный труд"[18].

Об этой беседе, как известно, Макаренко впоследствии неоднократно упоминал во время своих выступлений 1938-39 гг. Она

нашла отражение и в книге Эррио о поездке на Восток "Orient": "Несовершеннолетние преступники вместе с беспризорниками: разве это сочетание не опасно? "Нет, - отвечает мне начальник учебной части. - Наша дисциплина не позволяет никакого уклона; мы опасаемся изоляции детей с преступными наклонностями; мы подходим к воспитаннику так, как будто бы он ранее и не был осужден; мы хотим, чтобы он забыл свое прошлое, как это делаем и мы; мы проектируем интересы воспитанника в его будущее. Когда мы сталкиваемся с патологическим случаем, то направляем такого человека в другое учреждение..."[19]

Критическое отношение общественности за границей к этой поездке, предпринятой во время голода на Украине, когда Эррио были показаны "потемкинские деревны", неоднократно высказывалось в печати. Видимо, оно послужило причиной того, что В. С. Макаренко не обратил внимания на данную книгу.

Таким образом, попытки братьев Макаренко в 30-х годах с помощью печати и почты восстановить контакт друг с другом остались безрезультатными.

Как говорится в одной из старинных народный немецких песен: "... их разлучила река".

P.S. Работая над окончательным вариантом данного материала, в бывшем партийном архиве Харьковской области я обнаружил документ, который проливает свет на причины разрыва переписки А. С. Макаренко с братом. Речь идет о протоколе № 1 заседания (от 22 апреля 1930 г.) апелляционной парттройки Харьковской окружной контрольной комиссии по разбору апелляций ячейки "Работпрос". Впрочем, данное заседание состоялось через три дня после окончания первого крупного процесса против украинской небольшевистской интеллигенции - дело "СВУ", на котором в Харькове 13 человек были приговорены к смертной казни.

Первым пунктом повестки для заседания аппеляционной парттройки, в котором участвовали 150 человек (партийных и беспартийных), было рассмотрено дело Салько Галины Степановны (!), члена партии с декабря 1917 года. Из протокола заседания видно, что она "3 года не работает по болезни (туберкулез)". "Партвзысканий и партнагрузок не имеет из-за болезни". По словам двух свидетелей из наробраза, Г. С. Салько до болезни была активным членом партии, "чутким и хорошим товарищем, интересуется партийной жизнью". На основании этих свидетельств

апелляционная тройка постановила: "Считать проверенной"[20].

Вспомним: 4 ноября 1929 г. Антон в письме к Галине Стахиевне сообщает, что Виталий поздравляет "мою Галю", а также о том, что брат "на днях" сам ей напишет. Когда Г. С. Салько в середине декабря вернулась из санатория в Харьков, чистка парторганизации Работпроса Октябрьского района шла полным ходом еще с 9 ноября[21]. В конце 1929 или в начале 1930 гг. чистка определенно захватила и Г. С. Салько. Как политически сознательный человек она понимала опасность всей ситуации переписки беспартийного мужа с братом-эмигрантом. Решение Антона о прекращении переписки, а также вышеупомянутая "инсценировка" во время собрания коммунаров были воплощены в жизнь. Уже 30 марта 1930 г. Виталий в открытке спрашивал брата, почему он не отвечает на его письма.

Через три недели апелляционная тройка решила вопрос о партийной судьбе Галины Стахиевны, подтвердив ее членство, что не помешало во время очередной чистки в 1933 году исключить ее из родной партии.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что решающим фактором прекращения переписки А. С. Макаренко с братом было требование его жены, которая боялась потерять партийный билет. Именно настойчивость Г. С. Салько, а не предупреждения органов ГПУ, стала причиной прерывания его контактов с братом.

Так партийность и страх победили родственные связи.

(1997 г.)

Канувшая в лету полемика двух ярых макаренковедов

КТО КОГО ОБОКРАЛ?

Первым позвонил приятель из Крылатского:

- Старик, да ты у нас "шалунишка"! Чужие тексты крадешь целыми страницами. Нехорошо, брат. Советский профессор и обижаешь какого-то Хиллига...

- То есть?

- А ты что, не читал? Этот Хиллиг обвиняет тебя в плагиате. Посмотри шестой номер "Советской педагогики" на странице 99. Неужели правда?

В течение недели я получил звонков двадцать: из Москвы, Ленинграда, Киева, Челябинска, Петропавловска, Умани, Львова, Калининграда. Моя юная ученица, преподаватель кафедры философии Первого медицинского института Таня Кораблева даже расплакалась в трубку:

- Валентин Васильевич, ведь это же ложь. Такого не может быть. Если сами не обратитесь в суд, это сделаем мы: я и Сережа (Танин муж).

Так что же все-таки случилось? Года два-два с половиной назад я принес в редакцию "Советской педагогики" скромно, мизерным тиражом изданную в ФРГ (на русском языке) удивительную книгу. Ее написал родной брат великого нашего педагога Антона Семеновича Макаренко Виталий Семенович, доживавший во Франции свои последние эмигрантские годы. Правда, написал не совсем "добровольно". Его побудили к этой необычной работе сотрудники "Макаренко-реферата" из Марбурга З. Вайц и Г. Хиллиг. За это им, конечно, великое спасибо: еще немного, и мы никогда бы не узнали о некоторых бытовых деталях из детских лет и юношества Антона Семеновича. В редакции долго колебались, но все же решили начать печатать - дух перемен в Европе сказался и тут.

И все бы хорошо, если бы не вводный комментарий Г. Хилига. В нем он обвинил некоторых советских макаренковедов, в том

числе и меня, не больше - не меньше, как в плагиате. Обо мне, в частности, сказано, что в своей книге "Антон Семенович Макаренко. Жизнь и педагогическая деятельность", изданной в Москве на английском, французском и испанском языках (1976 г.), а немного позже (1979 г.) и на бенгальском, я неоднократно включал в свой текст "целые страницы" из воспоминаний Виталия Семеновича.

Держу перед глазами упомянутую Хиллигом книгу на английском языке. Снова и снова всматриваюсь в текст написанного мною предисловия. Сопоставляю каждое слово с текстом мемуаров Виталия Семеновича. И все напрасно. Не только "целых страниц", но строчки единой, списанной у Виталия Семеновича, не могу обнаружить. Лишь на страницах 14 и 19 есть краткое упоминание о двух фактах, которые отмечает и автор мемуаров. Первый - это неудачный эксперимент молодого учителя. Антон Семенович решил посмотреть, что получится, если всех учеников класса проранжировать по признаку успеваемости. Составил список: от самого сильного до самого слабого. Но самым слабым оказался мальчик, который отставал из-за тяжелой болезни и вот-вот должен был умереть. И этому-то ребенку девятнадцатилетний педагог нанес тяжелейшую душевную травму. Вдова Антона Семеновича, от которой я впервые услышал эту историю еще в 60-х годах, рассказывала, что "Тосик" до конца жизни не мог простить себе этой ошибки.

Дальше я пишу о том, что, возможно, этот случай и натолкнул Макаренко на мысль о полной бесплодности "воспитывающего обучения", заставил задуматься о различии между обучением и воспитанием (этого в воспоминаниях Виталия Семеновича, разумеется, нет).

Второй факт касается непродолжительной службы Антона Семеновича в армии. Очутившись в 1916 году в солдатской казарме в Киеве, великовозрастный призывник не смог приноровиться к скотским условиям жизни и впал в тяжелейшую депрессию. Друзья буквально спасли его. Они поговорили с кем надо, и Антон Семенович снова оказался на свободе, вернулся в Полтавский учительский институт доучиваться.

Конечно, я мог где-то отметить, что об этих фактах сообщает в своих мемуарах и родной брат Антона Семеновича, но, во-первых, в то время редакторы книги все равно сняли такое примеча-

ние, потому что Виталий Семенович имел, так сказать, "отягчающее" прошлое - был офицером деникинской армии. Во-вторых, оба эти (и много других) случая мне рассказывала еще в 60-х годах вдова Антона Семеновича, в доме которой я прожил по ее приглашению целый год, разбирая личный архив Макаренко (см. "Народное образование", 1990, № 5, с. 120-128).

Возвращаясь к обвинению Г. Хиллига, что я будто бы аж целыми страницами, да к тому же неоднократно, включал в свой текст фрагменты из воспоминаний Виталия Семеновича, должен - исключительно в угоду педантичности - признать: "заимствование" было. Это "заимствование" - число "37". Галина Стахиевна (вдова Антона Семеновича Макаренко) не знала точно, сколько учеников было в классе ее будущего мужа. А Виталий Семенович называет точное число -37.

Вот и вся история "плагиата". Она представляет собой сплошной вымысел Хиллига. Но поскольку у такого рода "вымыслов" есть юридическая трактовка, мне предстоит вернуться и к ней, скорее всего в Марбургском городском суде.

А теперь, раз уж дело зашло так далеко, я через газету ["Педагогический вестник"] хотел бы задать господину Хиллигу несколько вопросов. Прежде всего, интересно было бы знать, является ли господин Хиллиг душеприказчиком Виталия Семеновича? Если да, то почему об этом исключительно важном факте Хиллиг ни слова не сказал в своем комментарии? Если нет, то на каком основании господин Хиллиг распоряжается чужой собственностью? Скажите, читатель, вы можете себе представить, чтобы Ираклий Андронников - конечно, сравнение с господином Хиллигом чисто условное - мог, найдя неизвестное стихотворение М. Лермонтова, приделать к нему собственное посвящение? "Чушь, кощунство", - скажете вы и будете правы. А вот Хиллиг посчитал возможным учинить сие странное действо. Книгу, которую написал Виталий Семенович Макаренко, он посвящает своему коллеге из Чехословакии: "Эта книга посвящена одному из наших коллег в связи с его шестидесятилетием. Историко-биографическое макаренковедение благодарно юбиляру за важные импульсы. Он с самого начала создания Лаборатории А. Макаренко сопровождал его исследовательскую деятельность полезными советами и товарищеской критикой. От него мы узнали об эмигрировавшем во Францию младшим брате А. Макаренко. Впослед-

ствии удалось найти Виталия Семеновича, что привело к публикации предлагаемого читателю материала. Данная книга посвящена "нашему шефу, другую и учителю" Либору Пехе. I : X. (Гетц Хиллиг - В. К.). Марбург, сентябрь 1985 г.".

Боюсь, что это не мания величия и упоение предвкушаемой славой, а настоящее литературное мародерство. В этом мнении меня укрепляет одна "деталь". В Москве, на Большой Бронной, в доме № 8 и живет Олимпиада Витальевна Макаренко. Автору мемуаров она доводится родной дочерью. Хиллиг это знает. Он не раз навещал Олимпиаду Витальевну. В Москве живут и здравствуют внучка Виталия Семеновича - известная актриса Екатерина Васильева (дочь Олимпиады Витальевны от брака с поэтом Сергеем Васильевым - В. К.), а также и внук - Антон Сергеевич Васильев - талантливый кинорежиссер. В последние годы жизни Виталий Семенович жил одиноко. Никаких других наследников, кроме прямых родственников в Москве, у него не было. Значит... Значит, Олимпиада Витальевна и является настоящей правопреемницей собственности своего отца. А Хиллиг, присваивая чужое право, фактически обкрадывает и прямых наследников Виталия Семеновича.

Это, пожалуй, похуже, чем плагиат, если бы он даже был.

Кстати. Книгу своего отца мне дала Олимпиада Витальевна. С ее согласия я и решил познакомить с ней сотрудников редакции "Советской педагогики".

В. Кумарин,
профессор.

ЭТО НЕ КОРРЕКТНО, ПРОФЕССОР КУМАРИН!

Обвинения в мой адрес в статье "Кто кого обокрал?" (Педагогический вестник, № 27), о которой мне стало известно только сейчас (конец ноября 1991 г.), я должен решительно отклонить. Эти обвинения безосновательны.

Тем не менее я могу понять душевное состояние В. В. Кумарина после звонков его друзей и знакомых, как он сам об этом пишет. Но мне абсолютно непонятно, почему он не объяснил за-

ботливым людям реальное положение дел. Вместо того он решил, что должен защитить себя и своим орудием выбрал газету. При этом он все переворачивает с ног на голову, обвиняя меня в том, что я распоряжаюсь чужой собственностью.

Что же на самом деле произошло?

В шестом номере журнала "Советская педагогика" за 1991 год была опубликована первая часть воспоминаний брата А. С. Макаренко Виталия Семеновича (1895-1983); и таким образом высоко оцененные и Кумариным материалы стали известны широкому кругу читателей в СССР. Вместе с отредактированным мной текстом воспоминаний из первого издания на русском языке вышло в свет и мое предисловие к нему (Марбург, 1985). Там я между прочим сделал упор на то, что в советских публикациях не был принят во внимание немецкий вариант источника, увидевшего свет уже в 1973 году. Кроме того я написал (это сейчас можно прочитать и в "Советской педагогике"):

"Косвенно о существовании этих материалов говорится в статье В. В. Кумарина "Фальсификаторы. Как в Марбурге создают "новый образ" А. С. Макаренко" (Учительская газета, 27.9.1973). Кумарин, умалчивая, что автором этих воспоминаний является все-таки брат А. С. Макаренко, говорит, что это "информация, полученная от одного престарелого белоэмигранта, который не скупится на антисоветские измышления". Однако это не помешало Кумарину в своей книге "Антон Семенович Макаренко. Жизнь и педагогическая деятельность", изданной в Москве сначала на английском, испанском и французском (1976), а позднее (1979) и на бенгальском языке, неоднократно включать целыми страницами в своей авторский текст отрывки из воспоминаний В. С. Макаренко - без всяких указаний на источники".

О последнем вышеназванном упреке В. В. Кумарин информирует читателя правильно, хотя немного сжато (употребленным им в этой связи термином "плагиат" я сам лично не пользовался). Но о его публикации в "Учительской газете" он по понятным причинам не упоминает. Примечательно прежде всего то, что он только сейчас выступил в прессе по этому поводу. Русское издание мемуаров В. С. Макаренко я передал ему в январе 1986 года, т. е. непосредственно после его выхода в свет.

Я лично знаю В. В. Кумарина уже двадцать лет, с того времени, как мы с З. Вайтцом "разыскали" Виталия Семеновича в од-

ном из домов престарелых во Франции и убедили его написать воспоминания о проведенных им совместно со старшим братом детских и юношеских годах. В течение этого времени мы с Кумариным часто встречались в Москве и в Марбурге.

Несмотря на наши товарищеские отношения, мне тем не менее пришлось пережить отдельные неприятные неожиданности, как, например, публикации В. В. Кумарина в "Учительской газете" в 1989 (№ 58) и 1990 (№ 5) годах. С другой стороны я должен быть ему во многом обязан: он помогал мне в моей работе в московских архивах, организовал по моей просьбе встречи с важными лицами из окружения Макаренко (Н. Э. Фере, Г. В. Гасилов, Л. В. Конисевич) и поддержал меня в то время, когда другие советские коллеги клеветали в мой адрес; так он добился возможности для меня присутствовать на юбилейной конференции АПН СССР, посвященной Макаренко (Москва, март 1988 г.), вместо того, чтобы меня туда не допустить, к чему его обязывало служебное положение. Позже ему одному удалось с помощью соответствующего запроса в отдел науки ЦК КПСС открыть для меня страницы журнала "Советская педагогика", опубликовав мою статью о лаборатории "Макаренко-реферат" (№ 10 за 1988 г.), впервые поместил материал "из-под пера" западного автора-некоммуниста и этим сломал барьеры молчания и неправды, которые в АПН были созданы не только перед нами - "марбуржцами". И, наконец, в беседе, которую я организовал в Марбурге в ноябре 1988 года, он в первый раз дал важную информацию о личном архиве А. С. Макаренко и разговорах с вдовой педагога. Русский перевод этой беседы, проходившей на немецком языке и впервые опубликованной в Германии, позже вышел также и в СССР (ж. "Народное образование", 1990, № 5); в одном месте статьи "Кто кого обокрал?" есть даже ссылка на эту публикацию, но что конкретно подразумевает данный источник, остается неясным для читателя.

После подобных товарищеских, я бы даже сказал дружеских, отношений мне сейчас абсолютно непонятны обвинения, высказанные В. В. Кумариным в мой адрес.

Еще до выхода немецкого перевода воспоминаний В. С. Макаренко я предоставил ему (как и другим немецким и зарубежным макаренковедам) экземпляр рукописи данной версии; и через некоторое время после публикации я послал по его просьбе

также и ксерокопии русскоязычного подлинника (а именно первые главы). Это было сделано не только с целью проинформировать моего коллегу лично, но и для осуществления его идеи опубликования данных материалов в "Учительской газете". Замысел Кумарина не удался, как и попытка публикации в том же печатном органе дифференцированной оценки свидетельства Виталия Семеновича. Об этом он сообщил мне позже и даже предоставил в мое распоряжении экземпляр неопубликованной статьи под заголовком "Воспоминания "отступника". После кончины В. С. Макаренко я приводил цитаты из статьи в рамках моего реферата на Втором Марбургском совещании по актуальным тенденциям развития макаренковедения (май 1986 г.; см.: Он родился и вырос в России. Вместо некролога. Марбург, 1987, с. XVI-XVII),

Как пишет теперь сам Кумарин в связи с его предисловием к сборнику, вышедшему для зарубежной аудитории: в 70-х годах в СССР было невозможно представить в качестве источника сведения "белогвардейца". Почему же он не сказал своим заботливым друзьям (а также широкому кругу читателей): "Да, я использовал при написании моего предисловия воспоминания В. С. Макаренко, но в те годы я не мог заявлять о таких вещах открыто".

Вместо этого он пытается сейчас убедить читателей в том, что всю информацию о детстве и юношестве А. С. Макаренко, использованную им в книге, он получил еще в 60-х годах от вдовы педагога. По его словам, в принципе было лишь одно "заимствование" у В. С. Макаренко, а именно "число 37" в связи с тем, как говорится в воспоминаниях, "плохим педагогическим экспериментом", который Антон, будучи еще молодым учителем, провел в своем классе в 1907 году (Виталий тогда был его учеником): А. С. Макаренко придумал каждую четверть учебного года классифицировать школьников по степени успеваемости. Затем распределял эти данные по порядку - "1-й ученик, 2-й, 3-й... и так далее до 37-го, где он писал: 37-й и последний". Этот "последний" в то время был болезненный мальчик, который очень сильно переживал и через несколько дней неожиданно умер.

По словам В. В. Кумарина, он узнал о вышеупомянутом случае уже в 60-годах от Г. С. Макаренко, в доме которой он прожил "целый год", разбирая личный архив педагога. Несмотря на то, что эта совместная работа, проходившая собственно еще в 1959 году,

длилась всего лишь несколько недель (как видно из его писем к Г. С. Макаренко, которые находятся в ЦГАЛИ СССР), в моей подробной беседе с Кумариным в 1988 году об этом речь не шла. Он и раньше никогда не говорил о том, что факты, приведенные Виталием Семеновичем, ему уже были известны из рассказов Г. С. Макаренко. Напротив, еще в начале 80-х годов Кумарин сообщил мне, что один человек, живущий в Кривом Роге, а именно Л. Т. Степанченко, бывший коллега А. С. Макаренко из времени его деятельности в Долинской, подтвердил историю с неудачным педагогическим экспериментом. Макаренко рассказал ему об этом, чтобы предостеречь от подобного рода вещей: этот случай Антон Семенович не только не мог забыть, но даже считал себя виновным в смерти мальчика. В качестве подтверждения, Кумарин передал мне тогда ксерокопии некоторых писем Степанченко с откликами на воспоминания Виталия Семеновича.

Сейчас В. В. Кумарин ссылается не на Степанченко, память и уверенность которого он раньше в разговоре со мной ставил на один уровень с подобными качествами В. С. Макаренко, а на умершую уже в 1962 году Г. С. Макаренко. Таким образом, он очевидно желает сообщить, что в изданной им книге он использовал информацию, которая была ему известна еще до ознакомления со свидетельством В. С. Макаренко. Однако он противоречит собственному высказыванию в первой части своей статьи, где он говорит сотрудникам Макаренко-реферата "великое спасибо" за то, что они убедили Виталия Семеновича написать его воспоминания: "еще немного, и мы никогда бы не узнали о некоторых бытовых деталях из детских лет и юношества Антона Семеновича".

А речь в моем предисловии идет именно об использовании таких "бытовых деталей" без ссылки на источник!

Тот, кому удалось получить экземпляр одной из редких книг на иностранных языках, которые в свое время были выпущены под редакцией и с предисловием В. В. Кумарина для зарубежной аудитории, и кто возьмет на себя работу последнего: "сопоставить каждое слово с текстом мемуаров Виталия Семеновича", тот не придет, как Кумарин сам, к выводу, что "все было напрасно". Напротив, ему с первых страниц станет ясно, что соответствующие высказывания в предисловии В. В. Кумарина были бы невозможны без знакомства с воспоминаниями В. С. Макаренко.

Это касается, например, имен сестер А. С. Макаренко (см. издание на английском языке, с. 11; как известно, в советском макаренковедении до конца 80-х годов педагог считался единственным ребенком), подробностей, связанных с его детством (с. 11, 13), привилегированного положения железнодорожников в России того времени (с. 11), карьеры отца Макаренко: сначала он был простым рабочим (маляром), затем бригадиром и, наконец, мастером и начальником малярного цеха железнодорожных мастерских (с. 12), - культурной жизни города Кременчуга, включая имена артистов, которые давали гастроли (там же), кружка интеллигенции, образовавшегося в Крюкове вокруг А. С. Макаренко (с. 15) и упомянутой самим Кумариным тяжелой атмосферы военной службы Антона Семеновича и обстоятельств его "спасения" (с. 19). Высказываясь, что В. В. Кумарин включил в свой авторский текст "целыми страницами" отрывки из мемуаров В. С. Макаренко, я, наверное, немного преувеличил. Правильнее было бы сказать: включил многие факты и некоторые эпизоды.

К сожалению, я не имел возможности внести в мой текст эту правку при его переиздании. Публикация воспоминаний В. С. Макаренко в журнале "Советская педагогика" осуществлена, как Кумарин сам пишет, благодаря его собственной инициативе (за которую, конечно, я ему очень признателен). О факте опубликования полного текста мемуаров (включая мое предисловие) я узнал только тогда, когда номер журнала уже находился в производстве. И после выхода журнала я с удивлением обнаружил, что на стр. 100 в текст моего предисловия были включены высказывания другого автора (Л. Пеха), которые в марбургской редакции книги "Мой брат Антон Семенович" были четко обозначены как отрывки из последнего труда моего чешского коллеги (см. там же, с. X) и напечатаны отдельно от предисловия (с. VII-IX). Таким образом, читателю этих строчек становится ясно, что я не виноват в том, что мой авторский текст из книги 1985 года переиздали в "Советской педагогике" без изменений.

К вопросу об абсолютно несостоятельном выпаде о том, что я якобы "распоряжаюсь чужой собственностью": поставленный в этой связи Кумариным вопрос, не являюсь ли я "душеприказчиком" В. С. Макаренко или это просто моя "выдумка", я должен решительно отклонить. Владельцем права на распространения текста воспоминаний Виталия Семеновича на всех языках явля-

ется марбургская лаборатория "Макаренко-реферат". В "Советской педагогике" об этом, правда, специально не упоминается, но во всех предыдущих изданиях данный факт ясно отмечен, а именно: с помощью международных знаков "Copyright", например, в недавно вышедшей украинскоязычной версии (ж. "Радянська школа", где в начале каждой части стоят значок права на издания С и точные данные о его владельце: Makarenko-Referat, Ernst-Giller-Str.5, D-3550 Marburg (см. № 4 за 1991, с. 90; № 5, с. 86; № 7, с. 92, и т.д.). Все это не имеет ничего общего с "литературным мародерством", как пишет Кумарин, а, напротив, основано на соответствующем соглашении с В. С. Макаренко от 1971 года. Воспоминания он написал по заказу марбургской лаборатории. За это Германское научно-исследовательское общество по нашему ходатайству предоставляло ему в течение четырех лет небольшую финансовую поддержку. Об этом можно прочитать в моей уже упомянутой публикации о В. С. Макаренко 1987 года, экземпляр которой находится в распоряжении В. В. Кумарина.

Если Кумарин обратил внимание своих читателей на то, что единственные законные наследники В. С. Макаренко - его дочь, живущая в Москве, и ее дети, то он, к сожалению, не прав. Наследником тех личных вещей, которые Виталий Семенович оставил после себя, является французское государство. Почти двадцать лет он жил в государственном доме престарелых; поэтому тот, кто желает вступать во владение наследством, должен возместить все расходы в связи с пребыванием усопшего в данном учреждении. Об этом дирекция дома престарелых нам сообщила в ноябре 1985 года, и я сразу передал информацию московским родственникам В. С. Макаренко. Но их "заступник" В. В. Кумарин, кажется, не в курсе этого события...

Права на издание его воспоминаний Виталий Семенович не передал ни своим родственникам, ни какому-либо советскому издательству. А решение он принял также и по причине отсутствия тогда возможности опубликования такой книги в СССР - сам В. С. Макаренко и его дочь Олимпиада Витальевна до недавнего времени просто "не существовали" в советском макаренковедении, и об этом, конечно, тоже знает мой московский коллега.

Но если тов. Кумарин делает упор на выручку от продажи: от двух "самиздательских" книг лаборатории "Макаренко-реферат"

(1973, 1985), то она ни разу не покрывала затраты на производство, поэтому касса, как говорится, пуста. И в случае с переводом на итальянский язык (Рим, 1977) мы договорились, учитывая глубокую старость автора, заплатить ему гонорар авансом - вместо привычной на Западе формы оплаты по количеству проданных экземпляров. Гонорар мы послали в полном размере В. С. Макаренко во Францию.

Спустя пять лет после смерти Виталия Семеновича (в 1988 году) возникла проблема, потребовавшая эффективного решения: к этому времени его могила на кладбище города Йер должна была быть уничтожена. Тогда один из моих друзей, к счастью, выступил с определенной инициативой. Речь идет о докторе Хосэ Гарсия, который лично знал усопшего. И мы, марбургские макаренковеды, добыли совместно с Х. Гарсия необходимую сумму - 4600 франц. франков (около 1000 долларов), для перезахоронения останков В. С. Макаренко, арендования новой могилы на 15 лет и покупки надгробного камня. Его московских родственников, на которых сейчас делает ставку В. В. Кумарин, мы не стали тогда беспокоить. Но слова благодарности доктору Гарсия за все его старания все-таки были бы уместны.

Если причина молчания, действительно, заключалась только в том, что "наследники" не имели под рукой адрес моего испанского друга, то я хотел бы оказать такую же услугу - через "Педагогический вестник", - так же как и мой русский коллега напомнил мне адрес наших совместных московских знакомых. Доктор Гарсия живет в ФРГ, в городе Линген, на улице Фриденсвег, в доме № 26.

Гётц Хиллиг
Марбург (ФРГ).

“... моя единственная и последняя мечта”

Письма В. С. Макаренко дочери — Олимпиаде

(1962-1975 гг.)

№ 1

Hyères, le 4 mai 1962

Дорогая Лиля!

Только что получил письмо из Женевы, в котором мне сообщают твой адрес (сообщает какой-то неизвестный - письмо из Москвы - без подписи).

Не смею верить. 42 года! Все время думал о тебе и старался найти твой след. Все было бесполезно и ответом всегда было молчание.

Спешу сообщить мой адрес. (Быть может, ты получила его уже из Женевы?)

Makarenko
Maison de repos "Beau Sejour"
Hyères (Var) France
Франция

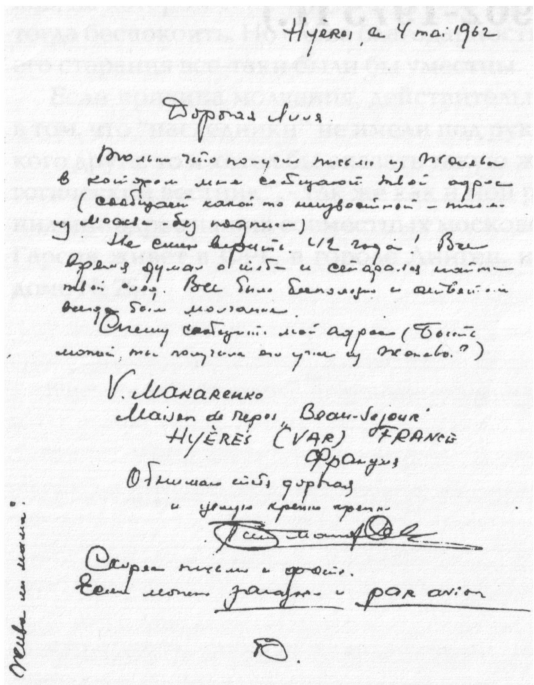
Обнимаю тебя, дорогая, и целую крепко-крепко.

Вит. Макаренко

Скорее письмо и фото. Если можно заказное и par avion.

В.

Жива ли мама?


Hyères, le 4 mai 1962

Дорогая Лиля.

Только что получил письмо из Женевы в котором мне сообщают твой адрес (сообщает какой-то неизвестный - письмо из Москвы - без подписи)

Не смею верить. 42 года! Все время думал о тебе и старался найти твой след. Все было бесполезно и ответом всегда было молчание.

Спешу сообщить мой адрес (Быть может, ты получила его уже из Женевы?)

V. Макаренко
Maison de repos, Beau-Sejour
HYÈRES (VAR) FRANCE
Франция

Обнимаю тебя, дорогая
и целую крепко крепко

Скорее письмо и фото.
Если можно заказное и par avion

В.

Жива ли мама?

№ 2 [открытка]

[06(?).05.62]

Дорогая, далекая, горячо Любимая!

Всего несколько слов - но все же с тобой. Я не впадаю легко в истерику, но сейчас не знаю, куда себя деть. Время ползет, как улитка. Сегодня должен был уехать в Париж, где у меня небольшая квартира, но

плохо с сердцем - решил подождать твоего письма.

Можно ли передать привет Галине Ст.? Быть может, она сердита? Пиши скорее. Жива ли тетя Саша и твои кузины Тася и Леля (прочих не помню)?

Дядя Сережа умер скоропостижно в 1938 г.

Будь здорова, родная.

Целую. Обнимаю.

В. Макаренко

№ 3

9 мая 1962

Дорогая!

Все жду от тебя хоть два слова. Мне трудно писать тебе. Ведь ты для меня что-то абстрактное, идея, призрак, девочка с грустным лицом и ужасными ботинками. Не думай, что это замечание - ведь это было приблизительно в 1927 г. Наверное и такие ботинки было достать трудно.

Сегодня посылаю тебе мои фотографии, снятые в день моего 67-летия. Посылаю также фото моей собачки, она у меня уже 7 лет - фокстерьер, говорит по-русски и по-французски. Зовут его "Дружок". Характером - копия своего хозяина. Нервный, очень ласковый. Не замечает маленьких собачек, но лезет в драку с очень большими.

Как правило - результаты печальные (впрочем, одному волкодаву откусил хвост).

Я пишу тебе чепуху. Но о чем я могу писать сейчас? Жду океан новостей от тебя. Жду также твои фотографии (и Гал. Стах. - если можно).

Не знаю, что она обо мне думает, наверное - ничего.

Знаю (случайно), что мама вышла замуж. Почему-то кажется, что у нее куча детей и внуков.

Об этом позже.

Где Елиз. Фед. Григорович?

О самом любимом человеке - дядя Тосе - знаю приблизительно все.

Как глупо и бессмысленно, что я не был с ним! Как часто он

писал мне: "Ты мне нужен бесконечно". "Как жаль, что ты не со мной; мещане, тихони и исусики мне надоели до чертиков, и я только и делаю, что воюю с ними".

Но об этом после.

Замужем ли ты? Есть ли дети?

Скорее пиши.

Много!

Целую крепко-крепко.

Виталий Макаренко

P.S. Не так давно купил книгу Вигдоровой "Дорога в жизнь". Давно уже (лет 12) имею книгу Балабановича "А. С. Макаренко". Фотографии Антона просто кошмарны. И почему он выдумал "горшки, расставленные на полках" в нашем доме?

№ 4

Hyères le 18 mai 1962

Родная, любимая, моя радость!

Пишу тебе еще под впечатлением нашего телефонного разговора. Вчера получил твою телеграмму - ласковую и волнующую. Ведь ты могла бы написать что-нибудь вроде "Дорогой отец... сообщаю..." и т. д. А у тебя - "люблю, обнимаю, родной..."

Не спал всю ночь, читал, принял 3 дозы снотворного, но так и не уснул. Поэтому прости за почерк - пишу как полупьяный. Все стараюсь тебя представить живой, реальной.

Если бы ты знала, как хочется тебя видеть, обнять, до боли целовать твои руки, забыть все муки и всю тоску прошлого... Но, я думаю, что надеяться на это - слишком поздно. Напрасно ты упрекаешь меня в том, что я "нашел" тебя так поздно. Когда-нибудь подробнее напишу обо всем. 3 года назад мне сообщили, что ты жива, разошлась с мужем, что у тебя 2 детей и что твоя фамилия - Васильева. Но не успели узнать твой адрес. За недостатком времени. Да, еще сообщили, что ты очень красивая блондинка. Голос у тебя - "божественный".

Но - все равно! Люблю тебя до ужаса, до безумия. Так же, как любил покойную маму - мою Галочку. Это была большая любовь - умирала она долго и мучительно.

Сегодня ты сказала, что она умерла в 1953 году. Ей было под 60. Но ведь в моем представлении - это молодая, полная жизни женщина, и в то, что ее нет, как-то просто не верится. Напиши подробней о ней. Вообще, тебе есть о чем писать! И о ком.

Я не был очень удивлен тем, что ты сообщила о Г. С. Бедный Антон! В людях он часто ошибался.

Но кто знает? Быть может, был он счастлив. (Если у тебя есть снимки его в гробу - пришли обязательно. Фото его могилы у меня есть).

Сохранился ли наш дом в Крюкове? Как будто там устроен музей. Если есть фото - пришли. Сохранилась ли могила моего отца (тоже в Крюкове). Где и когда скончалась твоя бабушка Татьяна Михайловна. Есть ли у тебя снимок Жоржика - если есть, пришли, я сделаю копию и вышлю тебе обратно. Жив ли твой дядя Степан Петрович? Что ты делаешь вообще в жизни? Не скрывай - пиши подробней. Пришли фото твоего дома и квартиры. Что делает Б. Горонович? При встрече возьми его за нос и тяни покуда не заплачет - в течении 6 лет это было нашим любимым занятием. Потом поцелуй. Он славный и добрый. Я часто вспоминал о нем. Буду рад получить от него несколько слов. Буду рад, если у тебя сохранились старые фотографии Крюкова, Кременчуга. Боюсь, что скоро ты пожалеешь о том, что твой отец отыскался...

Впрочем, какой я отец? Такой у меня темперамент? Да и жизнь сложилась нелепо. Новой семьи я не создал, женился на француженке в 1937 году - очень красивая и моложе меня, но в 1957 г. разошлись. Сейчас я пишу ей изредка, но уже время ушло. Жил я безбедно - был дом в Париже, вилла возле Ниццы, автомобили. Мог бы тебе помогать. Теперь все ликвидировано - деньги, правда, остались довольно большие, но вот 3 года, как я болею, и почти все ушло на докторов и лечение. Что дальше будет - не знаю. Бывало и хуже!

На всякий случай (если есть) пришли фото Г. С. Но прежде всего жду - не дождусь ТВОИХ фотографий - много. И - моих внуков. (Вот до чего дожил!) И - твоего мужа (ех).

Мои письма все за номером. Будешь знать, если пропали. Выслал тебе 3 фото + 1 фото "Дружка". Сегодня посылаю еще несколько старых. Я уже писал тебе, что по делам должен уехать в Париж - откладываю, жду твоих писем.

Здесь - скучаю. Без родины жить - лучше не жить. В Париже

после войны я имел возможность почти вдыхать "дым отечества": Советское кино, "Кинопанорама", Московский Б. театр, Цирк, Балет, Выставки, Оркестр Ленинградской филармонии и т. д. ... Пластинки, книги, журналы, хор и танцоры Кр. Арм. И пр. и пр. (4 больших книжн. магазина).

Здесь, кроме солнца, пальм и апельсинов - почти ничего нет. Надоело!

Детка моя родная, должен оставить тебя. До завтра. Устал и надо совершить обычную прогулку с "Дружком".

Он сидит у моего стола на стуле и не спускает с меня глаз.

Дорогая, любимая, будь здорова.

Обнимаю, целую, целую без конца.

Виталий Макаренко

Забыл! Фото мамы, одно из последних, + 2 фото.

Довольна ли ты своим именем? Красиво... но уж больно громоздко. Целую!!!

В.

№ 5

5 ч. утра 19-5-62

Лилечка, детка моя, любимая, ласковая, родная. Моя радость и моя безмерная печаль.

Не могу уснуть. Светает, в саду - птичья утренняя симфония, вдоль морского берега бледнеют огни, шумят первые автобусы.

Вчера послал тебе ужасно бестолковое письмо. Впрочем, мои письма, наверное, еще долго будут такими же - я чувствую себя как нищий, который вдруг выиграл 100 или там 200 миллионов.

Если бы ты могла знать, как хочется быть сейчас в Москве, взять тебя за руку и, не говоря ни слова, бродить по городу, пойти в Кремль, на Новодевичье кладбище...

Вдруг вспомнил, что вчера по телефону на прощание сказал тебе: "До свиданья". И вспомнилось Есенинское:

"До свиданья, друг мой, до свиданья..."

..."Ждать всю жизнь и не дождаться встречи..."

Да, вот с мамой мы встречи не дождались. А, может быть, она и не ждала ее? Ты напишешь мне обо всем, родная. (Как долго идут ваши письма!)

Ты, наверное, была немного удивлена также моим вопросом о твоем "богатстве". Любовь моя, это только потому, что телефонные разговоры с Москвой здесь могут позволить себе только капиталисты - 10.000 фр. за 3 минуты. Не знаю, сколько это получается на рубли, но, наверное, все-таки я ввел тебя в расходы. Правда, радость для меня была такая большая, что ни в какие материальные оценки она не войдет. Не теряю надежды при первой возможности возместить твои расходы.

Пиши мне откровенно все - не скрывай ничего. Прошу как можно больше фотографий. Если есть очень ценные для тебя - я тебе их возвращу. Все фото, которые получишь от меня - в твоем полном распоряжении - можешь уничтожить или передать в Архив нашего "славного рода".

Раз навсегда - никакой я не "белый". В белую армию "попал", ты, наверное, знаешь почему. Никакой шпионской, контрреволюционной и пр. деятельностью не занимался. О своих "преступлениях" в Крюкове могу дать полные и совершенно точные сведения. Душой и сердцем был всегда на Родине. Об этом мог бы исписать целые волюмы [тома — Г.Х.]. Не верю ни в Бога, ни в черта. С попами на ножах. (А вдруг, ты "верующая"?)

Скорее, скорее письмо - большое, огромное, подробности о жизни "без меня" и о смерти мамы. Где погребена? Адрес Бориса. Скажи ему, что из нашего выпуска в Париже встречал Удовицкого - кроме того Гамалей (братья). Из Крюкова - Сергей Бриллиантов (твой дядя) умер от "злоупотребления" спиртными напитками (в 1937). Арсений Чернов - немного позже - просто от "хорошей жизни". Очень давно встретил Льва Афанасьева. Много интересных фотографий, а также все письма Антона - к сожалению, погибли во время войны.

Ради этого самого "бога" нумеруй твои письма. До послезавтра.

Целую без конца. И глаза твои, и руки, и кончики твоих туфелек.

И всю Москву (начиная с "Царь-пушки").

Родная, единственная, любимая.

Вит. Макаренко

№ 6

20-5-62

Моя радость.

Не знаю, как буду жить без тебя? Хожу злой и ни с кем не разговариваю - кроме Дружка. Он немного удивлен, лижет мне уши и не спускает с меня глаз.

Посылаю снимок "Beau Séjour", а мое окно - крайнее слева в верхнем этаже (за ветками мимозы). Тишина, солнце, небо почти цвета кобальта и сколько роз сейчас...

Обнимаю, люблю до ужаса, до безумия.

В. М.

№ 7

21-5-62

Даже перед первым боем в мае 1916 г. мне не было так грустно, так тяжело, так обидно, как сейчас, в эту минуту.

Только что получил твое письмо и фотографии "... и за нашу с тобой встречу, о которой даже страшно мечтать".

Мечтать - только мечтать.

Я вижу, что ты еще не поняла ни моей тоски, ни безумного желания тебя видеть сейчас, немедленно, ни моей ОГРОМНОЙ, наверное, нечеловеческой любви к тебе, любви, свалившейся на меня ужасной тяжестью.

Не знаю, как долго я смогу вынести ее. Если мы не встретимся с тобой, это будет самая ужасная несправедливость с тех пор, как существует мир.

И для чего ты лепечешь о том, что в "жизни" ты значительно лучше?

Значит, для меня еще хуже! Пойми, наконец, что это не играет НИКАКОЙ роли.

Боже мой! Я сам не свой.

Прости, я вообще пишу тебе письма короткие, но сейчас в душе такой хаос...

Сейчас возьму Дружка и уеду на море. Пишу тебе каждый день.

Если ты знаешь Тасю и Лелю, то должна знать и тетю Сашу - сестру дяди Тоси (ведь это их мать), по мужу Загнойко.

Ты - красавица

очень похожа на маму.

Это очень плохо (для меня).

Не знаю, как я выйду из этой "истории".

Катюше и Антону поклонись и поцелуй - но предупреди их, что как дедушка я очень неудачный экземпляр.

Если дядя Тося или Б. Горонович говорили (наверное) обо мне, то представь себе, что я таким и остался до сих пор.

Фотографии тебе послал и посылаю в каждом письме. Жду от тебя много писем и фото.

Родная, любимая, вся жизнь моя. Как бледны человеческие слова.

Люблю, тоскую.

Только ты одна - вот весь мой мир.

Целую, целую, целую

В. М.

№ 8

Hyères 22-5-62

Моя родная, любимая до боли, до отчаяния.

Сегодня получил твою открытку. Первая визитка тревоги, сомнения.

Что касается моей поездки в Париж, то могу сказать, что она не может быть продолжительной, потому что здоровье, после твоего "открытия" - резко ухудшилось, ведь вот уже больше 15 дней, как я почти не сплю и не ем ничего, кроме фруктов. Должен сказать, что этот наш дом отдыха, в действительности, хорошо оборудованная клиника, одна из немногих во Франции с великолепным медперсоналом, кабинетами. Попасть сюда исключительно трудно. Уйти отсюда, напротив, очень легко, но я не думаю, что я снова мог бы работать так, как работал в течение 20 лет. Кроме того, чтобы снова "стать на рельсы", нужны большие денежки, которых у меня нет. Правда, в Париже мне предлагают кредит 10.000.000 фр., ведь это на себя на 2-3 года.

Одному мне это было бы не под силу, а с женой, несмотря на ее предложения начать снова совместную жизнь, я сходиться не хочу. Здесь все кончено и поставлена большая точка.

Сейчас у меня снова упало давление, и главный доктор, когда я ему говорю о поездке в Париж, хмурится и говорит, что это будет не очень разумно.

Как видишь, детка, родная моя, отвечать тебе на твой вопрос о возможности нашей встречи, очень трудно.

Меня, наверное, в Союз не пустят, в лучшем случае пустили бы как туриста на 2-3 недели, но даже такая поездка стоит около 200 000 фр. Сумма сейчас для меня слишком высокая. Скорее тебя позволили ли бы пригласить во Францию, но ведь это и в твоем бюджете прорвет огромную дыру. И потом, как мы оторвемся друг от друга? Я лично такой возможности не представляю. Какова бы ты ни была для меня - это будет невозможно.

Что касается Г.С., то теперь я почти уверен, что она во многом виновата. Ты никогда не узнаешь, как давно я тебя ищу и сколько всяких стратегий применил, чтобы узнать о тебе хотя бы два слова. Когда по телефону ты мне задала вопрос, почему я так поздно решил тебя искать, я только грустно улыбнулся. Когда-нибудь расскажу об этом подробно, но разве это изменит что-нибудь теперь?

Что касается мамы - надеюсь, что ты не станешь упрекать меня в том, что я ее забыл, изменил, женился.

Не знаю, сохранила ли мама мои письма и читала ли ты их?

Во всяком случае, я храню еще старое, пожелтевшее письмо, где мне прямо пишут о том, что мама не одна. Были другие письма. Но ведь все это было - неизбежное. И это была смерть нашей любви.

В такой любви призраки и тени третьих персонажей невозможны. Ты была замужем - значит, любила, но как - не знаю. В любви нет границы пределов, и здесь существуют такие высоты, что падение с них на землю - всегда смертельно.

Если продолжаешь меня любить, то не бойся потерять меня. Мне сейчас очень тяжело - ведь у меня СТРАШНОЕ ОДИНОЧЕСТВО, о котором ты не имеешь никакого представления. За все 42 года изгнания я никому не раскрывал своей души больше, чем на 3/4 (не говоря уже о подвалах!). Ты первая, но и тебе, наверное, я не успею всего рассказать. Да, в сущности я думаю, что человек всегда одинок.

Если перейду в нирвану, тебе сообщат, тогда можешь плакать сколько угодно - слезы тоже гармония и, все-таки, еще жизнь.

Страшно жду фотографий Катюши и Антона. Как жаль, что я не с Вами. Ведь я так люблю детей - боже, какой это чудесный народ (дети, собаки и автомобили - c'êst эта raison d'etre).

Быть может, дядя Тося тебе говорил о моей работе - в качестве учителя в Крюкове. А, может быть, и не говорил. Тогда м.б. Борис Горонович говорил. Заслуги моей большой нет, впрочем, но я думаю, что на 75% я все же виноват в том, что появилась в свет "Пед. поэма".

Кое-кто, наверное, еще помнит это "кадило", которое я раздул в 1918-19 г. Оркестр, знамя, 1 труд. дружина, кружок им. Короленко, парады, походы и пр. и т.д. Ребята были страшные энтузиасты - но все остальные (кроме Бориса Гороновича), боже, какие же это были тяжелозадые мещане.

Как учатся мои внуки? Ну, Катюша, наверное, уже кончает 10-летку, а Антон? Чем интересуется?

Надеюсь, что ты получила мои фото. Классического деда из меня не получилось, но, благодари, так называемого "всевышнего", что я не с Вами. С Антоном, да, наверное, и с Катюшей, мы принесли бы тебе много всяких неприятностей. Ну, а пока что целую их очень крепко, "прародительского" "благословения" не посылаю, но низко кланяюсь.

Родная, любимая, с грустью оставляю вас.

Целую тебя так безумно, ну, как больше уже нельзя.

Люблю, страдаю, тоскую.

Вит. Макаренко

№ 9 [открытка]

[23.05.62]

Дорогая!

Ни слова от тебя сегодня. Может быть я причинил тебе боль или обидел чем-нибудь? Не знаю, о чем можно и о чем нельзя писать. Тебе пишу каждый день.

Целую

В. М.

№ 10

28-5-62

Моя Любовь, дорогая, единственная!

Если бы ты могла почувствовать, как я тоскую по тебе. Целую тебя всю до безумия за письмо, которое, наконец, получил сегодня.

Как я измучился за эти 5 дней, без одного слова от тебя. В субботу решил уехать в Париж и взял плацкарту на следующую субботу. Вчера не мог уже выдержать все это и на мотоцикле уехал в Ниццу (автомобиль я продал год тому назад). По дороге после St Raphael я чуть не свернул себе голову. Пишу тебе в кафе, т. к. дома сидеть не в состоянии. Что писать? Как грустно, что ты больна? Детка моя, если не для меня, то для твоих деток, пожалей себя.

На всех фото (почти) ты с папиросой. Зачем? Если у тебя больное сердце - это прежде всего надо оставить. И не пей, даже за мое здоровье. Я уже давно оставил и вино и табак. Мож. быть поэтому дожил до сих пор.

Твой маленький Антон (как уменьшительно - Тося? Толя?) прелесть. Не балуй, не изнеживай, сделай "настоящего человека", чтобы не получился дядя Тося - огромная душа в беспомощном незакаленном теле. Почему не договариваешь?

Адрес Е. Ф. Григорович? Для меня это очень важно. Адреса Б. Гороновича, Таси, Лели. Почему не ставишь № на твоих письмах?

Скорее фото Катюши. От какой болезни умерла мама? Рак? О ней надо исписать целые тома. Посылаю тебе вырезку из очень старых писем от одного из бывших учеников дяди Тоси. (А. И. Лебедя; см. приложение [X.]) Но были и другие от людей, которым не мог не верить. Об этом позже...

Почему тебя любят? Я знаю, почему. Тебя нельзя не любить. Напрасно ты думаешь, что дядя Тося тебя любил из каких-то родственных чувств. Нет, нет. У него этого не было. Не такой это был Человек. Дружба у нас была огромная. О нем у меня так много материала для тебя - только для тебя. А ты используешь его, как захочешь.

Что касается Г. С., то это меня не удивляет. Интуитивно я чувствовал, что это не то, ну, совсем не то. А интуиция у меня какая-то особая... Антона это поражало.

Твоей любви, твоей нежности я не заслуживаю. Сейчас грустно, что я до сих пор ничего не сделал для тебя. Но... это не моя вина.

Но ты всегда была моей сердечной раной. Никогда не забывал о тебе. Я мог бы иметь сейчас уже взрослых детей. Если их нет, то только потому, что моральный долг по отношению к тебе мне это запрещал.

Моя радость, моя любовь.

Оставляю тебя до завтра.

Поездку в Париж откладываю - боже, только бы твоих писем. Пиши мне хоть по 1 слову, по возможности чаще.

Обнимаю, целую всю тебя и Катюшу и будущего космонавта Антона. Это же великолепно.

Руки твои дорогие целую 1000 раз.

В.

P. S. Дружок кланяется и целует.

№ 11

29-5-62

Моя Любовь, моя Радость, моя далекая маленькая девочка!

Сегодня получил твою телеграмму. Боже мой, как тяжело все это, как невыразимо тяжело!

Что дальше? Пойми, что наша любовь уже вышла из рамок человеческого чувства и принимает какие-то фантастические и чудовищные размеры. Пойми и постарайся взять себя в руки. Это совершенно необходимо. В противном случае мы сгорим оба в огне нашего чувства, которое становится еще сильней, т. к. невозможно.

Быть может, это будет очень эффектно и до безумия красиво. Но не забывай, что ты не одна.

И, пожалуйста, не смотри на меня в розовом свете - "красивый, молодой, импозантный". Детка, не забывай, что

я уже дедушка, что мне 68-й год, а главное, что теперь я тебе уже совершенно не нужен.

До завтра.
Целую всю, всю.
В. Макаренко

№ 12

30 мая 1962

Моя Любовь!

Я не нахожу даже слов для моего обращения к тебе. Мне кажется, что все слова любви, ласки, нежности, обожания - так бедны и так банальны, когда я пишу тебе. Тобой, твоей любовью, твоей бездонной душой я опьянен и, как алкоголик не может уже жить без очередной порции вина, так и я, не получая от тебя писем, становлюсь сам не свой и не знаю, как уйти от этого кошмара, от тоски по тебе, как подавить в себе безумное желание видеть тебя сейчас, обнять до ужаса, сжать голову в твоих руках и умереть, уйти, исчезнуть, уснуть навсегда... Ведь все равно в будущем ничего лучшего уже не будет. У меня во всяком случае. Начнутся будни, б. м. не сразу, но таков закон жизни и ты увидела бы, "...что в жизни нет героев".

Я все время думаю только о тебе. Такой хаос в мозгу и в сердце - вчера вечером играли в бридж, и я за каждой картой видел твое лицо, твои глаза...

Когда мои партнеры завопили и начали спрашивать, что со мной - я швырнул карты, поднялся к себе и поставил пластинку "Евг. Онегина" (Б. моск. театра). Но стало еще хуже. Взял Дружка и ушел в город - бродил, как в полусне, около часа, до тех пор, пока Дружок не поймал какого-то кота и тот орал на весь город.

В постели снова, наверное в 20-й раз, перечел твое письмо, твою телеграмму, пересмотрел все твои фото. Быть может, можно еще что-нибудь прочесть новое? Немного посмеялся над группой в Ленинграде, где ты сидишь в кресле, а остальные персонажи расположены вокруг тебя, ну прямо, в страшном беспорядке - кто передом, большинство задом - видно оператор неопытный. В таких случаях необходимо прибегать к старому трюку - пообещать "маленькую птичку". Ну, ничего. Ведь главное, что ты - на этой фотографии и самая красивая.

Ночью проснулся и думал о том, что ты живешь на алименты, которые ты получаешь от твоего бывш. мужа. (Кажется, Васильев?) Разведены ли вы?

В моих поисках тебя фамилия твоего мужа сыграла такую ужасную роль, что я тебе даже и объяснить сейчас не смогу. Когда-нибудь, позже.

Потом... "знакомые все лица". Олимпиада! Да, все стало ясным. Тебя назвали Олимпиадой в память твоей бабки, а моей тещи, Олимпиады (Ивановны? Васильевны? Забыл!). Ты ее не знаешь. Боже! "Святители" и "угодники" - как она меня ненавидела, как выражались раньше, - всеми "фибрами души". Не знаю, не уверен в том, что эти самые фибры у нее были. Но то была, действительно, "Олимпиада". Я даже думаю, что никакое другое имя ей бы не подошло. Например, Ариадна, или Любовь, или Жюльетта. Она была тем более Олимпиада, что где-то у ее подножия болтался и изредка что-то щебетал маленький Петр Никанорович. Ты, наверное, его помнишь. Старик он был не злой, скорее добрый. Но в самом начале нашего романа с мамой, в 1912 или 13 году, он однажды меня встретил на пустынных путях ст. Крюков, очень долго прыгал вокруг меня, горячился и от волнения не мог выговорить ни слова. (Впрочем, красноречием он не страдал, и даже, как будто, наоборот). Наконец я понял, что он предлагает, даже требует, чтобы я ушел с дороги его дочери ("Моя дочь невеста... А Вы... А я... Я Вас" и т. д. и пр.). Я все-таки имею 1 м 78, и в то время мой будущий тесть меня очень насмешил. Когда он истощил весь свой запас "комплиментов" и красноречия, я у него спросил: "Все ли это?".

Он ответил: "Да - это все". - "В таком случае до свидания. Не волнуйтесь. Пойдите и напейтесь чаю - если можно с лимоном - это успокаивает". И действительно, он успокоился и потопал маленький и, наверное, немного опечаленный к своей Олимпиаде.

Но ты, моя любовь, как далека ты от твоей бабушки.

Как нехорошо, что ты больна. С сердцем еще можно кое-как шагать по жизни. У меня оно сегодня болит с самого утра. (Почему не лечили дядю Тосю???).

Но печень! Это очень опасно. И, должен сказать тебе одну вещь. Не опасайся за жизнь Гал. Стах. в случае вашей встречи. Такие не умирают! Скорее ты опрокинешься. А что касается совести...

Какой ты еще ребенок!

Прости, детка, что сегодня написал тебе много чепухи. Нарочно пишу о таких старых вещах, чтобы не кричать каждый день:

Люблю, тоскую.

Люблю, истомился.

Целую, целую, целую.

Знаю только одно: не может быть большей любви. Это невозможно!

Будь здорова. До завтра.

Целую всю, всю.

Вит. Макаренко

№ 13

2-VI-62

Моя Родная, Любимая!

Только что получил твое письмо с целым пакетом фото (№ 4).

К сожалению, сегодня суббота, и почта закрывается в 4 ч. (16 ч.). Сейчас уже 2 ч. Спешу написать тебе несколько слов по поводу твоего письма. Завтра напишу подробнее.

1. Когда у тебя будет свободная минута - перечти мои письма (твои 2 письма и открытку я уже "выучил" наизусть).

2. Я не имею ни права, ни желания, ни оснований для того, чтобы упрекнуть тебя в чем бы то ни было. У тебя есть много оснований для упреков - я знаю это. Наверное я мог бы на коленях просить у тебя прощения. Но я не люблю театральных поз, которые к тому же ничего не разрешают.

3. Я не скрыл от тебя ничего. Кто из нас трех, выстрадал больше других - я не знаю.

Надо было бы все подсчитать и взвесить. Я думаю, что такая операция заранее обречена на полное fiasco.

Но если любишь меня по-настоящему - то не скрывай ничего и, пожалуйста, пришли мне твое неотосланное письмо.

4. "Какова бы ты не была..." относится к твоей просьбе не судить о твоей внешности по "отрывкам".

5. "Благодари всевышнего" и т. д. Детка моя, родная. Ведь я хотел только сказать, что, невзирая на мой возраст, я остался с 20-летней душой и, наверное, с Антоном предпринял бы предприятия более или менее опасные.

Основательный ответ на твое письмо - завтра.

6. На этот раз становлюсь на колени:

Когда же ты поймешь, что ты не глупая, а умница, что твои письма самые лучшие в мире, что вообще никто (и никогда) не сможет выразить на бумаге - все, что творится в сердце?

(Дополнение к этому завтра).

7. В руки себя я, конечно, возьму. С 1916 года я только этим и занимался.

Моя радость, моя любовь, должен тебя оставить до завтра.

Целую тебя всю, моя родная, маленькая, любимая. Не плачь. Не грусти.

ВСЕГДА с тобой.
В. Макаренко

№ 14

2-VI-1962

Моя бесконечно дорогая, до ужаса
Любимая, всегда грустная деточка!

Да, да! Всегда грустная. Сегодня у меня так много твоих фото - но я не вижу на них ни одной твоей улыбки, смеха, даже просто радостного взгляда.

Да, конечно, ты права - "как все чудовищно страшно, все безумно нелепо в нашей жизни".

Все трое мы страдали - каждый по-своему. Маму ты жалеешь больше всего. Ты была свидетельницей ее страданий. Ты говоришь, что "всю жизнь она любила меня мучительной любовью".

Но неужели ты можешь допустить, что я забыл маму или перестал любить ее, или не думал о тебе, о дяде Тосе? Ведь я написал тебе самое главное о маме.

Ты написала мне огромное письмо, но "не можешь, не имеешь права отправить мне написанное".

Почему? И действительно, могла ли ты, девочка, потом подросток, быть в курсе маминой интимной жизни, на которую она имела полное право и в подробности которой она не обязана была посвящать тебя.

Итак - "откуда эти слезы?" Не лучше ли прямо бросить мне упрек в лицо. Ты можешь это сделать - ведь я знаю, что тебя ос-

корбляет и заставляет так плакать. Но, пожалуйста, сделай это прямо и откровенно.

Тогда раскрою ВСЕ карты и тогда б. м. поймешь многое, что тебе сейчас кажется непонятным, невозможным. Мы слишком долго страдали и ждали друг друга, и сейчас ни ты, ни я - не имеем права ранить нашу любовь горечью непонятых обид и оскорблений, недоговоренностью слов...

"...ты все время меня упрекаешь. В чем?" (из твоего письма).

Вот именно? В чем?

Думаю, что ты сейчас очень страдаешь и, наверное, плакала и поэтому где-то отыскала какие-то упреки.

Все это ничего не может изменить. Ведь ты это знаешь и чувствуешь. Моя любовь к тебе - это уже что-то нечеловеческое, мучительное и до ужаса сложное.

Не делаю даже попытки, хоть немного, анализировать мое чувство. Да и для чего. У меня была только одна любовь: это - мама. Так любить можно только раз в жизни. (Кто может!)

Но ты - не только Лилечка, ты и потерянная и воскресшая Галочка. Даже твои письма - это те же письма мамы, которые когда-то я клал под подушку и целовал ночью. И все это так сложно и так больно...

12 ч. ночи. 2 ч. в Москве. Спи, детка, спокойно. Целую твои грустные глазки и всю тебя. До завтра!

В. М.

Воскресенье 10 ч. утра
3-VI-1962

Солнце, тишина, звон воскресного колокола и воздух, насыщенный ароматом роз и левкоев. После твоего вчерашнего письма в душе застыла какая-то неясная тревога. Конечно, во многом я не прав. Самое главное, я не должен был так откровенно посвящать тебя в подробности моей жизни. Иногда ложь бывает "во спасение" (и даже очень часто).

Поэтому, следуя твоему совету - беру (еще раз!) себя в руки.

О возможности нашей встречи. Бесконечно благодарю за готовность принять меня под твое крылышко. Вполне ценю и чувствую благородство и искренность твоего порыва - земно кланяюсь и твои дорогие руки покрываю поцелуями. Но, для меня это невозможно. С моей стороны это было бы такой непростительной неэлегантностью.

Не имею ни права, ни желания жить на средства, предназначенные для моих внуков. На моем месте ты поступила бы, наверное, также. Не говоря уже о том, что мое появление в твоих двух маленьких (она же одна большая) комнатах, было бы равносильно вселению туда какого-нибудь сивого мерина или носорога. Бабушки, дедушки, тести, ну и, конечно, тещи - все это представители элемента, который не только не вносит в семью уют и спокойствие, а напротив, торчат там, как совершенно ненужные придатки. Я думаю, что лучше иметь в доме клопов или тараканов, чем одну тещу - одного дедушку и одну бабушку - двух бабушек и т. д. У каннибалов с таким элементом поступают очень логично и рационально - их просто поджаривают и съедают.

Ты говоришь, что многие уже возвратились на Родину. Возможно, но есть еще очень многие, которые дальше местного кладбища не уедут. Конечно, легче других впускают молодежь. Согласись, что старики - это лишние рты и, вообще, товар ни к чему. А тем более трудно получить разрешение на жительство в Москве. Хлопоты будут длиться очень долго. Ведь придется заполнить всевозможные анкеты и опросные листы, приложить свою биографию и т. д. Все это, наверное, необходимо, и чтобы проверить все это, потребуется много-много времени.

В Париже у меня был знакомый, у которого в России было 4 детей, обещавших взять отца на полное иждивение. Он хлопотал о разрешении 3 года и так и умер. Но во всяком случае, независимо от всего этого, я никогда не соглашусь повиснуть камнем у кого-нибудь на шее. Я согласился бы взять какую-нибудь работу, но в мои годы, наверное, это будет сделать очень трудно. Все-таки я должен буду уехать в Париж, но, наверное, на очень краткое время - тогда зайду в Посольство и позондирую почву. Что касается твоей поездки сюда, то здесь я, что называется, совсем не в курсе дел. Не могу сказать, что я много видел отдельных туристов из Сов. Союза. Обыкновенно приезжают в порядке организов. групповых путешествий.

Благодарю за присланные фото. Некоторые очень волнующие. Как снова мучительно жаль дорогого дядю Тосю. Из нас 3-х, наверное, больше всех выстрадала мама, а из 4-х, наверное, дядя Тося.

Что касается Г. С., то я думаю, что здесь уместней всего будет только одно - молчание. Вынос гроба и толпа в шапках, и какой-то грузовик вместо катафалка, все это так недостойно дяди

Тоси, для которого дисциплина, подтянутость и стройность стали уже давно внешним выражением самой посредственной культурности.

Все фотографии я тебе постепенно снова перешлю. Сохраню только несколько твоих - до сих пор мне не удается представить твое подлинное лицо, не хватает самого главного - мимики, подвижности, игры глаз и улыбки. Вообще ты похожа на маму. Б. м. глаза немного мои.

Пока что из вас троих один Антон, мне кажется, настоящим оптимистом, и, я думаю, почти уверен, будет хорошим человеком и знающим, чего он хочет от жизни. Катя, пока что, немного непонятна. Правда, эти фотографии, наверное, обманчивы - ей около 12 лет, человек только начинает формироваться. Когда будешь иметь фото позднейшее, обязательно пришли.

Сейчас должен расцеловать тебя, но не сразу всю, а по волоску, по пальчику, по каждой ниточке твоего платья за то, что ты с такой готовностью и энергией пошла мне навстречу, и за все, что ты сделала для меня за этот месяц. Если бы ты знала, как мне жаль тебя. Ведь ты - драгоценность, редкая, красивая, душа бездонная. Как мало таких людей, как ты. И как можно потерять тебя?

Наверное, впереди будут еще слезы, обиды, упреки (потом снова "безумно люблю"). Но до "Бородинской битвы" мы не дойдем. Уверен, что вынесем нашу любовь на высоту недосягаемую.

Живу только тобой, не оставляю ни минуты, думаю только о тебе.

До завтра, родная, несравненная.

Люблю, целую, моя радость, моя гордость, только одна во всем мире.

4-VI

Только что получил твое письмо № 6.

5 не получил. № 4 (со слезами и фотографиями) получил в субботу.

Быть м. получу через 1/2 часа заказным. О твоей поездке сюда, в особенности на 3 месяца - это было бы прекрасно, но тогда придется взять в путешествие и Антона, и Катюшу. Ведь, даже на более короткий срок, ты не сможешь их оставить. На кого поручиться, кому передать их на это время? Отцу?

12 ч.

Только что пришел почтальон, но твоего письма нет. Наверное, получу завтра.

Твое здоровье меня так взволновало сейчас. Я могу болеть, т. к. мне уже 67 лет (я никогда не оправился от ужасной контузии в окт. 1916 г.).

Но ведь тебе только 42 года и у тебя уже спазмы сосудов. И ты так много куришь. Я ведь умолял тебя оставить табак. Теперь уже я взываю к твоему мужеству. И если не для меня, то для твоих детей - позаботься о своем сердце.

Была ли ты у кардиолога? Взяли ли твою электрокардиограмму? Быть может, у вас есть лекарства - по франц. наз. "Diachromone" (Диахромон?).

С тоской и сожалением оставляю тебя, мое солнышко.

Крепко обнимаю и целую тебя всю, всю.

Всегда с тобой

Виталий Макаренко

Посылаю тебе фотогр. мамы. (1913 г.)

В течение 42 лет всегда была со мной. Прошу оставить у себя.

Как и все остальн. фотогр. Мама живет в моем сердце.

№ 15

5-6-62

Родная, красивая,
радость моя!

Получил твое № 7 и письмо Антона. Был уверен, что он мне напишет. Тем лучше, будет человеком с настоящей, живой душой, а не какой-нибудь сухарь или недотрога.

Детка моя, я рад даже одному твоему слову. Прекрасно понимаю все заботы, которые лежат на тебе, да еще с твоей приятельницей. (Наверное и в Ленинград, и в Киев вы ездили вместе?)

Любовь моя, не волнуй себя, а лучше уезжай поскорей в Ленинград - я буду рад за тебя. Ты нуждаешься в отдыхе. Все, о чем прошу, - это позволить мне продолжать нашу переписку.

Я не особенно спешу послать тебе то, что ты называешь "вызовом". Узнаю об этом и тогда, конечно, вышлю. Ведь мне надо будет приготовиться к твоей встрече.

Это лучше будет сделать в Париже, т.к. здесь, на юге, кроме природы - солнца, моря, цветов - ничего нет особенного. Монте-Карло, Ницца, Канны, нарядная толпа - но, нечто вроде этого, наверное, есть и в Ялте, и в Сочи. Париж лучше всего посетить зимой. Я, к сожалению, вынужден окончательно поселиться на юге. Вчера доктор сказал мне об этом <окончательно> . Правда, климат в Париже сырой и неприятный. Вчера я получил письмо от моего друга - по утрам 2°-3° всего. В поездах от Парижа поезда отапливаются до Лиона.

Вынужден <окончательно> (Боже, мои "чудесные" письма - на 4 строках - 3 раза "окончательно", идиот) отделаться от моей квартиры и вообще ликвидировать все, даже мой склеп на кладбище Ste Geneviève-des-Bois (русское кладбище, где погребены Бунин, Мережковский, Гиппиус, Теффи, Евреинов, Сургучев и т.д. - 8.000 могил).

Все это меня печалит. Жилищный кризис здесь - ужасный, в особенности сейчас, в связи с новоприбывающими из Алжира, Туниса и пр. Нанять ничего нельзя. Надо все покупать - и это сейчас же требует миллионы. Это главное и, я бы сказал, единственное обстоятельство, которое мешает мне снова "встать на ноги".

В Париже думаю быть около 20 июня. Там все решится.

(В моей квартире можно только жить - всевозм. коммерч. деятельность исключена контрактом).

Сегодня посылаю твои фотографии. Очень рад, что они молчаливы - могли бы рассказать так много, так много. Посылаю также твоего дядю Сергея.

Будь здорова, родная, любимая.

Целую крепко всю, всю.

В. М.

Не печалься о том, что твой сын Антон, а не Виталий. Я такой чести не заслужил.

Но бесцеремонность Г. С. и твоего супруга (ех) действительно достойна "Кисти Айвазовского". Б. м. и впрямь он

"...тебя не стоит
Может в этом истина
Рядом с дерзкой красотою
Выглядит бессмысленно..."

Тебе об этом лучше судить.

В. М.

№ 16

le 6 juin 1962

Родная, любимая!

Сегодня, наконец, приехала твоя открытка № 5. Немного слов, но каждое слово для меня - целое сокровище. Я живу теперь от почты до почты - только твоими письмами, только тобой. С тех пор, как ты зажглась на моем небе, как самая красивая и волнующая звездочка (далекая и недоступная) - весь мир сконцентрировался в тебе, в твоей душе - такой чуткой, такой женственной и человеческой, горящей настоящим "живым" огнем, в котором ты способна сгореть сама, но который делает тебя непонятной и недоступной для людей без размаха, с душой мелкой и осторожной. Хорошо это или плохо? Не знаю! "Что есть истина?" Я влюблен в тебя и любуюсь твоим сиянием, а до других мне дела нет.

На душе сегодня тихо, спокойно и грустно, как в пустом храме. Писать о прошлом не хочется. Да и что там? "Цветы воспоминаний". И в твоем, и в моем прошлом цветов так мало, а больше всяческих шипов и терний. Прошлое, прошлое, иногда так хочется уйти от него, или похоронить как дорогого покойника - ведь все равно ни к чему его ядовитая горечь, гримаса шута и фигляра.

Скучаю по Парижу - надоел мне и этот самый Hyères, и дом отдыха, и вся Ривьера, до самой Ментоны. Не знаю, на сколько еще хватит терпения у меня на это прозябание. К мирному житию я совсем не приспособлен. Когда-то, в гостях, я долго смешил все общество. После смеха Антон, держа в руке рюмку с вином и прищурив за стеклами глаза, сказал: "Жаль! Вот так всю жизнь ты будешь разбрасывать фейерверки и "гонять чертей". А мог бы..."

Здесь я прервал его: "Брось! Я тебе уже сто раз сказал, что писателем будешь ТЫ. Кому-то надо и чертей гонять. Разделение труда".

И как в "Родной ниве" - "все засмеялись, а Ваня заплакал". Впрочем, вру. Дядя Тося тоже засмеялся. Было это у А. П. Сугак в 1918 г.

До завтра, моя любовь,
моя принцесса, мое все.
Целую.
В. Макаренко

№ 17

7-VI-62

Дорогая Лиля!

Получил сегодня твое № 8. Ради бога, не беспокойся о моем здоровье - все идет отлично.

Что касается твоего вызова, то это мне легче будет сделать через Парижскую Префектуру. Я сейчас и сам не знаю, останусь ли я еще на некоторое время здесь или возвращусь в Париж. Все зависит от многих обстоятельств, которые я смогу выяснить только в Париже.

Скорее всего, я уеду в Париж дней на 15, а затем окончательно вернусь туда к сентябрю. Летом в Париже довольно душно и пусто.

Я очень рад, что ты уезжаешь "куда-то под Ленинград", на отдых.

Поправляйся, не кури и набирайся побольше сил - у тебя еще большая жизнь впереди.

Чтобы не нарушать особенно твой покой, я не буду писать тебе больших писем, а только короткие сообщения о главном, 1-2 в неделю.

Это избавит тебя от необходимости ездить куда-то на главный почтамт за письмами "до востребования" больше, чем 1 раз в неделю.

К тому же я до сих пор не знаю, кто ты по паспорту - Макаренко, или Васильева? Для получения писем "до востребования" необходимо предъявить какое-то удостоверение личности.

Еще одно письмо (в субботу, или понедельник) пошлю в Москву, а потом уже, учитывая 7 дней пути - в Ленинград!

Будь здорова.

Целую тебя и обнимаю,

Вит. Макаренко

№ 18

le 9 juin 1962

Дорогая!

Завтра - послезавтра - 2 дня праздника католической "троицы". Почта будет закрыта - поэтому посылаю тебе это письмо сегодня - последнее в Москву.

Наверное, перед отъездом у тебя хлопот больше, чем нужно, в особенности с Антоном.

Поцелуй его крепко и попроси, чтобы обязательно написал мне по приезде в лагерь.

У меня ничего нового. С 1 июня Hyères, как и весь Côte d"Azur, уже наполняет первой волной туристов и отдыхающих.

Я очень рад за тебя - ты нуждаешься в отдыхе. Постарайся действ. только отдохнуть. Как я уже писал тебе, мои письма будут очень короткими и довольно редкими. Это - нормально. Это избавит тебя от необходимости отвечать мне. Друзей у тебя там очень много, и времени на писание писем у тебя просто не будет.

Поэтому не беспокойся. Если будет что-нибудь важное - тебе сообщат, если не дирекция, то мои (правда, немногочисленные) друзья.

Пока что, желаю тебе bonne route.

Будь здорова -
благополучна.
Целую крепко.
В. М.

P.S. Все фото (за которые я тебя очень благодарен), я думаю, лучше будет возвратить тебе, когда ты будешь снова в Москве. Напиши об этом.

№ 19

13-VI-62

Любовь моя!

После 6-ти дневного мучительного ожидания получил твое кошмарное письмо № 9.

Не хочется сейчас встряхивать семейную хронику семьи Бриллиантовых (вот уже "горькая" ирония - только Галочка была там драгоценностью, скорее жемчужиной, сияла каким-то недужным светом. "Дядя" же Степан, если и имел какое-нибудь отношение к алмазам и бриллиантам, то лишь в том отношении, что это был "чистой воды" дурак, редкий хам, спекулянт, кулак и обжора. Меня он ненавидел в душе люто, но страшная трусость заставляла его подленько заискивать и улыбаться. Так же боялся он Олимп. Ивановны, которая почти

всегда называла его: "Дурак", в отличие от дяди Сергея ("Босяк").

Грустно бесконечно думать об этом. Да и зачем писать тебе все это.

В твоем письме для меня самое тревожное - это твоя фраза:

"...Жаль, если ты не такой, каким мне хотелось бы тебя видеть"?

Для меня ты совершенно новый человек, но я прочел уже так много в твоей душе, что теперь с уверенностью могу сказать: "Какова бы ты ни была (физически и духовно) - наша встреча могла бы только привязать меня окончательно к тебе. И не потому, что ты - моя дочь. Как и для Антона, для меня ты большая человеческая ценность"

Обо мне же ты уже кое-что слышала и от дяди Тоси и мамы и Таси и Лели и др. Детка моя, я не изменился за 42 года. Об этом уже писал. Даже физически я еще не старик - выгляжу моложе, чем на фото, которые тебе послал, хожу очень быстро (при больном сердце) - на мотоцикле чувствую себя, как на кровати (иногда мешает Дружок).

Ну, что делать? Пишу сейчас в Москву - не уверен, что ты получишь это письмо до отъезда.

Писать есть о чем. Целый материал о дяде Тоси (огромный - могла бы использовать).

Не понимаю, почему холодный прием для Лели? Правда, я их оставил девочкам (Тася - твоя точная копия - в то время, конечно. Леля была умница. Тетя Саша - очень добрый, но беззащитный и безвольный человек). У дядя Тоси были свои минусы - об этом мог бы написать только тебе. Одна Е. Ф. чего стоит. С ней у меня свои счеты.

Жаль, что в Ленинград не смогу писать много. "До востребования" пишу только поздравления и приветы (вернее, совсем не пишу).

В Кременчуг напишу. Прости за почерк - пишу на берегу моря - ветер мешает, и Дружок тоже каждые 5 минут тычется под руку - требует очередной ласки.

Спасибо за фото.

Вы все душки здесь.

Моя любовь - оставляю тебя. Целую всю родную, бесценную, единственную.

Я был бы рад получить 2-3 слова от Б. Гороновича. Если не

можешь дать его адрес - попроси его написать через тебя.

Обнимаю и целую крепко.

В. М.

Знаешь ли ты о том, что мама была косвенной причиной моего ухода в бел. армию?

№ 20

Hyeres 15-6-62

Родная, любимая!

Целую крепко и благодарю за вчерашний телефон, для меня это была большая радость, совершенно неожиданная. Но все-таки, больше этого не делай - потом я упрекаю себя за то, что причиняю тебе столько хлопот и ввожу в расходы.

Нового у меня ничего. Вчера получил твое № 11 (10 - где-то бродит).

Здоровье - обыкновенное.

Настроение тоже. Было желание ответить на твое № 9, на твой сарказм ("...если бы ты что-то для меня сделал, был бы оригиналом, я бы це поверила").

Потом подумал и решил, что отвечать не стоит.

Будь здорова, дорогая.

Обнимаю целую крепко.

В. М.

№ 21

18-6-62

Радость моя, Любовь моя,
любовь, больше которой не может быть в мире.

Ведь ты знаешь, чувствуешь мою нечеловеческую Любовь. Любовь, любовь... Бедное, маленькое слово!

"Обнимаю, целую, клянусь, жить без тебя не могу..." (Чепуха! Живут прекрасно). Как все это затаскано, банально, фальшиво... Моя любовь держит меня как в тисках, когда Ты заполняешь весь мир, когда вся душа до краев наполнена только тобой, когда хочется проникнуть в "святая святых" твоей души. Слиться с тобой, опьянеть и забыться от муки и счастья. Ты еще не поняла меня - моя любовь к маме -, это 8 лет терзаний, экстаза, упреков,

разрывов, слез счастья и радости. Другой любви я не знаю - т. наз. семейного счастья, семейного "гнездышка" пирожков и блинчиков, мещанской психологии и самодовольства.

Б.м. ты спросишь: "Но к чему все это?" Наверное, ни к чему, но себя переделать я не могу (и не хочу), и кроме этого знай, что мой последний поцелуй в 1919 году был таким же страстным и глубоким, как и первый в 1912.

Довольно, довольно об этом.

Получил твою открытку № 5 и письма 12 и 13.

С § 4 № 12 не согласен и не верю. Ты написала мне "огромное" письмо, но не отправила, потому что получила какой-то шок.

Следовательно, был какой-то шок, удар. Слезы!

Поэтому ВСЕ карты не раскрываю (ни к чему, несмотря на то, что все козыри у меня). Да и ни к чему. Довольно торгашества о наших страданиях. Ты просила меня быть мужественным и взять себя в руки. Для меня это нетрудно и нормально. Хныкать и вообще "ронять слезы" - для мужчины не подходит, тем более для бывшего военного. Это раз навсегда. Все хорошо и прекрасно. Быть может у меня не все в идеальном состоянии, но будет неприлично ждать от тебя помощи, кон[ечно - Г.Х.], моральной (да и какой?). У тебя и полиартрит, и камни в печени, и сосуды, и дети, и "гарем" твоего ех-супруга и Г. С. и "дядя" Степан, и не знаю, кто еще. Жаль, что ты забываешь дядю Тосю, "который тебя так любил и у которого тебе было так хорошо" (твои слова). Уверен, что бабушка Таня тебя не мучила и не избивала до полусмерти, ни Тася, ни Леля. Почему же ты не веришь мне? Ты была бы удивлена, если бы я что-нибудь сделал для тебя хорошее. Это - нехорошо. Пощечина, оскорбление, которых я не заслужил. Моей жизни ты не знаешь, а теперь и подавно никогда не узнаешь. "Ты привык к роскоши..."

Довольно! Поставим крест и больше не будем говорить об этом. Прошу, умоляю!

Ты спрашиваешь о дяде Сергее. Мне неприятно говорить о нем. Ведь в тебе "Бриллиантовая" кровь. Потомства он не оставил - работал на заводе Рено в Бийянкуре, ко мне приходил только за деньгами "до получки" (конечно, никогда не отдавал), пьяница, скандалист, страшно грубый и нахальный. Умер он после страшной попойки и "мордобития", не то от кровоизлияния, не то от сердечного приступа. Маму он, наверное, избивал бы еще хуже Степана, прости за откровенность.

Вчера писал письмо Катюшке. Она - прелесть. Поймалась она до смешного просто и наивно. Хорошая, искренняя душа с огнем и стремлениями. Мне жаль ее немного. Без отца ей, наверное, трудно (ты это на себе испытала).

Жаль будет, если влюбится преждевременно. Это - вечный гандикап [вред - Г. Х.] в этом возрасте, в особенности для девушки.

Сегодня получил твое 13 с фото нашей "хаты" - теперь музея. Спасибо, родная, любимая. "...Воспоминания, как острый нож..."

Е. Ф., Тася... Но кто такая Афанасьева Е. К.?

Напишу, конечно, Тасе. От Е. Ф, ответа не ожидаю. Но Тася ответит. И Тася, и Леля, и тетя Саша были так ко мне привязаны.

Об энтузиазме.

Его нет по многим причинам. ("А ты меня как-нибудь прокормишь") Ни к каким "как-нибудь" я не привык, да и дело не в этом.

Я до сих пор не знаю - останусь ли я здесь или снова вернусь в Париж. Поездка в Париж откладывается, главным образом, из-за моего здоровья. Лечат здесь слабовато. Для того, чтобы поправиться, мне необходим абсолютный покой. Страшный режим, очень дорогие лекарства (не дают их, главным образом, из упорства. "Вам их прописали парижские светила, но мы тоже не лыком шиты..." и т.д.). Приходится их покупать на свой счет (пусть это тебя не волнует).

С твоим "открытием" я снова сдал. Начались кошмарные головокружения и отнимается (почти) вся левая сторона тела (вследствие контузии повреждены все нервы и сосуды).

Прости, что пишу обо всем, о чем не должен был бы писать.

Думаю, что все же, я скорее приеду к вам. Сейчас организуются групповые поездки в СССР. Первая уезжает сегодня, 7 дней в Москве и в Ленинграде 95.000 фр. Но здесь для меня кроется опасность - боюсь, что я не удержусь от визита к "прекрасной Дульцинее". Ты знаешь, о ком я говорю. Я не дядя Тося.

Что из этого может получиться - предвидеть трудно?

Прошу тебя потерпеть немного - через месяц все выяснится. Отдыхай и храни себя.

Ради всех святых!

Не знаю, куда писать?

О своей любви просто не хочу уже говорить. Кроме тебя -

НИЧЕГО. Ты - все! Начало и конец, вся моя радость и все страдания.

Люблю, люблю
безумно.
В. М.

P.S. Все фотографии я не хочу хранить у себя по той простой причине, что в случае моей смерти они будут просто уничтожены.

Тебе же или моим внукам, они понадобятся как память.

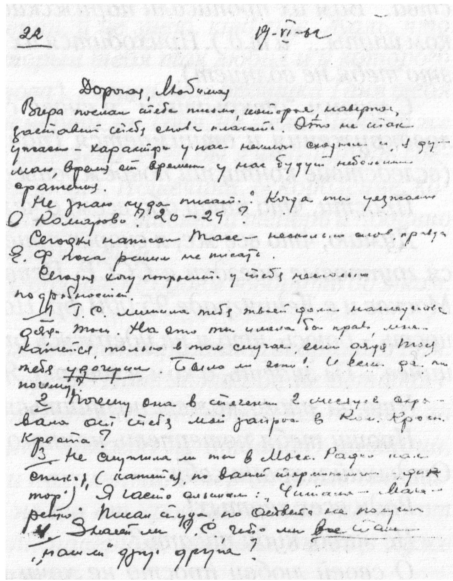
Это - просто как померанец и совсем здесь не следует драматизировать.

Прости, что фото твоего супруга (ex) оставляю без комментариев. Лицо как лицо - есть нос, глаза, уши. Как поэт за границей он совершенно неизвестен.

№ 22

19-VI-62

Дорогая, Любимая!



Вчера послал тебе письмо, которое, наверное, заставит тебя снова плакать. Это не так ужасно - характеры у нас немного схожи, и, я думаю, время от времени у нас будут небольшие сражения.

Не знаю куда писать? Когда ты уезжаешь в Комарово? 20-29?

Сегодня написал Тасе несколько слов, правда, Е. Ф. пока решил не писать.

Сегодня хочу попросить у тебя несколько подробностей.

1. Г. С. лишила тебя твоей доли наследства дяди

Тоси. На это ты имела бы право, мне кажется, только в том случае, если дядя Тося тебя удочерил. Было ли это? И если да, то почему?

2. Почему она в течение 2 месяцев скрывала от тебя мой запрос в Ком. Красн. Креста?

3. Не служила ли ты в Моск. Радио как спикер (кажется, по вашей терминологии - "диктор"). Я часто слышал: "Читала - Макаренко". Писал туда, но ответа не получил.

4. Знает ли Г. С., что мы все-таки "нашли" друг друга?.

Вот, пока все.

Будь здорова, моя единственная.

Тосик, наверное, уже уехал. Я жду от него 2 слова.

Катюшу целую крепко.

Она славная очень.
Тебя целую крепко.
Всегда с тобой.
В.М.

№ 23

21-VI-62

Любовь моя.

Сегодня сразу получил твои письма 14 и 15, отправленные 18-VI. Всего 3 дня! Я не знаю, чем объяснить нерегулярность доставки - скорее всего, французскими забастовками - почта, ж. дор. и воздушн. транспорты, газ, электричество и пр. Вчера и позавчера не было даже водоснабжения - это уже совсем дико - вынужден был совершать свой туалет минеральной водой.

Я был рад страшно получить письмо Антоши. Но где же он теперь? Где этот самый лагерь? Я думаю, что туда лучше не писать, в противном случае ты бы сообщила его адрес.

Он хотел бы получить спортивный костюм, но какой? Здесь такой выбор, что глаза "разбегаются". Пожалуйста, если можно, то сообщи его адрес и я ему вышлю сейчас же. В крайнем случае я мог бы выслать тебе, но не знаю, принимаются ли пакеты "до востребования".

Ты слишком поздно сообщаешь мне о фотографиях Катюши. Я не думаю, что это было сделано по секрету (да и не вижу причин). Она мне написала очень милое письмо и ничего там не начудила.

Вообще, она прелесть и тебя любит горячо. Рад иметь таких внуков.

Кстати, прошу извинить меня за то, что в моей оценке фамилии Бриллиантовых я был очень строг и называл вещи своими именами. Я ничего не преувеличил (скорее смягчил). Но тебе, наверное, это было неприятно. Больше не буду. Прости великодушно.

У меня ничего нового. Поездка в Париж все задерживается по многим причинам (некоторые стороны нашей жизни мы с тобой решили обходить молчанием и очень красноречивым, поэтому и об этих причинах бесполезно писать очень много).

Тебя прошу убедительно уехать в Ленинград и отдохнуть там.

Буду рад и счастлив получить от тебя 2-3 слова - о твоем здоровье и что любишь по-прежнему, а большие письма оставь - это будет тебя только утомлять.

Здесь - жара африканская. Все забито тысячами машин со всей Европы. В особенности много "колбасников". Почти голые телеса, экстравагантные костюмы, панталоны в обтяжку, невообразимые шляпы, аромат сигар и дорогих духов.

И почти в каждой машине четырехлапый пассажир - для Дружка миллион соблазнов, более или менее похвальных.

Будь здорова, родная.
Целую крепко,
всегда с тобой
В. М.

P.S. Забыл о самом главном.

Ради бога! Пусть твоей души не коснется и не оскорбит какая-нибудь нехорошая мысль, когда я пытаюсь выяснить вопрос о наследстве дяди Тоси.

В данном случае я думаю ТОЛЬКО О ТЕБЕ (конечно, и о внуках).

Напиши, что веришь.

(Это нисколько не умоляет одиозности поступка Г. С.)
В.

№ 24 [открытка]

Родная, Любимая!

Всего несколько слов, чтобы не думала, что я не с тобой. Жарко, душно и такая горечь в душе.

Будь здорова.
Целую крепко-крепко тебя и Катюшу.
В. М.
22-VI-62

№ 25

Hyères 25-VI-62

Любовь моя!

Получил твое № 16 с предупреждением о возможности генерального сражения. Детка моя, практически оно уже произошло. В этой баталии мне подходила только роль Кутузова и, как и он, выражаясь языком официальных сообщений, я "отступаю на заранее подготовленные позиции".

Ведение дальнейших операций я предоставляю тебе. У меня нет никакого желания продолжать наш поединок, даже нет желания закончить его символическим выстрелом в воздух.

Наверное, в последующих письмах услышу еще раскаты твоих залпов, но для меня этот огонь уже будет впустую.

У меня ничего нового или, вернее, чего-нибудь радостного. Поездка в Париж делается все более проблематичной. Завтра снова начинают серию венозных уколов (наверное, на 3 недели). Доктор сегодня утром сказал, что если к 1 августа положение не улучшится, то придется отправить меня в госпиталь. Нужны будут очень сложные анализы и пр.

Прости, говорить об этом мне очень неприятно, но я должен это сделать, чтобы объяснить тебе "отсутствие энтузиазма".

Таким образом, если я и буду в Париже, то не ранее 15 июля.

Пишу тебе немного, т.к. не уверен, что это письмо найдет тебя еще в Москве.

Верь, что люблю тебя по-прежнему и только грущу о том, что ничего не могу сделать для тебя. По крайней мере сейчас. Все наши недоразумения и непонимание, наверное, рассеялись бы при встрече... Но... будет ли она?

Люблю, тоскую.
Целую всю, всю.
В. М.

Поцелуй крепко Катюшу и передай привет Антоше. Дружок Вас всех целует.

№ 26

28-VI-62

Любовь моя,
деточка моя дорогая,
единственная!

Какой сюрприз! Самый главный "...ты прежнею Татьяной стала". Не хочу я больше никаких сражений - ни больших, ни малых. Еще раз повторяю - мы слишком долго ждали друг друга, слишком много выстрадали, встретились "так поздно, до слез и до мучений", и не должны ни ранить, ни терзать один другого.

26 фото! Как я тебе благодарен за это. Подробно обо всем завтра, т.к. сейчас спешу отправить это письмо (почта уходит через час).

Ты - красавица, но какое скорбное, трагическое лицо. Боже, как хотел бы быть сейчас рядом с тобой!

Катя - прелесть. Завтра подробно о ней.

Сегодня только спешу тебя успокоить - не волнуйся относительно Е. Ф., как и о Г. С. Ну, что с них спросить теперь?

Я даже не писал Е. Ф. Ведь ей под 80.

Конечно, злой я до ужаса на всех, кто так или иначе тебя обидел. Но что можно сделать теперь?

Так и не знаю, где ты - в Москве или уже в Комарово???

Спасибо за фото с Гороновичем и К. Безрук.

Ксения Безрук! Подумай, что в 1907 году я с двумя товарищами (коллективно) объяснялся ей в любви. Так и говорили: "МЫ вас любим". Для Бориса пришлю одну из своих фотографий.

Итак, моя радость, до завтра.

Напишу в Москву.

Люблю, ты знаешь это, кроме тебя - никого вокруг.

И сейчас мне так трудно, главное физически.

Целую руки твои и глаза твои, родные и грустные.

Катюшку целую.

Всегда с вами
В. М.

№ 27

28-VI-62

Дорогая, родная, любимая,
моя грустная девочка.

Ты не можешь себе представить, какую огромную радость ты мне доставила, посылая целую кипу фото. Я всегда был с тобой, но теперь я уже ни на минуту не покидаю твоего гнездышка (кстати, очень в моем "стиле") - ты везде, в каждом предмете найдешь кусочек моей души - под абажуром, за портьерой, под валиком твоей софы (наверное, это нескромно), на каждом кресле. (Все ломаю голову - почему на одной фотографии отрезано кресло - мистерия).

Хороша Москва, правда, еще немного приземистая и провинциальная, для меня, почти призрачная. Это последнее впечатление усиливается еще страшной пустынностью. Ни прохожих, ни машин, ни заторов. Быть может, это раннее утро?

Не печалься о том, что фото "ужасно". ("Я не такая, я вся иная...")

Для меня ты только такой и можешь быть, и другой я не желаю. Ты - моя единственная, божественная, красивая, любимая, больше похожая на меня, чем думал до сих пор. Но ты никогда не должна "позировать". Страшная нервность, тревожность и вообще "хрупкость" твоей души - заставляют принимать позы натянутые и совершенно меняют твою внешность.

"Шедевр" - это ты в кресле с руками, "вцепившимися" в локотники - так сидят не в кресле, а на электрическом стуле. Но все это - мелочи. Ты очень элегантна, хорошо сложена, "божественные" ноги. Светлые костюмы "идут" меньше темных, совсем "не идут" темные платки (или шали), в особенности, с крупным рисунком и, к тому же, плотные. И уж совсем ни к чему какие-то газовые банты на шее. Ты - не старуха, для которой это способ скрыть дряблую шею. Впрочем, с Московскими модами я не знаком.

Катя - прелестна. Она еще сформируется через год-два. Напрасно, подражая манекенам - расставляет ноги. Прическа разрекламированная лет [X.] 10 назад плохим кино (Brigitte Bardo), здесь давно уже вышла из моды (между прочим, эта прическа никогда не завоевала симпатии интеллектуальных слоев прекрасно-

го пола - носили ее горничные, средние факт или [?] и вообще "улица").

По некоторым гримасам - ей прямой путь в комедию, на характ. роли - очень важно найти сейчас "верный" путь.

Прости за эту небольшую и, в общем, не злостную критику.

Еще раз, не волнуйся о моих счетах с Е. Ф. Да и вообще, ни с кем. Я в 1000 раз лучше, чем ты обо мне думаешь. Но я не "ангел". Прощаю, что можно простить. Здесь тоже надо знать границу. Если ВСЕ прощать, то тебе и голову оторвут. И не почему-нибудь, а так просто, для удовольствия.

Б. Гороновичу, если будет писать - передай привет. Наверное, его адрес лучше мне не сообщать (я предполагаю). Все возможно, все возможно.

Прости за ужасный почерк, но чтобы хоть немного успокоить боль, доктор все время дает мне препараты опиума, веронала, парденола и пр., и я всегда почти, как в тумане.

Ты все думаешь, что я в Париже. Да, радость моя, и надо мне туда, и рвусь я очень, но страшит одна мысль о необходимости остаться одному в полупустой квартире.

Если я уеду, то не раньше 15 июля.

В Крюков написал только Тасе.

Особенно много и не думаю. Что там? Дорогие могилы! Да и сохранились ли они?

Моя родная, сообщи, когда ты уезжаешь в Ленинград.

Будь здорова, моя хорошая, родная, любимая.

Целую твои глазки, и ручки, и всю тебя.

Всегда с тобой

В. М.

Катюшу целую крепко.

Поцелуй Антошу, если увидишь.

В.

№ 28 [открытка]

28-VI-62

Родная!

Два слова только. Твои 18 и 19 получил так же, как и письмо Катюши. Сегодня послал первую открытку в Ленинград.

Обнимаю, целую, люблю.
В. М.

№ 28 bis [открытка]

29-VI-62

Моя Любовь!

Сегодня получил твои 18 и 19 и письмо Катюши.

Сегодня отвечать уже поздно - напишу послезавтра 1 ч. в Ленинград.

Целую тебя и Катюшу.

Люблю, люблю.

Всегда с вами.
В. Макаренко

№ 30

3-VII-62

Любовь моя.

В чем дело и почему ты не получаешь мои письма? Я пишу регулярно. В субботу 29 послал две открытки - одну в Москву, другую в Ленинград. Позавчера послал два письма (тебе и Катюше).

Наверное, ты их получила (во всяком случае, мою открытку) сегодня.

От тебя тоже нет писем вот уже 5 дней.

Не хочу снова повторять написанное в предыдущем письме.

У меня ничего нового. Страшно надо в Париж, но здоровье не позволяет.

Устал я от всего смертельно.

Родная моя, хорошая, любимая, ты ведь знаешь, что я всегда с тобой.

Отдыхай и не беспокойся о моем здоровье. Буду рад получить иногда 1-2 слова.

Будь счастлива, моя радость.

Целую всю крепко-крепко.

Люблю ужасно, как в начале нашей любви.

В. М.

№ 31 [открытка]

[06.07.62]

Моя ласковая, нежная.
Любовь моя драгоценная.

Получил твое 20. Рад, что ты, наконец, сможешь отдохнуть. Прости, что пишу мало. Сегодня был очень занят. Наверное уезжаю в Париж 15, ночным экспрессом. Билет уже есть - вопрос о спальном вагоне - сейчас здесь столпотворение. Завтра напишу. От Таси не жду ничего, напиши ей 21 июня. (Заказное).

Тебя люблю по-прежнему, наверное, больше даже. Целую тебя всю родную, любимую, далекую. Поцелуй Катюшу рыжую. Антоше напишу.

Целую тебя, моя родная. Люблю мучительно, ничего и никого, кроме тебя.

Всегда с тобой
В. М.

№ 32

7-7-62

Любовь моя. Радость.
Родная!

Вчера я написал тебе уже о том, что 15 уезжаю в Париж. Я думаю, что останусь там не больше 15 дней. Как я уже писал тебе, 1 августа наш главный доктор, наверное, отправит меня в госпиталь. Для меня - это ужас, тюрьма, лишение свободы.

Не знаю, что делать с твоими письмами, без которых я не могу уже жить. Не знаю, чувствуешь ли ты это? Лучше всего продолжай писать в "Beau-Séjour".

Мой друг мне их перешлет - я их получу на другой день. В крайнем случае, можешь отослать 1-2 письма в Париж по адресу V. M. 85-bis Rue St Fargeau (№ 3 dans le passage). Paris 20e.

Ведь письма идут так нерегулярно - от 4 до 8 дней.

Не знаю, как я буду вертеться в Париже. Без него тоскую. Попадаю туда - желание бежать на край света от этого безумия.

Я очень рад, что ты уже на отдыхе. Погода во всей Европе стоит противная. Здесь жарко и душно, но все время изматывает нервы местный ветер - мистраль.

Я не думаю, что переписка с Тасей наладится. Это зависит не от нее. Попроси ее сообщить тебе, что нового в Крюкове, сохранились ли могилы дедушки и Жоржика, о тете Саше, Леле и пр. Если можно, пусть пришлет несколько фото. Ей передай мой привет и поцелуй (и Леле также). Как обещал, Е. Ф. не писал, да и не собираюсь. Наверное, атавизмы старой поповской семьи пожрали ее без остатков. Впрочем, это всегда была только попадья (и поповна). Черт - это специальность дяди Тоси - как он мог влюбляться в таких, как Е. Ф. или Г. С.? Для меня это всегда было непонятно. Моя красавица, родная, хорошая, единственная, будь здорова.

Целую крепко до потери сознания.

Поцелуй рыжую.

Привет друзьям.

В. М.

№ 33

Hyères 10-7-62

Радость моя, Любовь моя единственная, безумная!

Ну, что мне делать с тобой? Ведь я пишу тебе 33-е письмо; после нашего знакомства, это дает среднюю 1 письмо каждые 2 дня. Но, прочел я, что одни приходят на 4 день, другие на 7, некоторые на 10. Наверное, "валяются" в Москве.

Сегодня получил твое 22, вчера неполученное 21, вчера же получил письмо от Таси и несколько фото. Письмо грустное, беспомощное, как и она сама. Все могилы, могилы... "Мама умерла, папа умер, Борис не вернулся с фронта, Зоя и Нина пропали без вести..." Тоже разошлась с мужем... Боже, какую жизнь, бестолковую, нелегкую, полную ненужных страданий мы прожили. И для чего? Что выиграла моя родина, которую я люблю наравне с тобой оттого, что я прожил в изгнании 42 года, парием, бесправным апатридом (я 37 лет во Франции, но до сих пор не имею подданства) в страшной борьбе за кусок хлеба, которым меня часто попрекали?

От Лели ни слова - один привет.

Е. Ф., как я и предполагал, уже пришла в ветхость и, почти, не двигается. Итак, не волнуйся относительно "сведения счетов".

В воскресенье 15 в 11 ч. вечера уезжаю в Париж. Продолжай

писать в "Beau Séjour", иначе получится путаница. Мне письма перешлют. (Конечно, кроме заказных). На всякий случай еще раз сообщаю адрес:

B. M.

85 bis Rue St Fargeau (№ 3 dans le passage)

Paris XX.

Я очень рад, что ты встретила кого-то, кто побывал в Париже.

Дороговизна ужасная. Просто грабеж! Профессор Морис возьмет за визит 10-12.000 фр. (У нас работницы получают 33-35.000 в месяц). Советские книги (правда,"сероватые") стоят в 4 раза дешевле франц. (Учти пересылку "бенефис" книгопродавца, франц. каталог и т.д.).

Ну, вот, пока все. Желаю тебе прекрасной погоды и отдыхай, пожалуйста. Бросила ли ты табак? Передай сердечный привет твоим друзьям и Ленинграду.

("...о, самый призрачный и странный, из всех российских городов...", "...где небосвод давно распорот Адмиралтийскою иглой").

Тебя люблю уже постоянной, неизменной, мучительной любовью.

Жалею, что, наверное, никогда не придется и не удастся прижаться к твоим коленям и рассказать так много, так много. Всю жизнь мою...

Целую глаза твои и всю тебя, родную, близкую и недоступную.

Всегда с тобой.

B.M.

Дружок кланяется и шлет свое собачье благословение "навеки нерушимое".

"Рыжую", дорогую, поцелуй 1.000 раз + 1.000.000.

№ 35

12-7-62

Моя Родная!

Вчера и сегодня от тебя ни слова.

Вчера же написал Катюшке, от которой получил открытку (еще московскую).

Я уже писал тебе, что 15 вечером уезжаю в Париж. Это озна-

чает, что останусь без твоих писем 5-6 дней, а я живу только твоими письмами.

Настроение, как у злой собаки, здоровье усталое. Жарко, все липнет, страшное желание уехать к белым медведям.

По случаю нац. праздника, в течение 3-х дней не смогу тебе писать.

Следующее письмо только из Парижа 16. Постараюсь прислать побольше фото.

Сейчас занят всякими хлопотами. Чемодан я не укладываю, но надо поручить кому-то Дружка (без меня он почти не ест и не пьет). Надо найти кого-то, кто бы согласился пересылать твои письма.

Записать миллион поручений (казнь "египетская") и т. д.

Надеюсь, что в Ленинграде установилась хорошая погода и ты сможешь отдохнуть.

Оставляю тебя до понедельника, моя единственная,
любимая, родная.
Всегда с тобой.
Вит. Макаренко

P.S. Пожалуйста,
НЕ КУРИ!

№ 36 [открытка]

[18-07-62]

Любовь моя,
родная, только одна.
Привет из Парижа.
Всегда с тобой. Устал ужасно.
Целую крепко.
В. М.
Поцелуй Катюшу.

№ 37 [открытка]

[прибл. 20.07.62]

Любимая!

Получил пересланное № 28. Грусть! Все один в моей тоске. Тоскую, беспокоюсь! Где он? На каторге?

Совсем больной, разбил очки.

Люблю по-прежнему. Тебя только и можно любить. Всегда с любовью.

В. М.

№ 38

27-7-62

Любовь моя!

Вчера утром приехал из Парижа, где оста[ва]лся всего 10 дней и где получил только одно твое пересланное письмо.

Сегодня утром получил твое письмо № 27 и не скрываю - я плакал, как давно уже не плакал. Ах, как ты умеешь не прощать, даже лишнего слова, даже маленькой дружеской критики.

Нет! Мы никогда не встретимся. Эта встреча невозможна. Теперь уже я сам не простил бы себе ни своей старости, ни седых волос, ни болезни - вообще ничего, что, независимо от воли человека, все же его умаляет и унижает.

Спасибо за желание помочь мне, но я в руках хороших врачей, и они делают все возможное, чтобы помочь мне. Диагноз труден - главное сердце, но есть симптомы для них менее понятные (почти потеря сознания). Я думаю, последств. контузии.

Всех твоих друзей поблагодари сердечно и поцелуй. Сердцем я никогда не отрывался от вас и всегда был с вами.

Будь здорова, моя радость, моя любовь, моя единственная.

Целую тебя крепко-крепко.

В. М.

Катюшу поцелуй.

В. М.

№ 39

le 2 août 1962

Любовь моя, хорошая, дорогая!

Сегодня получил твое письмо № 30. Я уже не ставлю № на своих письмах, как видишь, это ни к чему не ведет. С № или без письма все равно пропадают. В корне это не так важно, в моих письмах для тебя мало радостного, а грустного у тебя и своего больше, чем нужно. Но, конечно, это обстоятельство не возбуждает во мне желания писать часто и побольше, но...

Прежде всего разреши поздравить тебя с Днем твоего Рождения, пожелать тебе от души душевного мира и спокойствия и расцеловать всю тебя, моя единственная и последняя мечта. Рано тебе еще отцветать.

У меня ничего нового. В Париже я почти не выходил, так плохо себя чувствовал. Был только в "кинопанораме" и на одном концерте.

Сейчас я тоже почти не выхожу дальше нашего сада. Вся эта канитель с моим здоровьем так меня утомила. Настроение под вальс Шопена № 10.

На Б. Гороновиче поставил раз и навсегда крест. Ни тебе, ни ему я не желаю прямо, или косвенно причинять беспокойства и тревогу. Да, и вообще никому. Спите спокойно.

Не забудь поцеловать Катюшу - она славная и душа у нее полна романтизма. (Как она влюблена в Ленинград - в наши дни это редкость).

Будь здорова, моя радость.
Обнимаю и целую тебя
крепко-крепко.
Всегда с тобой.
Вит. Макаренко

№ 1 bis

4 авг. 1962

Родная моя, любимая!

Начинаю песни снова. Посылаю всего несколько слов и снова ставлю №.

Ведь от тебя даже одно слово, если оно ласковое, согревает и нежит. (И, боже, как глубоко и больно ранит одно слово упрека или резкости).

Наверное, ты уже получила мое письмо, в котором я писал тебе, что нам лучше никогда не встретиться. Я много думал об этом все эти дни.

Да, все-таки, так будет лучше. Трудно убить заветную и дорогую мечту.

Ничего нового у меня.

Какая-то апатия и усталость совсем захватили меня.

Спасибо за телефон. Но, не следует так беспокоиться (и разоряться).

Вчера получил твою открытку 29. Целую и благодарю!

Начинаю понемногу выходить в город, но не один, до того иногда сильны головокружения.

Будь здорова, моя единственная, и постарайся, наконец, отдохнуть по-настоящему, а то у тебя не отдых, а какое-то perpetuum mobile - "приехала, уехала, побежала, помчалась, снова уехала..."

Бедная ты моя.
Как я люблю тебя!
Если бы ты знала!
Обнимаю и целую тебя
крепко-крепко.
Всегда с тобой.
Вит. Макаренко

№ 2

4 авг. 1962

Любовь моя, любимая,
единственная, родная!

Ну, что мне с тобой делать? Когда, наконец, ты наденешь на себя уздечку и будешь в состоянии жить без моих писем 3-4 дня?

И для чего ты отравляешь твой отдых?

Сегодня у меня просто боевой день. Утром письмо от тебя (№ 31) и сейчас получил от Таси очень нежное и милое письмо, фото Кременчуга и Крюкова и репродукцию с фотографии (наверное, 1894 г.) всей нашей семьи (меня еще не было на "белом" свете).

Бедная Тася! Мне так жаль ее ("Дорогой, незабываемый дядя Витя... как выразить мою благодарность за письмо и фото... ... как сложилась твоя жизнь? Болеет душа и сердце за родной кровинкой (sic)... Вчера ездила к Е. Ф., передала ей твой привет.. Ей 82 года. Она сердечно рассказывала о твоей юности и как крепко любил тебя дядя Тося... для меня это больше чем дорого, что ты жив и, надеюсь, будешь здоров... жду твое письмо как большого праздника... ...крепко целую тебя и это письмо и каждую букву").

Сегодня утром послал тебе снова письмо за № 1 bis.

Сейчас пошлю это - возможно, что оно пойдет тоже сегодня. Но, все что угодно, но только не твое волнение. И потом приучи себя мужественно к мысли, что папе 68 год, что он страшно ус-

тал от всей жизни (не думай, что "тоска по родине" и по тебе, и дяде Тосе, и по Галочке и т.д. - все это - пустой звук), что он очень болен и пр. пр. пр. Я говорю это совершенно спокойно - но очень далеко мне не уйти. Живу я сейчас только за счет нервов и страшной силы воли. Кроме того, вот уже $1^{1}|_{2}$ месяца ежедневные венозные уколы (даже в Париже). Все это мне надоело. Ошибочно думать, что можно быть вечно мужественным, вечно веселым, вечно "брать себя в руки" и т.д. Чепуха! Всему есть границы.

Наверное я бы "вдохновился" еще твоей близостью. Наверное! Но, конечно, не на 5-6 дней. Нет - до последнего вздоха. А сопротивляемость моего организма - просто феноменальна.

А так, в этом "доме отдыха" я зачахну. "Нашел" я тебя слишком поздно. Да и то, надо сказать, что не все гладко на нашем "фронте". Были уже и слезы, и обиды, и упреки, и "камни за пазухой" и прочие дефекты. Чувство они не убивают (б.м. напротив), но зато страшно уродуют его и делают болезненным и тяжелым.

Не печалься о Катюше. Наверное "втюрилась". Б.м. это и не так плохо. Все зависит от того - в кого? Куда уж ей до моих писем? Это - житейское и неизбежное, как корь. Что из этого получится...????

Во всяком случае, поцелуй ее крепко-крепко.

Будь здорова, моя радость, моя единственная, родная.

Целую крепко.

Всегда с тобой

В. М.

№ 3 [открытка]

[06.08.62]

Любовь моя!

Два слова, чтобы ты не беспокоилась. Ничего нового. Получил твою открытку № 31. Ставлю двойку по топографии, ты не можешь жить одновременно вблизи Каз. собора и бывш. Храма "Воскр. на крови". Я знаю Ленинград. Жил на Стремянной 22.

Люблю, думаю только о тебе, буду посылать тебе письма ежедневно.

Целую, тоскую, люблю.

Твой всегда

В. М.

№ 4

7-VIII-1962

Родная моя!

Ты, наверное, уже в Риге. Как ты просила, я все письма адресую в Москву - когда ты их получишь, да и хорошо еще, если получишь.

Сегодня не было почты - очередная забастовка. Это письмо тоже пойдет только завтра.

Я думаю только о тебе. Истомился совсем. Так трудно жить без тебя и с каждым днем труднее, от всех бегу и никого видеть не хочется. Перебираю твои фото, перечитываю письма, несколько твоих фотографий, а также Катюши и Тосика - вставил в рамки и иногда смотрю на вас часами.

Писать мне тебе трудно - сам чувствую, что письма мои скучны и банальны, но что делать? После всяких баталий пришлось посадить себя, как злого пса, на цепь, а в таких условиях я не умею писать. Есть много написанных писем, которые в последнюю минуту я решил не отправлять. Да, наверное, они тебя и не заинтересовали бы.

Вчера написал Тасе и послал ей еще несколько фотографий. Вообще же, больше никому не писал, да, наверное, и не буду.

Как дальше жить - не знаю. У меня такое впечатление, что я и родился только для того, чтобы когда-то встретиться с тобой. А так как мы никогда не встретимся, то жизнь теряет всякий смысл. Так грустно и рассказать об этом некому - все чужие. Дружок слушает, но не понимает.

Немного отвожу душу только слушая музыку. Из Парижа привез несколько новых советских пластинок - их у меня много (много классиков - мой любимый Шуберт, сонаты Бетховена, Моцарт и др.).

До завтра, моя мечта, моя большая, до кошмара большая Любовь.

Целую, целую, целую.

Всегда с тобой

В. М.

Катюшу целую крепко.

№ 5

8 авг. 1962

Родная, Любимая!

Сегодня получил снова пересланные из Парижа твои открытки 24 и 25 и твое письмо № 32 с новыми обвинениями ("Злой, раздражительный... всего этого не понял...").

Радость моя! Надеюсь, что ты получила мое письмо от 26 июля.

Не письмо, а скорее записка в 1 1/2 страницы, но оно многое тебе объяснит.

Это письмо ты ДОЛЖНА была получить.

Твое письмо пришло со штемпелем "Комарово". Значит есть почта. Тогда, для чего я пишу на 9 кан. Грибоедова, а раньше "до востребования"?

Будь здорова, родная.

Ты знаешь, что люблю страшно. Целую крепко-крепко.

Всегда с тобой.

В. М.

Если так будет и дальше - наша переписка оборвется.

В. М.

№ 6 [открытка]

[21.08.62]

Любовь моя, единственная Радость.

Получил твою открытку 35. Ты осталась 15 дней без моих писем, но почему их тебе не пересылали, как ты писала, "регулярно"? (твое письмо от 26 с просьбой писать в Москву).

Люблю очень, больше, все больше, грущу и не знаю, куда себя деть.

Целую крепко всю.

В. М.

№ 7

23-8-62

Дорогая Лиля!

Сегодня получил твою открытку 36 (из Риги) и первое письмо

из Москвы почему-то за № 38. Думаю, что ты ошиблась (б. может, за 37 ты считаешь телеграмму?).

Что сказать о твоем письме?

Прежде всего, не становись на колени и не проси у меня о прощении. Ты - женщина и такая поза тебе не подходит. Это - во 1-х. Во вторых - я ни в чем тебя не обвиняю. И в 3-х - ползание на коленях никогда ни к чему не ведет. Это всегда - слишком поздно. В лучшем случае - отсрочка на день, на два, на месяц, а потом все-таки разрыв. Пожалуйста, умоляю! Последние 3 фразы ни в какой степени не относятся к нашему положению. Поэтому не бросайся на бумагу и не строчи мне очередную "головомойку".

"...Я не знаю, почему я иногда бываю с тобой такой резкой..."

Дальше ты приводишь текст телеграммы от какого-то Х. - "Бесконечную доброту и т. д..."

Радость моя! Я - не психиатр и не психоаналитик. Да, в самом деле, почему? Неожиданно в мозгу всплывали первые строчки:

"Что-то есть в тебе такое
Жесткое, сердитое
По характеру - мужское..."

Это написано твоим мужем, которого ты, безусловно, любила и который знал тебя лучше, чем я.

Быть м. ты бываешь "такой" с теми, кого любишь? Ведь я знаю, что ты любишь меня большой, огромной любовью, которая чувствуется во всех твоих письмах, твоих тревогах, телеграммах, заботах, в каждой строчке. Это любовь могла бы сделать меня счастливейшим из смертных... Но... нет.

В каждом моем письме ты найдешь какую-то, как ты называешь, "словесную блоху", и, боже, с какой непонятной мне стремительностью ты хватаешь перо и бумагу и...

Я еще не забыл твоего письма о твоих туалетах, которые я не критиковал - я писал только о том, что, по-моему, тебе "идет" больше и что меньше.

Это письмо заставило меня плакать. Я, наверное, никогда не найду в себе силы перечесть его еще раз.

Но... Довольно! Сегодня я так спокоен. Клянусь тебе - совершенно спокоен. Я много передумал за последние дни... и сегодняшние "блохи", убитые тобой в моих письмах, меня заставляют только улыбаться. Только!

Быть может, моя улыбка подернута маленькой "горчинкой" - возможно! Но совсем маленькой.

Чтобы закончить эту главу - ставлю тебе 1 по топографии (я ничего не забыл - в следующем письме я точку укажу, на какой дистанции находится Казанский собор от "храма").

Кстати, столько же (1) за твой план (действительно примитивный).

Напрасно ты приняла мое пожелание "спите спокойно" как оскорбление. Более оскорбительны были для меня "приветы", переданные тобой. Дядя Тося меня понял бы.

Я никому не писал (кроме Таси) и, конечно, не напишу. И платонические приветы Б. Гороновича, моральные "копеечки" - мне ни к чему.

Неотправленные письма пошлю, когда получу такие же твои.

Я все их жду. Не на коленях, но почти, я умолял тебя (давно) не ранить нашу любовь недоверием и недоговоренностью...

Боже, как я мечтал о нашей переписке 3 месяца назад. Я никогда не думал, что она может так легко запутаться в узком круге таких же узких интересов, сведений мелких счетов, мелких обид и оскорблений - все это приправленное слезами, упреками, "не понял" не "почувствовал" и т.д.

Теперь скажи! Но откровенно! Что же заставляет тебя писать мне: "Так тяжело. Так тоскую без твоих писем"

Ты просишь меня забыть наши "баталии" и писать, как раньше.

Радость моя! "Баталии" я готов забыть, но писать "как раньше" - мне будет трудно. Да, и для того, чтобы писать, я должен что-то и "получать". Но, я прекрасно понимаю, что у тебя, кроме меня, есть другие связи и отношения, наконец, дети и т. д.

Для писем у тебя не остается много времени. Ведь вот скоро 4 месяца нашего знакомства, а я до сих пор ничего не знаю нового о дяде Тосе. Как будто ты и не жила с ним, как будто никогда вы не проронили слова обо мне, о друзьях, о его жизни в Москве, о его ранней смерти, наконец. Даже о себе - так мало. Вся биография в 3-х словах. "Я - на фронте" (?). "Я - в институте!" (??)

Моя жизнь, я думаю, тебя интересует немного (моя прошлая жизнь) - поэтому и пишу о ней очень мало. Что поражает - никто до сих пор не заинтересовался дополнительными сведениями к биографии дяди Тоси (о чем жалеет Балабанович в своей книге "А. С. Макаренко"?).

Но ведь я помню его еще с Белополья (мне было тогда 4-5 лет)!

Тебя это мало интересует и это понятно, но неужели у тебя нет связей в литературных кругах?

Впрочем, все возможно. Надо все учесть, это очень важно.

Любовь моя, сегодня заканчиваю, скоро 6 ч. Знаю, что пишу не такое письмо, какое ты ждешь, но что делать? Быть может, когда-нибудь...

Здоровье мое лучше. Было очень трудно. Сейчас я вешу 72 к. (80 - до болезни) - в январе я имел всего 65 к.

Как ты себя чувствуешь? Куришь ли? Напиши подробно.

О встрече пока не думаю. Об этом напишу отдельно. Да и для этого нужны деньги, а почти все мои деньги "заморожены" до окончательного развода - он тянется уже 4 года, и когда я его получу - один Бог знает.

В ближайшие дни не жду от тебя больших писем, знаю, что с семьей у тебя много работы. Но я довольствуюсь 2-3 словами - день без твоей, хотя бы открытки, потерянный и грустный.

Напишу тебе завтра - обязательно.

Будь здорова, моя родная, моя любовь.

Живу только тобой и твоими письмами.

Только и думаю, что о тебе.

Обнимаю и целую

крепко-крепко тебя и Катюшу

В. М.

P.S Ради бога, перестань во всех письмах просить извинения за почерк.

№ 8

24-8-62

Моя единственная!

Сегодня от тебя ни слова. 24 часа ожидания до завтра.

И все-таки я тебя без памяти люблю, наверное, за вчерашнее письмо получу страшный "нагоняй".

И вот - все-таки пишу, лезу к тебе почти "на четвереньках" со своей любовью, несмотря на полученные "шишки", "фонари", "синяки"...

Не переписка, а какая-то пулеметная дуэль.

Не любовь, а сплошная Куликовская битва.

И все-таки люблю, люблю. Вся душа полна только тобой. А здесь

я такой одинокий - кругом пустыня и враги. Так бы хотелось быть где-то возле тебя, хоть бы на цепи в собачьей конуре, лишь бы дышать одним воздухом с тобой.

Люблю, тоскую.
Всегда с тобой.
В. М.

№ 9

25-8-62

Родная, Единственная,
безумно Любимая!

Наконец, ты получила письмо от 26. Но, умоляю - не терзай себя. Если бы ты знала, как хочется обнять тебя и успокоить, и осушить твои слезы.

Все, все прощаю - и прошлое, и все, что будет в будущем. Даю тебе carte blanche на все возможные впредь "головомойки" и т. д., и т. д.

Тем более, что, конечно, я должен бы быть более джентльменом и воздержаться от всего, что так или иначе могло бы задеть тебя, твою чувствительность и болезненную чуткость.

Великодушно прости. Ведь и правда, мы так похожи друг на друга. Даже внешне. Даже руки у нас с тобой, кажется, одинаковые - теплые, нежные и ласковые.

Но больше не хочу ни упреков, ни слез, ни оскорблений. При желании этого всегда можно избежать. Стоит только применить небольшую систему автоконтроля.

Сегодня у меня нет времени, т. к. твое письмо я получил довольно поздно, а по субботам почта закр. в 4 часа. Завтра отвечу на многое и, конечно, прежде всего, о возможности нашей встречи.

Не думаю, что ее возможно будет осуществить. Главное препятствие - деньги. Мое положение ты знаешь. Я уже писал тебе, что я смогу получить свои деньги только после развода.

Но об этом завтра. Спешу, спешу. Родная, если можно, как говорится - начнем новую жизнь и все недоразумения выбросим в мусорный ящик. Ведь ты - золото, сокровище, редкий, хороший, замечательный человек. Наконец, ты моя единственная.

Люблю, все забыл, прощаю.

Прошу простить, целую, целую, целую.

Только ты одна до последнего вздоха.

Всегда твой.

В.

Катеньку целую крепко-крепко. В моем письме от 23 (я не пишу без корректуры) я допустил ужасную ошибку. Вместо слова "женщина" (ton Dieu!) поставь "ДАМА"

Целую руки. Прости.

Завтра воскресенье, ты остаешься один день без моих писем. Радость моя, любовь большая, огромная!

№ 10

26-8-62

Моя любимая, Родная,
Солнышко мое, Красавица моя!

Сегодня постараюсь объяснить, почему наша встреча очень проблематична. В твоем последнем письме ты пишешь, что она (встреча) зависит только от меня. Радость моя, если бы только все зависело от моей воли и желания, то я сейчас бы пешком поплелся бы в Москву. За свою жизнь я путешествовал и в самых дорогих экспрессах, но приходилось ездить и на буферах, и под вагонами, и на вагонах, а сколько километров я сделал "пешедралом" - без гроша в кармане и без паспорта (иногда без куска хлеба) - об этом знает только один господь бог - у него все записано (за все это я, наверное, получу награду "на небесах" - во всяком случае, по поповской "теории").

На деле же все получается не так просто. Не говоря о визах, разрешениях, вызовах и пр. - нужны самые "презренные" деньги, плюс (в моем случае) - здоровье.

В последнем письме я писал тебе, что мне лучше и т. д., но все это так непрочно и в дороге может повториться. Учти всевозможные эмоции и очень даже сильные - Родина, Москва, а главное ТЫ, моя старая, наболевшая рана, мечта, ставшая реальностью и теперь необходимость снова потерять тебя и снова потерять Родину, и снова уехать куда-то в "чужое", "надоевшее", злобное и шовинистическое... Это был бы для меня большой удар. Я говорил о моей поездке с нашим доктором - он прямо говорит, что это слишком рискованно. (Теперь - дело прошлое, но в январе я был без со-

знания 25 минут и спасло меня только то обстоятельство, что я свалился в самом кабинете врача).

В самом деле, что ты будешь делать со мной в таком случае в Москве?

Вторым фактором являются деньги. Мне ли ехать в Москву, тебе ли приехать в Париж (только в Париж) все равно - мне нужны довольно большие деньги. Как, что и почему, я считаю объяснять излишне.

О некоторых фактах мы молчаливо решили раз навсегда больше не вспоминать. Такая позиция мне понятна, но это нисколько не увеличивает мой свободный "капитал".

Пойти на компромисс - я не могу, да, это было бы просто и нечестно и, что хуже, морально "нечистоплотно".

Если принять во внимание, что с 1931 г. я был (до 1958) "патроном" и жил, если не в роскоши, то во всяком случае и не оскорбительной tesquinerie, то - принять тебя, мою любимую, сейчас здесь, в Париже, в обстановке жалких и мелочных расчетов, не обновить твой гардероб ("в обед - 20 лет"), не показать тебе Ривьеру, не послать подарки Катюшеньке и Тосику - это выше моих сил. Это значит потерять свое лицо, потерять б. м. частицу твоей любви.

Наконец, я должен уплатить твой voyage - aller et retour, это правило - иначе тебя не выпустят.

По самым скромным подсчетам мне надо 250-300.000 фр. - такой суммы у меня (СВОБОДНОЙ) нет. Есть деньги, но они у нотариуса и часть их я получу только после развода. В 1958 г. я начал дело о разводе. Ты не можешь себе представить, в каких условиях - это трудно сделать здесь для человека, не обладающего "бешенными" деньгами (кино-"звезды" и пр. только и делают, что "женятся" и разводятся - реклама, "пища" для бульварных журналов).

Я должен был представить 3-х свидетелей, взять адвокатов и т. д. Дело идет через трибунал. Поездки в Ниццу из Парижа, "авансы" адвокатам и пр. и пр. и пр. Наконец, приближается день суда. За неделю скоропостижно умирает мой главный свидетель, через 5 дней второй. Я теряю процесс и около 250.000 фр.

3 месяца назад моя супруга начала со своей стороны дело о разводе. Теперь у меня расходы по защите - снова адвокаты (жулики!!!) и вообще все сначала.

Вот, детка родная, в каком положении находится вопрос о нашей встрече.

Ты снова, наверное, спросишь - "почему ты меня отыскал так поздно?"

Здесь еще много для тебя неизвестного. До 1953 я не мог тебя искать по причинам, ясным даже для любого воробья. Кроме того, в 1952 г. я узнал, что тебя нет в живых, что ты погибла ужасно в 1939 г. Ты никогда не узнаешь теперь, как я плакал, и сколько времени я плакал. Почти год я ни с кем не говорил, даже с близкими, даже с женой, и, по существу, это было началом конца. Если бы она была чуть-чуть "тоньше" и умней - она бы поняла мою страшную драму и нашла бы постепенно какой-то выход. Она же ничего не поняла и сделала страшную оплошность - ввела в наш дом своего сына от первого брака - 20-летнего шалопая, лентяя и к тому же не совсем "чистого на руку". Все полетело вверх тормашками, и в воздухе повисла возможность самого настоящего преступления. Надо было уходить от этого кошмара и ликвидировать почти за половину стоимости, дом в Париже, виллу в Cros-de-Cagnes с 1000 м² сада, бросить 300.000 фр. мебель и пр. и пр. Но так как все мы имели en commmaute (общей), то 1/3 освободившихся денег лежит у нотариуса до полной ликвидации. "Улита едет - когда-то будет".

Все это было бы полбеды, если бы не мои годы и мое здоровье. Сейчас здесь жить трудно (в особенности после ухода из Алжира), но у меня старые связи, и я мог бы еще работать (вести дело), но...

Конечно, я делаю все усилия, чтобы достать эти деньги. Я мог бы их найти у друзей (французов - с эмигрантами я не очень соприкасаюсь - такой разнобой здесь, "подалее от этих хватов").

Но я не могу (и ты мне не порекомендуешь) это сделать без уверенности в возможности их возвратить.

Ну вот, моя милая крошка, моя сладкая девочка, моя радость. Сегодня не написал столько, сколько хотел, но неожиданно пригласили сделать в автомобиле прогулку в Ниццу, и не могу отказать себе в этом небольшом удовольствии, тем более, что давно уже не сидел за рулем.

Итак, до завтра. Будь здорова, моя драгоценная, единственная, Родная.

Обнимаю и целую крепко.

Всегда с тобой.

В.

P.S. Ликвидация прошлого. Совершенно спокойно. Между Каз[анским - Г.Х.] Соб. и "Храмом" по-военному (т. е. от центра и до центра) 900 метров. Уступаю тебе 100 м. (от стены до стены). 900-100=800 м (200 м это по "дамскому" глазомеру, т. же, как и "напротив". Пользуясь такой терминологией, я могу сказать, что я живу "напротив пирамиды Хеопса.

Боюсь, как бы не было в письме больше 20 гр. Напиши, если тебе придется доплатить, почта закрыта и взвесить негде.

Целую крепко, целую.

Целую. Целую. Целую. Целую. Целую. Целую. Целую. Целую. Целую.

Любимая, родная.

Только ты одна. Люблю, люблю.

Люблю - не будь со мной жестокой...

№ 11 [открытка]

27-8-62

Счастье мое, радость, родная
страшно любимая!

Ни слова от тебя сегодня. Вчера послал тебе письмо, которое тебе многое откроет. Грущу, печалюсь, не знаю, как вырваться из тупика, в котором застрял вопрос о "нашей" встрече. Боже, как мне тяжело, как обидно это, как несправедливо. Вчера доехали только до Канн. Вернулись довольно поздно. Ночь почти не спал, все думал о тебе. Нервы совсем измотаны. Люблю безумно. Только ты одна - моя самая безумная любовь.

Целую глаза твои, руки, ноги, всю тебя.
Всегда с тобой.

В.

№ 11 bis

29-8-62

Любовь моя, родная, единственная!

Пользуюсь случаем, чтобы передать тебе несколько слов.

Я получил от Катюшки письмо, она беспокоится моим молчанием. Но я думаю, что ты уже получила мои письма. Я писал все эти дни (кроме вчерашнего - было письмо от Таси). От тебя снова нет писем вот уже 5-й день.

Наверное, опять что-то не так. Я уж не знаю, с какой ноги танцевать.

Впрочем, наверное, у тебя просто пока что нет времени. Знаю, знаю. Дети, школа, квартира, письма друзьям.

Терпеливо жду.

Будь здорова, моя радость.

Обнимаю и целую крепко-крепко. Завтра напишу обязательно.

Всегда с тобой.

В.

№ 12 [открытка]

[30.08.62]

Родная, любимая.
От тебя ни слова.
Умолкаю.
От души желаю всего лучшего.
Обнимаю и целую крепко-крепко.
Дружок целует вас всех.

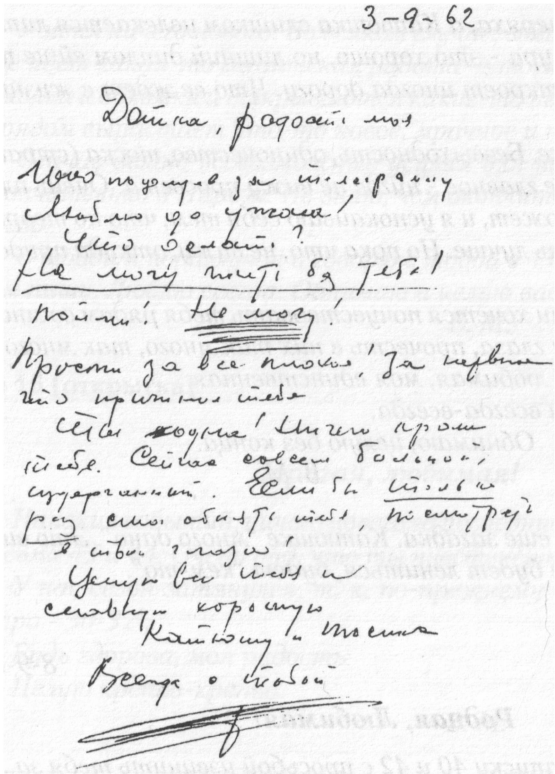
В. М.

№ 13

3-9-62

Детка, радость моя!

1000 поцелуев за телеграмму. Люблю до ужаса!
Что делать?


3-9-62

Дайка, фафай мой

Мало подумало для телеграмму
Люблю до ужаса!
Что больше?
Не могу жить без тебя!
Пойми! Не могу!
Прости за все плохое! За нервное
что причинил тебе
Сейчас больна! Ничего кроме
тебя. Сейчас совсем больной,
издерганный. Если бы только раз
смог обнять тебя, посмотреть
в твои глаза!
Целую всю тебя и
славную хорошую
Катюшу и Тосика
Всегда с тобой
В.

Не могут жить без тебя! Пойми. НЕ МОГУ!

Прости за все плохое! За нервное, что причинил тебе.

Ты одна! Ничего, кроме тебя. Сейчас совсем больной, издерганный. Если бы только раз смог обнять тебя, посмотреть в твои глаза!

Целую всю тебя и славную, хорошую Катюшу и Тосика.

Всегда с тобой.
В.

№ 14

4-9-62

Родная, Любимая. Моя Единственная!

Только несколько слов - только чтобы сказать тебе о моей любви, которая, несмотря ни на что, все идет "crescendo". Чтобы обмануть себя, уверяю самого себя, что радость нашей встречи длилась бы всего несколько дней, а потом - реальность. Может быть, это и не обман. Старость, бессилие, бесполезность и пр. и пр..., все это охладило бы, во всяком случае, твое чувство. Да и меня бы это все терзало.

Вчера вечером получил письмо от Катюшки и Антона. И один и другой содрогаются от мысли только, что предстоит новый учебный год.

Я не хочу вмешиваться в твою педагогическую систему. Да, и в воспитательную. Ты - умница - сама видишь, где прорехи. Тосик,

кажется, немного неряха, а Катюшка слишком увлекается литературой. Литература - это хорошо, но лишний диплом ей не помешает, а м. б. и откроет иногда дорогу. Что ее ждет в жизни - неизвестно.

У меня - все то же. Безвыходность, одиночество, тоска (страшная) по тебе. Самое главное - нигде не вижу просвета. Очень плохо, хуже быть не может, и я успокаиваю себя тем, что по теории дальше должно быть лучше. Но пока что, не вижу, откуда придет это "должно".

А мне уже до боли хочется почувствовать тебя рядом со мной, посмотреть в твои глаза, прочесть в них так много, так много...

Радость, детка, любимая, моя единственная.

Только с тобой и всегда-всегда.

Обнимаю, целую без конца.

В. М.

Антон для меня еще загадка. Катюшке "много дано". Это видно по всему. Если не будет лениться, будет "кем-то".

№ 15

8-9-62

Родная, Любимая!

Получил твою записку 40 и 42 с просьбой извинить тебя за...

Любовь моя! Я знаю, как тебе трудно, и поэтому ничего особенного не прошу. Пиши, когда есть время, желание и настроение.

Очень благодарен за фотографии. Вы все - прелестны, Антон, в особенности.

Ты спрашиваешь, почему я не посылаю старые фото. Не знаю. Быть может потому, что у меня сложилось впечатление, что в "прошлом" ты предпочитаешь не "копаться" (ни в моем, ни в твоем).

"Сердце будущим живет".

Почему вдруг ты решила "взглянуть" на мою супругу. Ведь ты ее видела на маленькой фотографии, снятой у решетки моей виллы в Cros-de-Cagnes. Я сижу с маленькой собачкой "Betry" - моя жена рядом со мной.

Ничего подходящего под рукой нет. Посылаю плохое фото у моей последней машины (1958) и небольшое фото, которое она мне прислала в прошлом году.

У меня ничего нового. Во всяком случае, внешне. В мозгу и в сердце идет какая-то гигантская работа - что-то рушится, летят осколки и обломки и открываются какие-то невозможные бездны, а рядом вырастает что-то новое, мрачное и неумолимое...

Сейчас делаю всевозможные усилия для того, чтобы уехать окончательно в Париж. Не знаю, чем окончится, но здесь мне надоело.

С тобой я неразлучен и говорю с тобой в 1 000 000 раз больше, чем пишу. Люблю всегда. Обнимаю и целую вас всех.

В. М.

№ 16 [открытка]

[13.09.62]

Дорогая, любимая!

Никаких событий, ничего нового за последние дни. Получил твои письма 43 и 44. Очень рад, что ты чувствуешь себя лучше.

У нас сезон затянулся, т. к. по-прежнему безоблачное небо и жара - 30-32°.

Будь здорова, моя радость.

Целую крепко-крепко.

В. М.

№ 17 [открытка]

[15.09.62]

Родная, любовь моя большая.

Получил твое 45 и письмо от Катюши. Целую и благодарю, но, боже мой, когда вы, наконец, начнете жить "по-человечески", а не как на вокзале или на ярмарке. И когда, наконец, вы будете читать мои письма тоже "по-человечески". Ведь все ваши письма я "вылизываю", как Дружок свою тарелку. А от Катюшиного письма можно впасть в тихое помешательство. Но... все прощаю и люблю по-прежнему.

Целую твои глаза, руки, всю тебя.

Отвечу завтра.

В.

Катюшу и Тосика люблю и целую.

№ 18

16-9-62

Детка моя, хорошая, нежная, ласковая, до ужаса близкая и дорогая!

Вчера получил твое такое ласковое письмо. Хотел ответить тебе сегодня, но мне с утра так плохо.

Какой кошмар наша любовь! Для чего и кому это нужно?

Как жить без тебя - не знаю. Если бы была какая-то надежда на встречу - но ведь нет почти никакой. Вчера я узнал, что я могу поехать в СССР только окончательно - навсегда. На время дают визы только тем, у кого есть франц. подданство, или тем, кто в 46-47 г. принял советское. Следовательно, остается только твой приезд сюда. Но и это не так легко. Деньги м. б. найдутся, но разрешение, наверное, не так легко получить.

Вчера понял, что у тебя просто нет времени на переписку. Какая переписка, когда у тебя перманентный "постоялый двор". Я отвык от этого. Здесь "у себя" - священно. А у тебя постоянно торчит кто-то - знаю все это - спанье на полу, чаепития без конца, бесплодная болтовня - вообще - непродуктивно.

Никакого кузена Ильи у меня нет и не было. Из Белополья мы уехали в 1900 г. (мне было 5 лет) и больше никогда туда не ездили. Я помню два дома, где мы жили, вообще многое сохранилось в памяти. В 4 года дядя Тося научил меня читать. Писать я научился уже в школе. Помню, как умерла моя сестра Наташа - ей было 7-8 лет. Помню, как с уличными мальчишками я залез в чужой сад красть яблоки (в нашем саду были свои великолепные). С меня сорвали шапку и надрали уши - они распухли как лопухи и горели до ужаса. Дядя Тося, хотя был старше меня, был страшный плакса, ревел, когда надо и когда не надо.

Боюсь за Катюшку. Чем больше я узнаю, тем больше вижу, что через одно поколение она унаследовала мой характер и темперамент. Сложный, запутанный, мятущийся, всегда в движении - в жизни ей это только навредит (как и мне).

Отвечу подробнее завтра. Прости за каракули, но с утра меня напичкали всякими пилюлями, и я едва держусь на ногах. Сердце и левая нога болят до кошмара.

Что сказать еще? Люблю до экстаза, до желания умереть у

твоих ног. Прости за все. Если бы ты знала, какое желание все забыть в твоем объятии.

Целую всю, моя радость, моя любовь, мое все.

Всегда-всегда с тобой.

В. М.

Целую Катюшу и Антона.

Что вы там напутали с "дамой"?

Сохраняешь ли ты мои письма? Ответь обязательно.

С костюмом Антоше очень сложно. Купить нетрудно, но переслать отсюда - целое событие. Объясню в письме.

Целую твои глаза 1 000 000 раз.

Чего это Катя "причипилась" ко мне за копию от фото?

№ 18 bis [открытка]

[17.09.62]

Любовь моя!

Прости, но писать тебе сегодня не в состоянии. Вынужден лежать все время. Совсем измучился от тоски, от бессилия, от невозможности что-то изменить.

Так все складывается грустно и бессмысленно. Жить не хочется, потому что невозможно больше бороться с жизнью. Дружок болен тоже. Сегодня отправлю его к ветерин. врачу. Люблю, тоскую. Только ты.

Всегда с тобой.

В.

№ 19

Toulon 25-9-62

Моя родная!

Вчера вечером получил твою исповедь. Благодарю за доверие. Опечалила она меня бесконечно - не спал почти всю ночь, думал о тебе.

Последние дни не писал тебе, т. к. чувствовал, что сейчас тебе не до моих писем.

Сейчас пишу тебе из Тулона, где я всего на несколько часов.

На твое письмо отвечу завтра. Впрочем, что я смогу ответить?

Ведь ничего уже изменить нельзя. Вчера же вместе с твоим письмом получил письмо от Таси, которое здесь прилагаю. Я думаю, что то, что она пишет о моих правах на наследство - просто наивно. Но на всякий случай, я рекомендую тебе поговорить с хорошим адвокатом или с кем-нибудь из Союза Сов. писателей. Я совершенно не знаю советск. законов о правах на наследство. Но здесь, во Франции, эти права регламентируются точными законами и поэтому твоя фраза о том, что м-ме Салько лишила тебя наследства, мне просто непонятна. И м. б. и сейчас не поздно отвоевать твои права. Ведь ты являешься прямой и кровной родственницей дяди Тоси. Повторяю, здесь лишить кого-то наследства так просто, по прихоти, не так легко. Еще раз прощу - обратись к юристу. Если есть хоть маленькие шансы на успех - надо начать дело. (Конечно, если у меня есть какие-то права, я их целиком передам тебе - и с радостью).

Будь здорова, любовь моя. До завтра.

Обнимаю и целую крепко.

Всегда с тобой.

В.

№ 20

26-9-62

Родная!

Вчера из Тулона отправил тебе небольшое письмо. Сейчас не время больших писем. Моральные сентенции, громкие слова и гордые позы - неэффективны там, где требуются самые обыкновенные рубли.

Да, кроме того, этих самых слов, поз и "выпьем за..." - я вижу в твоем окружении больше, чем нужно.

На твое большое письмо, по существу, ничего не могу ответить. Тебе 42 года - это молодость еще (физиологическая), но в смысле формации - это уже полная зрелость. У тебя есть свое мировоззрение и свой моральный кодекс, в особенности в той части его, которая регламентирует брачные контракты и так называемые "семейные устои".

Да и твое ли все это? "Новые времена - новые нравы".

Повторяю, все это теперь ни к чему.

Сейчас надо действовать и очень спешно. Как это сделать, я не знаю, но я вижу, что жизнь Катюши уже ломается (к худшему - потому что работать и учиться всегда было трудно).

Помочь тебе материально сейчас я не могу. Если есть какая-то доля истины в письме Таси (я сомневаюсь в этом), постарайся это выяснить.

Вчера я говорил с одним французским адвокатом. Он берется (здесь за все берутся) взять мое дело, но, конечно, без гарантии за успех, а кроме того, просит сразу же на "предварительные расходы" 100.000 фр. (за ними будут другие 100.000 и т.д. - картина мне знакомая).

Не отчаивайся. У тебя много друзей, есть Катюша, наконец, есть муж, хоть и ех. (Какая у него сейчас семья по счету?)

Будь здорова и не падай духом.

Обнимаю и целую крепко.

В. М.

№ 21

8 oct. 62

Дорогая, любимая!

Я не писал тебе, потому что был не в состоянии связать двух слов. Я все еще нахожусь под впечатлением страшного удара, нанесенного твоей большой новостью. Трудно молиться поверженным кумирам. Сейчас я начинаю понемногу разбираться во всем. Но ты невиновна.

Во всем виноват дядя Тося. Он проповедовал высокие идеи и принципы, написал "Книгу для родителей", но из своей семейной жизни сделал гримасу, карикатуру. Не хочу писать о нем дурно, но о нем ты много не знаешь. Напишу подробно только, если ты об этом попросишь. Моей жизни и меня самого ты почти не знаешь. О моих "глупостях" ты тоже ничего не знаешь.

Твоя жизнь разбита не Г. С., а дядей Тосей. Сделай усилие и постарайся понять это.

Мне очень плохо сейчас. Дружок отравился.

Тебя люблю по-прежнему. Встретиться нам, наверное, не придется. До конца мы останемся только "призрачными".

Обнимаю, целую крепко.

В.

№ 22

24 oct. 1962

Родные, любимые,
единственные!

Что случилось? Сегодня получил вашу телеграмму-манифест за подписью всего коллектива.

Думаю, что вы что-то переоценили и напрасно волнуете старика такими словами, как "ждем".

Я привык получать от жизни удары, пинки и колотушки, и поэтому просто не хочу верить в возможность поймать "Синюю птицу" - увидеть вас живыми и реальными.

Держу себя крепко на узде, и пыл воображения погашаю холодной водой философского скептицизма.

Но, во всяком случае, бесконечно рад и благодарен за ласковые слова и любовь. Жить без вас трудно, если не невозможно.

Вашу телеграмму я рассматриваю как начало нового периода наших отношений. Первый - эпистолярный - был неизбежен, но он завел нас в страшные джунгли обоюдного непонимания.

Что будет дальше - не знаю. Но в моей душе - все тот же океан любви к вам, нежности, преданности и всепрощения.

Благодарю вас за многое, очень многое, человеческое и беспредельно ценное.

Свои ошибки я сознаю, но думаю, вы сможете их простить и... забыть.

Будьте здоровы, родные, любимые, далекие.

Обнимаю вас всех и целую крепко-крепко.

Только с вами.

В.

[№ 1]

25-11-62

Моя Родная!

Допускаю, что на мое последнее письмо ты ответила, но твое письмо затерялось.

Поэтому пишу сегодня. Ведь ты знаешь, что люблю по-прежнему и думаю о тебе каждый день.

Посылаю заказным и прилагаю несколько последних фото с "Дружком".

Обнимаю, целую, крепко-крепко

В. М.

Катюшу и Антона целую.

В.

10 ч. Детка, родная!

Сейчас получил твое письмо от 21. Боже, как тяжело все!

Люблю, люблю, ради бога, не болей. Напишу сегодня подробно.

Всю целую.

Всегда с тобой,

В. П.

№ 2

27 ноября 1962

Моя родная, снова воскресшая, снова Любимая!

Вчера отправил тебе маленькое письмо с 3 фото. Я там не очень элегантен, но посылаю их, главным образом, из-за "Дружка".

Не хочу возвращаться к прошлому. Забудем раз навсегда.

Сейчас благодарю тебя и вас всех за любовь и ласку, и желание разделить со мной то немногое, что вы имеете. Ты прекрасно знаешь, что я не пойду жить на деньги Васильева. Я уже об этом писал. Вернуться на родину навсегда я не хочу и сейчас меньше, чем когда бы то ни было. О причинах разреши не распространяться. Ехать на несколько дней я не могу, т. к. советская виза на моей паспорте автоматически делает меня советским гражданином и лишает меня протекции ООН. А для меня это существенно.

Остается возможность встретиться здесь. Об этом я тоже уже писал. Деньги у меня могут быть неожиданно (около 3 1/2 миллионов франков). Но доживу ли я до этого - не знаю.

Я тоже провел в госпитале неделю. Был глубокий обморок (почти 1 час). Вот и суди о моих перспективах.

Почему Катя не написала о том, что ты больна? Это нехоро-

шо. Что бы ни было между нами, но ведь все равно ты остаешься моей любимой. Ах, как вы живете, как-то странно. От меня это ускользывает.

Нового у меня ничего. Было скучно и тоскливо без твоих писем. К счастью, Тася из Крюкова пишет регулярно, прислала мне много фотографий (есть твоя в форме медсестры), целую кучу вырезок из газет, книгу "Воспоминания о А. С. Макаренко" и пр.

У нас весна в полном разгаре, цветет мимоза и вообще "благорастворение воздухов", предпраздничная суета, гирлянды и елки в витринах, толпы во всех магазинах. Хочу что-то вам послать. Отсюда посылки принимаются не свыше 500 граммов. Все более тяжелое можно послать через специальные конторы, где "дерут вдвое" (кажется, ближайшая в Марселе).

Вот, моя родная, все мои новости.

Это, так сказать, внешне.

Ну, а в душе... Там другое, более сложное, но, в общем, тихое, умиротворенное и незлобное. Среди кошмара наших дней, тупой и звериной жестокости - всегда можно отыскать красоту извечную. Ее так много вокруг.

А искусство терять самое дорогое я постиг уже давно.

Будь здорова, моя маленькая, родная, любимая, вся жизнь моя.

Целую крепко-крепко

В.

Катюшу и Антона целую 1000 раз.

№ 3

30-11-62

Моя родная!

Никаких вестей от тебя. Надеюсь, что ты получила мои 2 письма - одно с 3 фото.

Сегодня послал тебе небольшую посылку, а завтра посылаю вторую - специально для Антона. Наверное, ты найдешь все это жалким и, наверное, все это у вас есть, но я стеснен не столько своим бюджетом, сколько всякими ограничениями, а главное - я совершенно не знаю ваших размеров. Пожалуйста, сообщи мне №№ обуви, перчаток и № ваших платьев (42-44-46).

Здесь сейчас вакханалия нилона (кажется, у вас это произно-

сится - нейлон). У меня все белье из нилона. Я хотел вам послать нилоновые ботинки, очень элегантные, но какой №. Это очень практично (сообщи, какого цвета ты предпочитаешь - черные или белые). Прости за цвет чулок - они нилоновые.

Но, вообще, посылать вам трудно. Здесь моды ушли вперед далеко, в особенности для молодежи.

Все в обтяжку и вам показалось бы смешным (в особенности - брюки). Я боюсь, что панталоны, которые я послал Антону, вызовут насмешки его товарищей, как у французов вызывают насмешки штаны советских туристов). Впрочем, я думаю, что дома он сможет это носить.

Напиши, что тебе нужно?

Откровенно! Для вашего климата это будет трудно, а тяжелых вещей я не могу посылать.

Здесь всего целые горы, но костюмов я посылать не могу, слишком тяжело. Белье, всевозможные pull-over'ы из нилона, чулки, духи, плащи, косметика, панталоны для дам (в обтяжку - на штрипках), анораки [спортивные куртки - Г. Х.] и пр. и пр.

Хочешь кофе? Молотое, в зернах, в порошке, сгущенное молоко и т. д.

В крайнем случае ты всегда найдешь, кому подарить барахло, которое я тебе посылаю. Я не уверен, что ты даже это получишь (по горькому опыту - когда разыскивал тебя - об этом позже).

Пока обнимаю тебя, деточка, и целую крепко-крепко.

Пишу в постели - страшно нездоровится - такая серая тоска в душе. Будь здорова.

Твой В.

1-12. Боже, какие все почтовые чинули отвратительные. Сегодня 1/2 часа и 10 деклараций, чтобы отправить посылку.

№ 4

25-12-62

Родная моя!

С Новым Годом, с Новым Счастьем, тебя, Катюшу и Антона обнимаю и целую крепко-крепко.

Сегодня католическое Рождество (Noël). Я пишу тебе из гос-

питаля, где лежу уже 10-й день. Вчера получил твое письмо о посылках. (Боже, как ты плохо воспитана!)

Да, да, конечно, я тебе вышлю все, что смогу, если выйду живым отсюда.

Завтра меня везут в Тулон, для снятия электро-цефалло-граммы. Что-то, кажется, лопнуло в моей машине.

Мне, пожалуйста, ничего не высылай и, в особенности, ваш шоколад, я его уже пробовал. У меня имелся 6-ти томник дяди Тоси, но в момент ликвидации моего дома все мои книги я подарил в Русский дом в Ментоне (около 300 шт.) на русском и франц. яз. Все ваши продукты я могу достать в Ницце, а книги и пластинки выписать из Парижа. Да, и ничего мне уже не нужно. Получила ли ты 2 пары чулок?

Зачем портить вещи и давать Тосику портить вещи, заведомо ему не подходящие. Продай их - я вышлю ему другие - ведь я тебе выслал с ярлыком (12 ans) - 12 лет.

О посылках я тебе уже несколько раз писал все, что знаю по этому поводу. Нет, не идет тебе в профит [на пользу - Г. Х.] - постоянное пребывание в Sleeping-car.

Ну, пока, плохо. Обнимаю.

Целую тебя, Катюшу и Антона.

В.

№ 5

2 января 1963

Моя родная!

Прости за почерк, но я все еще в постели. Сегодня получил твое письмо и телеграмму. Благодарю очень. Целую крепко-крепко.

Не надо тревожиться, любовь моя. Ведь ты ничем мне помочь не можешь. Да и чем помочь.

Лежу я в госпитале, но чем я точно болен - никто не знает; я думаю, все же это последствия общей контузии. Результаты цефалло-граммы еще неизвестны. Один день мне лучше, потом снова плохо. Меня почти ничем не лечат, да и что можно сделать?

Во всяком случае, не волнуйся и не тоскуй. От судьбы никто еще не ушел, куда бы она не клонилась: к хорошему или плохому.

А тебе, по секрету, скажу, что я так устал от ВСЕЙ моей жизни...

Больше устать - уже не-воз-можно. Но ты этого не поняла и не почувствовала.

Спасибо тебе за марки дяди Тоси, не говоря уже о слабой технической стороне, выбор фото, по моему, неудачен. Для дяди Тоси это не характерно и совсем не отражает его внутренний мир, а если и отражает, то только одну из его сторон и как раз наименее известную и наименее доступную широкому кругу читателей. Здесь Тося - романтик (правда, он таким и был, но только для избранных).

Если сможешь - пришли мне еще 3-4 марки (погашенные, даже лучше).

Ну, вот, моя любовь, сегодня кончаю, писать мне трудно.

Я очень рад, что Катя оставила работу, ни к чему все это было.

Обнимаю и целую вас всех крепко.

В.

О холодах - у тебя сведения ошибочные. Морозы были в Эльзасе, Савойе и Центральном Массиве - небольшие в Париже и Центральн. Франции.

У нас шел дождь, и только 25 дек. выпало несколько снежинок. Но морозы вообще здесь бывают раз в 50 лет - тогда это страшная катастрофа, т. к. гибнут цветы и овощи, и убытки исч. миллиардами. Нас спасают Альпы. Уже в Марселе в этом году 24 дек. выпало 32 сант. снега, но он исчез уже на другой день.

№ 6

5-1-63

Моя родная!

Сегодня вышел из госпиталя, но чувствую себя очень слабо - едва ползаю.

Получил письмо от Антоши - поцелуй его. Я ему напишу, когда он снова будет в Москве, тебе напишу подробнее завтра, или в понедельник.

Будь здорова, моя радость, обнимаю и целую крепко-крепко тебя и Катюшу.

В.

№ 7

8-1-63

Родная моя!

Благодарю сердечно за милое письмо, которое я получил сегодня.

Не волнуйся и не терзай себя - ведь ничего нет ужасного. У тебя еще целая жизнь впереди.

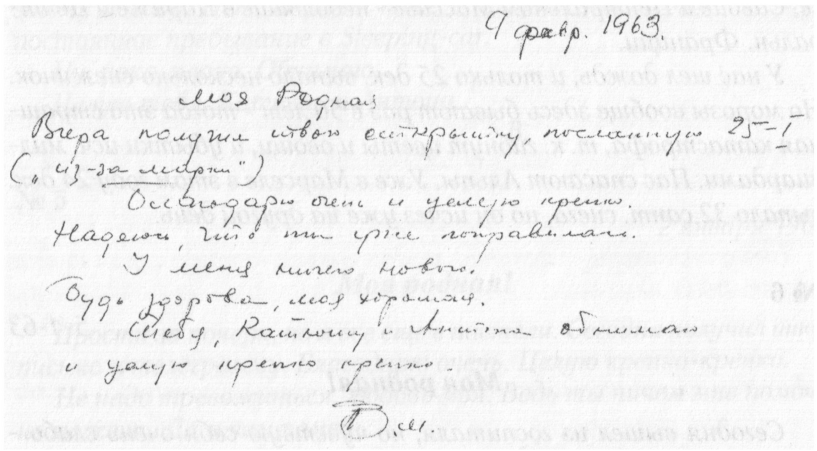
Я вышел из госпиталя, но чувствую себя по-прежнему плохо (по правде сказать, меня там и не лечили).

А сейчас - усталость страшная. Прости, если посылки немного запоздают - я еще не рискую выходить в город - и, во всяком случае, я не смогу выслать тебе все, что ты просишь.

Будь здорова, моя хорошая.

Целую тебя и детей крепко-крепко.

В.



9 февр. 1963.

Моя Родная!
Вчера получил твою открытку, посланную 25-I
(„из-за марки")
Спасибо очень и целую крепко.
Надеюсь, что ты уже поправилась.
У меня ничего нового.
Будь здорова, моя хорошая.
Целую, Катюшу и Антошу обнимаю
и целую крепко крепко.
В.

9 февр. 1963

Моя Родная!

Вчера получил твою открытку, посланную 25-I ("из-за марки").

Благодарю очень и целую крепко. Надеюсь, что ты уже поправилась.

У меня ничего нового!

Будь здорова, моя хорошая.

Тебя, Катюшу и Антона обнимаю и целую крепко-крепко.

В. М.

17 апр. 1963

Моя родная!

Целую крепко и благодарю за вчерашний телефон. Я был искренне рад слышать твой голос.

Но сейчас я верчу в руках стило [перо - Г.Х.] и не знаю, что написать тебе. "Уста мои молчат", и слова не идут на ум. В создавшемся положении ни ты, ни я не виновны. Отец и дочь de jure et de facto, духовно мы оказались чужими, даже больше, чуждыми. На мир мы смотрим с разных точек зрения, а в нашей концепции человеческих взаимоотношений мы оказались антиподами.

Собственно говоря, наша переписка сошла с рельс после твоего 4 или 5 письма, когда, узнав, что я был женат, ты закатила истерику. Я должен был тогда еще поставить точку и снова уйти в неизвестность. Стена, которая отделяла меня от тебя в течение 42 лет, рухнула, но на ее месте ты вырыла бездонную пропасть.

Ты облеклась в тогу прокурора и посадила меня на скамью подсудимых. Но для того, чтобы иметь право на это, надо было бы быть тебе самой кристально чистой. Здесь лучше остановиться. Повторяю - пропасть, которую ты вырыла - бездонна и заполнить ее, следовательно, невозможно.

Встреча, о которой ты снова говорила вчера, почти немыслима! Сейчас мы сохраняем какую-то видимость нейтралитета. Встреча сделала бы из нас двух врагов. Это совсем не нужно.

Вот, дорогая, почему я замолчал. Я - не отец, я - первый встречный. И, как таковой, я не хочу мешать тебе жить, как ты хочешь, и совать свой нос, куда не надо.

Событий у меня никаких. Нашу драму с тобой я пережил очень тяжело, и я постарел страшно, похудел и волосы стали совсем седыми.

Ведь ты была в течение 42 лет тем стимулом, который заставлял меня выносить страдания, работать и всегда надеяться...

Вчера утром я вернулся из Канн, где у друзей провел 5 дней. На заутрене были в Русской церкви. Масса цветов и зелени, великолепный хор, много вечерних туалетов. Потом разговлялись с куличами, пасхами и пр. (Наверное, у тебя это вызовет ироническую улыбку. Я же остался верен старым традициям).

С Тасей вышло просто недоразумение. 1-III по ее просьбе я послал ей небольшую посылку и вложил туда 10 пакетов цветочных семян (нарочно выписал от Вильморена из Парижа) + неилоновую блузу и еще кое-какие мелочи. Был уверен, что она ее получила и удивлялся ее молчанию, и только 9 апр. получил свою посылку обратно со штемпелем Одесской таможни: "Возвратить - недозволенное вложение - семена".

Сейчас готовлю ей другую - уже без семян. Показательно это очень.

Будь здорова, моя родная.

Тебя, Катюшу и Антона

обнимаю и целую крепко-крепко.

В.

[№ 1]

30 декабря 1963

Дорогая Лиля!

Очень, очень благодарю за поздравление с Новым Годом и пожелания. В особенности - "безоблачного счастья". Ты не думаешь, что это самое "безоблачное" теперь пришло бы с "небольшим" опозданием? Это мне напомнило очень старый анекдот о господине, опоздавшем на поезд: "лучше поздно - чем никогда".

Ну, ничего. Это все шутки. В сторону, поэтому. Тебя тоже поздравляю с наступающим Новым годом, и на многие и долгие годы желаю счастья, здоровья, благополучия и много-много денег. Как можно больше! Чем больше - тем лучше. Деньги всем нужны. Даже Рокфеллеру или какому-нибудь, там, Моргану. Даже, может быть, Рокфеллеру деньги нужны больше чем тебе, потому что он без денег - ноль, пустое место.

Итак, поздравляю, желаю и очень, очень нежно целую и обнимаю крепко (как люблю, а люблю, как умею, чем богат - тем и рад, пожалуйста не взыщи). Итак (еще раз), письмо получил. Не хочу

лукавить - я знал, что письмо придет, так был уверен, что вчера нахально влез в бюро и потребовал. И получил. Но, если бы не получил, то пришел бы снова сегодня и завтра и т. д. - до получения.

Книгу об Антоне не получил еще. Надеюсь получить завтра. Очень много от этой книги не жду. Но об этом когда-нибудь более подробно. Получил конверт - спасибо, очень, очень рад.

Теперь перейдем ко второму листику твоего письма, на котором сначала ты хотела черкнуть какой-то небольшой постскриптум, но... не удержалась и растеклась, как блин на сковородке. (Прости, ты сама все это придумала, никто не суфлировал?)

Очень жалостно получилось, и слова... Какие слова...! Даже у русских символистов таких слов нет.

"Опустошенность...! Ненужность...! Напрасность...!"

В русском словаре эти слова не существуют. Впрочем, это неважно. В этот момент я смотрю в твои глаза. "Но, папа, ведь ты их понял?" Конечно, т. е. постольку-поскольку! Стареть начал! "Идеал, мечта, напрасность". И, в особенности, это самое "спокойное молчание". Ну, а как же, я должен был молчать? Хорошо, в следующий раз (как видишь, не теряю надежды) я буду молчать "взволнованно" или еще лучше - "бурно". Бурное молчание!

Ах, какая все это чепуха! Страшная чепуха! И ничего-то ты не поняла, и ничего ты не почувствовала... Скорее бери ты все эти слова обратно. И чем скорее, тем лучше.

Как любил я тебя, так и люблю, и сколько места ты занимала в моем сердце раньше, столько же занимаешь и сегодня и, наверное, завтра и т. д. - до последнего дня. Это - альфа и омега. Это мое "Credo". Пока я жив, будет жива и моя любовь к тебе. Вот это и значит: "Л-ю-б-и-т-ь". По-моему! А как по-твоему - мне совершенно безразлично. Каждый любит по-своему. Я же привык в жизни защищать свои позиции до конца и, если нужно, рисковать. Для этого требуется "закал". И моральный, и физический! У Антона был хороший моральный закал, но, к несчастью, физически он был беспомощен... и поэтому. И поэтому!

Да, да. Все осталось по-прежнему. И твой портрет всегда у моего изголовья, и твое фото всегда со мной, и думаю я ВСЕ дни о тебе. Я говорю "все". А практически все мое "спокойное молчание" было заполнено тобою.

Замолчать надо было. Наш эпистолярный диалог принял урод-

ливые и недопустимо грубые формы (с двух сторон). Надо было бабахнуть из тяжелого орудия, чтобы разрядить создавшуюся атмосферу.

Что будет дальше - не знаю. Я не любитель заглядывать в будущее. Да и какое будущее? Я неисправимый оптимист - в жизни я выпил такую горькую чашу, что иногда кажется, что то был затянувшийся кошмар и нелепость. И все же я кричу во всю вселенную: "И все же жизнь бесконечно прекрасна!" Только не надо думать, что в жизни кто-то кому-то что-то должен. Это чепуха.

Ну вот, мой ангел. Пока все. Не сердись. Пожалуйста, будь всегда искренна. Я допускаю ложь в мелочах ничтожных, но в крупном - никогда.

Целую крепко.
В.

№ 2

11 февр. 1964

Радость моя далекая,
любовь моя печальная!

Вчера получил твое письмо и благодарю за него бесконечно. Отвечу подробнее на днях. Ради бога, не взваливай на себя всяких обвинений. Я один виноват во всем. Я старше тебя и у меня больше жизненного опыта. Я должен был бы понять раньше, что каждый день нашей разлуки мы уходим все дальше друг от друга. О том, как далеко ушла ты, я могу только догадываться. Быть может, так же далеко, как и Антон. Все возможно, все возможно.

Получил также твою телеграмму, а еще раньше книгу Балабановича. Я тебе ее вышлю обратно. Ведь это - подогретое блюдо. Я тебе писал раньше, то издание этой книги 1951 года у меня имеется. Жаль, что соус остался тот же, до приторности сладкий.

Об Антоне и еще о многом у меня исписаны сотни страниц (для тебя). Но, думаю, что посылать их не следует.

Спасибо за то, что сообщила мне о дне рождения мамы. Оказывается, она на год старше меня. Я об этом забыл. Мне будет 70 лет 2 мая 1965 г. Может быть (и наверное) в этом вопросе ты осталась на прежней позиции непримиримости. Но для меня это

ничего не меняет. Этот день, как и другие, я буду с мамой. Как было всегда, и ныне, и до конца дней моих. И с тобой, конечно. Прибавить или уменьшить что-нибудь - не в моих силах. Разлуку с вами и мою любовь я пронес через всю мою жизнь, как страшную и нечеловеческую тяжесть.

Всегда любил, люблю и буду любить. Целую много-много раз.

В.

[№ 3]

16 февр. 1964

Моя Родная, моя единственная радость!

Несколько дней назад я ответил на твое письмо. Ответ мой носил конспективный характер, но я думаю, что можно на этом остановиться и не утомлять тебя чтением, теперь ненужных и бесполезных контекстов. Пожалуйста, не взваливай на себя обвинений тяжелых, невозможных и которым ты сама не веришь.

Я же делаю тахітит того, что можно сделать в моем положении - всю вину беру на себя. Если можешь простить - то прости. Знаю, что это легче сказать, чем сделать.

Еще несколько слов о "чуде", которое ты ожидала. Чудеса бывают только в сказках - для детей, в евангелиях - для наивных и лицемеров, и на ярмарках - для дураков. Но если бы ты действительно хотела этого "чуда" - тебе стоило только на другой день по получении моего письма написать мне два слова. Конечно, я бы сразу ответил. Но, откровенно, не знаю - было бы это лучше или хуже и для тебя, и для меня.

А сейчас дружески предлагаю тебе считать, что первая глава нашей повести или скорее первый акт нашей драмы (неудачной) - закончен. Поставим точку, опустим занавес - рукоплесканий не слышно - и перейдем к следующему акту - "письмам о незначительном".

Сегодня день рождения мамы. Как я уже писал тебе, для меня это ничего не меняет, т. к. я постоянно думал и думаю о ней. Очень, очень грущу, что мы не обменялись нашими воспоминаниями о ней. А теперь поздно. Сегодня утром написал тебе огромное письмо, но потом уничтожил. В силу всяческих причин надо держать свои чувства "на привязи" и свои эмоции и "порывы души" - под спудом.

Новостей у меня никаких. Здоровье - все то же. Скучаю я здесь, главным образом, от одиночества, т. к. все друзья остались в Париже. Думаю снова перебраться - сделать это будет не так просто. Наверное, придется поехать туда, т. к. письма в этом вопросе мало действительны. Наверное, уеду дней на 15 на католическую Пасху - 29 марта, сейчас там еще холодновато.

Сейчас хочу спросить тебя, что мне делать с твоими фотографиями? В случае моей смерти - их просто сожгут. Если хочешь, я оставлю себе 2-3, а остальные перешлю тебе. Пачку твоих писем я, наверное, сожгу сам - перечитывать их я не смогу. Впрочем, если желаешь, то перешлю и письма. "Шедевр" Балабановича тоже отошлю обратно. Есть еще книга воспоминаний, присланная мне Тасей. Наверное, отправлю и ее - здесь ее просто выбросят.

Пока оставляю тебя, моя хорошая. Я люблю тебя очень и думаю постоянно.

Будь здорова и храни себя, не болей.

Целую крепко.

В.

№ 4

27 марта 1964

Дорогая Лиля, любовь моя!

Прости, но не мог ответить тебе раньше. Твое письмо я получил 6 марта, а на другой день вечером уехал в Париж, откуда вернулся только вчера утром. Пробыл 15 дней в Париже и последние 5 дней в Версале в семье очень-очень старого друга.

Не думай, что я завертелся в парижской суматохе и не имел времени. Нет, конечно, времени у меня было больше, чем нужно. Просто твое письмо переполнило какую-то чашу, причинило мне страшную боль, и я не хотел писать тебе под впечатлением гнева и негодования. Как и ты, я вел бесконечные разговоры с тобой - в театре, на концерте, в метро, на бульварах, в Версале - в чудесном парке - пытался доказать тебе, что 2 х 2 = 4, иногда, для большей убедительности, переходя на французский язык (вернее, не замечая этого).

Какая ты счастливая, что уезжаешь в Петроград. Мы все здесь

до ужаса больны родиной, но Петроград, я думаю, самая болезненная ранка.

Наверное, ты получишь это письмо 1 апреля. Если пойдешь на могилу Антона, отнеси ему от меня букетик цветов - поклонись. Вот все, что могу сделать. Если бы он был жив - наша встреча с ним была бы невозможна.

Борьба идей не разрешается орудиями убийства. Умиротворяющее время уже нацепило вам розовые очки, и вы видите красивое и героическое в том, что мне представляется только кровавой кашей и ликованием лжи и насилия.

А пока что мы можем пожать лапу нашего волосатого предка.

Дубинка, бумеранг, стрела, сабля, танк, атомная бомба - различие в названиях и уничтожающей силе, но полное совпадение идей.

"Счастье грядущих поколений". Будь оно проклято, если оно склеено из несчастий каждой единицы.

Рай потомству - вздор. Потомство вас проклянет, как его проклянет его потомство.

Довольно об этом. А с тобой я разделаюсь позже. Люблю очень и тоскую страшно. Но это не значит, что ты можешь себе позволить все. Никто не может и не имеет права жить без нравственного регулятора, без морального критерия для других и для себя.

За фотографию благодарю. Я не знаю, похожа ли ты на меня, но на этой фотографии я сам на себя не очень похож. Глупо заретушировано и лицо, кажется, опухшим. Это - 1912 год.

Эту фотографию верну охотно. Если среди переданных тебе моих фото найдешь мою фотогр. после 1 ранения - почти в профиль, в темном "френче" со значком военного училища - перешли мне. Буду рад. Кроме того - обрадуешь страшно, если исполнишь следующую просьбу. Не мог найти в Париже - поищи у вас: пластинку (а то и 2 - они у вас дешевы) военные марши в исполнении хор. военного оркестра и в таком же исполнении (военный оркестр) - самые обыкнов. русские вальсы. Пока оставляю. Думаю о тебе всегда и везде. Тебя и ребят целую крепко. (Достаточно ли ты деликатна с детьми????)

Папа.

4-4[5!]-64

Лиля, любовь моя!

Целую крепко и благодарю за телеграмму и за ласку.

Но почему ты ничего не пишешь? Я послал тебе письмо 27 марта (возможно, не очень ортодоксальное). Если это - нежелание (не о чем писать, обижена и пр.), то это еще полбеды, но если тебе мешают писать - это гораздо хуже. Если возможно, объясни, в чем дело.

Я собирался снова в Париж, но 15 апреля умер мой Дружок - для меня это неожиданный и страшный удар.

Будь здорова, моя далекая, желаю тебе всего-всего лучшего.

Целую крепко.

В. М.

[07.08.64] [Открытка]

Дорогая Лиля!

Сегодня я получил твою открытку из Ужгорода. Пишу в Москву, не знаю, сколько времени ты останешься на отдыхе. Я послал тебе 2 слова из Ниццы перед отъездом в Париж, кажется 18 мая. В Париже я пробыл до 15 июля, когда и получил твое письмо. Я напишу тебе большое письмо через несколько дней. Думаю, что это будет последнее. Люблю до боли, до безумия. Всегда с тобой.

Папа

14 авг. 1964 г.

Дорогая Лиля!

Сегодня я получил твое письмо, пересланное, неизвестно кем, из Парижа - смятое, вскрытое и, наверное, много раз читанное. (Там есть много русских эмигрантов). Зачем ты делаешь это? Ведь в Париже у меня все уже ликвидировано, и я останавливаюсь в различных местах, у друзей - в последний мой приезд в Кламаре, под Парижем.

Твою открытку из Ужгорода я получил в госпитале, где лежал после тяжелого сердечного припадка. Я сразу же написал тебе не-

сколько слов и обещал написать "большое" письмо.

Но сейчас, откровенно говоря, я чувствую, что у меня никогда не хватит сил написать такое письмо. Для чего? Поздно, слишком поздно. И, главное, все равно это ничего не изменит. Позиция, которую ты заняла по отношению ко мне, для меня оскорбительно неприемлема. Но ты продолжаешь занимать ее с каким-то, я бы сказал, каменным упорством. Это, конечно, твое право, но ты могла бы предположить, что такая ситуация может окончиться только настоящим, на этот раз окончательным, разрывом.

Даже мой чудовищный оптимизм сейчас разлетелся, как ракета, тысячами гаснущих огней. Только для тебя я создал огромный мир иллюзий. Сейчас я мог бы разрушить его двумя словами. Я этого не делаю - это было бы похоже на месть. По отношению к тебе у меня, конечно, такого чувства нет.

Не знаю, буду ли я тебе писать еще. Скорее всего - нет. От тебя тоже не жду ничего. Я слишком много ждал от тебя и слишком мало получил. В конце сентября или в начале октября я, наверное, окончательно перееду в Париж или под Париж. Все пройдет безболезненно. К одиночеству я привык. Всю жизнь, несмотря ни на что, я был одинок. Поэтому так мучительно я пережил смерть моего "Дружка". На эту потерю у тебя не нашлось даже одного слова сочувствия.

Будь здорова. Постарайся забыть.

Целую.
Папа.

5-IV-65 [Открытка]

Мой дорогой друг!

Сердечно благодарю за телеграмму и поздравления. Наверное, как-то ты меня еще любишь. Ну, а твоих страданий я не стою. Напрасно все это, мы оба страдаем - кому это нужно и за что?

Тоска у меня страшная и некуда уйти от нее.

Люблю по-прежнему.
Обнимаю и целую крепко-крепко

В. М.

[Конец декабря 1965 г.]

Дорогая Лиля!

Я бесконечно рад, что ты мне написала. Благодарю очень тебя, Катюшу и Антона. Поздравляю с Новым Годом, целую крепко и всем вам желаю много светлых и радостных дней.

На днях я отвечу на твое письмо подробно. Я только сегодня утром приехал из Парижа и провел бессонную ночь в поезде - не мог на Лионском вокзале получить спальное место - парижане толпами уезжают на Ривьеру и зимний спорт.

Тебя, конечно, прощаю и за прошлое, и за будущее. Но и ты, если пожелаешь, прости...

Антон совсем молодец, о чем грустит Катюша?

Будь здорова, моя родная. Всех вас целую. Всегда с вами.

В. М.

2-1-66

Дорогая!

Еще раз поздравляю тебя, Катюшу и Антона с Новым Годом и сердечно желаю Вам всего-всего лучшего.

Тебя сердечно благодарю, что написала мне. И напрасно ты думаешь, что это меня беспокоит. Боже, как мало ты меня узнала за эти 3 года.

Ведь моя любовь так и осталась такой же цельной, нетронутой и огромной, как была 3 года назад, 10 лет и всегда, с тех пор, как я узнал, что ты существуешь на белом свете.

Мы не поняли друг друга. Наверное, это было невозможно. Нас разделяют не только 3000 километров, но и 45 лет жизни и многое-многое другое.

Если в прошлом году я просил тебя постараться забыть меня, то только потому, что не хотел больше мешать тебе жить, как ты хочешь. Императив отцовского авторитета, которым был обличен мой отец, у меня просто не существует, да он и не мог быть. Сотой части того, что ты мне с легким сердцем написала, я не мог бы никогда сказать ни отцу, ни матери. Для меня это было табу, "святая святых", родник, из которого потекли мои дни.

Наконец, это были Отец и Мать - единственные, неповтори-

мые, бесконечно любимые, стоящие вне времени и пространства и вне всего остального человечества.

Прибавь к этому то обстоятельство, что ты не дала мне времени объяснить тебе все особенности нашей эмигрантской жизни: ужасное бесправие и административные рогатки.

Поверь мне: только потому, что была идея - "Лиля", я пожертвовал очень, очень многим. И морально, и материально.

Но ведь больше 10 лет я не имел ни о ком из вас никаких сведений. Ведь вы могли давным-давно умереть.

Кто мог бы потребовать от меня еще большей жертвы?

Но, для чего я пишу тебе все это? Ведь все это - прошлое. Как было - так было и ушло навсегда, и изменить в нем что-нибудь мы не можем.

В твоем письме ты, все-таки, не могла удержаться от того, чтобы не упрекнуть меня в несправедливости. Не знаю - все возможно. Я не папа римский, который, как известно, страдает "непогрешимостью". Я и не херувим - у меня нет крыльев. Я, конечно, грешен во многом. Но в несправедливости, кроме тебя, меня упрекал еще Сергей Бриллиантов. Он находил, что я давал ему мало денег. Впрочем, он тебе сродни. У меня же сейчас нет ни сил, ни желания снова блуждать по лабиринту, в котором мы с тобой 2 года блуждали. Не хочу больше и не могу ни обвинять, ни защищаться. Пощади, если не как отца, то просто как человека.

Я уже 6 лет как болен грудной жабой, 4 месяца назад у меня был инфаркт. Я прожил 2 месяца в Париже, но оставаться без настоящего медицинского наблюдения я не могу. Здесь днем и ночью есть дежурный врач, сестры и пр. Обстановка, конечно, госпитальная. У меня, как и у всех, отдельная комната - вся белая - белые стены, белая кровать и все прочее. Скрашивают все это одна из моих картин и фото - всех вас, Антона, отца, мамы, Галочки и моих старых друзей (почти все в Нью-Йорке).

А теперь прибавилась фотография Дружка. Он набальзамирован и спит последним сном у меня в шкафу.

Буду всегда рад получить от тебя хотя бы несколько строк. Всегда отвечу.

А пока оставлю тебя.

Целую крепко всех вас.

В. М.

О Гороновиче не хочу даже и слышать. Жалкий трус!

P.S. На конверте мой адрес - немного измененный.

17-3-66

Православные!

Что же вы молчите, как спящие красавицы? Может, бумаги нет? Пришлю вам и бумаги, и конвертов. Вообще, посылаю вам всякой чепухи. Имеются ли у вас ананасы? (Конечно, в консервах). "Ананасы в шампанском". Шампанское добавите сами. Хотел послать вам устриц - но эти, конечно, не дойдут в свежем виде. То же самое свежие огурцы (здесь - круглый год), томаты, спаржа, артишоки. Имеются ли у вас в изобилии лимоны, мед, варенье из апельсин? Любите ли вы французские сыры - рокфор - bleu d'Auvergne, бри, камамбер и пр. Здесь, по меньшей мере, 300 сортов.

Что касается одежды, то могу прислать для Антуана брюки из тергала (здесь в моде довольно узкие) и, если он любит, так наз. polo - тонкие вязаные рубашки, с воротником и пуговицами. Но необходимо указать его размеры - пояс и длину брюк, а также № его рубах.

Для тебя пришлю кое-что из косметики. Конечно, я хотел бы послать тебе что-нибудь от Ворта, или Диора, или Герллэна, или Киапарелли, или Жана Пату (самый дорогой).

Но ведь ваше правительство облагает это прямо мракобесными пошлинами. Посылка в 20.000 - обходится в 40.000, а если "lux", то и того дороже. И подумать, что проклятые, догнивающие капиталисты за это ничего не берут, или берут копейки. 2 года назад я послал Татьяне Загнойко какую-то чепуху - 2 блузы, чулки и еще что-то - не помню. Она, бедняга, взвыла, как от зубной боли - с нее "содрали" 25 рублей (новых).

Поэтому я пошлю вам через Mory et C-ie - тебе ничего не придется платить.

Да, для лета, хочешь ли ты темные очки - я видел, Катя переходит "по гвоздям", но у нее очки круглые, как у старых слепцов?

Вчера у меня был праздник - ваши милые собачки ["космонавты" - Г. Х.] вернулись на землю. Боже, как я болел за них душой - милые крошки, как бы я хотел их видеть и приласкать.

Мой Ника снова со мной - моя радость и мое несчастье - во сколько он уже мне обошелся - трудно сказать. Он сгрызает все, что ему попадается на зуб - ботинки и одеяла, носки, зубные щетки, кисточки для бритья, газеты, книги, салфетки и носовые платки. Он превратил в крошки мои очки (7.000). Новые брюки - превратились в ниточки и кусочки (8.000).

Когда нечего грызть - он принимается за мои уши и они превращаются в лопухи.

Но что я могу сказать и сделать? Здесь я беспомощен. Не только ударить его, но даже и выругать его я не могу. Все это было бы ничего, если бы не вечные скандалы с нашей дирекций. (Когда уже абсолютно нечего грызть - он принимается за ножки стола и двух кресел - приходится все время щедро раздавать чаевые, чинить на свой счет мебель и клясться бородой Аллаха, что это больше не повторится).

Ну, довольно о собачках. В конце концов, для чего я тебе об этом пишу? Но если не тебе, то кому же "повем печаль мою"?

Не Екатерине же Сергеевне, которая за три с лишним года не нашла нужным даже написать мне 3 слова и поздравить с 70-летием. Знаю - это ведь только формальность, но, боже мой, уйти от них, совершенно невозможно. Пусть я "белая гвардия", но все-таки дедушка.

По поводу фотографий, она, наверное, фыркнула и усмехнулась снисходительно. Могу прислать альбом моих фото, посвященный балету "Grand Opera" - за одну из фотографий ("Этюд") - я получил серебряную медаль. И это было ведь в 1932 году от Р. Х. (Ежегодная выставка в Grand Palais).

Здесь, во Франции, фотография перестала быть ремеслом и стала почти искусством.

Но в 1934 году я свою фотографию продал за 200.000. По многим причинам год я отдыхал в Ницце, а потом открыл фабрику изящных безделушек. Я сам создавал модели - потом они расходились в 1000-х экземплярах. Чего я только не делал? У меня работали 10 человек. (Да, да, знаю, эксплуатация человека и т. д. и пр. и пр. и пр., счастье будущих поколений, "жить стало веселей" и т. д. и еще т. д.)

Довольно на эту тему. Кто прав, кто виноват - скажет позже старая проститутка-история. Правда, справедливость, истина

и пр. высокие идеи - все это сугубо субъективно. У каждого свои. У бандитов тоже в свое время было светлое детство, а позже, когда они режут мирных граждан, у них имеется своя идея "справедливости".

Будь здорова, моя радость.

Целую, как люблю, сиречь очень, очень, очень сильно.

В. М.

Hyeres le 1-5-66

Лиля, дорогая моя детка!

Не думай, что забыл вас всех.

Я снова так болен, что ко мне даже никого не пускают, вот уже 15 дней, как у меня новый припадок грудной жабы.

Я так страдаю, что иногда мне хочется уже умереть. Каждые 3 часа днем и ночью берут давление крови, меня всего уже искололи и напичками всякими медикаментами, пульс все время около 140.

Сегодня первая ночь, что я уснул часа 3-4, пульс упал до 100.

Но опасность не миновала. Не знаю, чем кончится все это?

Думаю о вас всех все время. Все зависит от сердца - если выдержит, может быть выберусь снова на поверхность.

Если нет - что же, может быть к лучшему. Писать мне трудно.

Прости, оставляю.

Целую вас всех.

В. М.

2-5-66

Дорогая моя детка Лиля
и все вы, мои далекие и любимые!

Сердечно благодарю за телеграмму. Целую вас всех крепко. Я ведь в своих мучениях и забыл, что мне сегодня 71 год. Да, и до того ли мне.

Пока не подохну, буду посылать тебе каждый день отчет.

Ночь провел сравнительно спокойно, уснул часа 3-4. Давление утром было 12, в 2 часа - 13, в 5 часов - 14, сейчас не знаю сколько. Пульс около 100-90.

Боли сердечные почти прошли, но у меня страшная слабость и я не смогу держаться на ногах. Все время я обливаюсь потом и все время вынужден обтираться одеколоном.

Что будет дальше - не знаю. Сегодня было у меня 2 доктора. Сделали еще одну электрокардиограмму.

Я немного опасаюсь какого-нибудь сюрприза со стороны почек - в моем возрасте это приходит внезапно.

По-прежнему, кроме фруктового сока, ничего не ем.

В обед съел 2 листика салата - это все.

Поэтому попроси Антончика с его костюмом (жиластый или чихастый - уже забыл). Что это за костюм - не знаю, м. б. просто ковбойский - шляпа, узкие брюки, сапоги с огромными шпорами и два пистолета по бокам? (Пушек, ядер не надо?).

Если это такой - то его здесь делают для ребят до 7-8 л. возраста.

Во всяком случае, я не вижу Антона в таком наряде, ходящим по Москве.

Но, если не умру, то напишу в Париж - там все есть (как в Греции).

Попроси птичьего молока - продадут. Будет, конечно, не птичье - но продадут.

Ну, и мастер он у тебя пули отливать, далеко пойдет. Лучше он попросил бы у меня Эйфелеву башню. Есть такая - противная, рыжая, костлявая.

Целую вас всех, мои крошки, родные, любимые.

В. М.

7-5-66

Детка моя, родная, единственная, любимая!

Сегодня получил твое хорошенькое письмо от 2 мая. Я и этому был несказанно рад. Спасибо, моя радость, за несколько ласковых слов. Не оставляй меня, не забывай. Я знаю, что ты не понимаешь моего молчания. Но я был очень болен и сейчас все еще в постели. Я послал тебе 5 писем: 2, 3, 4, 5 и 6 мая. Надеюсь, что ты их получила - тогда тебе станет все понятным.

Счастье! Счастье!

Откуда же оно придет ко мне теперь это самое счастье, это неуловимая "синяя птица".

Мое единственное счастье - это ты. Но ведь ты так далеко. Ты ведь только - мечта. Красивая, пленительная, вся озаренная моей любовью, но все же только мечта.

Здесь посылаю тебе фотографию Ники. Это тот кусочек реального счастья, которым я обладаю.

Это - фотография в уличном автомате. В действительности он лучше, породистей. На лбу у него множество мелких пятнышек, как на лапках, но при вспышках они не запечатлелись.

Жду больших, искренних писем.

Целую крепко-крепко, как будто ты еще совсем, совсем маленькая.

Всегда, всегда с тобой.
В. М.

8 мая 1966

Дорогая Лиля, любовь моя!

У меня нет под рукой умирающей родственницы. Ну, а если бы и была, то я не ожидал бы ее последнего вздоха, чтобы написать любимому отцу ДВА (я не говорю два-три) слова.

Но, кажется, я уклоняюсь в сторону. Вот уже 10 дней, как у меня температура около 39°. Поэтому много не пишу - боюсь написать чепуху. Как только стану на ноги, напишу и перешлю все фотографии.

Катя выходит замуж? Надолго? Надеюсь, не на всю жизнь. Это скучно. Только колхозные инфузории сочетаются на всю жизнь. Несознательный элемент!

Во всяком случае, у вас будет великолепный повод для "выпить - закусить!"

Потом Катя со своим первым мужем поселится у тебя в комнате. Сколько же будет всего едоков в твоем "ковчеге"?

Я думаю, будет довольно весело. А зимой теплее. А там, смотришь, поползут внуки (мои правнуки) - до чего мы дожили, о россияне).

Но нет. Сие невозможно! Катя и всякие атрибуты семейного

счастья - пеленки, соски, ночные горшки и детские коляски? Нет, это было бы слишком terre-à-terre.

На кого Катя похожа? На тебя не похожа. "Ее отца я не помню - он промелькнул в моей жизни серым пятном на серой бумаге - "нос обыкн.", "рот обыкнов.", "глаза обыкнов.", "особых примет - не имеется". Выясним позже.

Спокойной ночи. 12 ч. Хочется спать, но сердце мешает уснуть.

Целую, целую, целую всех, всех.

В. М.

Ночь, я все же не сплю, думаю о тебе, о прошлом, об Антоне...

В Полтаве он был безнадежно влюблен в Катю Костецкую (всю жизнь он был в кого-то безнадежно влюблен - "стрелялся" он, на моей памяти, раза 3 или 4, все от любви и один раз от тягостей военной службы - он был призван как ратник ополчения на 2 месяца - это целая эпопея).

Кате в альбом он написал следующие стихи:

К НАДЕЖДАМ

Голубым туманом из-за сереньких туч
Улыбнулись вы в небе, как сон золотой.
Отчего же призыв ваш так слаб, не могуч,
Отчего встали призраки, жизни былой?

Отчего в ясном море бездонных очей
Светит грустная душа бессонных ночей,
Леденит настоящее ветром с дождем,
А грядущая жизнь смотрит пасмурным днем.

Дальше не помню - но в том же роде.

Он спросил: "Ну, как?"

Это было в январе 16 года - я уже собирался на фронт.

Я посмотрел на свет рюмку Лемеровского хереса и сказал:

- Пушкин, не Пушкин - не похоже, но зачем ты развел такую метеорологию?

Он вспылил и вышел, но через 5 минут пришел, рассмеялся и сказал:

- Это последнее. Больше не пишу.

10 мая 1966

Лиля дорогая, Ангел мой!

Сегодня я чувствую себя немного лучше и поэтому решил переслать тебе фото. Только одно фото сравнительно удачно. Я его отметил X, портит чуть-чуть приоткрытый рот. Надо было или совсем закрыть, или уже откровенно улыбнуться.

Остальные два фото совсем бездарны. Нельзя так уродовать человека.

Говорю не как любитель, но как самый настоящий мэтр. В Париже до 1934 года у меня была собственная фотография (она существует и теперь), а до этого в течении 3 лет я был главным оператором в одной из лучших парижских фотографий, где было 4 оператора и 40 служащих. Я снимал всех почти звезд экрана, министров и сенаторов, банкиров и знаменитых аферистов, архиепископов и знаменитых кокоток. "Плести лапти" там было невозможно - снимки производились так, что клиент этого даже не замечал и всегда был удивлен, когда я его благодарил и говорил, что все закончено.

Конечно, для этого надо было иметь очень сложное ателье с массой кнопок, педалей и проводов и, главное, с 3 огромными, бесшумными и, почти незаметными все же, камерами.

Об этом я расскажу когда-нибудь более подробно. Я тогда получал 6.000 фр. в месяц, когда Сергей Бриллиантов тяжелым трудом едва выгонял 400. Он получал около 100 фр. в субботу, в воскресенье пропивал, в понедельник являлся ко мне, я ему давал 100 фр. В понедельник вечером он из них пропивал 80, а на 20 как-то ухитрялся жить до субботы, когда он снова получал свои 100 фр. И т. д. и т. д. Все это с мордобоями, скандалами в ресторанах и на улицах, с битьем посуды и мебели, с каретами скорой помощи, ну, и, конечно, с участием полицейских и жандармов.

Вообще, это была "широкая русская натура".

Твое фото возвращаю тоже. Тебя снимал, конечно, любитель - с него и взятки гладки. Знаю, что ты и лучше, и моложе, но, к сожалению, ты почти совершенно нефотогенична.

Я бы, конечно, сделал из тебя красавицу. Если можешь, постарайся не щурить глаза. Это, к сожалению, у тебя наследствен-

ное - такие же глаза были у Сергея и у Олимпиады № 1. У Степана же глаза были откровенно свинячие.

Я думаю, что легким массажем, теплыми ваннами с розовой водой и, конечно, постоянным контролем за собой можно постепенно отучить глаза от этой привычки.

На твое письмо, по существу, ответить нечего. Слово "сродни" я употребил в буквальном смысле без всякого намека на какие-то твои просьбы. Я может быть плохой человек, но я никогда не был мещанином. Здесь ты просто ошиблась. Да, я помню, что когда я был в госпитале, ты прислала мне письмо с просьбой прислать тебе какую-то мелочь, перчатки, еще что-то - не помню. Тогда я тебе ответил письмом, в котором сказал тебе, что у тебя плохое воспитание. Но это относилось к одной твоей фразе, которая не имеет ничего общего с посылками. Но сейчас поздно и совершенно не к чему снова об этом говорить.

О смерти Дружка я тебе писал раньше и у меня есть доказательства, что это письмо ты получила.

Оставим бедного Дружка в покое - в конце концов -, это была только маленькая собачка и никто не обязан выражать мне сочувствие по поводу его смерти.

Таким образом, будем считать все вопросы ликвидированными.

Что касается всего остального (а это, может быть, и есть самое главное), то я считаю, что каждый человек имеет право смотреть на мир теми [иными - Г.Х.] или теми глазами, каждый человек имеет право следовать тому или другому кодексу нравственности, порядочности, чуткого отношения к другим и сочувствия его душевным и физическим ранам. Но я считаю, что этот кодекс должен быть один и тот же и для других, и для своего собственного руководства. Только при этом условии возможны нормальные человеческие отношения, и этого требует большое человеческое слово - справедливость.

На этом я заканчиваю сегодня свое письмо. Не удивляйся, если будешь получать от меня письма, не имеющие никакого характера актуальности.

За мою жизнь у меня накопилось столько впечатлений, я пережил столько приключений, авантюр и опасностей, столько видел стран, и столько людей и характеров и человеческих страданий и

пр. и пр., что сейчас временами все это неудержимо рвется наружу, наверное, старый писательский зуд, который я должен был всегда заглушать. Почему - это другой вопрос и когда-нибудь я тебе все это расскажу.

Будь здорова, моя родная.
Целую тебя много, много раз.
В. М.

Лиля - мой добрый друг!

Если можно, в пределах возможного (идиот - я повторяю одно и то же), наклеивай на твои конверты не ваши обыкновенные марки (самые скучные во всем мире), но другие, более интересные. Наш главный доктор ко мне исключительно внимателен и его единственный сын - лицеист, в котором он, как говорится души, не чает - собирает марки. Я буду тебе за это премного благодарен.

Сообщи мне также, сколько лет Антону свет Сергеевичу и имеет ли он хорошие часы (браслет).

Скоро я ему пришлю целую коллекцию всяких шариковых стило [ручек - Г.Х.] (ты, помню, об этом просила), а также так называемых "вечных ручек". (Здесь они почти не употребляются). Тебе ничего не придется платить, т. к. пошлину я уплачу.

le 10-5-1966

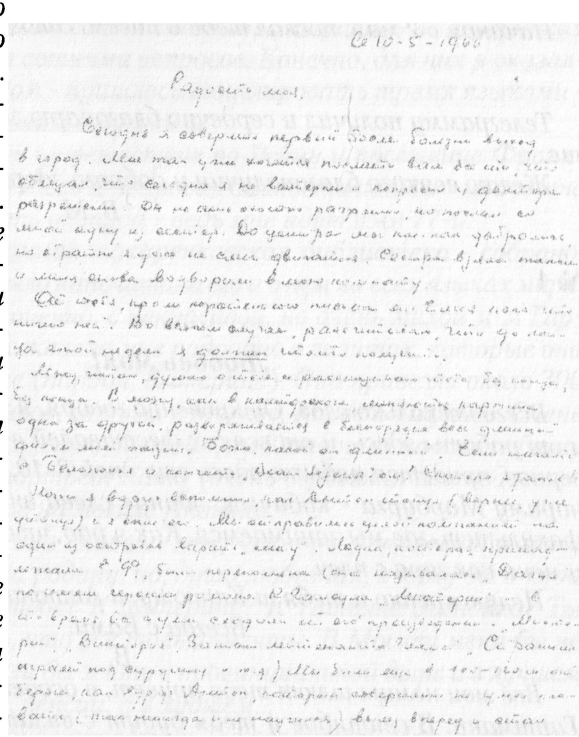
Радость моя!

Сегодня я совершил первый после болезни выход в город. Мне так уже хочется послать вам все то, что обещал, что сегодня я не вытерпел и попросил у доктора разрешение. Он не очень охотно разрешил, но послал со мной одну из сестер. До центра мы кое-как добрались, но обратно я уже не смог двигаться. Сестра взяла такси, и меня снова водворили в мою комнату.

От тебя, кроме коротенького письма от 2 мая, пока что ничего нет. Во всяком случае, рассчитываю, что до конца этой недели я должен что-то получить.

Лежу, читаю, думаю о тебе и рассказываю тебе без конца, без конца. В мозгу, как в калейдоскопе, меняются картины одна за другой, разворачивается в беспорядке весь длинный фильм моей жизни. Боже, какой он длинный. Если начать с Белополья и кончить "Beau-Séjour"-ом! Сколько этапов!

Ночью я вдруг вспомнил, как Антон тонул (вернее, уже утонул) и я спас его. Мы отправились целой компанией на один из островов варить "кашу". Лодка, которая принадлежала Е. Ф., была переполнена (она называлась "Дагни" по имени героини романа К. Гамсуна "Мистерии" - в то время все с ума сходили от его произведений - "Мистерии", "Виктория", "Записки лейтенанта Глана", "Странник играет под сурдинку" и т. д.). Мы были еще в 100-120 м от берега, как вдруг Антон, который совершенно не умел плавать (так никогда и не научился) вылез вперед и встал на носу лодки. Не успела Е. Ф. сказать: "Тося, Вы бы...", как лодка покачнулась (кто-то из гребцов переменил место), и Антон, как камень, плюхнулся в воду и исчез совершенно. Я успел только снять ботинки и нырнул вслед за ним. К счастью, я плаваю, как акула, и в то время под водой мог оставаться до 40 сек. (проверь по часам - попробуй не дышать). И к большому счастью, молниеносный инстинкт подсказал мне нырнуть на 3-4 метра ниже по течению от того места, где он упал. Я нырнул на Антона так, что головой прямо стукнулся в его спину. Ну, остальное уже все классическое - кольцо вокруг шеи одной рукой (сзади) и - наверх. Он уже был без сознания. Остальное я помню уже смутно - как его откачивали, делали искусственное дыхание и т. д. Главное - он потерял свое пенсне и сидел на песке беспомощный, мокрый и слепой. Я тоже был



мокрый и во время "аврала" пропал один из моих башмаков. Я сидел рядом с Антоном и вертел в руках оставшийся башмак. Потом встал и зашвырнул его далеко в Днепр. Е. Ф. удивилась: "Витечка, голубчик, зачем?" Я рассмеялся. "Е. Ф., голубушка, ну что же я буду делать с одним башмаком. Не ковылять же мне еще целый год по белу свету, чтобы его донашивать".

"Каша" не удалась (какая уж там "каша", как говорится - "не до жиру - быть бы живу"). Назад вели Антона под руки, как слепого, а я шествовал босиком.

Вот, деточка родная, еще одна страничка из прошлого. Будь здорова, моя радость.

Целую тебя крепко и сжимаю в своих объятиях крепко, до головокружения.

Твой несчастный фатер.

В. М.

Начиная с 2 мая, послал тебе 6 писем. Это - седьмое.

le 8 mai 1968

Телеграмму получил и сердечно благодарю за память и внимание.

Желаю всякого благополучия и доброго здоровья.

В. М.

№ 1

1 июля 1971

Любовь моя!

Всего несколько слов. Откровенно говоря, я начинаю уставать и от работы здесь, и от всяких фестивалей в мою честь, но, наверное, придется побыть здесь еще дней 8-10. Посылаю тебе панораму Марбурга - кубическ. здание слева внизу - философский факультет, где мы занимаемся. Как я рад, что мы снова вместе - у меня как гора с плеч.

Целую крепко и тебя, и Катюшу, и Антона.

Всегда с Вами.

В.

Все мои немцы шлют тебе привет, в особенности милая м-ме Гартманн. В сентябре у тебя будут с визитом два директора Makarenko-Referat.

№ 2

Босежур, 11 июля 1971

Любовь моя!

После 20-ти дневного путешествия в Марбург я вчера утром возвратился в Босежур и с трудом, мучительно снова привыкаю к полному одиночеству. Я уже писал тебе из Марбурга, что меня встретили там, что называется, с распростертыми объятиями. Перезнакомился с десятками профессоров, доцентов, студентов, их женами и подругами, так называемого "Макаренко-реферат", все молодежь, надо сказать, отлично воспитанная, на редкость благожелательная и полная энтузиазма. По случаю моего приезда съехались макаренковеды из других городов Германии и были даже из Лондона и Рима. Устраивали собрания, крутили бесконечные фильмы, делали сотни снимков, собирались на вечеринках и забрасывали меня сотнями вопросов. Конечно, для них я оказался настоящим кладом - пришлось жонглировать тремя языками - немецким, французским и русским.

Проектировалось путешествие по Рейну и посещение Франкфурта и Кельна, но здесь я попросил смилостивиться - иначе мне пришлось бы удирать оттуда - ведь мне идет уже 77-й.

В Марбурге огромная макаренковская библиотека - собрано, кажется, все, что было напечатано его и о нем на всех языках мира.

Познакомился, конечно, с некрасивой, но очень милой м-м Гартманн, которая рассказала мне подробно о визитах, которые она сделала тебе и Кате (пардон, Катерине). Она привезла около 300 цветных диапозитивов, снятых в Москве, Киеве и Тифлисе. Очень поучительно. К сожалению, ни тебя, ни Катерины на них не было. Она передала мне портрет Кати (очень серьезная или недовольная), и фото, снятое на могиле Антона.

Между прочим, она сказала мне, что ты сожалеешь о моем отказе вернуться на родину, но, душа любезная, к кому бы и куда я там приехал? К тебе? К Катерине? К Татьяне Загнойко? Ты великолепно знаешь, что все только мечты. В Москву меня бы не пустили, а разрешили бы жить в провинциальной дыре и в лучшем случае дали бы 50 р. пенсии, а в худшем...

Книга моя написана наполовину. Руководители Мак.-реф. в восторге. В принципе она должна появиться в феврале-марте 1972,

но я не думаю, что я смогу тебе ее переслать: ведь мне приходится ставить на свои места Балабановича, Морозову, Костелянца и др., которые все врут, как нанятые.

Но довольно обо мне.

Как вы живете-можете? Я уже говорил тебе по телефону [из Марбурга - Г.Х.], что я периодически посылал Кате короткие письма в надежде возобновить переписку. Все напрасно: кроме телеграммы в мае этого года, вот уже 1 1/2 года я не имею от нее ни слова, ни строчки. Да что говорить - слишком знакомая песня. (Почему-то в этой телеграмме Катя рекомендует мне быть "мудрым". Я начал даже посматривать на себя искоса в зеркало. На всякий случай, передай Кате, что я постараюсь. К сожалению, мудрость не всегда повинуется усилиям нашей воли).

Пишите милые, не ленитесь, а то мне приходится наводить о вас справки через случайных третьих лиц.

К сожалению, надежды на германских специалистов по зрению не оправдались: мой марсельский профессор не ошибся - правый глаз практически потерян, тромбоз сетчатки - настоятельно рекомендую никогда не стареть и не обзаводиться атериосклерозом.

Всех обнимаю и горячо целую.

Подумать только, что нас разделяют какие-нибудь 3 часа авианом.

В. М.

24 - VII - 1974

Дорогая Лиля!

Прости, что беспокою.

Дело в том, что ко дню моего рождения, Антоша прислал мне телеграмму (прилагаю здесь).

Я послал благодарность на адрес Катерины - но живет ли она все там же?

Кто такая Лена - наверное, он женился. Г-н Хиллиг мне сообщил, что у меня уже есть правнуки. Это у кого же - у Антоши или у Кати?

Передай ему привет. Буду рад, если он мне напишет.

Твой точный адрес узнал недавно через Татьяну.

Привет всем.

В. М.

7 янв. 1975

Дорогая Лиля!

Прежде всего - хоть и с запозданием поздравляю тебя с Новым Годом, сердечно желаю благополучия и, главное, здоровья.

Не поздравил тебя своевременно, потому что думал, что ты не расположена ко мне по-прежнему: ведь твое письмо от 30 - X я получил только вчера. Ведь наша почта бастовала ровно 2 месяца, и накопилось такое количество писем, журналов, посылок и пр., что разберутся во всем этом не раньше, как через месяц. Я писал об этом Антоше, которому послал письмо 16 декабря. Надеюсь, он получил его, там передавал коротенький привет тебе и Кате.

Очень благодарю за письмо и фотографии.

О ваших семейных новостях мне писал Антоша: о твоей болезни, о новой женитьбе Кати, о моем правнуке и пр. Получил от него фотограф. Лены и его собственную. Но он почему-то снят в дымчатых очках. Но, вообще, он очень хороший; правда, в его письмах иногда проскакивает что-то тревожное, не всегда мне понятное...

На это письмо не обращай внимания. Вот уже второй год я очень болен и сейчас пишу тебе с величайшим усилием. У меня болезнь крови (кажется, рак костного мозга), я слабею все время, в особенности, сердце. Почти не выхожу, т. к. боюсь упасть на улице, да и доктор не пускает. Да и возраст! Ведь через 4 месяца мне стукнет 80 лет. Откровенно говоря, я рад, что скоро все окончится. Нечеловеческая тяжесть, которую я тащу вот уже 55 лет, становится непереносимой.

В конце прошлого года мои друзья из Марбурга усиленно звали поехать с ними в Россию. Но мое здоровье было уже подорвано и я отказался. Да и что там! Манила только возможность встречи с тобой и внуками. И в то же время я этой встречи боялся. В 1962 г. ты слишком резко оттолкнула меня и отвернулась. Разочарование и горечь этого эффекта до сих пор не утратили своей интенсивности и, я думаю, наша встреча была бы мучительной и натянутой, и фальшивой.

Мы разошлись в жизни, "как в море корабли". Но довольно говорить о том, чего мы изменить не можем.

От Таси я изредка получаю письма, но такие убогие и коротенькие. Просил ее выслать фотографии Крюкова, но так ничего и не получил. И то правда, что живет она на грошовую пенсию, -

где уж тут до фотографий. Но все ее письма ласковы и доброжелательны (Елена меня ненавидит самой звериной ненавистью, какой ненавидели в начале революции - в этом отношении она показала только свою ограниченность и отсталость - по крайней мере на 50 лет).

Кажется, ты с ней переписываешься!

Я почти не встаю с постели. Очень много читаю. Иногда выхожу на балкон - в саду цветут мимоза, миндаль, нарциссы, розы и т. д. На пляже полно народа, есть купающиеся. Солнце каждый день, вообще, рай земной.

Очень рад, что Катя преуспевает. К сожалению, советские фильмы здесь не идут, да и в Париже тоже. Кто такой ее новый муж? Рощин - это его псевдоним, настоящая его фамилия, как писал Антон - Гибельман (?).

Ну вот, дорогая Лиля, должен тебя оставить. Уже устал. Прости нескладное письмо. Мысли путаются ужасно.

Буду рад получить от тебя несколько слов.

Обнимаю и целую крепко.

Антоше напишу завтра.

Будь здорова.

Вит. Макаренко

4 мая 1975 г.

Дорогая Лиля!

Сердечно благодарю за телеграмму, которую я получил 2-5.

Ничего не могу ответить на письмо, полученное еще 20-III, да и что можно ответить: кто кого не понял и кто от кого отвернулся?

Отвечу только на человеческие, искренние письма, действительно свидетельствующие о "преданности и любви" - письма в 20-30 слов я рассматриваю только как формальность, которая меня оскорбляет.

Возвращаю тебе фотографию Е. Загнойко. Посылать мне эту фотографию было нетактично. Но у тебя здесь, конечно, свои критерии. По словам Татьяны Загнойко, ты даже ведешь с ней переписку.

Будь здорова и благополучна.

В. М.

СВЕДЕНИЯ А. И. ЛЕБЕДЯ

Лебедь Андрей Иванович (г.р. 1903), сын дорожного мастера. С 1917 по 1919 гг. посещал Крюковское высшее начальное ж.д. училище (ученик А. С. и В. С. Макаренко), затем Кременчугский техникум Ю.Ж.Д., стал инженером-механиком. Работал во многих городах Украины вплоть до ареста в 1937 году. В 1937-41 гг. находился в Артемовской тюрьме. 7 марта 1939 г. на закрытом заседании его приговорили к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже в пользу Германии и планировании покушения на жизнь руководителей Советской власти. Незадолго до войны он был неожиданно освобожден.

Во время оккупации Украины жил в Полтаве. При отступлении немцев (в 1943 г.) вместе с женой и сыном Лебедь бежал в Германию, в Баварию, где жил в лагере для иностранных переселенцев (DP). В 1950-70 гг. работал научным сотрудником Института исследования СССР в Мюнхене.

В 1949 году Лебедь выступал как свидетель по делу В. Кравченко в Париже. С помощью эмигрантской газеты "Русская мысль" он попытался найти здесь своего бывшего учителя В. С. Макаренко, что ему удалось сделать не сразу, а уже после возвращения из Франции в Германию.

Ниже приведены два из трех писем А. И. Лебедя к В. С. Макаренко, предоставленные адресатом сотрудникам лаборатории "Макаренко-реферат" во время первой встречи в июле 1970 года в г. Йере.

В марте 1971 года составитель этой книги посетил Лебедя в Мюнхене. Во время содержательной беседы и последовавшей переписки он дал более подробные сведения о своей учебе у братьев Макаренко в Крюкове, а также встречах с А. С. Макаренко и его воспитанниками. Речь шла здесь о беседе на Харьковском вокзале, где Антон Семенович познакомил его с одним из воспитанников Куряжской колонии, бывшим вором, с полными карманами денег, полученных для колонии.

Лебедь вспоминал также, что в середине 30-х годов в дирекции ж.д. г. Артемовска он работал с бывшим воспитанником колонии

им. М. Горького Стреляным, сотрудником политотдела. Лебедь характеризует его как "положительного, очень хорошего человека". Весной 1938 г. они встретились снова, будучи две недели под арестом в НКВД. Год спустя Лебедь узнал, что его сокамерник был расстрелян в 1938 году в возрасте 30 лет. По словам Лебедя, даже в камере смертников Стреляный оставался убежденным коммунистом.

Г. Х.

München-Feldmoching
12.VII.49.

Многоуважаемый Виталий Семенович!

Ваше письмо получил и очень Вам благодарен. Писать Вам буду с удовольствием. По Вашим фотографиям я делаю вывод, что Вы жили не в "раю", а в капиталистическом рабстве. Я значительно моложе Вас, а выгляжу куда старше. Из крюковчан я встретил здесь Костюченко, который все время жил в Чехословакии. Если не его самого, то, вероятно, знаете его отца, который был пом. нач. Крюковских мастерских, а, может быть, и его сестру Шуру, которая училась вместе с Вашей женой в гимназии. Жили они на Екатеринославской улице возле переезда через ж.дорогу, находящегося возле театра "Корсо".

Теперь кое-что о себе, Крюкове и знакомых.

Вы меня, конечно, помнить не можете, т.к. это было очень давно. Вряд ли Вы меня восстановите в памяти и по фотографиям, т.к. фото в молодости я не имею, а на этой фотографии, несмотря на мои 45 лет, видно, что жизнь в "раю" сделала свое дело. Эти фотографии 1945 года, когда мы после 300-километрового перехода пешком пришли в Аугсбург. Более свежих, к сожалению, не имею. Все то, что я Вам буду писать, не преувеличенно, а, наоборот, сообщено в сдержанном тоне, а действительность куда страшнее.

На Западе все думают, что мы врем, преувеличиваем для оправдания себя; нам не верят, а это может привести к тому, что и они могут вкусить сладостей "счастливой и радостной жизни под солнцем сталинской конституции". Я как специалист, инженер-механик ж.д. транспорта, занимал до некоторой степени привилегированное положение и получал примерно в 6 раз больше за-

работной платы, нежели рядовой рабочий, и даже при таком положении я не мог себе позволить что-либо лишнее. Я за период с 1930 по 1937 гг., т.е. за 7 лет, еле смог себе приобрести приличный костюм, т.к. он стоит два моих месячных оклада. Что же можно говорить о рядовых рабочих и служащих.

Я работал до 1929 г. в Мелитополе, 29-30 - в Харькове, 31-32 в Полтаве, 33 вновь в Харькове, 1934-1937 в Артемовске (бывший Бахмут). Там же был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной антисоветской подпольной организации, организации диверсий, организации террористических актов против вождей партии и правительства и персонально Сталина.

Пробыл в подвале НКВД 1 год и 3 месяца, не видя дневного света и подвергаясь абсолютно всем пыткам и истязаниям, применяемым в НКВД, а они превзошли все когда-либо виденное и слышанное. Меня судил т.н. Военный Трибунал Харьковского Военного Округа при закрытых дверях без участия сторон и в течение пяти минут буквально приговорил к расстрелу без права обжалования. Таких, как я, смертников, в тюрьме НКВД было единовременно 500 человек.

В этой тюрьме, которая строилась из расчета 800 человек (когда-то давно), нас было от 9000 до 10000 человек. Люди умирали от недостатка воздуха, от туберкулеза, цинги, дизентерии. Я лично перенес в тюрьме цингу, дизентерию, чесотку. Из смертников уцелели очень немногие. Пробыл я в тюрьме всего 4 года и вырвался только в 1941 году, чтобы попасть к другим "освободителям" - фашистам.

Как мне хотелось встретиться с Вами, когда я был в Париже, и рассказать Вам все более подробно, т.к. описать все это - значит написать целые тома. Я с Вами согласен, когда Вы пишете: "проклятая собачья жизнь эмигрантская", но только в том смысле, что Вы живете не дома, не на родине, а в чужой стране. Но Вы не представляете себе, что люди, живущие там, дали бы, чтобы жить той жизнью, которой живете Вы.

Я сейчас с семьей влачу жалкое существование с кличкой DP, живу в бараке, в котором зимой холодно, а летом жарко (он картонный), живем на положении интернированных, не совсем сытые, недостаточно одетые, без работы и без перспектив, и я благодарю Всевышнего, что я так живу и имею одно желание, чтобы

и мои родные и все там оставшиеся имели то, что имею я каждый день. Я живу спокойно и нет страха перед неизвестным завтра. Там был и есть страх, был голод и нищета при пышном блеске прикрывающей мишуры для взора иностранцев. Вы не можете представить себе ужаса 1930-33 годов, искусственного голода на Украине, когда миллионы людей умирали голодной смертью. Я лично видел огромные села, где не осталось в живых не только ни одного человека, но вообще никакого живого существа. Рано утром, пройдя по улицам даже Харькова, Вы можете видеть десятки трупов на тротуарах, которые не успели еще убрать после ночи.

Несколько слов о Крюкове.

Многие из отступавших с Белой Армией после объявления амнистии возвратились домой. Помню, вернулись Бубенко Николай, Подпряжов Григорий, Данильченко (имя не помню) - офицер, который был с Вами у нас в Лекаревке, когда Вы пробирались в Белую Армию. Все они расстреляны, за исключением Данильченко, которого спасла его бывшая жена (Грибова), вышедшая к моменту его возвращения замуж за какого-то комиссара, и его двоюродный брат, тоже Данильченко, бывший офицер, служивший у красных и назначенный военным комиссаром гор. Кременчуга. Кроме всего этого, ему помогло, вероятно, и то, что он стал их тайным работником. Куда он делся позже - не знаю. Я с ним был в одном доме на именинах, и он мне сказал многозначительно, что то, что он находится на свободе, "досталось очень и очень дорогой ценой".

Отец Черпова был уволен из мастерских и одно время работал на Днепрострое, там же жила и его семья. Сестра его, Нюся, некоторое время оставалась в Крюкове, работала в библиотеке, а затем уехала также на Днепрострой.

Ваша жена одно время жила в Люботине (я ее там встречал). Антон Семенович (когда я с ним встречался) был директором детской колонии беспризорных вблизи Харькова (Куряж), и в то время Ваша мама жила также у него. Знаю, что Ваша мама умерла, но где, сейчас никак не вспомню, но почему-то мне кажется, что в Куряже.

Если Вы не читали, обязательно достаньте и прочтите книгу А. Макаренко "Педагогическая поэма". Книга прекрасно напи-

сана и отражает жизнь и работу Антона Семеновича, хотя он и писал, зная, что книга будет проходить цензуру. Он не мог, конечно, писать все, что он видел, что переживал, что думал, но его взгляды я знаю. Он почему-то со мной разговаривал откровенно.

В этой книге он вспоминает немного и о Вашей маме. Книгу эту Вы, вероятно, сможете достать в Парижской публичной библиотеке или в Университете.

Если помните Карапыша (тоже учитель) - он оставил свою семью и женился на Ксеньи Безрук, работал зав. отделом народного образования в Кременчуге, куда делся позже - не знаю.

Вагонные мастерские перестроили, и сейчас там вагоностроительный завод. Из новых построек - это клуб на углу Херсонской и Поселянской ул., где был сад Пилипенко. Театр "Корсо" перестроили в кооперативный магазин. На площади, что против еврейского кладбища, построили несколько жилых двухэтажных домов.

Вот и все. Остальное постепенно разрушается. Заборов нет, никто не поддерживает, т.к. и не на что, и не чем, и незачем, - все равно не твое, а жилкоповское (жилищного кооператива).

Большевики при отступлении много уничтожили, сожгли, взорвали. Немцы при отступлении жгли все подряд. Я не видел, но говорят, что Кременчуг уничтожен почти совершенно. В Крюкове, как и везде, немцы постреляли всех евреев и очень многих наших людей. Из моих соучеников, а Ваших учеников, многие погибли. Погибли в НКВД Ваня Иванов, Вася Фомин (жил по соседству с Вашим домом в переулке), Леня Покаместов и другие. Встречал в Харькове бывших белых: Ваня Бойко - жил под другой фамилией, Ваня Покотилов - учился в институте, Гапон Афанасий - работал в Харькове, и др. Начальник Крюковских мастерских Кожевников так и оставался в этой роли и умер 1930-32 годах. Если помните учительницу Сугак - ее сын был убит на улице, дочь умерла от родов, зять -Криворотченко - погиб в НКВД, а она сама умерла.

О ком еще Вам написать, не знаю. Было бы лучше, если бы Вы напомнили мне, что и кто Вас интересует, я бы больше вспомнил. Да! Сестра Афанасьева вышла замуж за завед. хозяйством дивизиона артиллерии, кажется, в 1923 году и куда-то уехала.

Вы спрашиваете, кто моя жена. Она дочь слесаря вагонных

мастерских Погорелова - Ольга Федоровна. Жили они на Поселянской улице, она училась в гимназии. Помнит Вас, когда Вы также ездили в Реалку ученическим поездом. Она Вам напишет несколько слов. Перестрадала она не меньше меня. Когда я был арестован, ее административно приговорили к высылке на жительство в Сибирь, и когда ей объявили - она скрылась, и жила нелегально, переезжая из города в город к родственникам и знакомым. Сын перевозился от родственников к родственникам, т.к. по закону он должен был быть помещен в одну из детских колоний НКВД.

Был я у Вас в Париже почти 2 месяца, видел, как живут люди, и больно стало за своих соотечественников, которые живут в "наисвободнейшей демократической счастливой стране", вынуждены кричать о счастливой жизни, о великом Сталине в то время, когда желудок пуст. Сердце обвивается кровью и все мысли - с их родными и близкими, находящимися на каторге в Сибири.

Вы спрашиваете, какие у меня планы. В Германии делать нечего. Думаю ехать, хотелось бы в USA, но пока только думаю. Надо иметь контракт на работу, а его у меня нет. Можно получить, но только сельскохозяйственным рабочим, а я и по здоровью не потяну, да и смысла в этом очень мало. Надоело страшно сидеть без дела, а ведь уже 4 года. Но ничего не поделаешь, не от меня зависит.

Вы говорите, что Ваша жена француженка, а глядя на фото, я бы сказал, что она из наших мест. Я видел француженок, и они в большинстве тоненькие, изящные. Очень рад за Вас, что Вы можете посещать и Швейцарию, и Монте-Карло, и пользоваться жизнью так, как Вам хочется. Выглядите Вы очень неплохо, и я Вас узнал бы сразу при встрече, хотя и не видел вот скоро 30 лет.

Виталий Семенович! Простите за нахальство, но я хочу обратиться к Вам с просьбой. Если Вам не будет в тягость и Вы будете располагать средствами, купите, пожалуйста, одну из книг, вышедших в Париже о процессе Кравченко на любом языке. Я хочу иметь просто память и о Париже и о процессе, в котором я принимал участие. Еще раз прошу простить за нахальство.

Виталий Семенович! Я Вас очень прошу писать мне. Это напоминает мне те счастливые времена школьной жизни, когда и Вы, и Антон Семенович были нам и учителями, и в то же время старшими товарищами. Никто из учителей, кроме Вас двоих, не сохранился так в моей памяти. Я Вас прошу, если будете писать, поставьте ряд вопросов, на которые я буду отвечать подробно.

Сердечный привет Вашей жене. Самые лучшие пожелания Вам от моей семьи. Желаю бодрости и здоровья. Крепко жму Вашу руку

Уваж. Вас Андрей Лебедь.

P.S. Простите, что так небрежно написано. Моя жена напишет Вам в следующем, т.к. это письмо уж очень громоздко.

Ув. Вас Андрей Лебедь

Munchen-Feldmoching
12 августа 1949 г.

Дорогой Виталий Семенович!

С большой радостью получил Ваше письмо, за которое очень благодарю. Вы пишите: "... но чего же стоит русский народ, если он не способен на сопротивление, на подвиг, на жертву..." и т.д. Так говорят многие не побывавшие там, так говорите Вы, так говорил бы и я, если бы сам не видел и не знал. Разве это не жертвы, когда за сопротивление мероприятиям большевики уничтожают тысячи людей, миллионы содержатся на каторге. Сопротивляясь, миллионы (8) погибли от искусственно организованного голода. А восстания крестьян в 1929 году на Киевщине, Полтавщине и др., когда люди шли с голыми руками против вооруженных до зубов войск НКВД и ЧОН (части особого назначения), а восстания на Кавказе в 1930-32 годах, когда в течении почти 2-х лет шла кровавая расправа с восставшими, а 11 человек комиссаров и НКВД, брошенных живыми в шахту взбунтовавшимися женщинами в Донбассе, а беспрерывное курсирование бронепоезда на участке Харьков-Симферополь вплоть до 1935 года, а партизанские набеги вплоть до 1934 года, а сотни поездов с хлебом, пущенных под откос, и т.д. и т.п. - разве это не сопротивление, разве это не жертвы?

Нет, на то, что делали и делают наши люди, на то, что они переносят, никто больше не способен. Вся беда в том, что система управления находится в руках НКВД. Вы не представляете себе размах сети, охватывающей, как паутина, всю страну. Как пример для Вас наиболее понятный: на ст. Крюков, где раньше был один жандарм Пинчук, сейчас официальных работников НКВД 6 человек, не считая стрелковой охраны, находящейся в их рас-

поряжении (и это только на жел. дороге), а все эти отделы кадров на предприятиях, отделы приема и увольнения, спецотделы. Сотни тысяч секретных сотрудников и информаторов, работающих кто по доброй воле, кто под страхом смерти, и т.д. Достаточно Вам указать на то, что жел. дорожный транспорт имеет свой НКВД, свою прокуратуру, свои суды, и Вы можете себе уже представить размеры карательных органов, и, следовательно, потребность в них. Достаточно только вызвать подозрение и Вас уже нет. Как же можно довести до конца какое-то дело? Оно гибнет в зародыше.

Система весьма коварна, методы классические, продуманы не дураками, вернее, собраны со всех стран и всех времен. Как держать народ в повиновении - они мастера непревзойденные. Система прописки паспортов, система закрепления за предприятиями, система пропусков для проезда по жел. дороге, судебная система, система зарплаты и политика цен - все это строго продумано и держит народ на поводу. Попробуйте сделать недовольное выражение лица, когда возвеличивают Сталина, или не явиться на демонстрацию, и Вы обречены на Колыму.

Не находя другого выхода, народ начал приспосабливаться. Разве Вам не достаточно примера Чехии, Болгарии, Польши, Венгрии, Румынии, Литвы, Эстонии, Латвии, а ведь это не русские люди!

Пока об этом довольно. Тема весьма острая, и в письме ее не разберешь.

Теперь на Ваши вопросы. Не обвиняйте ни в чем Антона Семеновича. Он Вам мог писать только до 1929-30 годов. Всех вызывали и предупреждали о прекращении переписки. Начался голод, репрессии, смерть и т.д. То, что писал А. С. в своих произведениях, так же не ставьте ему в вину. Он иначе писать не мог, он должен был так делать, но это не значит, что он стал на их рельсы. Тем более, он должен был это делать, т.к. имел брата за границей, а это очень большое пятно для подозрений. Сколько людей погибло только за это! Я и сейчас помню слова, когда он при встрече со мной на Харьковском вокзале сказал о Вас: "Виталий Семенович пишет, что он теперь не человек, а только вторая скрипка. Он играет в оркестре. Но если он не человек, то кто же тогда мы, когда мы плачем и пляшем". Если бы А. С. даже был членом партии (об этом я не знаю), то я с уверенностью заявляю, что он был не

коммунист и делал все, чтобы принести и в этих условиях хотя бы какую-нибудь пользу для своего народа. Как-то при встрече я ему сообщил, что Вася Фомин (его ученик) за выступление против политики партии (был студентом Киевского университета) осужден на 10 лет. Он мне на это ответил так: "Жаль, очень жаль, горяч он очень. Если не будем приспосабливаться - все будем там, а от этого пользы не будет, будет только вред".

С Вашей женой я встречался в Люботине, как я Вам писал, если не ошибаюсь, в году 1929-30. Выглядела она неплохо. Мне говорил Николай Бакай, который жил также в Люботине (он крюковской с Поселянской улицы), что она вышла замуж, но за кого, я уже не помню [...]. Он же мне сказал, что старик Бриллиантов умер у нее в Люботине. О Вашей дочери к большому сожалению ничего не знаю и ничего не слыхал. О Вашей сестре тоже ничего Вам сообщить не могу, т.к. ее не знаю совсем. Знаю только, что [...]

[...] из Крюкова, Ваш дом был разграблен, и дневники А. С. валялись на улице, их таскали дети. Часть их собрала Ирина Фомина и передала позже А. С. (он мне говорил об этом). Позже там жила семья, фамилию которой не знаю, но знаю, что у них было две дочери, одна лет 19-20, жили они замкнуто, и кто они, не знаю. Василий Иванович Чернышев посвятил себя артистической деятельности и работал в театре в Кременчуге и в отделе искусств. Встречал я его в 1941 году в Полтаве при отступлении большевиков. Он прятался в подвалах под музеем и у своего брата, который жил в Полтаве. Так он и остался и во время оккупации, работал в деревне (в колхозе) возле ст. Кочубеевка. Где он теперь - не знаю. Иван Иванович был женат на Ольге Михайловне Родионовой (это, вероятно, Вы знаете), учительствовал и руководил хором при клубе. В 1923 году дирижировать ему запретили за националистический уклон. Мне говорили, что перед отступлением большевики его расстреляли, как и очень многих, в том числе и Фросю Ровную, если Вы ее знаете. Наталья Пантелеймоновна Найда вышла замуж за брата Василия Чернышева (имя не помню) и умерла в 1930-32 годах вскоре после своего мужа. О Компанцеве и Орлове ничего не знаю. [...] Старшая Блинова вышла замуж за старшего сына маляра Кр. маст. - Бойко (меньшой его брат Ваня), а младшая свихнулась и пошла в свет, как говорят, и где делась - не знаю. Старики - Миронов, Лавров, Нефедов - умерли. Сын Миронова - Пантюшина сделался правоверным коммунис-

том и работал в Люботине каким-то большим "чином". Сын подрядчика Татарули (если знаете) сделался работником НКВД и подвизался вместе со Слепухиным, Ордельяном и др. Старшая дочь Нефедова училась в Московской консерватории. Если помните пом. нач. ст. Крюков Мельницкого (такой толстенький, низенький), его сослали на 10 лет в Сибирь и он умер. Кажется, все, о чем Вы меня спрашивали. Если еще что-либо вспомните Вас интересующее - пишите, буду отвечать с радостью все, что знаю.

Вы пишете, чтобы старался выходить из положения ДП. Рад это сделать, но пока не представляется возможности. В USA нет контракта, а иначе нельзя. Сейчас еще осложняется тем, что квота в USA на исходе. ИРО свертывает работу и ликвидируется к 1950 году, июнь месяц. Сейчас идет нажим на выезд в Бельгию на шахты, Францию тоже, Австралию - одиночек или переход на немецкую экономику. Как будет дальше - посмотрим.

Прошу передать Вашей супруге просьбу не обижаться на меня. У меня жена тоже из толстеньких, правда сейчас похудела. Мы нигде не бываем. Прожили в Германии 6 лет, а достопримечательностей не видели. Были мы в Берлине, Штуттарте, Франкфурте, Опельне, Бреславле, Фюссене, Аугсбурге, Линдау, Констанце, Мариенбаде, Карлсбаде, Праге и др., но видеть ничего не видели, кроме ужасов бомбардировок тысячей самолетов, сидения в бомбоубежищах и работы. Итак, Виталий Семенович, заканчиваю, и желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах. Сердечный привет Вашей жене. Привет и самые лучшие пожелания от моей семьи. Если найдете время, буду очень рад, если Вы черкнете мне пару слов. Прошу простить, что так небрежно написал - уже разучился.

Уважающий Вас

Андрей Лебедь

Я со своей стороны желаю Вам всего хорошего, хотя Вы меня и не знаете. Правда, я в те времена была еще малышкой, но хорошо всех помню. Я не забыла никого, кто ездил ученическим поездом в Кременчуг. Помните ли Вы Коньковых (начальник станц. Крюков)? С его дочерьми Аней и Еленой я училась. А Людочку Мельницкую? А Шуру Костюченко - высокую брюнетку с родинкой на щеке? А Супоневых - их дома против "Корсо" на Херсонской. С Лидой Супоневой я училась... Родве? Недригайловы? Варенники? Милютины? Пакаместовы? Альфредову

Женю (отец урядник)? Многих и о многом можно вспомнить. Жалею, что плохо учила французский язык когда-то. Хотела бы написать немного Вашей жене. А пока пожелаю Вам и жене всего наилучшего.

Ольга Лебедь

Приложение 2

СВЕДЕНИЯ Е. С. МАКАРЕНКО

Елена Симеоновна Макаренко, девичья фамилия - Витанова (1895-1987), родилась в г. Кюстендиле, в Болгарии, там же закончила педучилище. Работала учительницей в начальных классах. Вследствие усиления преследования коммунистов и социалистов после террористического акта во время богослужения в церкви "Святой Недели" (София, 16 апреля 1925 г.), который повлек за собой человеческие жертвы - более 100 убитых, она как прогрессивно настроенная учительница была уволена. В 1924 г. вышла замуж за В. С. Макаренко, с которым позже уехала во Францию. В 1934 г. вернулась в Болгарию.

Составитель узнал о ней на конференции историков педагогики в г. Печь (Венгрия, 1987 г.) от доцента педагогики Софийского университета В. Бойчевой. В 1989 г. она предоставила лаборатории "Макаренко-реферат" текст беседы с Е. С. Макаренко на немецком языке - отредактированный вариант записи разговора, проведенного в 1978 г. Людмилом Станеевым и Славкой Налбантовой на болгарском языке. В 1992 г. составитель, работая над педагогическим наследием скончавшегося в 1987 г. макаренковеда В. Е. Гмурмана в Архиве РАО (бывш. АПН СССР) в Москве, случайно обнаружил ее оригинальный текст в машинописной и, частично (начало), рукописной копии (ф. № 136, ед. хр. 98). В представленном здесь виде беседа воспроизведена на русский язык из 2-х ее вариантов - болгарского и немецкого.

Данные сведения, как и фигура самой Е. С. Макаренко, вводятся впервые в научный макаренковедческий оборот и аппарат. Текст беседы освещает один из аспектов жизни В. С. Макаренко, скрытый им как от дочери Олимпиады, так и от сотрудников мар-

бургской лаборатории. Документ свидетельствует о том, что отдельные факты из своей биографии В. С. Макаренко не сообщал второй жене. С другой стороны, Е. С. Макаренко в беседе также старалась не раскрывать компрометирующих ее как живущую в "стране реального социализма" гражданке моментов - таких, как принадлежность ее мужа к офицерам "Белой армии". Несмотря на это, данные сведения представляют несомненный интерес для исторического макаренковедения, изучения отношений братьев Макаренко - одного на родине, другого на чужбине.

Г. Х.

БЕСЕДА С ЕЛЕНОЙ МАКАРЕНКО

- Хотелось бы, чтобы Вы рассказали нам что-нибудь об А. С. Макаренко.

Е. М.: ***С удовольствием. Это был отличный человек. В России, пожалуй, нет другого педагога, интеллигента, который мог бы, как он, показать молодому поколению правильную дорогу в жизнь. Он был там такой один.***

Я вот что знаю. Мой муж, Виталий Семенович Макаренко, переписывался с братом, который сообщал ему о трудностях, связанных с работой там, своих страданиях, потому что у него были и враги. В то время, о котором идет речь, А. С. Макаренко был в колонии им. Горького - и позже у него также были враги, которые хотели исказить и погубить его работу. Он сумел их победить и показать непригодность их идей для молодого поколения.

- Как Вы вообще впервые узнали о брате Вашего мужа?

Е. М. : ***Не сразу. В 1924 году я познакомилась у моей приятельницы, Райны Прокоповой, с моим будущим мужем. Там было одно русское семейство, которое он посещал.***

- Где, в каком городе?

Е. М.: ***В Кюстендиле. Там он жил и работал с группой музыкантов. Да, мой муж - отличный скрипач. Поэтому я и влюбилась в него. Когда он играл Паганини, я была на седьмом небе... Так познакомилась с ним у моей приятельницы. Мы поведали друг другу свои мысли. Из моей исповеди он понял, что я прогрессивно настроенная учительница, но я не обвиняла его в том, что он оставил родину, волна революции просто смела***

его. Я была прогрессивно настроенной учительницей, настоящей социалисткой и дала ему понять, что он должен успокоиться, не волноваться по поводу того, что он покинул Россию, Советский Союз. Он знал, что совершил ошибку.

Мы хорошо понимали друг друга и в том же 1924 году поженились. Два года мы жили в Кюстендиле, а потом переехали вместе с музыкальной группой в Радомир. Там муж работал, а я преподавала в селе Калище под Радомиром. Потом меня уволили по статье 70 (1925 г.) в связи с покушением в церкви "Святая Неделя".

Министерство просвещения начало преследовать и увольнять прогрессивно настроенных учителей, в том числе и меня. Виталий Семенович прореагировал на мое увольнение с горячим сочувствием, посетил даже того самого инспектора, который меня оклеветал... Он же вступился за меня, но безуспешно... Меня уволили в конце учебного года. Летние каникулы не оплатили, и я страдала 3-4 месяца. Муж не ругал меня из-за этого, и несмотря на то, что он бежал из России, помог мне. Он разделял мои убеждения и мы решили уехать из Болгарии, потому что тот инспектор, который оклеветал меня, написал письмо в министерство...

- Вы вместе уехали во Францию?

Е. М.: ***Да, вместе. Нам помог его брат, потому что он хотел, чтобы мы вернулись - я как прогрессивно настроенная учительница, а он как... Он понял просто-напросто, что это было его ошибкой - покинуть родину. Мы хотели вернуться назад, но брат не советовал ему возвращаться именно в то время, когда было бурное время в СССР, и помог нам материально, т.к. денег у нас не было, меня же уволили. У него самого хватало только на жизнь, но он все же помогал нам советскими деньгами. Не знаю, как он переводил нам эти деньги. Муж очень хорошо работал с акварелью, он рисовал всевозможные картины, подушечки-думки и мы продавали их. Продали и мое домашнее хозяйство, постель, белье. В паспорте к своему имени Елена и отчеству Симеоновна я прибавила фамилию Макаренко. С его именем в паспорте для двоих мы поехали во Францию через Лом... Значит, до Лома мы ехали по железной дороге, потом пароходом... вместе с группой, в которой муж работал музыкантом. Она заключила договор на работу в городе Южине - Франция - на металлургическом заводе. Нас***

было, кажется, 12 душ, но точно я не помню, сколько там было, которые ехали от Лома пароходом.

- А куда же?

Е. М.: *По Дунаю, до какого-то города, не знаю, до какого. До какого-то в Южной Германии, После этого - в Южин. В Южине они начали работать на металлургическом заводе. Нас привезли в общежитие, за него надо было платить, поэтому я должна была искать работу... Я сама, одна русская и одна болгарка с семьями переехали в город... Вначале мы были в Фаверже, потом в Шато, где мы и жили. Я занималась шелкопрядением.*

Мужу было тяжело работать на металлургическом заводе, и он хотел, чтобы переехали в Канн: там были рабочие места в судоремонтной мастерской или что-то в этом роде... Так мы вдвоем уехали в Канн.

Там мы остались. Я стирала, гладила - физический труд, а не учительский, зато удалось продержаться. Позднее ему предложили лучшую работу в Лионе, и я вынуждена была уехать в Лион.

В Лионе я снова устроилась на работу на шелковую фабрику. А он... Я забыла, что он там делал, но что-то связанное с музыкой. Он - прекрасный скрипач, играл на скрипке в ресторане, зарабатывал деньги. Он часто брал меня на собрания, где встречались эмигранты.

В Лионе мы познакомились со многими эмигрантами. Тут и там было много залов. Во Франции часто происходили дружеские встречи эмигрантов. Я примкнула к лионским коммунистам, к лионскому содружеству. Муж никогда не запрещал мне посещать собрания, совещания, вечерники или что-то на заводе. Он всегда провожал меня туда, а после закрытия ресторана заходил и забирал меня домой.

Это была прекрасная жизнь! Как и его брат, Виталий Семенович был незаменимый человек, и наши отношения были очень хорошие.

- Переписывались ли Вы с Антоном Семеновичем?

Е. М. *: Лично я - нет.*

- А Виталий и Антон переписывались?

Е. М.: *Да, они писали друг другу регулярно и часто. Как я Вам уже сказала, он помог нам уехать во Францию.*

- А что же Вам рассказывал Виталий о брате?

Е. М.: *Только хорошее. Он переживал, когда брат писал о чем-*

то тяжелом и недобром. У него были сложности в работе, особенно в педагогике, с буйными ребятами, и неприятности с сотрудниками. Об этом Виталий мне рассказывал.

- Что он рассказывал Вам о своей семье?

Е. М.: *Его семья... У него была мать, и Антон писал, что она живет с ним. Они были из города Харькова, кажется. Некоторые вещи я уже забыла...*

- Сколько лет уже прошло с тех пор?

Е. М.: *50 лет. Это было прекрасное время! Когда мы жили в Лионе, Виталий Семенович часто водил меня в театр, брал билеты на оперу. Я стояла в очереди, а он приходил с работы, брал билеты, и мы шли на 4-ый этаж, и с 4-го балкона смотрели оперу. У нас было немного денег. Он водил меня и в кино, в ресторан. Жизнь с ним была прекрасной, и я ее никогда не забуду. Я все еще тоскую по нему.*

- А говорил ли Виталий Семенович о мировоззрении Макаренко?

Е. М.: *Мировоззрение было... советское*

.- Почему вы так думаете?

Е. М.: *Он достиг таких высот, выше, чем в царской России...*

- А что же конкретно он рассказывал? Каковы были идеи Антона Макаренко?

Е. М.: *Все, чем помогал нам Макаренко, что сделал для нас, доказывает, что его идеи были за коммунизм. И т.к. его брат уважал меня, как уволенную по ст. 70 и врага государства, уважал и помогал мне, это значит, что и он тоже был в душе коммунистом.*

- С такими убеждениями?

Е. М.: *С такими убеждениями. И потому он работал на СССР.*

- То есть?..

Е. М.: *Виталий - на Советский Союз? Он был далеко от Советского Союза. Мне то он не запретил быть коммунисткой. Мой коммунизм совпадал с коммунизмом в Советском Союзе. Итак, он не запрещал мне быть коммунисткой - значит, тоже был за Советский Союз.*

- А сожалел ли он, что сбежал из России?

Е. М.: *Сожалел об этом, потому что увидел, что рабочий класс имеет право потребовать свои права. Он понял свою ошибку, когда работал на металлургическом заводе. Это была физичес-*

кая работа, и рабочий имеет право потребовать лучшую жизнь, оплату, признания своего труда.

- Многие русские вернулись в Россию. Почему же ему не удалось вернуться?

Е. М.: *Из-за меня... потому что мы хотели... вернуться в Болгарию, если бы я могла получить работу учительницы... Дело в том, что болгарские власти меня реабилитировали, и я верила, что могу вернуться. Министерство приказом разрешило мне вернуться в то село, где я так хорошо жила, - в Калище...*

- А он рассказывал, почему он не вернулся в Советский Союз?

Е. М.: *В Советский Союз, закон... Он не пытался вернуться туда. Он хотел, чтобы мы вдвоем вернулись в Болгарию.*

- Но почему вы не вернулись вместе в Болгарию?

Е. М.: *Он мог приехать ко мне только после того, как я нашла бы работу. У меня же было чужое подданство, из-за чего власти не давали мне места учительницы.*

- Вы не были больше болгарской подданной, не так ли? А какое же у Вас было подданство?

Е. М.: *Подданство... Я надеялась на Францию... В Болгарии мы прожили, проработали с Виталием Семеновичем 2 года, а там мы прожили 8 лет, и т.к. моя фамилия была Макаренко, теперь меня воспринимали в Болгарии как иностранку и не давали места. Мы решили так: что ему делать в Советском Союзе? По характеру мы подходили друг другу. Мы очень хорошо жили, понимали друг друга и хотели провести остаток наших дней в Болгарии. Вначале я должна была устроиться. Но... по паспорту я была Елена Макаренко. Это стояло в документах, и как иностранке мне не давали работы. Тогда я посоветовалась с родственником-инспектором, а Виталий в каждом письме писал мне о своих переживаниях. У меня не сохранились все эти письма, чтобы прочесть Вам, чтобы Вы увидели, как он хотел быть со мной вместе в Болгарии. Этот инспектор дал мне совет, сказал: "Такое расстояние все равно разлучит Вас. Тебя, как иностранку, и его, как иностранца, здесь не примут. Поэтому, чтобы не голодать, самым лучшим для тебя будет отказаться от имени Макаренко и вернуть прежнее имя". Я последовала его совету, подала заявление, вернула девичью фамилию, и мне разрешили вновь работать учительницей.*

В 1934 году я вернулась... и меня, с моей хромотой, послали работать далеко, в самую бедную горную деревню. Я еще забыла сказать, что у меня была прекрасная работа во Франции, на фабриках, а потом началась безработица - le chômage, как говорят французы. Самую легкую работу отдавали своим рабочим, а мы были принуждены выполнять тяжелую.

8 лет я уже не работала учительницей, а поэтому могла потерять право работать в школе. Я подала ходатайство, меня приняли, и 4 года я училась педагогике - в Лионском университете, как Макаренко. Когда же я вернулась, я принуждена была работать в деревне, где мне было тяжело с больной ногой. Я потребовала допустить меня к конкурсу, чтобы получить место городской учительницы. С моей хромотой я не могла ходить по грязным улицам, но министерство и инспектора не разрешили мне жить в городе, т.к. я была уволена по ст. 70. И я была вынуждена до последнего работать учительницей в самых плохих деревнях. Меня послали на работу в Югославию, в деревню Ноберова Стена, одно из худших балканских сел. С больной ногой я не поехала туда, отказалась. И меня послали в село Радейду, в Болгарии.

- Были ли в Болгарии люди, которые знали Виталия Семеновича?

Е. М.: *У него были друзья, но они разъехались. И русские, и болгары знали, что я была замужем за Виталием Семеновичем. Так, здесь жил Георгий Христов, он руководил во Франции коммунистами-эмигрантами и вернулся в Болгарию вслед за мной. Я его один раз видела здесь, в Кюстендиле, потом потеряла его след. Он из Софии. Был женат. Его жена была моей хорошей подругой.*

- Кем он работал?

Е. М.: *Не помню, кем... Его жена работала со мной на фабрике, а сын позже вернулся, после меня. Фашисты бросили его в лагерь смерти, в Освенцим, где он и погиб. Других я не знаю. Это было в 1934 году, а сейчас - 1978-й.*

- В Болгарии много русских, которые после революции приехали сюда. Никто из них не знает Виталия?

Е. М.: *У меня нет сейчас связи с этими русскими. Может, кого-то и знаю, но вот добрались ли они до Кюстендила?..*

- Где жил Виталий Семенович в Болгарии до Кюстендила?

Е. М.: Он говорил мне, что они из Галлиполи добрались сюда. Кюстендил был первый город, до которого они дошли. В других городах не были.

- А в Ломе?

Е. М.: *В Ломе мы были вместе.*

- Как долго вы оставались в Ломе?

Е. М.: *До того, как сели на пароход.*

- Сколько дней?

Е. М.: *Один день, может и не день, а несколько часов. Мы ждали пароход, а потом сели на него и поехали. Здесь, в Болгарии, он не жил ни в каком другом городе, кроме Кюстендила, как он мне говорил, после того, как они приехали от Галлиполи.*

- Он был офицером? Или музыкантом в армии?

Е. М.: *Он не служил в армии. Он бежал из России студентом. Мне сказал, что он там не работал. Договорился с одним знакомым поработать с музыкой. Он - скрипач, барабанщик.*

- Что он был за студент?

Е. М.: *Вероятно, художник, потому что очень хорошо рисует, и очень хорошо играет. Он - исключительный человек.*

- А его приятели из группы музыкантов были гражданские или военные?

Е. М.: *Гражданские. Думаю, он тоже гражданский. Я не помню хорошо, но я не думаю, что они были военными. А в Радомире работали, но в какой форме, не помню.*

- У Вас есть какие-то письма от Вашего мужа?

Е. М.: *Да, они лежат у моей племянницы.*

- Все?

Е. М.: *У меня были еще и другие письма, но я не знала, что придет время, когда они мне понадобятся. Одно письмо есть у моей кумы Василки Кацаровой, одной моей знакомой. У нее дома мы регистрировались и венчались.*

- Не в церкви?

Е. М.: *Здесь в Кюстендиле, дома.*

- А в церкви?

Е. М.: *Нет, мы расписались и кума подписала. Она была очень веселой. И Виталий говорил: "Когда же я опять приеду в Болга-*

рию и подниму бокал сливовицы, чокнусь с кумой?" Они любили выпить вместе. Он очень хотел приехать сюда. И никуда больше.

- А когда Виталий Семенович стал фотографом?

Е. М.: *Когда мы были в Лионе. Физическая работа ему была очень тяжела и мы решили открыть фотоателье.*

- А как было у него со здоровьем? Физически...

Е. М.: *Физически? Он все время принимал бром, чтобы поддержать сердце.*

- Он принимал бром?

- **Е. М.:** *Да, бром. В последнем письме он писал мне о сердце, о том, что лежит в больнице, что может, наверное, умереть.*

- С какого года он страдал сердцем и поддерживал его бромом?

- **Е. М.:** *Еще когда мы женились, он принимал бром. Значит, он еще тогда был не очень здоров...*

- А в последнем письме?

Е. М.: *В последнем письме он писал, что в больнице, что тяжело болен и не знает, как он это переживет.*

Я не смела ему туда писать, т. к. меня преследовали. Мне как раз едва удалось устроиться на службу. Тогда цензура была очень строгой. Я боялась, что меня уволят и опасалась переписываться с иностранцем. Он, возможно, подумал, что в моей жизни что-то изменилось, и так мы дружески расстались.

- Были ли люди, которые устно передавали ему от Вас или Вам от него приветы, без письма?

Е. М.: *Нет. Таких знакомых не было. Мы только переписывались.*

- Он сообщал, в какой больнице?

Е. М.: Нет. Ничего об этом не сообщал.

- А откуда пришло письмо? Из Лиона или из Парижа?

Е. М.: *Из Парижа. В Париже он открыл фотоателье. У меня есть его снимки. Когда я решила вернуться в Болгарию, мы уже не жили вместе в Лионе, он остался в Париже. Я охотно еще что-то бы рассказала о русских дворянках, которые крутились вокруг него.*

- Помните ли Вы имена?

Е. М.: *Имен не помню. Он не называл. Я знаю, он сам мне говорил это, когда мы были в Канне и ходили на вечеринки в Ницце. Он брал меня в Ниццу с собой, но вечером, поэтому я не могла посмотреть Ниццу.*

- Там он познакомился с этими дворянками-русскими, которые оставили СССР, не могли терпеть этот новый строй?

Е. М.: *Однажды он назвал мне одно имя, но он не обратил на нее, видимо, внимания. Во всяком случае, я так думаю.*

- В каком году было последнее письмо?

Е. М.: *Точно не помню... Наверное, это был 1936 год, он мне долго писал, когда я уже вернулась домой...*

- Как Вы думаете, он еще жив?

Е. М.: *Из-за того, что у него плохое здоровье, я не думаю, что он еще жив, и из-за его последнего письма, где он пишет о плохом самочувствии. Не верю, что жив.*

- Он старше Вас?

Е. М.: *Мы ровесники, но он моложе брата.*

- В каком году он родился?

Е. М.: *В 1895 или 1896, должно быть в 1895 году.*

- А он писал охотно? Может что-то написал?

Е. М.: ***Нет, он не писал.***

- Воспоминания, статьи, заметки...

Е. М.: *Нет, нет. При мне у него не было времени писать, он работал. А после моего возвращения - не могу сказать, что он делал...*

Я могла бы что-то написать - о себе, о прошлом. Я не хвастаюсь, мысли у меня есть, я могла бы написать о прошлом и настоящем.

- Напишите, я отпечатаю на машинке, и мы отдадим это в Габровский музей образования. Не смущайтесь! Люди не знают, как все было, не знают минувшего, учительство тоже, какие тогда были условия, как они работали, как боролись за прогрессивные идеи. И нашему молодому поколению надо дать сведения об этом, чтобы они знали, в каких условиях они живут сейчас.

Е. М.: *Конечно, конечно. Не могу ничего на это сказать... я так мучилась в балканских селах со своей хромой ногой. Очень много страдала. Тогда не было хороших условий для работы учителей. Сейчас совсем другие условия. Я бы сейчас преподавала, особенно первоклассникам... В последнее время я очень мучаюсь головными болями. Я почти совсем оглохла...*

- Читали ли Вы что-то из книг Антона Семеновича?

Е. М.: *Книги... Я читала его автобиографию. У меня есть книжка на болгарском языке.*

- А Виталий не получал книг Антона из СССР?

Е. М.: *При мне он ничего не присылал.*

- А где Вы читали эту автобиографию, где Вы ее нашли?

Е. М.: *Это была "Педагогическая поэма"*

- Когда Вы ее читали, то вспоминали ли при этом, что Виталий рассказывал о своем брате?

Е. М. *Да, конечно. Виталий всегда рассказывал хорошее о своем брате, он готов был умереть за брата.*

- Были ли в книге такие места, которые напоминали о том, что рассказывал Вам Виталий?

Е. М.: *Да, были такие, но сейчас я уже не помню, какие. Когда я читала "Поэму", мне казалось, что Виталий со мной... Много лет прошло, а то, что между нами было, было прекрасно.*

- А как относились другие люди к Виталию?

Е. М.: *Все его уважали. У него не было врагов. Впрочем, нет... В Радомире, когда он играл в кино и на вечеринках, однажды радомирские офицеры ждали его, два брата, хотели после фильма его избить; я держала его под руку, а в другой руке у него была бутылка с вином, эти офицеры, братья, ждали его снаружи, в садике перед кино.*

- Какие офицеры - болгарские или русские?

Е. М.: *Радомирские офицеры. Они его терпеть не могли, потому что он был русским, явился откуда-то, да еще в кино играл на скрипке... Итак, они внезапно появились перед нами. "Правда ли, - спрашивают, - что ты заставлял Захария ругать Болгарию" "Нет, я никогда этого не делал" Виталий всегда говорил мне: "Следи за тем, что ты говоришь о Болгарии" "А тот старый человек напился и что он сказал, я не знаю". Но офицер продолжал утверждать, что Виталий говорил плохо о Болгарии. Виталий отрицал. Этот Захарий слишком много пил, и они, оба офицера, дали ему по пощечине. Он хотел ударить их скрипкой, но я крепко держала его руки, чтобы избежать скандала. Публика была еще там, но я не хотела звать на помощь. Парни сбежали, а он, русский человек, не мог перенести, чтобы его ударили в присутствии женщины. Он был вне себя от злости, потому что в моем присутствии получил пощечину от этих типов. Мы хотели все это дело выяснить, но офицеры замазали его. Поскольку меня пре-*

следовал окружной инспектор и из-за этой истории в саду мы уехали из Радомира.

- А много ли в Кюстендиле было русских?

Е. М.: *Была в Кюстендиле одна семья, с которой мы познакомились, и другие его приятели...*

- А были ли солдаты и офицеры, которые сбежали из России сюда, в Кюстендил?

Е. М.: *Нет, нет. Таких не было. Эмигранты собирались у Райны Прокоповой. Были ... русские там жили.*

-А не были ли это русские солдаты-эмигранты?

Е. М.: *Нет, нет, нет. Не они. Я Вам еще кое-что скажу. Виталий не очень-то встречался с русскими... Он редко приглашал русских. На Пасху или Рождество они приходили к нам - вот и все.*

- А кто возглавлял музыкальную группу?

Е. М.: *Они называли его "Капельник". Его имя я не могу Вам назвать, но его жена была русской, и у нее были отношения с буфетчиком ресторана, русским. Они любили друг друга, Капельник узнал об этом, и в кино молодой человек, буфетчик, застрелился из-за этой русской...*

- Капельник этот был ли с Вами во Франции?

Е. М.: *Да, он уехал, и жена его работала там на фабрике.*

- У вас были контакты с русскими во Франции?

Е. М.: *Нет, не было. Мы были очень заняты работой.*

- Кто был близок Вам во Франции?

Е. М.: *Болгары, две семьи. Одна из них Георгия Христова Андреева. Он очень был важен для нас, он руководил в Лионе собраниями...*

- А Вы встречались ли с другими людьми, кроме Христова?

Е. М.: *С двумя болгарскими семьями. Одна болгарка и две еще остались там. Что с ними случилось, я не знаю...*

- А помните ли Вы, где Вы жили в Лионе?

Е. М.: *В Вилльербанне, так назывался район, в общежитии.*

- Для кого общежитие?

Е. М.: *Да, для рабочих... Директор владел русским...*

- Общежитие на фабрике?

Е. М.: *На фабрике. Там были два таких громадных общежития. Также в Фаверьже жила, в Шато, в Альпийских горах - это прекрасно. Внизу в долине была фабрика, наверху в горах общежи-*

тие. Только иногда по субботам я приходила к Виталию, а иногда сюда приходил он. Шато, эти Альпы, эти воспоминания о них, я никогда не забуду, я живу с ними и провожу свою старость.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ БРАТЬЕВ МАКАРЕНКО С 1919 ГОДА

До конца 1918-19 учебного года
В. С. работал учителем в руководимом
А. С. Крюковским Высшем начальном ж.д. училище

А. С. **В.С.**

Сентябрь 1919 г. - май 1920 г.
Заведовал 2-м городским начальным училищем г. Полтавы

Август 1919 г.
Присоединился к Добровольческой (Белой) армии

Середина ноября 1919 г.
Последняя встреча братьев (г. Полтава)

Прибл. май - август 1920 г.
Руководил секцией детколоний Полтавского губсоцвоса

Сентябрь 1920 г. - июль 1928 г.
Заведовал трудколонией им. М. Горького (г. Полтава, с 1926 г. - Куряж под Харьковом)

До ноября 1920 г.
Находился с остатками Деникиских войск в Крыму

Август 1920 г.
Родилась дочь Олимпиада (г. Кременчуг)

Конец 1920 г. - середина 1923 г.
Находился в Турции (г. Галлиполи под Константинополем)

Середина 1923 г. - 1926 г.
Жил в Болгарии (г-да Лом, Кюстендил, Радомир)

Вторая половина 1923 г.
Начало переписки братьев

Октябрь 1927 г. - июнь 1935 г.
Заведовал (с 1932 г. - начальник пед. части) деткоммуной им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ (НКВД) УССР (г. Харьков)

1926 г.
Переехал во Францию. Работал на металлургическом заводе (г. Южин), в судоремонтной мастерской (г. Канн), музыкантом, фотографом (г. Лион)

Декабрь 1929 - начало 1930 г.
Конец переписки братьев

Июнь 1935 г. - март 1937 г.
Работал помощником начальника отдела трудколоний НКВД УССР (г. Киев)

С марта 1937 г.
Жил писателем в Москве

1 апреля 1939 г.
Умер на ст. Голицино под Москвой

1930 г.
Переехал в Париж

1932 г.
Продал свое фотоателье, с 1935 г. владел сувенирной мастерской

1952-1955 гг.
Жил в Кро де Кане (Приморские альпы)

1955-1961 гг.
Жил в Булоне-Беланкур под Парижем

1958 г.
Проиграл почти все состояние в Монте-Карло, после чего до смерти получал социальное пособие, жил в домах престарелых (г-да Ментон, Йер)

Весна 1962 г.
Разыскал свою дочь в Москве - начало переписки

Лето 1970 г.
Сотрудники марбургской лаборатории "Макаренко-реферат" нашли его следы и началось сотрудничество - переписка, визиты, написание воспоминаний

22 июня 1983 г.
Умер в г. Йер

КОММЕНТАРИЙ

В. С. МАКАРЕНКО.
МОЙ БРАТ АНТОН СЕМЕНОВИЧ

Впервые на русском языке воспоминания были опубликованы в серии "OPUSCULA MAKARENKIANA" № 3 (Марбург, 1985). Переизданы в журнале "Советская педагогика", 1991, №№ 6, 7.

[1] (стр. 22) Во время нашей последней встречи (июнь 1983 г.) В. С. М. рассказал составителю данной книги о том, что брат в 1906-07 гг. являлся кандидатом в партию эсеров; см. статью "Он родился и вырос в России" (стр. 207).

[2] (стр. 22) Здесь В. С. М. ошибается. В соответствии с выпиской из метрической книги Покровской церкви г. Крюкова о браке Александры С. Макаренко это событие произошло не в 1903 г., а 8-го февраля 1902 г. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1096).

[3] (стр. 23) См. также: Л. Евселевский, П. Пустовит, Крюковский вагоностроительный. Очерки истории завода. Харьков, 1967, с. 15-16: "Наступил новый 1904 год. Началась война России с Японией. [...] Администрация мастерских, прикрываясь фразами о защите отечества, усиливала эксплуатацию. День и ночь людей не выпускали из цехов. Спешно выполнялись военные заказы: переоборудовались товарные вагоны под теплушки для перевозки солдат, формировались санитарные поезда".

[4] (стр. 24) О том, что семья Макаренко после переезда в Крюков сначала жила в двух последовательно арендованных квартирах до того, как она вселилась в собственный дом, свидетельствует также и Д. М. Мякота (в сб. "Полтавці про А. С. Макаренка", Київ, 1968, с. 54). Однако Н. П. Нежинский в своей книге "А. С. Макаренко и педагогика школы" (Киев, 1976, с. 7) пишет: "Переселившись в Крюков, Семен Григорьевич Макаренко пожил некоторое время в казенной квартире барачного типа и начал строить свой домик (ныне ул. Революционеров, дом № 6, где расположен мемориальный музей А. С. Макаренко)".

[5] (стр. 25) Е. З. Балабанович в своей книге "Макаренко. Человек и писатель" (М., 1963, с. 8), на основании автобиографических высказываний А. С. М., пишет, что Татьяна Михайловна Дергачева была "дочерью николаевского солдата".

[6] (стр. 29) См. также письмо В. С. М. от 18.12.1972 г. (стр.109-110).

[7] (стр. 29) На коллоквиуме в Марбурге (4.7.1971 г.) В. С. М. в этой связи заявил: "Антон не мог поступить в университет. В Кременчуге [в реальном училище - Г. Х.] - там учили французский, немецкий язык, но не учили ни латинский, ни греческий..."

Как вспоминает В. Н. Тарасов, преподаватель истории Полтавского учительского института, А. С. М. собирался после окончания этого института изучать историю в Московском университете (Известия АПН РСФСР, вып. 38. М., 1952, с. 150). Очевидно, он полагал, что действовавшие в царской России правила приема в высшие учебные заведения будут пересмотрены после Февральской революции. Однако, распоряжением Временного правительства (циркуляр Министерства просвещения от 13.6.1917 г.) выпускникам учительских институтов предоставлялось право поступления в университете только после сдачи дополнительных экзаменов по латинскому и одному из новых языков ("Журнал мин. нар. просв.", ч. 70, 1917, отд. 1, с. 69-70).

[8] (стр. 36) Данное высказывание В. С. М. уточняет в письме от 20.8.1972 г. (стр. 106-107).

[9] (стр. 38) Это в высшей степени субъективное суждение В. С. М. Фотографии и высказывания современников говорят о том, что Е. Ф. Григорович была красивой женщиной.

[10] (стр. 41) О том же случае вспоминает и Л. Т. Степанченко; см.: "Он родился и вырос в России" (стр. 200).

[11] (стр. 41) Как выпускник педагогических курсов при Кременчугском городском училище А. С. М. получил звание учителя начальных училищ "с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства Народного Просвещения и обучения церковному пению" (см. свидетельство от 11.8.1905 г.). Получение такой дополнительной квалификации (об этом факте в советском макаренковедении упоминает только Н. А. Морозова и только в первом издании ее книги "А. С. Макаренко". Л., 1957, с. 63) было не обязательно, но, в соответствии с "правилами для специальных испытаний на звания учителя и учительниц начальных училищ" от 20.3.1896 г., давало "при прочих равных условиях преимущество перед другими при определении на места в училища".

[12] (стр. 42) Балабанович здесь цитирует из воспоминаний М. Г. Компанцева: "Затем Люботинский съезд учителей. Макаренко бегает, агитирует учителей ехать на съезд. Всех увлек, все поехали... Съезд прошел бурно: речи, воззвания, резолюции. Антон Семенович самый активный среди учителей. Возвратились домой восхищенные, воодушевленные" (с. 38-39). Однако, в советских исторических исследованиях не говорится о том, что в Люботине в декабре 1905 г. состоялся съезд учителей. Очевидно, Компанцев прибег к этому средству, чтобы объяснить поездки А. С. М. к эсеру К. Кирста, о которых сообщала Е. Ф. Григорович"; см. также: «Он родился и вырос в России» (стр. 206-207).

[13] (стр. 42) О двух народных митингах в Крюковских ж. д. мастерских с участием 6000-10000 человек сообщалось в газете "Полтавщина"; см. Балабанович, с. 37. Однако митинги состоялись в воскресенье или в праздничный день (4, 6 декабря 1905 г.).

[14] (стр. 44) Более подробно об этом инциденте во время катания на лодках В. С. М. рассказывает в письме к дочери от 10.5.1966 г. (стр. 323-324). Другая версия случившегося излагается Л. Т. Степанченко в его воспоминаниях, которые вышли в виде брошюры без разрешения на публикацию: Лавр Степанченко: "Антон Семенович Макаренко в моей жизни (воспоминания)", Кривой Рог, март 1963 г. Так как соответствующий отрывок, содержащий и портрет Виталия Семеновича, в подготовленной В. В. Кумариным к печати редакции этих воспоминаний ("Нар. образование", 1964, № 12, с. 87-90) опущен и остался практически неизвестен, то здесь он приводится полностью: "Потом мы очутились у него в доме, и я очень радушно был встречен тихой симпатичной женщиной - матерью Антона и таким же, очень похожим на нее, юношей-реалистом, младшим его братом. Виталием, кажется, его звали. Этот юноша, с несходящей с его лица улыбкой, был настолько молчалив, что за три дня моего пребывания в их семье, он сказал со мной несколько слов. С лица он мало был похож на старшего брата, только большой нос да постоянная какая-то устремленность в себя или в какое-то отдаленное будущее и роднили их. Ростом он был выше Антона, худощав, с большой шевелюрой. В семье да и со мной был вежлив, предупредителен. При мне же он чуть не погиб. Пошли мы втроем на Днепр купаться. Виталий нырнул и...

попал под купальню. Перепугавшись, заметался и ударился обо что-то головой. Это мы узнали уже потом. Словом, нет малого, и мы забеспокоились: не знаем ведь, куда он девался. Вынырнувший из-под купальни мальчуган с испугом сказал нам, что под купальней его кто-то, верно сом, толкнул. Антон нырнул под купальню и вскоре выволок оттуда брата. Он был вял, глаза закрыты. Антон положил его на живот и стал качать. Вылилось порядочное количество воды. Домой мы его привели под руки, но ни матери, ни отцу ничего не сказали" (с. 18).

[15] (стр. 48) Этот же самый вариант стихотворения А. С. М. можно обнаружить и в письме В. С. М. к дочери от 8.5.1966 г. (стр. 319), а в авторской рукописи Воспоминаний - только в первой строчке, что свидетельствует об уникальности памяти В. С. М.

[16] (стр. 50) В других случаях (беседа во Франции, июль 1970 г.; коллоквиум в Марбурге, июнь 1971 г.) В. С. М. говорил, что он дал писарю взятку.

[17] (стр. 51) О дате начала деятельности А. С. М. в Крюкове см. комментарий к переписке с марбургской лабораторией (прим. 32).

[18] (стр. 52) Это высказывание В. С. М. подтверждает Б. Ф. Горонович в рукописи своих воспоминаний о А. С. М.: "Этой сменой [власти от гетмана Сокропадского к Петлюре - Г. Х.] воспользовался Макаренко А. С. Приехал в Кременчугское индендантство (помещалось в Крюкове), рассказал о бедственном положении учеников - голые, босые, в школу не ходят, посещаемость резко уменьшилась. - Дайте для учащихся жел. дор. школы теплую одежду и обувь! Охотно согласились, не хотели добро отдавать петлюровцам и нагрузили целый вагон вещей. Вагон подошел к школе. За несколько часов ученики разгрузили вагон и поместили в один из классов (6-й) до самого потолка теплые вещи. Тут были валенки, гимнастерки, полушубки, сапоги, ботинки, шинели (русские и австрийские), теплое белье, обмотки, ремни, подошвы и другие интендантские вещи". (Архив лаборатории "Макаренко-реферат").

[19] (стр. 52) Об этом же вспоминает М. С. Милютина: "Летом и осенью 1918 года он [В. С. М. - Г. Х.] маршировал с учениками под звуки духового оркестра по главной улице Крюкова (Херсон-

ской)". (Письмо Б. Ф. Гороновича к О.В. Макаренко от 24. 8. 1978 г., архив лаборатории "Макаренко-реферат"). Пройти маршем под звуки духового оркестра по центральной улице - такой способ привлечения внимания впервые применил Виталий Семенович. А. С. М. позаимствовал его от брата и развил его, работая в колонии и коммуне (см. также прим. 18).

На коллоквиуме в Марбурге (4.7.1971 г.) В. С. М. в этой связи заявил: "У нас уже был собственный оркестр, и у нас уже, так сказать, был необходимый военный строй. Когда мы отправлялись куда-нибудь на прогулку, ученики выстраивались со знаменем, играл оркестр, Антон выходил, и я командовал "смирно", и Антон уже чувствовал себя небольшим генералом, так сказать... Не то, что было, когда он был в Киеве солдатом. Я думаю, что это была, конечно, игра, во время которой он постепенно, так сказать, входил во вкус. Все это игра. Он отдавал честь, таким образом отправлялись на прогулку". (Стенограмма коллоквиума; архив лаборатории "Макаренко-реферат").

[20] (стр. 56) Также и это свидетельство В. С. М. подтверждает Горонович. В рукописи его воспоминаний говорится по этому поводу: "Каков же был материальный эффект наших постановок? Летом 1918 г. Макаренко купил духовой оркестр, в 1919 г. - физический, химический и биологический кабинеты. Цель достигнута!"

[21] (стр. 58) См. также письмо В. С. М. от 10. 3. 1978 г. (стр. 153). О возможном влиянии бойскаутских элементов на развитие воспитательной системы Макаренко пишет западногерманский макаренковед Л. Фрезе (L. Froese, Ideengeschichtliche Triebkraefte der russischen und sowjetischen Paedagogik. Heidelberg, 1956, c. 178-179). О создании и развитии бойскаутовского движения в России - в конце 1917 г. отряды скаутов были уже организованы в 143 городах - см. И. Н. Жуков, Русский скаутизм. Пг., 1918; О. И. Пантюков, Спутник скаута, 2-е изд. Пг., 1918.

[22] (стр. 58) Организацию летом 1919 г. этой "трудовой дружины", которой в макаренковедении приписывается определенная роль в создании структуры коллектива, следует рассматривать с учетом условий того времени. В Российской империи, с начала мировой войны, проводилось движение за создание сельскохозяйственных рабочих бригад школьников, которые после моби-

лизации крестьян в армию должны были обрабатывать поля, оставшиеся невозделанными.

[23] (стр. 58) Здесь В. С. М. имеет ввиду соответствующее утверждение в заявлении брата о поступлении на учебу в московский Институт организаторов народного просвещения им. Литкенса от августа 1922 г. (Соч. 7, 399): "Приход деникинцев и разрушение ими школ и ее отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г переехать в Полтаву". В другой автобиографии А. С. пишет: "С весны 1919 г. из учеников организовал с.-х. коммуну и за это при Деникине уволен". (А. С. Макаренко. [Кн. 10]. Львов, 1978, с. 94). Однако в заявлении о приеме в ВКП(б) от 15.2.1939 г. разрушение школы и репрессии деникинцев А. С. М. не упоминает. Рукоп. Отдел ИМЛИ, ф. 114, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5). Впрочем, Крюков был захвачен деникинской армией 10. 8. 1919 г., а Полтава уже 29. 7. 1919 г.; А. С. М., таким образом, переехал из "белого" Крюкова в "белую" Полтаву.

[24] (стр. 58) В последней беседе с составителем данной книги (июнь 1983 г.) В. С. М. уточнил свое высказывание следующим образом: утром Крюков был захвачен Белой армией, и в тот же день, в полдень, Антон уехал в Полтаву - не сказав об этом ни ему, ни Карапышу.

[25] (стр. 59) В своем отзыве о рукописи книги "Мой брат Антон Семенович" (Марбург, 1985) Ф. И. Науменко пишет в связи с этим следующее: "Бывших офицеров представители органов Сов. власти, конкретно ЧК., не преследовали, не подвергали репрессиям только за то, что они б. офицеры, а за уклонение от мобилизации в Красную Армию. В 1918 г., вместо добровольной Красной гвардии, вводится обязательная воинская повинностью. С установлением Советской власти В. С. обязан был явиться в комиссариат для направления в воинскую часть Красной Армии. А он уклонился, его поэтому и разыскивали как дезертира - потенциального врага Советской власти. Он лично это избрал".

[26] (стр. 60) В одном из своих писем к О. В. М. Горонович подчеркивает, что В. С. М. решил эмигрировать только тогда, когда окончательно понял: если он останется, его расстреляют. Доказательством правильности его выбора является факт, который Горонович приводит в том же письме: товарища, с которым В. С.

переночевал в учительской, арестовали и расстреляли (письмо от 24.8.1978 г.; архив лаборатории "Макаренко-реферат").

[27] (стр. 64) См. также ответ В. С. М. на просьбу уточнить это высказывание в письме от 14. 11. 1972 г. (стр. 107).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛАБОРАТОРИИ "МАКАРЕНКО-РЕФЕРАТ" С В. С. МАКАРЕНКО

Впервые (сокращенный вариант) был опубликован на русском языке совместно с воспоминаниями В. С. Макаренко в вышеназванном марбургском издании "OPUSCULA MAKARENKIANA" № 3.

[1] (стр. 84) Здесь речь идет о записях бесед с В. С. М. во время первой встречи в г. Йер (июль 1970 г.).

[2] (стр. 85) А. С. М., "Максим Горький в моей жизни" (Соч. 7, 298).

[3] (стр. 86) Два письма бывшего ученика Крюковского высшего начального училища А. И. Лебедя к В. С. М. публикуются в приложении (стр. 329-339).

[4] (стр. 91) См. прим. 31.

[5] (стр. 91) См. также высказывание Гороновича, содержащееся в его воспоминаниях: "На одном из педсоветов [А. С.М.] оглашает свой проект связи теоретических знаний с практической, производственной деятельностью учащихся, т. е. построения политехнической школы - это на третьем месяце фактически установившейся Советской власти (тогда говорили "власти большевиков"). Он предлагает организацию "Трудовой дружины" во дворе и в саду Архангельского - отца Елизаветы Федоровны и на 2-х прилегающих к нему земельных участках".

[6] (стр. 92) Позже в воспоминаниях (см. стр. 56), а также в письме от 29. 12. 1972 (стр. 110) В. С. М. высказывается более дифференцированно по этому вопросу.

[7] (стр. 92) Горонович пишет в одном из своих писем к О. В. М.,

что В. С. М. принимал самое активное участие в спектаклях драм. кружка им. Короленко: "Виталий, как правило, играл "первую скрипку": был в главных ролях пьесы, вызывал аплодисменты зрителей". (Письмо от 30. 11.1979 г.; архив лаборатории "Макаренко-реферат").

[8] (стр. 93) Также как и В. С. М., А. И. Лебедь (в письме от 25. 4. 71 г.) отрицает существование уличных бригад в Крюкове: "Это выдумано. Такого не было". (Архив лаборатории "Макаренко-реферат").

[9] (стр. 97) О причинах прекращения переписки братьев Макаренко см.: "На разных берегах...", стр. 215-216.

[10] (стр. 98) По этому поводу см. также стр. 169, 170.

[11] стр. 98) Еще об одном фото в альбоме Лысенко/Убивовка, которое В. С. М. получил в свое время от брата, он пишет в письме от 13. 4. 1978 (см. стр. 169-171).

[12] (стр. 100) В статье Б. Волкова "Первые всходы" (Учит. газ., № 31, 13. 3.1984 г. с. 3) имя этого учителя не Сальников, а Сальник.

[13] (стр. 102) В советском макаренковедении только у Морозовой, с. 77, содержится упоминание о том, что А. С. М. не был единственным ребенком. В связи с переездом в Крюков она пишет: "1901 г. Лето. К отцу переезжает семья: жена и трое детей".

[14] (стр. 103) Л. Евселевский и П. Пустовит в книге "Крюковский вагоностроительный" (Харьков, 1967, с. 70) цитируют воспоминания Кожевникова, опубликованные 4. 11. 1927 г., возможно еще при жизни автора, в газ. "Робітник Кременчугчини".

[15] (стр. 103) Сохранился проект прошения С. Г. М. к начальнику Крюковских вагонных мастерских от 1915 г., где он приводит такие сведения о пройденной службе: "1 июня 1874 года - был принят на должность маляра Крюковских вагонных мастерских бывшей Харьк.-Никол. ж. д. 18 августа 1881 года по приглашению начальника Белопольских вагонных мастерских той же дороги - перешел на должность старшего маляра этих мастерских. 1 января 1900 года переведен на ту же должность во вновь открытые Крюковские мастерские. 1 июля 1904 года зачислен заведующим мастерских с назначением помощником механика сборного цеха,

каковую должность занимаю ныне". (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1098, л. 1).

[16] (стр. 104) Среди экспонатов музея А. С. Макаренко в Кременчуге находится небольшой шкаф (см. Путеводитель музея. Харьков, 1981, с. 15). Вероятно, имеется в виду шкаф, принадлежавший, по словам В. С. М., отцу.

[17] (стр. 105) Света Афанасьева - дочь Е. К. Загнойко, значит, не внучка А. С. М., а его внучатая племянница.

[18] (стр. 106) Позднее, в колонии им. Горького, А. С. М. отошел от этой военной традиции; о чем сообщает Л. Т. Коваль в беседе с Н. Н. Окса: "Первый руководитель оркестра колонистов Левшаков был уволен "по собственному желанию" А. С. Макаренко. Разногласия были следующего порядка. Левшаков, бывший военный дирижер, доказывал, что А. С. должен идти за оркестром, а оркестр впереди строя. Так принято в армии. А. С. Макаренко сказал, что он будет идти впереди. Дошло до небольшого скандала, в результате которого Левшаков ушел из колонии". (Письмо Н. Н. Оксы к составителю от 11. 6. 1985 г.).

[19] (стр. 107) Евселевский/Пустовит (см. прим. 14) пишут, что перевод С. Г. Макаренко в Белополье был вызван закрытием мастерских в Крюкове (с.68).

[20] (стр. 220) См. сравнение данного места из публикации выступления с оригинальной версией стенограммы в статье "Он родился и вырос в России" (стр. 203).

[21] (стр. 112) На коллоквиуме в Марбурге (4. 7. 1971 г.) В. С. М. в этой связи заявил: "Между прочим, это для Вас будет неожиданностью, я видел у Антона Библию, хотя он был неверующим человеком. Несколько раз мне приходилось присутствовать при спорах, которые он вел с попами. И всегда он выходил победителем. Антон знал Библию лучше всех попов в Крюкове".

[22] (стр. 104) В полученном марбургской лабораторией письме (1975 г.) директор музея А. С. Макаренко П. Г. Лысенко настаивает на том, что д-р Димара, "заслуженный врач республики", никогда не был украинским националистом-самостийником.

[23] (стр. 116) Вооруженное восстание большевиков в Киеве состоялось 29. -31. 10. 1917 г. См. также прим. 32.

[24] (стр. 117) Это высказывание В. С. М. подтверждается Гороновичем в рукописи его воспоминаний. В отличие от опубликованного в сб. "А. С. Макаренко й спогадах його співробітників" (Київ, 1958, с. 14-17) варианта, на который ссылается Балабанович, пьесы "На дне" и "Ревизор" здесь не упоминаются.

[25] (стр. 121) Лом-Паланка, название г. Лом до 1878 г.

[26] (стр.121) В советском макаренковедении отношения между А. С. М. и Е. Ф. Григорович вообще замалчивались. Так, при публикации воспоминаний Гороновича (см. прим. 24) было опущено следующее место: "Познакомился я с Антоном Семеновичем на квартире своего дяди (!) - священника Григоровича Дмитрия Ивановича, где он бывал, как друг дома, приблизительно в 1909-1910 годах, когда я сам был еще учеником Кременчугского Александровского реального училища (КАРУ). Антон Семенович был дружен с женой дяди Елизаветой Федоровной (по "Педагогической поэме" она именуется Екатериной Григорьевной). Она ушла от попа домой и стала его другом жизни почти на 20 лет. [Антон Семенович не венчался с ней, не записывался позже в загсе, не хотел, видимо, компрометировать себя (она и дочь попа - поповна, и жена попа - попадья). Учился я с его братом, стал бывать в их доме, познакомился с родителями". (Архив лаборатории "Макаренко-реферат").

Отдельные высказывания В. С. М. о священнике Григоровиче, а также о связи А. С. М. с его женой подтверждаются Н. К. Немец, племянницей Е. Ф. Григорович. В письме к Ф. И. Науменко она пишет, что А. С. М. часто бывал в доме священника Григоровича. Далее, по сообщению Науменко, в данном письме говорится: "Елизавета Федоровна имела хорошую лодку с романтическим названием. Я уже это название забыла. Летом, особенно по вечерам, отец Дмитрий, муж Елизаветы Федоровны, отправлялся в церковь служить вечернюю службу (моление). Это было традицией в русской православной церкви. А Е. Ф., в обществе еще совсем юного А. С., отправлялась по вечерам на Днепр, на днепровские острова. Когда разразился скандал, то свое поведение в кругу родственников Е. Ф. объясняла тем, что ее муж, священник Д. Григорович, импотент. [...] Отец Дмитрий довольно быстро смирился со своим вынужденным вдовством. Его видали провожающим каждое утро одну из сотрудниц вагонных мастер-

ских. Он и встречал ее с работы". (Письмо Ф. И. Науменко к составителю от 28. 8. 1985 г.).

Как известно, связь с Е. Ф. Григорович является и сюжетом рассказа А. С. М. В статье "Максим Горький в моей жизни" (1936 г.) по этому поводу говорится так: "В 1914 году я написал рассказ под названием "Глупый день" и послал Горькому. В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа; но попа заставляют служить молебен по случаю открытия Союза русского народа, и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность, и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением".

[27] (стр. 121) См. по этому поводу корректуру В. С. М. в письме от 13. 4. 1978 г. (стр. 154-155).

[28] (стр. 142) Это высказывание В. С. М. подтверждается Л. Т. Степанченко в его воспоминаниях "Антон Семенович Макаренко в моей жизни" (Кривой Рог, 1963): "[...] ж. д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на поезд во втором классе" (с. 20).

[29] (стр. 143) На основе того, что А. С. М. и И. А. Соколянский после выхода в свет "Педагогической поэмы" не встречались и свой материал "Две педагогических системы (Помяловский и Макаренко)" Соколянский подготовил уже после войны, можно сделать вывод о том, что идея написать его возникла у Г. С. Макаренко.

[30] (стр. 152) См. также прим. 28.

[31] (стр. 154) По всей вероятности, В. С. М. тогда же из Кременчуга получил выписку из метрической книги Покровской церкви г. Крюкова. Об этом документе (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1094) марбургской лаборатории стало известно лишь в 1981 г.

[32] (стр. 155) Два хранящиеся в архивах автобиографических документах, кажется, подтверждают высказывание В. С. М. о назначении брата уже летом 1917 г. инспектором Крюковского высшего ж. д. училища, приведенное им в письме от 25. 5. 1977 г. (стр. 148): Из "Выписки из трудового списка А. С. Макаренко с

1905-1932 г." следует, что он уже 15 июня 1917 г., т. е. в день окончания учительского института, получал назначение на эту должность (РГАЛИ, ф. 322, оп. 1, ед. хр. 47); и в анкете в связи с заявлением о приеме в партию (15. 2. 1939 г.) в рубрике "Род занятий с начала трудовой деятельности: с какого времени (м-ц, год) по какое время (м-ц, год)" А. С. М. по этому поводу написал: "IX.1917 - IX.1919" (Рукоп. отдел ИМЛИ, ф. 114, оп., 1, № 5). Однако, против всех этих высказываний говорят несколько документов, хранящихся в Центральном историческом архиве Украины в фонде "Дело управления Киевского учебного округа.

Речь идет о переписке данного учреждения с Полтавским учительским институтом. Из этих документов следует, что А. С. М., по крайней мере, с середины сентября до начала ноября 1917 г. работал учителем образцовой школы при Полтавском институте и одновременно выполнял обязанности письмоводителя института (ЦГИА Укр., ф. 707, оп. 299, д. 6, лл. 6, 7, 9-11, 67, 110, 164, 175; оп. 311, д. 6, л. 3).

[33] (стр. 160) Позднее удалось познакомиться с документом, в который включена дата этого события. Речь идет о процитированном выше проекте прошения С. Г. М. от 1915 г. (см. прим. 15). Там говорится: "26 апреля 1910 года я был Высочайше пожалован званием личного почетного гражданина".

[34] (стр. 161) Как свидетельствует О. В. М., Жоржик погиб в 1920 г. во время обстрела Кременчуга.

[35] (стр. 167) В противовес этому бывший колонист И. Г. Колос в письме к Ф. И. Науменко от 29. 9.1983 г. сообщает: "А. С. Макаренко владел в одинаковой степени как русским, так и украинским языками. Но в разговорной речи в основном пользовался русским языком, вкрапляя в свою речь меткие украинские словечки и выражения. В обращении с крестьянами пользовался в основном украинским языком, но включал и русские слова. Будучи по национальности украинцем и живя среди украинцев, и будучи образованным человеком, Антон Семенович обладал не только народной обычной речью, но обладал хорошо литературным украинским языком. Речь Антона Семеновича была ближе к языку таких украинских писателей, как Котляревский, Гребенка, Квитка-Основьяненко, Коцюбинский, но дальше от языка Ивана

Франко". (Архив лаборатории "Макаренко-реферат"). Однако официальные бумаги, которые А. С. М., будучи заведующим колонией им. Горького, писал в 1924-1925 гг. на украинском языке, как это требовало его руководство в Наркомпросе Украины, говорят о том, что он владел этим языком не в совершенстве; см.: Страдания "украинизированного" завкола. Деловые письма А. С. Макаренко на украинском языке (1924-1925 гг.). Издатель: Г. Хиллиг. Марбург, 1996.

[36] (стр. 170) Речь идет о фотографии братьев Макаренко, помещенной в начале этой книги.

[37] (стр. 175) К сожалению, до сих пор не удалось получить документальное подтверждение перечисленных здесь событий (последнее ранение и награждение орденом Св. Владимира 4 ст. - см. письмо от 17.12.1970 г., стр. 89). Единственный официальный документ о военной службе В. С. М., сохранившийся в Центральном Государственном Военном Архиве (фонд 409, оп. 1. Послужной список № 59-362 (1916) - "Полный послужной список 407 пехотного Саранского полка прапорщика Макаренко" был составлен 30 июля 1916 года - ранее отмеченных в письме событий.

В конце документа отмечается: "Приказом по 102 пехотной дивизии 1916 г. № 106 назначен в 407 полк. Прибыл в полк, в действующую армию, зачислен в списки полка и назначен временно командующим "2" ротой ..... 1916 г. июня 5 дня. Принял роту ..... 1916 г. июня 5.

При наступлении 28 июня 1916 г. ранен и эвакуирован 1916 г. 28 июня.

Участвовал в боях и походе против Германии и Австро-Венгрии с июня 1916 г."

[38] (стр. 178) В личном архиве А. С. М. находится уже цитированный выше (см. прим. 15) проект прошения Г. С. М. об увольнении его "из занимаемой должности, по болезни". Документ написан рукой А. С. М., но точная дата не проставлена и отцом не подписан. Из этого можно заключить, что прошение не направили по назначению.

[39] (стр. 179) Здесь В. С. М. ошибается. Как можно заключить из письма А. С. М. к А. П. Сугак от 24. 3. 1923 г. (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 285), а также из письма А. И. Лебедя к В. С. М. от 12. 7. 1949 г. (см. примечание, стр. 333), у Сугаков были дети.

Г. Хиллиг
ОН РОДИЛСЯ И ВЫРОС В РОССИИ

Впервые опубликовано (на нем. и рус. яз.) в серии "Opuscula Makarenkiana" (№ 8), Марбург, 1987.

[1](стр. 190) Данный доклад был прочтен 2 мая 1986 г. на 2-ом Марбургском совещании, посвященном актуальным направлениям макаренковедения.

[2](стр. 191) Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма. (Редактор и автор комментариев: Г. Хиллиг). Марбург. 1985.

[3](стр. 192) Makarenko-Materialien III. Quellen zur Biographie des jungen Makarenko (1888-1920). Marburg, 1973.

[4](стр. 192) Makarenko V.S. Anton S. Makarenko nelle memorie del fratello. Roma, 1977.

[5](стр. 194) ж. "Rädagogische Rundschau". 1974, № 1, с. 73-79.

[6](стр. 195) Pecha L. Biografickê cinitele formování tvorivē pedagogickē osobnosti (s použitím analýzy osobnosti A.S. Mkarenka). Praha, 1985, c. 12.

[7](стр. 199) Точные указания источников следующих примеров см. в комментариях к воспоминаниям В. С. Макаренко и переписке марбургской лаборатории с ним.

[8](стр. 206) А. С. Макаренко в Харькове. Харьков, 1983, с. 5.

[9] (стр. 207) Hildermeier V. Die sozialrevolutionäre Partei Rublands. Köln, 1978, с. 309.

[10](стр. 208) Ахматова А. Реквием. 1935-1940. - "Октябрь". 1987, № 3, с. 130.

Г. Хиллиг
НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ...

Переработанный вариант доклада на макаренковедческой конференции в Нижнем Новгороде (март 1992 г.). Публикуется впервые.

[1] (стр. 212) Педагогично-мемориальный музей А. С. Макаренко, Кременчуг, №№ 2167, 2168.

[2] (стр. 212) Макаренко А. С. Педагогические сочинения в 8-и томах. М., 1983-96. Т. 1, 1983, с. 78.

[3] (стр. 212) Там же, с. 176.

[4] (стр. 213) См.: Макаренко А. С. Педагогические сочинения. Т. 4, 1984, с. 38-39.

[5] (стр. 213) Там же, с. 381.

[6] (стр. 213) Ж. "Revue de Moscou". 1937, № 9, с. 26.

[7] (стр. 213) Газ. "Le Journal de Moscou". 1938, 11/X, с. 4

[8] (стр. 214) Газ. "Le Journal de Moscou". 1934, № 11, 14/VII, с. 4 (A. Dmitrieff)

[9] (стр. 215) РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 79.

[10] (стр. 215) "Ты научила меня плакать...". Переписка А. С. Макаренко с женой (1927-1939). В двух томах. Сост.: Г. Хиллиг, С. Невская. Т. 2. М., 1995, с. 20

[11] (стр. 216) См.: Дополнительные штрихи к портрету А. С. Макаренко. Марбург, 1989, с. LII.

[12] (стр. 216) РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 6, л. 3.

[13] (стр. 216) Балабанович Е. Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель. М., 1963, с. 208-209.

[14] (стр. 217) "Ты научила меня плакать... Т. 2, с. 158.

[15] (стр. 217) РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед.хр. 350.

[16] (стр. 217) Институт Мировой литературы им. А. М. Горького. Рукописный отдел, 114-1-5, л. 3.

[17] (стр. 218) РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 607, л. 1.

[18] (стр. 219) Газ. "Известия ЦИК". 1933, № 213, 29.8., с. 1.

[19] (стр. 220) Herriot E. Orient. Paris, 1934, с. 176-177.

[20] (стр. 222) Гос. архив Харьковской области, П-58-1-18, л. 14.

[21] (стр. 222) Там же.

В. Кумарин
КТО КОГО ОБОКРАЛ?

Впервые опубликовано в газ. "Педагогический вестник", 1991 г., №27 (45), сентябрь, с. 2.

Г. Хиллиг
ЭТО НЕ КОРРЕКТНО, ПРОФЕССОР КУМАРИН!

Впервые опубликовано (в сильно сокращенном виде) в газ. "Педагогический вестник", 1992 г., № 9, с. 2; полный текст - совместно со статьей В. В. Кумарина - включен в сборник "25 лет лаборатории "Макаренко-реферат" (Марбург, 1993), с. 235-247.

ПИСЬМА В. С. МАКАРЕНКО ДОЧЕРИ — ОЛИМПИАДЕ

Первая опубликация. Здесь приведены все письма, полученные О. В. Макаренко от отца.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверченко А. Т. 32
Авраменко 13, 102
Авраменко Н. (Коля) 13
Агафонов 166
Александр II 150
Алексеев М. В. 137
Алесин А. М. 5
Аллилуева С. И. 136
Альфредова Е. 338-339
Амшенников И. П. 105
Андреев 17
Андреев Л. Н. 32, 94, 95, 101, 122, 143
Андронников И. 224
Антонов 52
Архангельская 184
Архангельская (Сагредо) З. П. 39, 94, 107, 119, 121, 150, 169, 174
Архангельский Г. 58 170
Архангельский Ф. 15, 91, 184, 361
Арцыбашев М. П. 32, 143
Афанасьев А. Н. 164
Афанасьев Л. 239
Афанасьев М. 28
Афанасьева Е. К. 176, 261
Афанасьева С. 105, 365
Ахматова А. А. 207, 368
Ахшарумов Д. В. 17

Бакай Н. 337
Балабанович Е. З. 28, 41, 61, 90, 91, 93, 116, 117, 143, 200, 203, 207, 216, 236, 281, 306, 308, 326, 355, 357, 364, 369
Бальмонт К. Д. 32
Барбюс (Barbusse) А. 98
Бардачевский 29, 174
Бардо (Bardot) В. 267
Бартницкий В. И. 102, 103, 126, 172
Баттистини (Battistini) М. 17
Бахмет Т. И. 5
Безрук К. М. (Ксения) 23, 63, 91, 95, 96, 115, 167-169, 174, 183, 266, 333
Белодед М. К. 100, 101, 102
Беллерате (Bellerate) Б. М. 192, 368
Бетховен (Beethoven) Л. 278
Берия Л. Т. 129
Благовещенская 94
Бланд (Bland 218
Блинова 338
Блок А. А. 32
Блюм 155
Богданов 174-175
Богданович 112, 119, 120, 121
Богуславский 149
Бойко 337
Бойко И. (Ваня) 333, 337
Бойчева В. 339
Борисов Ф. 71
Борискина К. 73
Бриллиантов П. Н. 160, 247, 337
Бриллиантов С. П. (Сергей) 235, 239, 254, 257, 260, 313, 320, 321
Бриллиантов С. П. (Степан) 29, 174, 237, 257, 260, 321
Бриллиантова (Макаренко) А. П. (Галочка) 5, 160, 234, 235, 236, 238, 239, 242, 244, 248, 249, 250, 257, 258, 259, 260, 277, 306-307, 313, 332, 337
Бриллиантова О. (Олимпиада) 247, 257
Брюсов В. Я. 32
Бубенко Н. 332
Будберг М. И. 163
Бунин И. А. 89, 254
Бьернсон (Bjornson) Б. 25, 87, 143

Вагнер (Wagner) Р. 182
Вайнингер (Weininger) О. 31, 88
Вайтц (Weitz) 3, 82, 190, 222, 226
Вареник 338
Василенко 60
Васильев А. С. (Антон) 25, 124, 134, 225, 241, 242, 243, 244, 245, 252, 253, 254, 263, 265, 268, 270, 278, 285, 312, 314, 317, 322, 324, 326, 327, 328
Васильев С. 225, 236, 247, 254, 260, 262, 280, 295, 297
Васильева Е. С. (Катя) 25, 124, 225, 241, 142, 143, 244, 245, 253, 261, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275, 277, 278, 282, 285, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 297, 298, 299,300, 301, 303, 304, 312, 314, 315, 318, 324, 325, 326, 327
Ващенко Г. Г. 161
Ведмицкий А. Н. 100
Вересаев В. В. 32, 89, 143
Верхарн (Verhaeren) Э. 95
Весич В. Я. 161
Вигдорова Ф. 236
Вилькицкий А. И. 146
Виноградова М. Д. 209
Волков 159
Волков Б. В. 173, 197, 362
Вормсер-Миго (Wormser-Migot) 190
Гаврилов 25, 26
Гаврилов П. (Петр) 25, 26-27
Гаврилова А. (Анюта) 25, 26
Гаврилова (Дергачева) Е. М. (Дуня) 25, 26
Гамаль 169, 171, 239
Гамсун (Hansun) К. 31, 32, 44, 87, 93-94, 95, 122, 143, 182, 323
Гапон А. 333
Гарсия (Garcia) Х. 332
Гартманн (Ctartmann) Э. 82
Гасилов Г. В. 227
Гауптман (Hauptmann) Г. 32, 87, 95, 182
Гегель (Hegel) Г. 182
Гиппиус З. Н. 32, 254
Глазунов А. К. 17
Глинка М. И. 103, 172
Гмурман В. Е. 163, 213, 214, 339
Говоров 43, 111, 114
Гоголь Н. В. 55, 56, 92, 117, 118, 148, 200
Голобородько 43, 111, 114, 121
Голобородько Н. (Нина) 107, 114, 121, 174
Гончаренко П. 167
Гончаров И. А. 164
Горбунов И. Ф. 55
Гордин Л. Ю. 209
Городецкий С. М. 32
Горонович Б. Ф. (Борис) 15, 29, 55, 95, 96, 100, 114, 118, 120, 174, 183, 200-201, 237, 239, 241, 243, 244, 258, 266, 268, 275, 281, 358, 359, 360, 361, 364
Горький А. М. 31, 32, 67, 89, 97, 98, 117, 119, 122, 125, 127, 162-163, 200, 365
Гребенка Е. П. 366
Гржебин 163
Грибова 332
Грибоедов А. С. 55
Григ (Grieg) Э. 17
Григорович А. И. 112, 120, 174
Григорович Д. В. 164
Григорович Д. И. 34, 35, 36, 37, 39, 51, 101, 112, 116, 119, 120, 121, 174, 202, 364-365
Григорович (Архангельская) Е. Ф. 15, 36, 37, 38, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 61, 65, 87, 89, 91, 94, 101, 105, 106, 107, 112, 114, 120, 127, 129,

138, 161, 169, 170, 173, 175, 184, 201-202, 204, 205, 206, 235, 244, 258, 261, 262, 266, 268, 271, 276, 323, 324, 356, 357, 361, 364-365
Григорьев Г. 52, 148
Грушевский М. С. 31, 87
Губерман (Hubermann) Б. 17
Гуков И. 106
Гусев 15, 44
Гюго (Hugo) В. 125

Данилевский Г. П. 25
Данильченко 332
д'Аннунцио (d'Annunzio) Г. 32, 87
Деникин А. И. 360
Депутатова Е. И. (Катя) 40, 85, 181, 182
Дергачев М. (Михаил) 15, 25
Дергачев С. М. (Сергей) 25-26
Дзюба 114, 121, 137
Диденко 51, 111, 115, 161
Диккенс (Dickens) Ч. 124, 125
Димара (Дымарь) М. В. 15, 43, 111, 114, 142, 162, 166-167, 173, 174, 363
Дмитриев (Dmitrieff) А. 369
Доненко М. Н. 100
Дружинин Д. И. 103, 126, 171, 172
Дудаков 104
Дурунчи 131
Дягилев С. П. 32

Евреинов Н. Н. 254
Евселевский Л. И. 355, 362, 363
Ежов Н. Е. 129, 207
Еремин Ф. Я. 100
Есенин С. А. 238

Жуков И. Н. 359

Загнойко Б. К. (Борис) 25, 271
Загнойко (Афанасьева) Е. К. (Леля) 25, 30, 174, 235, 240, 244, 258, 260, 261, 171, 328, 363
Загнойко К. (Косьма) 25, 26, 63, 174, 271
Загнойко Т. К. (Тася) 25, 30, 235, 240, 244, 258, 260, 261, 262, 266, 268, 270, 271, 276, 278, 281, 288, 294, 295, 298, 304, 308, 314, 325, 326, 327, 328
Загребельный 28
Залкинд 112
Затонский В. П. 219
Захарий 349
Зеленина Р. (Раиса) 33
Зимин В. 29
Зюнкель (Sunkel) В. 193-194

Ибсен (Ibsen) Г. 32? 87? 95? 143
Иванов И. (Ваня) 333
Иванов И. В. 100
Иванов П. А. 100

Казачек 42
Калабалин С. А. 217
Кант (Kant) И. 182
Карамзин И. М. 165
Карапыш П. И. 51, 54, 61, 63, 93, 95, 96, 110, 111, 115, 118, 152, 161, 174, 179, 217, 333, 360
Карбоненко К. Ф. 39, 45, 172, 178
Каутский (Kautsky) К. 88
Кацарова В. 346
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 365-366
Келембет Ф. Г. 100
Келлерман (Kellermann) Б. 32, 87, 166
Кемов Н. В. 51, 59, 125, 127, 161, 174
Кикис А. 29
Кикис Р. 29

Кирста К. 206, 357
Киселев Н. С. 110, 117, 118, 119, 121
Кислова Н. Е. 100, 174
Ключевский В. Г. 31, 32, 87, 109, 165
Ковалев 160
Ковалева П.С. см. Миронова П. С.
Коваль Л. Т. 363
Кожевников Н. А. 57, 92, 103, 105, 126, 159, 172, 179, 333
Коломийцев В. И. 96, 216
Колос И. Г. 366
Компанцев М. Г. 15, 34, 39, 40, 42, 45, 85, 94, 111, 113, 169, 172, 173, 178, 180, 181, 182, 204, 206, 207, 208, 337, 357
Компанцева Л. М. (Люда) 40, 113, 181, 182
Кондратенко М. (Мирон) 112, 116, 119
Конисевич Л. В. 227
Коновалов В. В. 100
Кононенко 118, 119, 122, 179, 181
Коньковая А. 338
Коньковая Е. 338
Коньковый 338
Кораблев С. 222
Кораблева Т. Ф. 222
Корнилов Л. Г. 136, 137
Коробова Т. (Таня) 34, 51, 54, 111, 115
Короленко В. Г. 25, 164, 165
Костелянец В. О. 326
Костецкая В. Я. (Вера) 5, 38, 47, 49, 61, 111, 114-115, 174, 175, 184, 204, 205
Костецкая Е. Я. (Котуся) 5, 33, 38, 47, 48, 49, 61, 111, 114-115, 174, 184, 319
Костомаров Н. И. 31, 165
Костюченко А. В. 174
Костюченко А. П. (Шура) 330, 338
Костюченко Л. П. (Леля) 127
Костюченко П. П. 125, 126-127, 171, 172, 330
Котлов И. Ф. 101
Котляревский И. П. 366
Котт (Cott) П. 219
Коцюбинский М. М. 365
Кравченко В. 329, 334
Краснов П. 103, 114, 117, 125, 127
Криворотченко 333
Кроль 112, 149
Крылов В. 51, 53, 59, 63, 105, 106, 111, 113, 115
Крючков П. П. 163
Кубелик (Kubelik) Я. 17
Кудреватый С. (Степан) 49, 130, 135, 137, 174
Кумарин В. В. 158, 195-197, 222-232, 357
Куприн А. И. 25, 32
Куропаткин А. Н. 23
Кутузов М. И. 265

Лабинский 18
Лавров 337
Лагерлеф (Lagerloff) 25, 87
Ладыжников И. П. 163
Лановенко М. Л. 100
Лебедева Т. Л. 215
Лебедь А. И. 86, 88, 90, 118, 125, 129, 202, 244, 329-339, 362
Лебедь (Погорелова) О. Ф. 333, 339
Левда А. М. 100
Левин Б. 129
Левшаков В. Т. 363
Лезин (Lezine) И. 190
Лемешко С. М. 100
Ленин В. И. 86, 142
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 218
Лермонтов М. Ю. 224
Лещина-Мартыненко 103
Лобов Т. 40
Лондон (London) Д. 32
Лосев 15, 17
Лукин Ю. Б. 171
Лысенко

(Лисенко) П. Г. 97, 106, 157, 362, 363
Мазас (Mazas) Ж. Ф. 103, 173
Макаренко (Загнойко) А. С. (Саша) 9, 10, 12, 13, 22, 25, 29, 30, 106-107, 108, 123, 124, 154, 157, 162, 235, 240, 258, 261, 271, 337, 355
Макаренко Г. (Григорий) 24, 25
Макаренко Г. В. (Жоржик) 25, 160, 161, 237, 271, 366
Макаренко Г. С. см. Салько Г. С.
Макаренко (Витанова) Е. С. (Елена) 339-351
Макаренко Н. С. (Наташа) 9, 12, 25, 292
Макаренко О. В. (Олимпиада) 25, 124, 183, 193, 218, 225, 231, 233-238, 337, 339, 359, 360, 361, 366
Макаренко С. Г. (отец) 9, 10, 14, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 28, 29, 30, 32, 34, 36, 37, 38-39, 44, 47, 102, 104, 107, 108, 109, 110, 123, 124, 132, 133, 135, 138, 140, 159, 160, 162, 166, 167, 170, 171, 172, 180, 181, 184, 237, 271, 312, 313, 343, 355, 358, 362, 363, 366
Макаренко С. С. (Серафима) 9, 25
Макаренко (Дергачева) Т. М. (мать) 5, 9, 10, 11, 12, 25, 26, 29, 30, 31, 33, 37, 44, 63, 65, 123, 124, 126, 132, 137, 167, 181, 237, 253, 260, 313, 332, 333, 355, 358
Малахов К. 129, 136
Маркс (Marx) К. 88, 136, 142
Медынский Е. Н. 106
Мельницкая Л. 338
Мельницкий 338
Мережковский Д. С. 32, 254
Метерлинк (Maeterlinck) М. 32, 87, 94, 95
Милеева О. 5
Милюков П. Н. 31
Милютин 338
Милютина М. С. 100, 200, 358
Миргородский Х. И. 100
Миронов М. С. (Миша) 20, 43
Миронов П. С. (Пантюша) 20, 21, 338
Миронов С. 15, 18, 20, 32, 160, 338
Миронова (Ковалева) П. С. (Поля) 18, 20, 33, 34, 95, 157, 160, 161
Митрофан см. Фитилев М.
Мопассан (Moupassant) Г. 25
Морган (Morgan) Д. П. 304
Морис (Maurice) 272
Мороз А. В. 100
Морозов С. Т. 163
Морозова Н. А. 93, 326, 356, 362
Моцарт (Mozart) В. А. 17, 278
Муйжель В. В. 164
Мусоргский М. П. 182
Муха 10, 12
Мякота Д. М. 100, 105, 355

Набатова С. 339
Найда (Чернышева, Иринеева) Н. П. (Наташа) 15, 22, 23, 33, 39, 43, 60, 89, 93, 98, 100, 102, 118, 119, 150, 337
Найденов С. А. 32
Нарынский 116
Науменко Ф. И. 198, 206, 360, 364-365, 366
Начевная М. 100

Небригайлов 338
Невская С. С. 5, 214, 369
Нежинский (Ніжинський) Н. П. 98, 111, 126, 155, 355
Некрасов В. 166
Немец Н. К. 364
Нефедов 337
Нефедова 338
Никитченко 46
Никитченко Ф. (Феня) 33, 43, 184
Николаенко М. П. 64
Ницше (Nietzsche) Ф. 31, 88, 109

Образцова Л. В. 5
Окса Н. Н. 206, 363
Опрышко В. Д. 100
Ордельян 338
Орленев П. П. 17
Орлов Г. В. 15, 33, 38, 39, 94, 111, 113, 337
Островский А. Н. 117

Павлова А. П. 17
Паганини (Paganini) Н. 340
Пакаместов 338
Пантюков О. И. 359
Паренко 179
Переверзева 127
Петлюра С. В. 166, 358
Петр I 142
Петров Н. В. 69
Пеха (Pecha) Л. 194, 204, 217, 225, 230, 368
Пешков М. А. 162-163
Пилипенко 333
Пинчук 335
Платон (Plato) 88
Платонов С. Ф. 31, 87, 165
Плеханов Г. В. 88
Погорелов Ф. 333
Подпряжов Г. 332
Покаместов Л. 333
Покотилов И. (Ваня) 333
Поляков 28
Помяловский Н. Г. 125, 128, 143, 365
Попова Н. (Нина) 118, 119, 120, 121, 150
Попова Ю. (Юлия) 34, 51, 111, 115, 118, 120, 121, 150, 174
Поповиченко В. И. 51, 94-95, 161, 174
Поповиченко Н. Т. 94
Потапенко И. Н. 164
Примак Д. 40-41
Прокопова Р. 340-350
Проценко В. 101
Пустовит П. Н. 263, 355, 362
Пушенко 179
Пушкин А. С. 319
Пшибышевский (Przybyszewski) С. 142, 143

Радовольский Р. Р. 69
Рашев П. В. 39, 42, 111, 113
Ренан (Renan) Э. 31
Ренненкампф П. К. 23
Робная Ф. 337
Ровный 112, 119
Родионов (ж. д. кондуктор) 166
Родионов (столяр) 28
Родионов (соученик В. С. М.) 28
Роднионова О. М. 337
Родве 338
Родкин 112
Рокфеллер (Rockefeller) Д. Д. 304
Рощин М. М. 328
Ростан (Rostand) Э. 32, 87, 95
Рюрик 102

Савченко Х. Д. 162
Сагредо Л. П. 95, 107, 121
Салиас де Турнемир Е. А. 164
Салько (Макаренко) Г. С. 89, 124, 163, 183, 184, 211, 214, 215, 216, 220, 221, 223, 224, 228, 229, 235, 237, 242, 247, 251, 254, 260, 262-263, 264, 266, 271, 295, 365
Сальник (Сальников) К. М. 100, 362
Самойло В. Ф. 100
Самохин 181
Сапулов (Сапуленко?) 25, 27
Сапулов (Сапуленко?) А. (Александр) 25, 27
Сапулов (Сапуленко?) В. (Вася) 25, 27

Сапулов (Сапуленко?) (Дергачева) П. М. (Поля) 25, 27, 98
Сенкевич (Sienkiewicz) Г. 208
Серафимович А. С. 32
Сервантес (Servantes) М. 25, 264
Сивенову П. 5
Скавинский В. 28
Скавинский Н. 28
Скальковский 12, 18, 102
Скиталец С. Г. 32
Скоропадский П. П. 358
Слепухиный 338
Случановский К. 28
Согредо К. 100
Соколов (врач) 43, 112, 114
Соколов (соученик А. С. М.) 112, 114
Сокологородский 112, 119, 120
Соколянский И. А. 143, 365
Солженицын А. И. 99, 141
Соловцов Н. Н. 55, 56, 92
Соловьев В. С. 31
Соловьев С. М. 87, 165
Сологуб Ф. К. 32
Сосновская Е. Г. (Катя) 33, 38, 39, 43, 63, 105, 107, 111, 113, 121, 150, 174, 184
Сталин И. В. 136, 141, 163, 330, 331, 334, 336
Станюкович К. М. 339
Степан см. Кудреватый С.
Степанченко Л. Т. 197, 199, 200, 229, 356, 357, 365
Стессель А. М. 23
Стефанов Я. С. 100
Стреляный 330
Стриндберг (Strindberg) А. 32, 56, 87, 92, 118
Сугак А. П. (Антонина) 15, 43, 51, 111, 114, 115, 150, 174, 177, 178, 179, 180, 255, 333, 367
Сугак В. (Виктор) 43, 111, 114, 115, 118, 119, 178, 179
Сулятицкий 112, 119, 120
Супоневая Л. 338
Супоневый 338
Сургучев И. Д. 32, 56, 92, 254
Тагрина 171
Тарасов В. Н. 356
Татаринов Т. Д. 73
Татарули 338
Тер-Гевондян А. Г. 203
Теффи Н. А. 32, 254
Тимченко 127
Ткаченко П. М. 100, 105
Толстой А. Н. 55, 56, 92, 110, 118
Толстой Л. Н. 63, 133, 162
Толчинский 156
Трофим 13
Тумаев В. И. 5
Тургенев И. С. 95
Тяги 159

Уайльд (Wilde) О. 32
Убийвовк И. С. 97, 106, 157, 362
Удовицкий 239
Успенский Н. В. 164

Фере Н. Э. 107, 227
Филатов М. А. 29, 100, 114
Финк В. Г. 219
Фитилев (Фитилов) М. (Митрофан) 49, 98, 119, 121, 174, 184
Фомин В. (Вася) 112, 119, 125, 156, 333, 337
Фомина И. 88, 337
Фофанов К. М. 32
Франко И. Я. 367
Франс (France) А. 32, 87
Фрезе (Froese) Л. 359
Фролов А. А. 197-198, 209, 213

Хильдермайер (Hildermeier) М. 368
Химченко 15, 43, 111, 114, 162
Хохелько Л. 5
Христов Г. 345

Цалов (Салов?) 21, 112, 196, 197, 207
Цимбал И. Ф. 100
Цыбулько Л. Ф. 208

Чайковский П. И. 103, 173
Чакаров Н.
Чернов А. 239
Чернышев В. И. (Вася) 28, 43, 102, 119, 120, 337

Чернышев И. 15, 119, 166
Чернышев И. И. (Ваня) 43, 100, 101, 102, 103, 119, 129, 155, 337
Чернышев К. И. (Костя) 102, 119, 337
Чернышев Ф. И. (Федя) 119
Чернышева 101, 120
Чернышева Н. И. (Надя) 119
Чернышевский Н. Г. 144
Черпов 332
Черпова А. (Нюся) 332
Чехов А. П. 25, 55, 56, 89, 92, 113, 115, 117, 118, 119
Чириков Е. Н. 32, 89, 143
Чубаров Л. А. 193

Шаляпин Ф. И. 17
Шевченко Т. Г. 166
Шеллер (Михайлов) А. К. 164
Шильдер Н. К. 31
Ширяев В. А. 5
Шкапенко (ж. д. кондуктор) 28, 166
Шкапенко (соученик В. С. М.) 28
Шнитцлер (Schnitzler) А. 87, 95, 143
Шопен (Chopin) Ф. 275
Шопенгауэр (Schopenhauer) А. 31, 88, 109
Штевель 166
Шуберт (Schubert) Ф. 278
Шуман (Schumann) Р. 17

Эйзенштейн С. М. 171
Энгельс (Engels) Ф. 88, 142
Эррио (Herriot) Э. 219-220, 369

Юрченко 112, 121

Ягода Г. Г. 163
Ясинский И. И. 164

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

В. С. Макаренко
Мой брат Антон Семенович. Воспоминания 7

На родине и на чужбине. Фотоочерк 64

Из переписки лаборатории "Макаренко-реферат"
с В. С. Макаренко (1970-1982 гг.) 83

Места пребывания В. С. Макаренко на чужбине 186

Материалы, размышления, полемика 187

Г. Хиллиг
Он родился и вырос в России 188

Г. Хиллиг
На разных берегах... О том, как братья Макаренко в 30-х годах
пытались восстановить контакт друг с другом 210

В. Кумарин
Кто кого обокрал? 222

Г. Хиллиг
Это не корректно, профессор Кумарин! 225

Письма В. С. Макаренко дочери - Олимпиаде (1962-1975 гг.) 233

Приложение 1
Сведения А. И. Лебедя 329

Приложение 2
Сведения Е. С. Макаренко 339

Летопись жизни братьев Макаренко с 1919 года 352

Комментарий 354

Указатель имен 371

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ...
Судьба братьев Макаренко

Издательский центр «Витязь»
125047, 3-я Тверская-Ямская, д. 5
тел.: (095) 251-3073, 251-8685, 251-8691

Сдано в набор 30.01.97. Подписано к печати 12.02.98.
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 26,2. Усл.печ.л. 24.